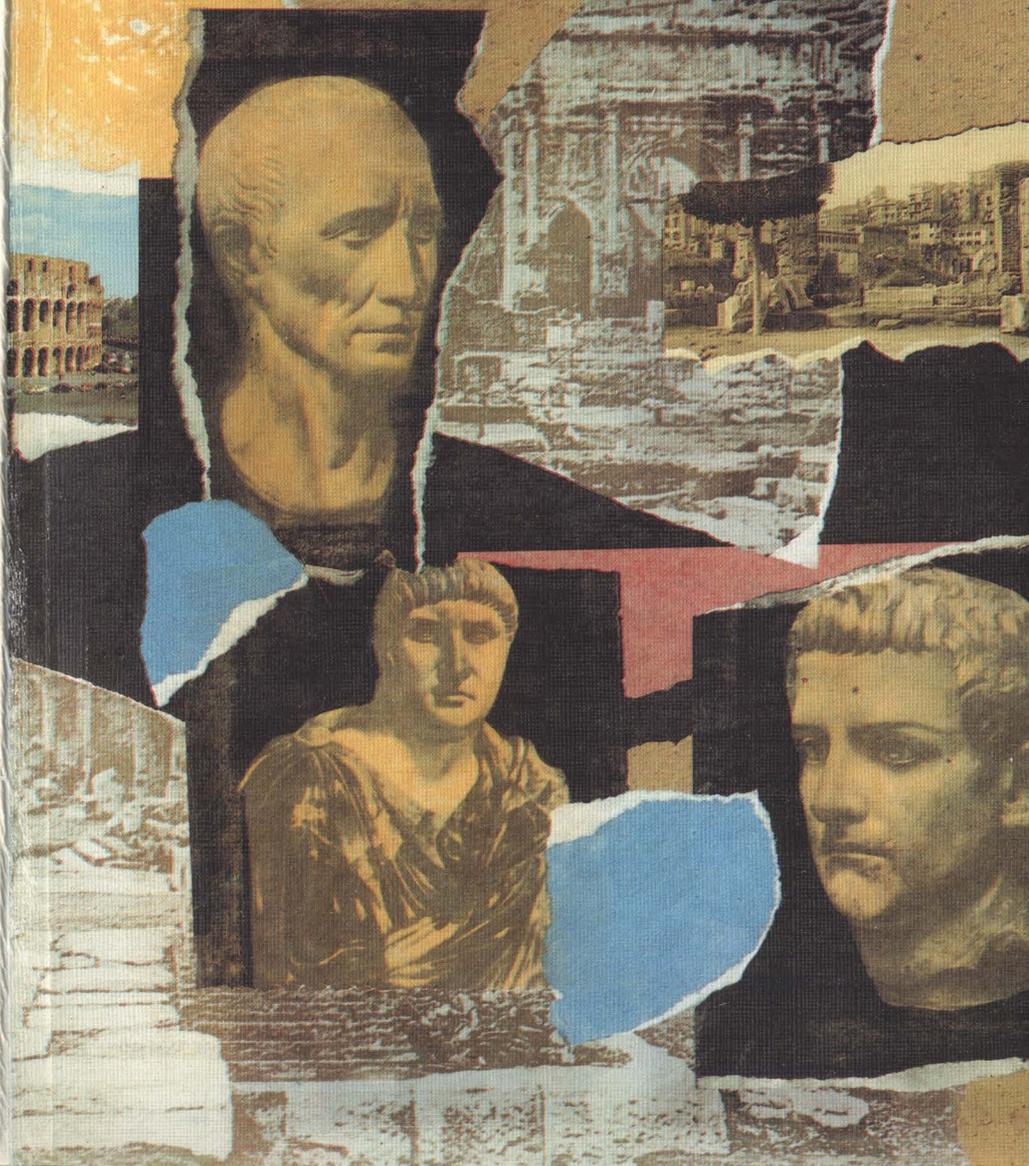

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ

ЖИЗНЬ
ДВЕНАДЦАТИ
ЦЕЗАРЕЙ

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ
ЖИЗНЬ
ДВЕНАДЦАТИ
ЦЕЗАРЕЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

ББК 84(0)3
С24

Перевод с латинского,
предисловие и послесловие

М. Л. ГАСПАРОВА

Оформление художника

А. СЕМЕНОВА

С $\frac{4703010100-256}{028(01)-90}$ 185-90

ISBN 5-280-01281-5

© Оформление. Издательство
«Художественная литература»,
1990 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержание этой книги — вереница римских императорских имен, знакомых, хотя бы понаслышке, даже тем читателям, которые никогда не занимались древней историей. Юлий Цезарь, который на берегу Рубикона говорит: «Жребий брошен!» — и начинает гражданскую войну; а потом, падая под кинжалами заговорщиков, произносит: «И ты, Брут!» Август, который с гордостью заявляет, что принял Рим кирпичным, а потомкам оставляет мраморным. Дряхлый Тиберий, в своем уединении на Капри злорадно любующийся, как губят друг друга доносами его враги-сенаторы. Калигула, собирающийся назначить сенатором своего коня. Клавдий с его императрицей Мессалиной, имя которой стало синонимом неистового разврата. Нерон, устроивший пожар Рима, чтобы вдохновиться на поэму о пожаре Трои. Веспасиан с его циническими словами «деньги не пахнут». И благородный Тит, который, если не сделал за день ни одного доброго дела, говорил: «Друзья, я потерял день».

Все эти фигуры, приукрашенные преданиями и фантазиями, давно превратились из исторических образов в художественные. И это во многом благодаря книге Светония «Жизнь двенадцати цезарей». Это не значит, что Светоний был бульварным писателем, расписывавшим «тайны римского двора» — интриги, отравления, заговоры и самоубийства. Он был серьезным историком, и современные ученые благодарны ему за множество ценных сведений. Но он сосредоточивал внимание не на историческом процессе, а на том лице, которое казалось ему центром исторического процесса, — и это было интересно не только для ученых. Поэтому у читателей всех веков Светоний неизменно оставался одним из самых читаемых античных авторов. Не ослабело внимание к нему и в наши дни.

Однако сам Светоний писал не для всех веков и не для наших дней, а для своих римских современников, которые знали римскую жизнь и понимали многое с полуслова. Поэтому, раскрывая «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, нынешний читатель, чтобы не запутаться в пестрой массе имен и фактов, должен хотя бы немного представить себе и тот исторический фон, на котором разворачиваются придворные драмы, описанные Светонием.

Действие этой книги охватывает почти два столетия — с 80-х гг.

до н. э. до 96 г. н. э. В начале этого времени Рим — республика, а через несколько десятилетий Рим — уже империя. Но эту империю не следует воображать самодержавной монархией с всемогущим государем во главе. В Риме империя не отменила республику, а как бы дополнила ее. Имперские учреждения налегали на республиканские учреждения сверху, придавали, но не уничтожили их. Вот эту своеобразную картину и следует все время держать перед глазами, читая Светония.

Считалось, что римский император пользуется своей властью не по захвату и не по наследству, а просто в силу своего высокого морального авторитета — как «первый человек» в государстве (по-латыни — «принцепс»; поэтому раннюю Римскую империю в учебниках часто называют «принципатом»). На самом деле кроме этого морального авторитета (весьма сомнительного) император обладал верховным начальством над всеми войсками римского государства, и это было, конечно, гораздо важнее.

Император жил в центре Рима, на Палатинском холме. Дом его (понемного достраивавшийся и перестраивавшийся преемниками) мало чем отличался от большого дома всякого римского вельможи. У него был свой круг «друзей», с которыми он при желании советовался о важных делах; была своя казна, независимая от общегосударственной; был свой штат управляющих, которые вели его хозяйство, принимали прошения, рассылали распоряжения, выполняли поручения (часто это были незнатные люди, даже вольноотпущенники, но в их руках была большая сила); и, наконец, ему принадлежала верховная власть над пограничными провинциями, где стояли войска, охранявшие римское государство.

Центром римского государства было Средиземноморье, а пограничными окраинами — на севере Рейн и Дунай, где приходилось воевать с германцами, а на востоке Евфрат, где приходилось воевать с парфянами. Императорские заместители и другие должностные лица в этих провинциях назывались прокурорами и префектами, командиры легионов — легатами. Легионов (при Августе) было 25, приблизительно по 6 тыс. человек каждый (не считая вспомогательных войск). Кроме того, в Риме стояло 10 тыс. человек преторианской гвардии под начальством «префекта претория» — как бы личная охрана императора. После удачных кампаний на границах в Риме справлялся триумф — торжественное шествие полководца и войска через весь город к храму Юпитера Капитолийского: везли добычу, вели пленников и т. д. Главным героем триумфа считался император, даже если он лично не участвовал в войне.

Управлять большой державой только с помощью такого лично подобранного штата было невозможно. Поэтому император опирался на государственный аппарат, оставленный ему республикой. Средоточием этого аппарата был сенат («совет старейшин») — около 600 человек; считалось, что это — потомки древнейших и знатнейших римских родов, но на практике он все время постепенно обновлялся и укреплялся «новыми людьми». Сенату принадлежал надзор за городом Римом, Италией и центральными провинциями государства; сенат распоряжался основной государственной казной; сенат издавал постанов-

ления и законы, сперва — по собственной инициативе, потом — все больше по указке императора.

Пополнялся сенат преимущественно отслужившими свой срок должностными лицами, обычно из сенаторских же сыновей. Таких служб в сенаторской карьере сменялось несколько, каждая длилась год. Молодой человек служил год в какой-нибудь комиссии по городскому судопроизводству и благочинию; через некоторое время становился одним из 20 квесторов, чиновников (в Риме или в провинции) по финансовым делам; еще через некоторое время — одним из 10 трибунов или 4 эдилов, которые ведали благоустройством города и развлечениями народа; затем — одним из 8 (или больше) преторов, занимавшихся преимущественно судебными делами; наконец — одним из двух консулов, которые по республиканской традиции считались высшими правителями государства на текущий год. (Чтобы больше народу успело пройти через эту высокую должность, при императорах стали назначать «сменных консулов» — вторую, а то и третью пару в год.) Пределом карьеры считалось звание одного из двух цензоров — они вели списки граждан и занимались пополнением и сокращением состава сената; это важное право имел пожизненно и сам император. Соответственно этой иерархии подавались голоса и на заседаниях сената: сперва опрашивались бывшие консулы, потом бывшие преторы и т. д. Отслужив свой год, консулы и преторы отправлялись наместниками в подведомственные сенату провинции в звании проконсулов и пропреторов.

Такова была гражданская карьера сенатора. Военная его карьера складывалась несколько по-иному. Простой солдат мог дослужиться лишь до высшего унтер-офицерского чина — центуриона (исключение — редкость); на этих старослужащих воинах держалась сила армии. Но молодой человек из хорошего дома мог, минуя солдатскую участь, начать службу прямо центурионом, а затем пройти три должности в легионе — начальство над конницей, начальство над вспомогательными войсками и начальство над легионом в целом. Эта последняя должность называлась «войсковой трибун»: их было шестеро в каждом легионе, при республике они командовали им посменно, при империи стали помощниками легата. Выслужившиеся таким образом принимались в сенат по прямой рекомендации императора и могли притязать на должности преторов и консулов, требовавшие военного опыта. Разумеется, таким же образом император мог рекомендовать в сенат кого угодно, и это с благоговением принималось.

Кроме гражданской и военной службы в политической жизни Рима играла роль жреческая служба: жрецы обеспечивали покровительство богов римскому государству и могли при необходимости ускорить или задержать какое-нибудь мероприятие, сославшись на небесные знаменья. Жреческие должности тоже были выборные, но не на год, а (обычно) пожизненно. Верховная коллегия из 15 человек называлась понтификами (во главе с Великим понтификом); жрецы Юпитера, Марса и Квирина назывались фламины; жрицы Весты, поддерживавшие неугасимый огонь в ее храме, — девы-весталки, обязанные хранить целомудрие в течение 30 лет; хранителями гадательных «сивиллиных книг», к которым государство обращалось в критические моменты, были

квиндецемвиры («15 мужей»); гадателями по полету птиц — авгуры; гадателями по внутренностям жертвенных животных — гаруспики.

Организованный таким образом и сам себя пополняющий сенат образовывал высшее сословие римского общества — сенатское сословие. Для поддержания сенаторского достоинства сенатор должен был обладать большим состоянием (миллион сестерциев); обедневшим потомкам старых родов иногда помогал деньгами сам император.

Вторым, средним сословием римского общества были так называемые всадники (название это сохранилось с тех древнейших времен, когда член этого сословия должен был иметь средства содержать боевого коня); их имущественный ценз равнялся 400 тыс. сестерциев. Доходы сенаторов шли преимущественно от их земельных владений (заниматься торговлей им было официально запрещено), доходы всадников — от торговых операций, в частности — от откупов. По мере того как разрастался штат императорской службы, она все чаще черпала кадры именно из всадников. Так как сенаторам было запрещено покидать Италию иначе чем по служебным делам, то в провинциях всадники были самыми важными людьми.

Наконец, третьим и низшим сословием римского общества оставался народ — крестьяне, ремесленники, городская чернь. Многие из них, будучи неимущими, составляли как бы свиту сенаторов и богачей и кормились их подачками — они назывались «клиентами» своих патронов. Жители Рима и его окрестностей периодически собирались на народные собрания (на Марсовом поле перед городской стеной): здесь народ должен был выбирать голосованием всех должностных лиц, вплоть до консулов. Голосование велось «по трибам»: народ был расписан на 35 округов, триб, и каждая триба подавала отдельный голос. В эпоху республики народное собрание представляло собой реальную политическую силу, и народ немало наживался, получая взятки с кандидатов. В эпоху империи роль его свелась на нет, и оно только подтверждало кандидатуры, назначенные императором и одобренные сенатом.

Требованием обедневшего римского простонародья было «хлеба и зрелищ!». Даровыми (или удешевленными) раздачами хлеба распоряжались часто сами императоры; поразить народ зрелищами или пышными постройками стремился каждый, кто искал популярности ради карьеры. Зрелища обычно бывали трех видов: в театре (под открытым небом, зрительские места полукольцом вокруг сцены) — комедии-фарсы, «мимы», обычно из повседневной жизни; в амфитеатре («двойной театр», тоже под открытым небом, зрительские места полным кольцом вокруг арены) — травля зверей и гладиаторские бои; в цирке (длинный стадион между двумя римскими холмами) — скачки колесниц. В порядке особой роскоши устраивались «навмахии», инсценировки морских сражений в специально вырытых прудах.

Молодой римлянин первые шесть лет своей жизни рос на попечении матери и нянек, а затем начинал учиться. Учение было трех ступеней и все сводилось к тому, что в наших школах называется «развитие речи»: как на родном латинском языке, так и на необходимом для культурного человека греческом. Сперва «литератор» (он же «грамматист») учил мальчика начаткам чтения, письма и счета; эту школу

проходили все, неграмотных в Риме почти не было (полуграмотных — сколько угодно). Потом «грамматик» занимался объяснительным чтением классических авторов (из греческих — Гомера, из латинских — Энния, Теренция, потом Вергилия и др.): здесь исследовались тонкости языка и стиля, а заодно — мифологии, астрономии, истории — всего, о чем хотя бы мимоходом упоминалось в читаемых текстах. Наконец, «ритор» переходил от обучения пассивному слову к обучению активному слову — к сочинению речей на вымышленные темы, сперва простые, потом сложные до вычурности; тем, кто хотел сделать карьеру на штатском поприще, в суде и сенате, такие упражнения были драгоценны. Около 16 лет отмечалось совершеннолетие: юноша менял отроческую тогу с цветной каймой на белую взрослую. «Вступал в жизнь» молодой человек поначалу в свите старшего опытного «патрона», а потом уже действовал самостоятельно. Дела обычно занимали первую половину дня, от рассвета до полуденной сиесты; затем следовала баня (большие общественные бани в Риме играли роль настоящих клубов), а вечер был занят обедом с гостями и разговорами.

Таковы были три сословия полноправных римских граждан, управлять которыми приходилось светониевским императорам. Поголовно это гражданское право распространялось только на территорию Италии (да и здесь уроженцы Рима охотно упрекали уроженцев окраинных городов их темным происхождением). За пределами Италии, в провинциях, города с полным римским гражданским правом (или несколько ограниченным «латинским правом») были лишь россыпью среди поселений бесправных местных жителей. Это были «колонии римского народа» — здесь поселялся и получал хорошие наделы безземельный плебс, который соглашался покинуть Италию, или воины-ветераны, после двадцатилетней службы получавшие отставку, римское гражданство и землю. Города эти управлялись как маленький Рим: с народным собранием, «курией» вместо сената и ежегодными «дуумвирами» вместо консулов. Расширявшаяся сеть этих городов служила романизации и культурному единству всего Средиземноморья, но об этом Светоний не задумывался, это лежало за пределами его темы и его интересов.

Вот на каком фоне разворачиваются события, описываемые в «Жизни двенадцати цезарей». Светоний писал свою книгу лет через тридцать после завершающих ее событий — в начале II в. н. э. Как представлялись ему ближние и дальние события его рассказа и с какой целью взялся он за их описание, об этом подробнее сказано в предисловии и послесловии к настоящему изданию. Разобраться в сложных родственных отношениях персонажей и в запутанном порядке изложения помогут родословные и хронологическая таблица в конце книги. Остальные подробности не так уж важны, и если читатель забудет какое-нибудь имя, не поймет детали законопроекта, перепутает конную турму с пешей когортой, лишь наугад оценит какие-нибудь расстояния в милях или суммы в тысячах сестерциев (точно оценить эти суммы все равно нельзя) — ничего страшного для понимания не случится.

М. Л. Гаспаров

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЮЛИЙ

1. На шестнадцатом году он потерял отца. Год спустя, уже назначенный жрецом Юпитера, он расторг помолвку с Коссуцией, девушкой из всаднического, но очень богатого семейства, с которой его обручили еще подростком, — и женился на Корнелии, дочери того Цинны, который четыре раза был консулом. Вскоре она родила ему дочь Юлию. Диктатор Сулла никакими средствами не мог добиться, чтобы он развелся с нею. (2) Поэтому, лишенный и жреческого сана, и жениного приданого, и родового наследства, он был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться. Несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от сыщиков, пока, наконец, не добился себе помилования с помощью девственных весталок и своих родственников и свойственников — Мамерка Эмилия и Аврелия Котты. (3) Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец, как известно, Сулла сдался, но воскликнул, повинувшись то ли божественному внушению, то ли собственному чутью: «Ваша победа, получайте его! но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!»

2. Военную службу он начал в Азии, в свите претора Марка Терма. Отправленный им в Вифинию, чтобы привести флот, он надолго задержался у Никомеда. Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту; а он усугубил этот слух тем, что через несколько дней опять поехал в Вифинию под предлогом взыскания долга, причитавшегося одному его клиенту-вольнотпущеннику. Дальнейшая служба принесла ему больше славы, и при взятии Митилен он получил от Терма в награду дубовый венок.

3. Он служил и в Киликии при Сервилии Исаврике, но недолго: когда пришла весть о кончине Суллы и явилась надежда на новую смуту, которую затевал Марк Лепид, он поспешно вернулся в Рим. Однако от сообщества с Лепидом он отказался, хотя тот и прельщал его большими выгодами. Его разочаровал как вождь, так и самое предприятие, которое обернулось хуже, чем он думал.

4. Когда мятеж был подавлен, он привлек к суду по обвинению в вымогательстве Корнелия Долабеллу, консуляра и триумфатора: но подсудимый был оправдан. Тогда он решил уехать на Родос, чтобы скрыться от недругов и чтобы воспользоваться досугом и отдыхом для занятий с Аполлоном Молодом, знаменитым в то время учителем красноречия. Во время этого переезда, уже в зимнюю пору, он возле острова Фармакусы попался в руки пиратам, и к великому своему негодованию оставался у них в плену около сорока дней. При нем были только врач и двое слуг: (2) остальных спутников и рабов он сразу разослал за деньгами для выкупа. Но когда, наконец, он выплатил пиратам пятьдесят талантов и был высажен на берег, то без промедления собрал флот, погнался за ними по пятам, захватил их и казнил той самой казнью, какой не раз, шутя, им грозил. Окрестные области опустошал в это время Митридат; чтобы не показаться безучастным к бедствиям союзников, Цезарь покинул Родос, цель своей поездки, переправился в Азию, собрал вспомогательный отряд и выгнал из провинции царского военачальника, удержав этим в повиновении колеблющиеся и нерешительные общины.

5. Первой его должностью по возвращении в Рим была должность войскового трибуна, присужденная ему народным голосованием. Здесь он деятельно помогал восстановлению власти народных трибунов, урезанной при Сулле. Кроме того, он воспользовался постановлением Плотия, чтобы вернуть в Рим Луция Цинну, брата своей жены, и всех, кто вместе с ним во время гражданской войны примкнул к Лепиду, а после смерти Лепида бежал к Серторию; и он сам произнес об этом речь.

6. В бытность квестором он похоронил свою тетку Юлию и жену Корнелию, произнеся над ними, по обычаю, похвальные речи с роstralной трибуны. В речи над Юлией он, между прочим, так говорит о предках ее и своего отца: «Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к бессмертным богам: ибо от Анка Марция происходят Марции-цари, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры — род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари».

(2) После Корнелии он взял в жены Помпею, дочь Квинта Помпея и внуку Луция Суллы. Впоследствии он дал ей развод по подозрению в измене с Публием Клодием. О том, что Клодий проник к ней в женском платье во время священного праздника, говорили с такой уверенностью, что сенат назначил следствие по делу об оскорблении святынь.

7. В должности квестора он получил назначение в Дальнюю Испанию. Там он по поручению претора, объезжая однажды для судопроизводства общинные собрания, прибыл в Гадес и увидел в храме Геркулеса статую Великого Александра.

Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездельности, — ведь он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте уже покорил мир, — и тотчас же стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел. (2) На следующую ночь его смутил сон — ему привиделось, будто он насилует собственную мать; но толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого.

8. Покинув, таким образом, свою провинцию раньше срока, он явился в латинские колонии, которые добивались тогда для себя гражданских прав. Несомненно, он склонил бы их на какой-нибудь дерзкий шаг, если бы консулы, опасаясь этого, не задержали на время отprawку набранных для Киликии легионов.

9. Это не помешало ему вскоре пуститься в Риме на еще более смелое предприятие. Именно, за несколько дней до своего вступления в должность эдила, он был обвинен в заговоре с Марком Крассом, консуляром, и с Публием Суллой и Луцием Автронием, которые должны были стать консулами, но оказались уличены в подкупе избирателей. Предполагалось, что в начале нового года они нападут на сенат, перебьют намеченных лиц. Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы и, устроив государственные дела по своему усмотрению, они вернут консульство Автронию и Сулле. (2) Об этом заговоре упоминают Танузий Гемин в истории, Марк Бибул в эдиктах, Гай Курион Старший в речах; то же самое, по-видимому, имеет в виду и Цицерон, когда в одном из писем к Аксию говорит, что Цезарь, став консулом, утвердился в той царской власти, о которой помышлял еще эдилом. Танузий добавляет, что из раскаяния или из страха Красс не явился в назначенный для избияния день, а потому и Цезарь не подал условленного знака — по словам Куриона, было условлено, что Цезарь спустит тогу с одного плеча. (3) Тот же Курион, а с ним и Марк Акторий Назон сообщают, что Цезарь вступил в заговор также с молодым Гнеем Пизоном; а когда возникло подозрение, что в Риме готовится заговор, и Пизон без просьбы и вне очереди получил назначение в Испанию, то они договорились, что одновременно поднимут мятеж — Цезарь в Риме, а Пизон в провинции — при поддержке амбронов и транспаданцев. Смерть Пизона разрушила замыслы обоих.

10. В должности эдила он украсил не только комиций и форум с базиликами, но даже на Капитолии выстроил временные портики, чтобы показывать часть убранства от своей щедрости. Игры и травли он устраивал как совместно с товарищем по должности, так и самостоятельно, поэтому даже общие их траты приносили славу ему одному. Его товарищ Марк Бибул открыто признался, что его постигла участь Пол-

лука: как храм божественных близнецов на форуме называли просто храмом Кастора, так и его совместную с Цезарем щедрость приписывали одному Цезарю. (2) Вдобавок Цезарь устроил и гладиаторский бой, но вывел меньше сражающихся пар, чем собирался: собранная им отовсюду толпа бойцов привела его противников в такой страх, что особым указом было запрещено кому бы то ни было держать в Риме больше определенного количества гладиаторов.

11. Снискав расположение народа, он попытался через трибунов добиться, чтобы народное собрание предоставило ему командование в Египте. Поводом для внеочередного назначения было то, что александрийцы изгнали своего царя, объявленного в сенате союзником и другом римского народа: в Риме это вызвало общее недовольство. Он не добился успеха из-за противодействия оптиматов. Стараясь в отместку подорвать их влияние любыми средствами, он восстановил памятники побед Гая Мария над Югуртой, кимврами и тевтонами, некогда разрушенные Суллой; а председательствуя в суде по делам об убийствах, он объявил убийцами и тех, кто во время проскрипций получал из казны деньги за головы римских граждан, хотя Корнелиевы законы и делали для них исключение.

12. Он даже нанял человека, который обвинил в государственной измене Гая Рабирия, чьими стараниями незадолго до того сенат подавил мятеж трибуна Луция Сатурнина. А когда жребий назначил его судьей в этом деле, он осудил Рабирия с такой страстностью, что тому при обращении к народу более всего помогла ссылка на враждебность судьи.

13. Оставив надежду получить провинцию, он стал домогаться сана великого понтифика с помощью самой расточительной щедрости. При этом он вошел в такие долги, что при мысли о них он, говорят, сказал матери, целуя ее утром перед тем, как отправиться на выборы: «или я вернусь понтификом, или совсем не вернусь». И действительно, он настолько пересилил обоих своих опаснейших соперников, намного превосходивших его и возрастом и положением, что даже в их собственных трибах он собрал больше голосов, чем оба они во всех вместе взятых.

14. Он был избран претором, когда был раскрыт заговор Катилины и сенат единогласно осудил заговорщиков на смертную казнь. Он один предложил разослать их под стражей по муниципиям, конфисковав имущество. При этом, живописуя народную ненависть, которую навеки навлекут сторонники более крутых мер, он нагнал на них такого страха, что Децим Силан, назначенный консул, решился даже смягчить свое первоначальное мнение — переменить его открыто было бы позором — и заявил, будто оно было истолковано суровее, чем он имел в виду. (2) Цезарь привлек на свою сторону многих, в том числе брата консула Цицерона, и добился бы победы, если бы колеблющемуся сенату не придавала стойкости речь Марка Катона. Но и тогда он

не переставал сопротивляться, пока римские всадники, вооруженной толпой окружавшие сенат под предлогом охраны, не стали угрожать ему смертью за его непомерное упорство. Они уже подступали к нему с обнаженными клинками, сидевшие рядом сенаторы покинули его, и лишь немногие приняли его под защиту, заключив в объятия и прикрыв тогой. Лишь тогда в явном страхе он отступил и потом до конца года не показывался в сенате.

15. В первый же день своей претуры он потребовал, чтобы Квинт Катул дал перед народом отчет о восстановлении Капитолия, и даже внес предложение передать это дело другому. Но он был бессилен против единодушного сопротивления оптиматов: увидев, как они сбегаются толпами, покидая новоизбранных консулов, полные решимости дать отпор, он отказался от этого предприятия.

16. Тем не менее, когда народный трибун Цецилий Метелл, невзирая на запрет других трибунов, выступил с самыми мятежными законопредложениями, Цезарь встал на его защиту и поддерживал его с необычным упорством, пока сенат указом не отстранил обоих от управления государством. Несмотря на это, он отважился остаться в должности и править суд; лишь когда он узнал, что ему готовы воспрепятствовать силой оружия, он распустил ликторов, снял преторскую тогу и тайком поспешил домой, решив при таких обстоятельствах не поднимать шуму.

(2) Через день к его дому сама собой, никем не подстрекаемая собралась огромная толпа и буйно предлагала свою помощь, чтобы восстановить его в должности; но он сумел ее унять. Так как этого никто не ожидал, то сенат, спешно созванный по поводу этого собрания, выразил ему благодарность через лучших своих представителей; его пригласили в курию, расхвалили в самых лестных выражениях и, отменив прежний указ, полностью восстановили в должности.

17. Но ему угрожала новая опасность: он был объявлен сообщником Катилины. Перед следователем Новием Нигром об этом заявил доносчик Луций Веттий, а в сенате — Квинт Курий, которому была назначена государственная награда за то, что он первый раскрыл замыслы заговорщиков. Курий утверждал, что слышал об этом от Катилины, а Веттий даже обещал представить собственноручное письмо Цезаря Катилине. (2) Цезарь, не желая этого терпеть, добился от Цицерона свидетельства, что он сам сообщил ему некоторые сведения о заговоре, Курия этим он лишил награды, а Веттий, наказанный взысканием залога и конфискацией имущества, едва не растерзанный народом прямо перед ростральной трибуной, был брошен им в тюрьму вместе со следователем Новием, принявшим жалобу на старшего по должности.

18. После претуры он получил по жребию Дальнюю Испанию. Его не отпускали кредиторы; он отделался от них с по-

мощью поручителей и уехал в провинцию, не дождавшись, вопреки законам и обычаям, распоряжений и средств. Неизвестно, опасался ли он грозившего ему частного иска или торопился прийти на помощь умоляющим союзникам.

Наведя порядок в провинции, он с той же поспешностью, не дожидаясь преемника, устремился в Рим искать триумфа и консульства. (2) Но срок выборов был уже назначен, и он мог выступить соискателем, лишь вступив в город как частный человек. Он пытался добиться для себя исключения из закона, но встретил сопротивление и должен был отказаться от триумфа, чтобы не потерять консульство.

19. Соискателей консульства было двое: Марк Бибул и Луций Лукцей; Цезарь соединился с последним. Так как тот был менее влиятелен, но очень богат, они договорились, что Лукцей будет обещать центуриям собственные деньги от имени обоих. Оптиматы, узнав об этом, испугались, что Цезарь не остановится ни перед чем, если будет иметь товарищем по высшей должности своего союзника и единомышленника: они дали Бибулу полномочия на столь же щедрые обещания и многие даже снабдили его деньгами. Сам Катон не отрицал, что это совершается подкуп в интересах государства.

(2) Так он стал консулом вместе с Бибулом. По той же причине оптиматы позаботились, чтобы будущим консулам были назначены самые незначительные провинции — одни леса да пастбища. Такая обида побудила его примкнуть во всех своих действиях к Гнею Помпею, который в это время был не в ладах с сенатом, медлившим подтвердить его распоряжения после победы над Митридатом. С Помпеем он помирил Марка Красса — они враждовали еще со времени их жестоких раздоров во время совместного консульства — и вступил в союз с обоими, договорившись не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих.

20. По вступлении в должность он первый приказал составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа. Далее, он восстановил древний обычай, чтобы в те месяцы, когда фаски находились не у него, перед ним всюду ходил посыльный, а ликторы следовали сзади. Когда же он внес законопроект о земле, а его коллега остановил его, ссылаясь на дурные знаменья, он силой оружия прогнал его с форума. На следующий день тот подал жалобу в сенат, но ни в ком не нашел смелости выступить с докладом о таком насилии или хотя бы предложить меры, обычные даже при меньших беспорядках. Это привело Бибула в такое отчаяние, что больше он не выходил из дому до конца своего консульства и лишь в эдиктах выражал свой протест.

(2) С этого времени Цезарь один управлял всем в государстве по своей воле. Некоторые остроумцы, подписываясь свидетелями на бумагах, даже помечали их в шутку не консульством Цезаря и Бибула, а консульством Юлия и Цезаря, обо-

значая, таким образом, одного человека двумя именами; а вскоре в народе стал ходить и такой стишок:

В консульство Цезаря то, а не в консульство Бибула было:
В консульство Бибула, друг, не было впрямь ничего.

(3) Стеллатский участок, объявленный предками неприкосновенным, и Кампанское поле, оставленное в аренде для пополнения казны, он разделил без жребия между двадцатью тысячами граждан, у которых было по трое и больше детей. Откупщикам, просившим о послаблении, он сбавил третью часть откупной суммы и при всех просил их быть умеренней, когда придется набавлять цену на новые откупа. Вообще он щедро раздавал все, о чем бы его ни просили, не встречая сопротивления или подавляя его угрозами. (4) Марка Катона, выступившего в сенате с запросом, он приказал ликтору вытащить из курии и отвести в тюрьму. Луция Лукулла, который слишком резко ему возражал, он так запугал ложными обвинениями, что тот сам бросился к его ногам. Цицерон однажды в суде оплакивал положение государства — Цезарь в тот же день, уже в девятом часу, перевел из патрициев в плебеи врага его, Публия Клодия, который добивался этого долго и тщетно. (5) Наконец, он нанял доносчика против всей враждебной партии в целом: тот должен был объявить, что его подговаривали на убийство Помпея, и, представ перед рострами, назвать условленные имена подстрекателей. Но так как одно или два из этих имен были названы напрасно и только возбудили подозрения в обмане, он разочаровался в успехе столь опрометчивого замысла и, как полагают, устранил доносчика ядом.

21. Около того же времени он женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, своего преемника по консульству, а свою дочь Юлию выдал за Гнея Помпея, отказав ее первому жениху Сервилию Цепиону, хотя тот и был его главным помощником в борьбе против Бибула. Породнившись с Помпеем, он стал при голосовании спрашивать мнение у него первого, тогда как раньше он начинал с Красса, а обычай требовал держаться в течение всего года того порядка спра, какой был принят консулом в январские календы.

22. При поддержке зятя и тестя он выбрал себе в управление из всех провинций Галлию, которая своими богатыми возможностями и благоприятной обстановкой сулила ему триумфы. Сначала он получил по Ватиниеву закону только Цизальпинскую Галлию с прилежащим Иллириком, но вскоре сенат прибавил ему и Косматую Галлию: сенаторы боялись, что в случае их отказа он получит ее от народа. (2) Окрыленный радостью, он не удержался, чтобы не похвалиться через несколько дней перед всем сенатом, что он достиг цели своих желаний, несмотря на недовольство и жалобы противников, и что теперь-то он их всех оседляет. Кто-то оскорбительно заметил, что для женщины это нелегко; он ответил, как бы шутя, что и в Сирии царствовала

Семирамида, и немалой частью Азии владели некогда амазонки.

23. По окончании его консульства преторы Гай Меммий и Луций Домиций потребовали расследования мероприятий истекшего года. Цезарь поручил это сенату, но сенат отказался. Потратив три дня в бесплодных пререканиях, он уехал в провинцию. Тотчас, как бы в знак предупреждения ему, был взят под суд по нескольким обвинениям его квестор; а вскоре и его самого потребовал к ответу народный трибун Луций Антистий, и только обратясь к другим трибунам, Цезарь добился, чтобы его не привлекали к суду, пока он отсутствует по делам государства. (2) А чтобы быть уверенным и в будущем, он особенно старался иметь каждый год среди магистратов людей, ему обязанных, и только тем соискателям помогал или допускал их до власти, которые соглашались защищать его во время отсутствия; он доходил до того, что от некоторых требовал клятвы и даже расписки.

24. Но когда Луций Домиций, выдвинутый в консулы, стал открыто грозить, что, став консулом, он добьется того, чего не добился претором, и отнимет у Цезаря его войско,— тогда Цезарь вызвал Красса и Помпея в Луку, один из городов своей провинции, и убедил их просить второго консульства, чтобы свалить Домиция; для себя же он с их помощью добился сохранения командования еще на пять лет. (2) Полагаясь на это, он вдобавок к легионам, полученным от государства, набрал новые на собственный счет, в том числе один из трансальпийских галлов (он носил галльское название «алауда»), которых он вооружил и обучил по римскому образцу и которым впоследствии всем даровал римское гражданство.

(3) С этих пор он не упускал ни одного случая для войны, даже для несправедливой или опасной, и первым нападал как на союзные племена, так и на враждебные и дикие, так что сенат однажды даже постановил направить комиссию для расследования положения в Галлии, а некоторые прямо предлагали выдать его неприятелю. Но когда его дела пошли успешно, в его честь назначались благодарственные молебствия чаще и дольше, чем для кого-либо ранее. 25. Вот что он совершил за девять лет своего командования. Вся Галлию, что лежит между Пиренейским хребтом, Альпами, Севеннами и реками Роданом и Рейном, более 3200 миль в охвате, он целиком, за исключением лишь союзных или оказавших Риму услуги племен, обратил в провинцию и наложил на нее 40 миллионов ежегодного налога. (2) Первым из римлян он напал на зарейнских германцев и, наведя мост, нанес им тяжелые поражения. Он напал и на британцев, дотоле неизвестных, разбил их и потребовал с них выкупа и заложников. Среди стольких успехов он только три раза потерпел неудачу: в Британии его флот был почти уничтожен бурей, в Галлии один из его легионов был разбит наголову при Гергови, в германской

земле попали в засаду и погибли легаты Титурий и Аврункулей.

26. В эти же годы он потерял сначала мать, потом дочь и вскоре затем внука. Между тем убийство Публия Клодия привело в смятение все государство, и сенат постановил избрать только одного консула, назвав имя Гнея Помпея. Народные трибуны хотели назначить Цезаря в товарищи Помпею, но Цезарь посоветовал им лучше попросить у народа, чтобы ему было позволено домогаться второго консульства еще до истечения срока командования и не торопиться для этого в Рим, не кончив войны.

(2) Достигнув этого, он стал помышлять о большем и, преисполненный надежд, не упускал ни одного случая выказать щедрость или оказать услугу кому-нибудь как в государственных, так и в частных делах. На средства от военной добычи он начал строить форум: одна земля под ним стоила больше ста миллионов. В память дочери он обещал народу гладиаторские игры и пир — до него этого не делал никто. Чтобы ожидание было напряженней, он готовил угощение не только у мясников, которых нанял, но и у себя на дому. (3) Знаменитых гладиаторов, в какой-нибудь схватке навлекших немилость зрителей, он велел отбивать силой и сохранять для себя. Молодых бойцов он отдавал в обучение не в школы и не к лянистам, а в дома римских всадников и даже сенаторов, которые хорошо владели оружием; по письмам видно, как настойчиво просил он их следить за обучением каждого и лично руководить их занятиями. Легионерам он удвоил жалованье на зечные времена, отпускал им хлеб без меры и счета, когда его бывало вдоволь, а иногда дарил каждому по рабу из числа пленников.

27. Чтобы сохранить родство и дружбу с Помпеем, он предложил ему в жены Октавию, внучку своей сестры, хотя она и была уже замужем за Гаем Марцеллом, а сам просил руки его дочери, помолвленной с Фавстом Суллой. Всех друзей Помпея и большую часть сенаторов он привязал к себе, ссужая им деньги без процентов или под ничтожный процент. Граждан из других сословий, которые приходили к нему сами или по приглашению, он осыпал щедрыми подарками, не забывая и их вольноотпущенников и рабов, если те были в милости у хозяина или патрона. (2) Наконец, он был единственной и надежнейшей опорой для подсудимых, для задолжавших, для промотавшихся юнцов, кроме лишь тех, кто настолько погряз в преступлениях, нищете или распутстве, что даже он не мог им помочь; таким он прямо и открыто говорил, что спасти их может только гражданская война.

28. С таким же усердием привлекал он к себе и царей и провинции по всему миру: одним он посылал в подарок тысячи пленников, другим отправлял на помощь войска куда угодно и когда угодно, без одобрения сената и народа. Крупнейшие

города не только в Италии, Галлии и Испании, но и в Азии и Греции он украшал великолепными постройками.

(2) Наконец, когда уже все в изумлении только гадали, куда он клонит, консул Марк Клавдий Марцелл, объявив эдиктом, что имеет дело большой государственной важности, предложил сенату: преемника Цезарю назначить раньше срока, так как война закончена, мир установлен и победителю пора распустить войско; а на выборах кандидатуру Цезаря в его отсутствие не принимать, так как и Помпей не сделал для него оговорки в народном постановлении. (3) Дело в том, что Помпей в своем законе о правах должностных лиц воспретил домогаться должностей заочно и по забывчивости не сделал исключения даже для Цезаря, исправив эту ошибку лишь тогда, когда закон был уже вырезан на медной доске и сдан в казначейство. Не довольствуясь лишением Цезаря его провинций и льгот, Марцелл предложил также лишить гражданского права поселенцев, выведенных Цезарем по Ватиниеву закону в Новый Ком, на том основании, что гражданство им было даровано с коварным умыслом и противозаконно.

29. Цезаря это встревожило. Он был убежден — и это часто от него слышали, — что теперь, когда он стал первым человеком в государстве, его не так легко столкнуть с первого места на второе, как потом со второго на последнее. Поэтому он стал всеми силами сопротивляться, отчасти — с помощью вмешательства трибунов, отчасти — при содействии второго консула Сервия Сульпиция. В следующем году Гай Марцелл сменил в должности консула своего двоюродного брата Марка и возобновил его попытки; тогда Цезарь за огромные деньги нашел себе защитника в лице его коллеги Эмилия Павла и самого отчаянного из трибунов — Гая Куриона. (2) Но увидев, что против него действуют все настойчивей и что даже консулы будущего года избраны враждебные ему, он обратился к сенату с письмом, прося не отнимать у него дар римского народа, — или же пусть другие полководцы тоже распустят свои войска. Как полагают, он надеялся, что при желании ему будет легче созвать своих ветеранов, чем Помпею — новых воинов. Противникам же он предложил согласиться на том, что он откажется от восьми легионов и Трансальпинской Галлии и сохранит до избрания в консулы только два легиона и Цизальпинскую провинцию или даже один легион и Иллирик. 30. Когда же ни сенат не пожелал вмешаться, ни противники — идти на какое бы то ни было соглашение о делах государственных, тогда он перешел в Ближнюю Галлию и, покончив с судебными собраниями, остановился в Равенне, угрожая войною, если сенат примет суровые меры против вступившихся за него трибунов.

(2) Это, конечно, был только предлог для гражданской войны; причины же ее, как полагают, были другие. Так, Гней Помпей неоднократно утверждал, что Цезарь оттого пошел на всеобщую смуту и переворот, что из своих частных средств он не

мог ни окончить постройку, которые начал, ни оправдать ожидания, которые возбуждало в народе его возвращение. (3) Другие говорят, будто он боялся, что ему придется дать ответ за все, что он совершил в свое первое консульство вопреки знаменьям, законам и запретам: ведь и Марк Катон не раз клятвенно заявлял, что привлечет его к суду тотчас, как он распустит войско, и в народе говорили, что, вернись он только частным человеком, и ему, как Милону, придется защищать себя в суде, окруженном вооруженной охраной. (4) Это тем правдоподобнее, что и Азиний Поллион рассказывает, как Цезарь при Фарсале, глядя на перебитых и бегущих врагов, сказал дословно следующее: «Они сами этого хотели! меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам!» (5) Некоторые, наконец, полагают, что Цезаря поработила привычка к власти, и поэтому он, взвесив свои и вражеские силы, воспользовался случаем захватить верховное господство, о котором мечтал с ранних лет. Так думал, по-видимому, и Цицерон, когда в третьей книге «Об обязанностях» писал, что у Цезаря всегда были на устах стихи Еврипида, которые он переводит так:

Коль преступить закон — то ради царства;
А в остальном его ты должен чтить.

31. И вот, когда приспело известие, что вмешательство трибунов не имело успеха и что им самим пришлось покинуть Рим, Цезарь тотчас двинул вперед когорты; а чтобы не возбуждать подозрений, он и присутствовал для виду на народных зрелищах, и обсуждал план гладиаторской школы, которую собирался строить, и устроил, как обычно, многолюдный ужин. (2) Но когда закатилось солнце, он с немногими спутниками в повозке, запряженной мулами с соседней мельницы, тайно тронулся в путь. Факелы погасли, он сбился с дороги, долго блуждал и только к рассвету, отыскав проводника, пешком по узеньким тропинкам вышел наконец на верную дорогу. Он настиг когорты у реки Рубикона, границы его провинции. Здесь он помедлил и, раздумывая, на какой шаг он отваживается, сказал, обратившись к спутникам: «Еще не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие».

32. Он еще колебался, как вдруг ему явилось такое видение. Внезапно поблизости показался неведомый человек дивного роста и красоты: он сидел и играл на свирели. На эти звуки сбегались не только пастухи, но и многие воины со своих постов, среди них были и трубачи. И вот у одного из них этот человек вдруг вырвал трубу, бросился в реку и, оглушительно протрубив боевой сигнал, поплыл к противоположному берегу. «Вперед, — воскликнул тогда Цезарь, — вперед, куда зовут нас знаменья богов и несправедливость противников! Жребий брошен».

33. Так перевел он войска; и затем, выведя на общую сходку

бежавших к нему изгнанников-трибунов, он со слезами, разрывая одежду на груди, стал умолять солдат о верности. Говорят даже, будто он пообещал каждому всадническое состояние, но это — недоразумение. Дело в том, что он, взывая к воинам, часто показывал на свой палец левой руки, заверяя, что готов отдать даже свой перстень, чтобы вознаградить защитников своей чести; а дальние ряды, которым легче было видеть, чем слышать говорящего, приняли мнимые знаки за слова, и отсюда пошла молва, будто он посулил им всаднические кольца и четыреста тысяч сестерциев.

34. Дальнейшие его действия, вкратце и по порядку, были таковы. Он вступил в Пицен, Умбрию, Этрурию; Луция Домиция, противозаконно назначенного ему преемником и занимавшего Корфиний, он заставил сдаться и отпустил; затем по берегу Верхнего моря он двинулся к Брундизию, куда бежали консулы и Помпей, спеша переправиться за море. (2) После безуспешных попыток любыми средствами воспрепятствовать их отплытию, он повернул в Рим. Обратившись здесь к сенаторам с речью о положении государства, он направился против сильнейших войск Помпея, находившихся в Испании под начальством трех легатов: Марка Петрея, Луция Афрания и Марка Варрона; перед отъездом он сказал друзьям, что сейчас он идет на войско без полководца, а потом вернется к полководцу без войска. И хотя его задерживали как осада Массилии, закрывшей ворота у него на пути, так и крайний недостаток продовольствия, вскоре он подчинил себе все.

35. Вернувшись из Испании в Рим, он переправился в Македонию и там, продержав Помпея почти четыре месяца в кольце мощных укреплений, разбил его наконец в фарсальском сражении и преследовал бегущего до Александрии, где нашел его уже убитым. Так как он видел, что царь Птолемей и против него замышляет злое, ему пришлось вести здесь необычайно трудную войну, в невыгодном месте и в невыгодное время: зимой, без припасов, без подготовки, в столице богатого и хитрого врага. Победив, он отдал египетское царство Клеопатре и ее младшему брату, не решаясь обратиться в провинцию, чтобы какой-нибудь предприимчивый наместник не смог опереться на нее для новых смут. (2) Из Александрии он направился в Сирию и затем в Понт, обеспокоенный вестями о Фарнаке, сыне Митридата Великого, который воспользовался случаем начать войну и уже был опьянен многими успехами. На пятый день своего прибытия, через четыре часа после его появления, Цезарь разгромил его в одном-единственном бою. Потом он часто поминал, как посчастливилось Помпею стяжать славу полководца победами над неприятелем, который не умеет воевать. После этого он победил в Африке Сципиона и Юбу, у которых искали прибежища остатки неприятелей, а в Испании — сыновей Помпея.

36. Во всей междоусобной войне он не понес ни одного поражения. Терпеть неудачи случалось лишь его легатам: так,

Гай Курион погиб в Африке, Гай Антоний попал в плен к врагу в Иллирике, Публий Долабелла потерял в том же Иллирике свой флот, а Гней Домиций Кальвин в Понте — свое войско. Сам же Цезарь неизменно сражался с замечательной удачей, не зная даже сомнительных успехов, за исключением двух лишь случаев: один раз при Диррахии, когда, обращенный Помпеем в бегство, но не преследуемый, он воскликнул, что Помпей не умеет побеждать, и другой раз в последнем сражении в Испании, когда, отчаявшись в победе, он уже помышлял о добровольной смерти.

37. По окончании войны он отпраздновал пять триумфов: четыре за один месяц, но с промежутками, — после победы над Сципионом, и пятый — после победы над сыновьями Помпея. Первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним — александрийский, затем — понтийский, следующий — африканский, и наконец — испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством. (2) Во время галльского триумфа на Велабре у него сломалась ось, и он чуть не упал с колесницы: на Капитолий он вступил при огнях, сорок слонов с факелами шли справа и слева. В понтийском триумфе среди прочих предметов в процессии несли надпись из трех слов: «Пришел, увидел, победил», — этим он отмечал не события войны, как обычно, а быстроту ее завершения.

38. Своим старым легионерам он выдал из добычи по двадцать четыре тысячи сестерциев, не считая двух тысяч, выплаченных еще при начале междоусобной войны. Он выделил им и землю, но не сплошной полосой, чтобы не сгонять прежних владельцев. Народу он роздал по десять мер зерна и по стольку же фунтов масла, деньгами же по триста сестерциев, обещанных ранее, и еще по сотне за то, что пришлось ждать. (2) Тех, кто платил за жилье в Риме до двух тысяч сестерциев и в Италии до пятисот, он на год освободил от платы. Вдобавок он устроил пир и раздачу мяса, а после испанского триумфа — еще два обеда: первый показался ему скудным и недостойным его щедрости, поэтому через четыре дня он дал второй, неслыханно богатый.

39. Зрелища он устраивал самые разнообразные: и битву гладиаторов, и театральные представления по всем кварталам города и на всех языках, и скачки в цирке, и состязания атлетов, и морской бой. В гладиаторской битве на форуме бились насмерть Фурий Лептин из преторского рода и Квинт Кальпен, бывший сенатор и судебный оратор. Военный танец плясали сыновья вельмож из Азии и Вифинии. (2) В театре римский всадник Децим Лаберий выступал в миме собственного сочинения; получив в награду пятьсот тысяч сестерциев и золотой перстень, он прямо со сцены через оркестру прошел на свое место в четырнадцати первых рядах. На скачках, для которых цирк был расширен в обе стороны и окружен рвом с водой, знатнейшие юноши правили колесницами четверней и парой и показывали прыжки на лошадях. Троянскую игру исполняли дву-

мя отрядами мальчишки старшего и младшего возраста. (3) Звериные травли продолжались пять дней; в заключение была показана битва двух полков по пятисот пехотинцев, двадцать слонов и триста всадников с каждой стороны; чтобы просторнее было сражаться, в цирке снесли поворотные столбы и на их месте выстроили два лагеря друг против друга. Атлеты состязались в течение трех дней на временном стадионе, нарочно сооруженном близ Марсова поля. (4) Для морского боя было выкопано озеро на малом Кодетском поле: в бою участвовали биремы, триремы и квардиремы тирийского и египетского образца со множеством бойцов. На все эти зрелища отовсюду стеклось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и переулкам; а давка была такая, что многие были задавлены до смерти, в том числе два сенатора.

40. Затем он обратился к устройству государственных дел. Он исправил календарь: из-за нерадивости жрецов, произвольно вставивших месяцы и дни, календарь был в таком беспорядке, что уже праздник жатвы приходился не на лето, а праздник сбора винограда — не на осень. Он установил, применительно к движению солнца, год из 365 дней и вместо вставного месяца ввел один вставной день через каждые четыре года. (2) Чтобы правильный счет времени велся впредь с очередных январских календ, он вставил между ноябрем и декабром два лишних месяца, так что год, когда делались эти преобразования, оказался состоящим из пятнадцати месяцев, считая и обычный вставной, также пришедшийся на этот год.

41. Он пополнил сенат, к старым патрициям прибавил новых, увеличил число преторов, эдилов, квесторов и даже младших должностных лиц. Тех, кто был лишен звания цензорами или осужден по суду за подкуп, он восстановил в правах. (2) Выборы он поделил с народом: за исключением соискателей консульства, половина кандидатов избиралась по желанию народа, половина — по назначению Цезаря. Назначал он их в коротких записках, рассылаемых по трибам: «Диктатор Цезарь — такой-то трибе. Предлагаю вашему вниманию такого-то, дабы он по вашему выбору получил искомое им звание». Он допустил к должностям и сыновей тех, кто был казнен во время проскрипций. В суде он оставил только две судейские декурии: сенаторскую и всадническую; третью, декурию эрарных трибунов, он упразднил.

(3) Перепись граждан он произвел не в обычном месте и не обычном порядке, а по кварталам и через домовладельцев, и число получавших хлеб из казны сократил с трехсот двадцати тысяч до ста пятидесяти тысяч. А чтобы при обновлении списков не могли возникнуть новые беспорядки, он постановил, чтобы каждый год претор по жребию замещал умерших получателей новыми из числа не попавших в списки. 42. Кроме того, восемьдесят тысяч граждан он расселил по заморским колониям. Желая пополнить поредевшее население города, он

издал закон, чтобы никакой гражданин старше двадцати и моложе сорока лет, не находящийся на военной службе, не покидал бы Италию дольше чем на три года; чтобы никто из сенаторских детей не уезжал из страны иначе, как в составе военной или гражданской свиты при должностном лице; и чтобы скотовладельцы не менее трети своих пастухов набирали из взрослых свободнорожденных людей. Всем, кто в Риме занимался медициной, и всем преподавателям благородных искусств он даровал римское гражданство, чтобы они и сами охотнее селились в городе, и привлекали других.

(2) Он не оправдал не раз возникавших надежд на отмену долговых обязательств, но постановил, наконец, чтобы платежи должников заимодавцам определялись той стоимостью, какую имели их имения до гражданской войны, и чтобы с общей суммы долга были списаны все выплаты или перечисления по процентам; а это сокращало долг почти на четверть. (3) Он распустил все коллегии, за исключением самых древних. Он усилил наказания преступникам; а так как богатые люди оттого легче шли на беззакония, что все их состояние и в изгнании оставалось при них, он, по словам Цицерона, стал наказывать за убийство гражданина лишением всего имущества, а за иные преступления — половины.

43. Суд он правил необычайно тщательно и строго. Тех, кто был осужден за вымогательство, он даже изгонял из сенаторского сословия. Брак одного бывшего претора с женщиной, которая только накануне развелась с мужем, он объявил недействительным, хотя подозрений в измене и не было. На иноземные товары он наложил пошлину. Носилки, а также пурпурные платья и жемчужные украшения он оставил в употреблении только для определенных лиц, определенных возрастов и в определенные дни. (2) Особенно строго соблюдал он законы против роскоши: вокруг рынка он расставил сторожей, чтобы они отбирали и приносили к нему запрещенные яства, а если что ускользало от сторожей, он иногда посылал ликторов с солдатами, чтобы забирать уже поданные блюда прямо со столов.

44. День ото дня он задумывал все более великие и многочисленные планы устройства и украшения столицы, укрепления и расширения державы: прежде всего, воздвигнуть храм Марса, какого никогда не бывало, засыпав для него и сровняв с землей то озеро, где устраивал он морской бой, а на склоне Тарпейской скалы устроить величайший театр; (2) гражданское право привести в надлежащий порядок, отобрав в нескольких книгах все самое лучшее и самое нужное из огромного множества разрозненных законов; открыть как можно более богатые библиотеки, греческие и латинские, поручив их составление и устройство Марку Варрону; осушить Помптинские болота; (3) спустить Фуцинское озеро; проложить дорогу от Верхнего моря через Апеннинский хребет до самого Тибра; перекопать каналом Истм; усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев; а затем пойти

войной на парфян через Малую Армению, но не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем.

(4) Среди таких замыслов и дел его застигла смерть. Однако прежде чем говорить о ней, не лишним будет вкратце изложить все, что касается его наружности, привычек, одежды, нрава, а также его занятий в военное и мирное время.

45. Говорят, он был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые. Здоровьем он отличался превосходным: лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи, да два раза во время занятий у него были приступы падучей. (2) За своим телом он ухаживал слишком даже тщательно, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, и этим его многие попрекали. Безобразившая его лысина была ему несносна, так как часто навлекала насмешки недоброжелателей. Поэтому он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб; поэтому же он с наибольшим удовольствием принял и воспользовался правом постоянно носить лавровый венок.

(3) И одевался он, говорят, по-особенному: он носил сенаторскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка: отсюда и пошло словцо Суллы, который не раз советовал оптиматам остерегаться плохо подпоясанного юнца.

46. Жил он сначала в скромном доме на Субуре, а когда стал великим понтификом, то поселился в государственном здании на Священной дороге. О его великой страсти к изысканности и роскоши сообщают многие. Так, говорят, что он заложил и отстроил за большие деньги виллу близ озера Неми, но она не совсем ему понравилась, и он разрушил ее до основания, хотя был еще беден и в долгах. В походах он возил с собою штучные и мозаичные полы.

47. В Британию он вторгся будто бы в надежде найти там жемчуг: сравнивая величину жемчужин, он нередко взвешивал их на собственных ладонях. Резные камни, чеканные сосуды, статуи, картины древней работы он всегда собирал с увлечением. Красивых и ученых рабов он покупал по таким неслыханным ценам, что сам чувствовал неловкость и запрещал записывать их в книги.

48. В провинциях он постоянно давал обеды на двух столах: за одним возлежали гости в воинских плащах или в греческом платье, за другим гости в тогах вместе с самыми знатными из местных жителей. Порядок в доме он соблюдал и в малых и в больших делах настолько неукоснительно и строго, что однажды заковал в колодки пекаря за то, что он подал гостям не такой хлеб, как хозяину, а в другой раз он казнил смертью своего любимого вольноотпущенника за то, что тот обольстил жену римского всадника, хотя на него никто и не жаловался.

49. На целомудрии его единственным пятном было сожи-

тельство с Никомедом, но это был позор тяжкий и несмысленный, навлекавший на него всеобщее поношение. Я не говорю о знаменитых строках Лициния Кальва:

...и все остальное,
Чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок.

Умалчиваю о речах Долабеллы и Куриона-старшего, в которых Долабелла называет его «царской подстилкой» и «царицыным разлучником», а Курион — «злачным местом Никомеда» и «вифинским блудилищем». (2) Не говорю даже об эдиктах Бибула, в которых он обзывает своего коллегу вифинской царицей и заявляет, что раньше он хотел царя, а теперь царства; в то же время, по словам Марка Брута, и некий Октавий, человек слабоумный и потому невоздержанный на язык, при всем народе именовал Помпея царем, а Цезаря величал царицей. Но Гай Мемний прямо попрекает его тем, что он стоял при Никомеде виночерпием среди других любимчиков на многолюдном пиршестве, где присутствовали и некоторые римские торговые гости, которых он называет по именам. (3) А Цицерон описывал в некоторых своих письмах, как царские служители отвели Цезаря в опочивальню, как он в пурпурном одеянии возлег на золотом ложе и как растлен был в Вифинии цвет юности этого потомка Венеры; мало того, когда однажды Цезарь говорил перед сенатом в защиту Нисы, дочери Никомеда, и перечислял все услуги, оказанные ему царем, Цицерон его перебил: «Оставим это, прошу тебя: всем отлично известно, что дал тебе он и что дал ему ты!» (4) Наконец, во время галльского триумфа его воины, шагая за колесницей, среди других насмешливых песен распевали и такую, получившую широкую известность:

Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию,—
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря.

50. На любовные утехы он, по общему мнению, был падок и расточителен. Он был любовником многих знатных женщин — в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея. Действительно, и Курионы, отец и сын, и многие другие попрекали Помпея за то, что из жадности власти он женился на дочери человека, из-за которого прогнал жену, родившую ему троих детей, и которого не раз со стоном называл своим Эгисфом. (2) Но больше всех остальных любил он мать Брута, Сервилию: еще в свое первое консульство он купил для нее жемчужину, стоившую шесть миллионов, а в гражданскую войну, не считая других подарков, он продал ей с аукциона богатейшие поместья за бесценок. Когда многие дивились этой дешевизне, Цицерон остроумно заметил: «Чем плоха сделка, коли третья часть остается за продавцом?» Дело в том, что Сервилия, как подозревали, свела с Цезарем и свою дочь Юнию Третью.

51. И в провинциях он не отставал от чужих жен: это видно хотя бы из двустийша, которое также распевали воины в галльском триумфе:

Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии.

52. Среди его любовниц были и царицы — например, мавританка Эвной, жена Богуда: и ему и ей, по словам Назона, он делал многочисленные и богатые подарки. Но больше всех он любил Клеопатру: с нею он и пировал не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покоем он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать; наконец, он пригласил ее в Рим и отпустил с великими почестями и богатыми дарами, позволив ей даже назвать новорожденного сына его именем. (2) Некоторые греческие писатели сообщают, что этот сын был похож на Цезаря и лицом и осанкой. Марк Антоний утверждал перед сенатом, что Цезарь признал мальчика своим сыном и что это известно Гаю Матию, Гаю Оппию и другим друзьям Цезаря; однако этот Гай Оппий написал целую книгу, доказывая, что ребенок, выдаваемый Клеопатрой за сына Цезаря, в действительности вовсе не сын Цезаря (как будто это нуждалось в оправдании и защите!). (3) Народный трибун Гельвий Цинна многим признавался, что у него был написан и подготовлен законопроект, который Цезарь приказал провести в его отсутствие: по этому закону Цезарю позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников. Наконец, чтобы не осталось сомнения в позорной славе его безнравственности и разврата, напомним, что Курион-старший в какой-то речи называл его мужем всех жен и женою всех мужей.

53. Вина он пил очень мало: этого не отрицают даже его враги. Марку Катону принадлежат слова: «Цезарь один из всех берется за государственный переворот трезвым». В отношении же еды он, как показывает Гай Оппий, был настолько неприхотлив, что когда у кого-то на обеде было подано старое масло вместо свежего и остальные гости от него отказались, он один брал его даже больше обычного, чтобы не показать, будто он упрекает хозяина в небрежности или невежливости.

54. Бескорыстия он не обнаружил ни на военных, ни на гражданских должностях. Проконсулом в Испании, по воспоминаниям некоторых современников, он, как нищий, выпрашивал у союзников деньги на уплату своих долгов, а у лузитанов разорил, как на войне, несколько городов, хотя они соглашались на его требования и открывали перед ним ворота. (2) В Галлии он опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание. Оттого у него и оказалось столько золота, что он распродал его по Италии и провинциям на вес, по три тысячи сестерциев за фунт. (3) В первое свое консульство он похитил из capitoлийского храма три тысячи

фунтов золота, положив вместо него столько же позолоченной меди. Он торговал союзами и царствами: с одного Птолемея он получил около шести тысяч талантов, за себя и за Помпея. А впоследствии лишь неприкрытые грабежи и святотатства позволили ему вынести издержки гражданских войн, триумфов и зрелищ.

55. В красноречии и военном искусстве он стяжал не меньшую, если не большую славу, чем лучшие их знатоки. После обвинения Долабеллы все без спору признали его одним из лучших судебных ораторов Рима. Во всяком случае, Цицерон, перечисляя ораторов в своем «Бруте», заявляет, что не видел никого, кто превосходил бы Цезаря, и называет его слог изящным, блестящим, и даже великолепным и благородным. (2) А Корнелию Непоту он писал о нем так: «Как? Кого предпочтешь ты ему из тех ораторов, которые ничего не знают, кроме своего искусства? Кто острее или богаче мыслями? Кто пышнее или изящнее в выражениях?» По-видимому, за образец красноречия, по крайней мере в молодости, он выбрал Цезаря Страбона; из его речи в защиту сардинцев он даже перенес кое-что дословно в свою предварительную речь. Как передают, говорил он голосом звонким, с движениями и жестами пылкими, но приятными. (3) Он оставил несколько речей; однако некоторые среди них приписываются ему ложно. Так, Август не без основания считал, что речь за Квинта Метелла не была издана самим Цезарем, а скорее записана скорописцем, плохо поспевавшим за словами оратора: в некоторых списках я даже нашел заглавие не «За Метелла», а «Для Метелла», хотя Цезарь говорит в ней от своего лица, защищая себя и Метелла от обвинений, возводимых на них общими недоброжелателями. (4) Точно так же не решается Август приписать Цезарю речь перед воинами в Испании: между тем известны целых две такие речи, одна перед первым боем и другая — перед вторым, хотя Азиний Поллион и пишет, что тут у него перед стремительным натиском неприятеля не было времени ни для каких речей.

56. Он оставил и «Записки» о своих действиях в галльскую войну и в гражданскую войну с Помпеем. Кому принадлежат записки об александрийской, африканской и испанской войнах, неизвестно: одни называют Оппия, другие — Гирция, который дописывал также последнюю книгу «Галльской войны», не законченную Цезарем. О «Записках» Цезаря Цицерон так отзывается в том же «Бруте»: (2) «Записки, им сочиненные, заслуживают высшей похвалы: в них есть нагая простота и прелесть, свободные от пышного ораторского облачения. Он хотел только подготовить все, что нужно для тех, кто пожелает писать историю, но угодил, пожалуй, лишь глупцам, которым захочется разукрасить его рассказ своими завитушками, разумные же люди после него уже не смеют взяться за перо». (3) А Гирций о тех же «Записках» заявляет так: «Они встретили такое единодушное одобрение, что, кажется, не столько дают, сколько отнимают

материал у историков. Мы больше, чем кто-нибудь другой, восхищаемся ими: все знают, как хорошо и точно, а мы еще знаем, как легко и быстро написал их Цезарь». (4) Азиний Поллион находит, что они написаны без должной тщательности и заботы об истине: многое, что делали другие, Цезарь напрасно принимал на веру, и многое, что делал он сам, он умышленно или по забывчивости изображает превратно; впрочем, Поллион полагает, что он переделал бы их и исправил.

(5) Еще он оставил две книги «Об аналогии», столько же книг «Против Катона» и, наконец, поэму под заглавием «Путь». Первое из этих сочинений он написал во время перехода через Альпы, возвращаясь с войском из Ближней Галлии после судебных собраний; второе — в пору битвы при Мунде; последнее — когда он за двадцать четыре дня совершил переход из Рима в Дальнюю Испанию. (6) Существуют также его донесения сенату: как кажется, он первый стал придавать им вид памятной книжки со страницами, тогда как раньше консулы и военачальники писали их прямо на листах сверху донизу. Существуют и его письма к Цицерону и письма к близким о домашних делах: в них, если нужно было сообщить что-нибудь негласно, он пользовался тайнописью, то есть менял буквы так, чтобы из них не складывалось ни одного слова. Чтобы разобрать и прочитать их, нужно читать всякий раз четвертую букву вместо первой, например, D вместо A и так далее. (7) Известно также о некоторых сочинениях, писанных им в детстве и юности, — «Похвала Геркулесу», трагедия «Эдип», «Собрание изречений»; но издавать все эти книжки Август запретил в своем коротком и ясном письме к Помпею Макру, которому было поручено устройство библиотек.

57. Оружием и конем он владел замечательно, выносливость его превосходила всякое вероятие. В походе он шел впереди войска, обычно пешком, иногда на коне, с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь. Самые длинные переходы он совершал с невероятной быстротой, налегке, в наемной повозке, делая по сотне миль в день, реки преодолевая вплавь или с помощью надутых мехов, так что часто опережал даже вестников о себе.

58. Трудно сказать, осторожности или смелости было больше в его военных предприятиях. Он никогда не вел войска по дорогам, удобным для засады, не разведав предварительно местности; в Британию он переправился не раньше, чем сам обследовал пристани, морские пути и подступы к острову. И он же, узнав об осаде его лагерей в Германии, сквозь неприятельские посты, переодетый в галльское платье, проскользнул к своим. (2) Из Брундизия в Диррахий он переправился зимой, между вражескими кораблями, оставив войскам приказ следовать за ним; а когда они замешкались и он напрасно торопил их, посылая гонцов, то, наконец, сам, ночью, втайне, один, закутавшись в плащ, пустился к ним на маленьком суденышке, и не раньше открыл себя,

не раньше позволил кормчему отступить перед бурей, чем лодку почти затопило волнами.

59. Никогда никакие суеверия не вынуждали его оставить или отложить предприятие. Он не отложил выступления против Сципиона и Юбы из-за того, что при жертвоприношении животное вырвалось у него из рук. Даже когда он оступился, сходя с корабля, то обратил это в хорошее предзнаменование, воскликнув: «Ты в моих руках, Африка!» В насмешку над пророчествами, сулившими имени Сципионов в этой земле вечное счастье и непобедимость, он держал при себе в лагере ничтожного малого из рода Корнелиев, прозванного за свою распутную жизнь Салютионом.

60. В сражения он вступал не только по расчету, но и по случаю, часто сразу после перехода, иногда в самую жестокую непогоду, когда этого меньше всего от него ожидали. Только под конец жизни он стал осторожнее принимать бой: чем больше за ним побед, рассуждал он, тем меньше следует полагаться на случай, так как никакая победа не принесет ему столько, сколько может отнять одно поражение. Обращая неприятеля в бегство, он всякий раз отбивал у него и лагерь, не давая ему оправиться от испуга. Если успех колебался, он отсылал прочь лошадей, прежде всего — свою, чтобы воины держались поневоле, лишённые возможности к бегству. 61. (А лошадь у него была замечательная, с ногами, как у человека, и с копытами, расчленёнными, как пальцы: когда она родилась, гадатели предсказали ее хозяину власть над всем миром, и тогда Цезарь ее бережно выходил и первый объездил — других седоков она к себе не подпускала, — а впоследствии даже поставил ей статую перед храмом Венеры-Прародительницы.) 62. Если же его войско начинало отступать, он часто один восстанавливал порядок: бросаясь навстречу бегущим, он удерживал воинов поодиночке и, схватив их за горло, поворачивал лицом к неприятелю. А паника бывала такова, что однажды схваченный им знаменосец замахнулся на него острием значка, а другой знаменосец оставил древко у него в руке.

63. Не меньшим было и его присутствие духа, а обнаруживалось оно еще разительнее. После сражения при Фарсале, уже отправив войско в Азию, он переправлялся в лодке перевозчика через Геллеспонт, как вдруг встретил враждебного ему Луция Кассия с десятью военными кораблями; но вместо того чтобы обратиться в бегство, Цезарь, подойдя к нему вплотную, сам потребовал его сдачи, и тот, покорный, перешел к нему. 64. В Александрии, во время битвы за мост, он был оттеснен внезапно прорвавшимся неприятелем к маленькому челноку; но так как множество воинов рвалось за ним туда же, он спрыгнул в воду и вплавь спасся на ближайший корабль, проплыв двести шагов с поднятой рукой, чтобы не замочить свои таблички, и закусив зубами волочащийся плащ, чтобы не оставить его в добычу неприятелю.

65. Воинов он ценил не за нрав и не за род и богатство, а только за мужество; а в обращении с ними одинаково бывал и взыскателен и снисходителен. Не всегда и не везде он держал их в строгости, а только при близости неприятеля; но тогда уже требовал от них самого беспрекословного повиновения и порядка, не предупреждал ни о походе, ни о сражении и держал в постоянной напряженной готовности внезапно выступить куда угодно. Часто он выводил их даже без надобности, особенно в дожди и в праздники. А нередко, отдав приказ не терять его из виду, он скрывался из лагерей днем или ночью и пускался в далекие прогулки, чтобы утомить отстававших от него солдат.

66. Когда распространялись устрашающие слухи о неприятеле, он для ободрения солдат не отрицал и не преуменьшал вражеских сил, а напротив, преувеличивал их собственными выдумками. Так, когда все были в страхе перед приближением Юбы, он созвал солдат на сходку и сказал: «Знайте: через несколько дней царь будет здесь, а с ним десять легионов, да всадников тридцать тысяч, да легковооруженных сто тысяч, да слонов три сотни. Я это знаю доподлинно, так что кое-кому здесь лучше об этом не гадать и не ломать голову, а прямо поверить моим словам; а не то я таких посажу на дырявый корабль и пушу по ветру на все четыре стороны».

67. Проступки солдат он не всегда замечал и не всегда должным образом наказывал. Беглецов и бунтовщиков он преследовал и карал жестоко, а на остальное смотрел сквозь пальцы. А иногда после большого и удачного сражения он освобождал их от всех обязанностей и давал полную волю отдохнуть и разгуляться, похваляясь обычно, что его солдаты и среди благоволий умеют отлично сражаться. (2) На сходках он обращался к ним не «воины!» а ласковее: «соратники!» Заботясь об их виде, он награждал их оружием, украшенным серебром и золотом, как для красоты, так и затем, чтобы они крепче держали его в сражении из страха потерять ценную вещь. А любил он их так, что при вести о поражении Титурия отпустил волосы и бороду и остриг их не раньше, чем отомстил врагам.

68. Всем этим он добивался от солдат редкой преданности и отваги. Когда началась гражданская война, все центурионы всех легионов предложили ему снарядить по всаднику из своих сбережений, а солдаты обещали ему служить добровольно, без жалованья и пайка: те, кто побогаче, брались заботиться о тех, кто победнее. И за все время долгой войны ни один солдат не покинул его; а многие пленники, которым враги предлагали оставить жизнь, если они пойдут воевать против Цезаря, отвечали на это отказом. (2) Голод и прочие лишения они, будучи осаждаемыми или осаждающими, переносили с великой твердостью: когда Помпей увидел в укреплениях Диррахия хлеб из травы, которым они питались, он воскликнул, что с ним дерутся звери, а не люди, и приказал этот хлеб унести и никому не показывать, чтобы при виде терпения и стойкости неприятеля не пали ду-

хом его собственные солдаты. (3) А как доблестно они сражались, видно из того, что после единственного неудачного боя при Диррахии они сами потребовали себе наказания, так что полководцу пришлось больше утешать их, чем наказывать. В других сражениях они не раз легко одолевали бесчисленные полчища врага во много раз меньшими силами. Так, одна когорта шестого легиона, обороняя укрепление, в течение нескольких часов выдерживала натиск четырех легионов Помпея и почти вся полегла под градом вражеских стрел, которых внутри вала было найдено сто тридцать тысяч. (4) И этому не приходится удивляться, если вспомнить подвиги отдельных воинов, например центуриона Кассия Сцевы или рядового Гая Ацилия, не говоря об остальных. Сцева, с выбитым глазом, раненный насквозь в бедро и плечо, со щитом, пробитым сто двадцатью ударами, все же не подпустил врага к воротам вверенного ему укрепления; Ацилию в морском бою при Массилии отрубили правую руку, когда он схватился ею за вражескую корму, но он, по примеру славного у греков Кинегира, перепрыгнул на неприятельский корабль и одним щитом погнался перед собой противников.

69. Мятежей в его войсках за десять лет галльских войн не случилось ни разу, в гражданской войне — лишь несколько раз; но солдаты тотчас возвращались к порядку, и не столько из-за отзывчивости полководца, сколько из уважения к нему: Цезарь никогда не уступал мятежникам, а всегда решительно шел против них. Девятый легион перед Плаценцией он на месте распустил с позором, хотя Помпей еще не сложил оружия, и только после долгих и униженных просьб восстановил его, покарвав предварительно зачинщиков. 70. А когда солдаты десятого легиона в Риме с буйными угрозами потребовали увольнения и наград, несмотря на еще пылавшую в Африке войну, и уже столица была в опасности, тогда Цезарь, не слушая отговоров друзей, без колебания вышел к солдатам и дал им увольнение; а потом, обратившись к ним «граждане!» вместо обычного «воины!», он одним этим словом изменил их настроение и склонил их к себе: они наперебой закричали, что они — его воины, и добровольно последовали за ним в Африку, хоть он и отказывался их брать. Но и тут он наказал всех главных мятежников, сократив им на треть обещанную долю добычи и земли.

71. Верностью и заботой о клиентах он отличался смолоду. Знатного юношу Масинту он защищал от царя Гиемпсала с такой горячностью, что во время спора схватил за бороду царского сына Юбу. А когда Масинта все же был объявлен царским данником, он вырвал его из рук тащивших его, долго скрывал у себя, а потом, отправляясь после претуры в Испанию, увез его с собою в носилках, окруженный толпой провожающих и фасками ликторов.

72. К друзьям он был всегда внимателен и добр: когда однажды он ехал с Гаем Оппием через глухой лес, и того свалила внезапная болезнь, он уступил другу единственный

кров, а сам ночевал на голой земле под открытым небом. А когда он уже стоял у власти, то некоторых людей самого низкого звания он возвысил до почетных должностей, и в ответ на упреки прямо сказал, что если бы он был обязан своим достоинством разбойникам и головорезам, он и им отплатил бы такой же благодарностью.

73. Напротив, вражды у него ни к кому не было настолько прочной, чтобы он от нее не отказался с радостью при первом удобном случае. Гаю Меммию на его свирепые речи он отвечал с такой же язвительностью, но когда вскоре тот выступил соискателем консульства, он охотно его поддержал. Гаю Кальву, который, ославив его эпиграммами, стал через друзей искать примирения, он добровольно написал первый. Валерий Катулл, по собственному признанию Цезаря, заклеил его вечным клеймом в своих стишках о Мамурре, но когда поэт принес извинения, Цезарь в тот же день пригласил его к обеду, а с отцом его продолжал поддерживать обычные дружеские отношения.

74. Даже во мщении обнаруживал он свою природную мягкость. Пиратам, у которых он был в плену, он поклялся, что они у него умрут на кресте, но когда он их захватил, то приказал сперва их заколоть и лишь потом распять. Корнелию Фагитте, к которому он, больной беглец, когда-то ночью попал в засаду и лишь с трудом, за большие деньги, умолил не выдавать его Сулле, он не сделал потом никакого зла. Раба Филемона, своего секретаря, который обещал врагам извести его ядом, он казнил смертью, но без пыток. (2) Когда Публий Клодий, оболститель его жены Помпеи, был по этому поводу привлечен к суду за оскорбление святынь, то Цезарь, вызванный свидетелем, заявил, что ему ничего не известно, хотя мать его Аврелия и сестра Юлия уже рассказали всю правду перед теми же судьями. А на вопрос, почему же он тогда развелся с женою, он ответил: «Потому что мои близкие, как я полагаю, должны быть чисты не только от вины, но и от подозрений».

75. Его умеренность и милосердие, как в ходе гражданской войны, так и после победы, были удивительны. Между тем, как Помпей объявил своими врагами всех, кто не встанет на защиту республики, Цезарь провозгласил, что тех, кто воздержится и ни к кому не примкнет, он будет считать друзьями. Всем, кого он произвел в чины по советам Помпея, он предоставил возможность перейти на сторону Помпея. (2) Когда при Илерде велись переговоры о сдаче и оба войска находились уже в непрестанном общении и сношениях, Афраний и Петрей, внезапно передумав, захватили врасплох и казнили всех цезарианских солдат в своем лагере; но Цезарь не стал подражать этому испытанному им вероломству. При Фарсале он призвал своих воинов щадить жизнь римских граждан, а потом позволил каждому из своих сохранить жизнь одному из неприятелей. (3) Никто не погиб от него иначе, как на войне, если не считать Афрания с Фавстом и молодого Луция Цезаря; но и они, как пола-

гают, были убиты не по воле Цезаря, хотя первые двое, уже будучи однажды им прощены, снова подняли против него оружие, а третий огнем и мечом жестоко расправился с его вольноотпущенниками и рабами, перерезав даже зверей, приготовленных им для развлечения народа. (4) Наконец, в последние годы он даже позволил вернуться в Италию всем, кто еще не получил прощения, и открыл им доступ к государственным должностям и военным постам. Даже статуи Луция Суллы и Помпея, разбитые народом, он приказал восстановить. И когда впоследствии против него говорилось или замышлялось что-нибудь опасное, он старался это пресекать, но не наказывать. (5). Так, обнаруживая заговоры и ночные сборища, он ограничивался тем, что в эдикте объявлял, что это ему неизвестно; тем, кто о нем злобно говорил, он только посоветовал в собрании больше так не делать; жестокий урон, нанесенный его доброму имени клеветнической книжкой Авла Цецины и бранными стишками Пифолая, он перенес спокойно, как простой гражданин.

76. Однако все это перевешивают его слова и дела иного рода: поэтому даже считается, что он был повинен в злоупотреблении властью и убит заслуженно.

Мало того, что он принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, стацию среди царских статуй, возвышенное место в театре, — он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, место за угощением для богов, жреца, новых луперков, название месяца по его имени; и все эти почести он получал и раздавал по собственному произволу. (2) В свое третье и четвертое консульство он был консулом лишь по имени, довольствуясь одновременно предложенной ему диктаторской властью; в замену себе он каждый раз назначал двух консулов, но лишь на последние три месяца, так что в промежутке даже народные собрания не созывались, кроме как для выбора народных трибунов и эдилов: ибо и преторов он заменил префектами, которые вели городские дела в его отсутствие. Когда один консул внезапно умер накануне нового года, он отдал освободившееся место одному соискателю на несколько оставшихся часов. (3) С таким же своевластием он вопреки отеческим обычаям назначал должностных лиц на много лет вперед, даровал десяти бывшим преторам консульские знаки отличия, ввел в сенат граждан, только что получивших гражданские права, и в их числе нескольких полудиких галлов. Кроме того, заведовать чеканкой монеты и государственными податями он поставил собственных рабов, а управление и начальство над оставленными в Александрии тремя легионами передал своему любимчику Руфину, сыну своего вольноотпущенника.

77. Не менее надменны были и его открытые высказывания,

о каких сообщает Тит Амхий: «республика — ничто, пустое имя без тела и облика»; «Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти»; «с ним, Цезарем, люди должны разговаривать осторожнее и слова его считать законом». Он дошел до такой заносчивости, что когда гадатель однажды возвестил о несчастном будущем — зарезанное животное оказалось без сердца, — то он заявил: «Все будет хорошо, коли я того пожелаю; а в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет».

78. Но величайшую, смертельную ненависть навлек он на себя вот каким поступком. Сенаторов, явившихся в полном составе поднести ему многие высокопочетнейшие постановления, он принял перед храмом Венеры-Прародительницы сидя. Некоторые пришут, будто он пытался подняться, но его удержал Корнелий Бальб; другие, напротив, будто он не только не пытался, но даже взглянул сурово на Гая Требация, когда тот предложил ему встать.

(2) Это показалось особенно возмутительным оттого, что сам он, проезжая в триумфе мимо трибунских мест и увидев, что перед ним не встал один из трибунов по имени Понтий Аквила, пришел тогда в такое негодование, что воскликнул: «Не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?» И еще много дней, давая кому-нибудь какое-нибудь обещание, он непременно оговаривал: «если Понтию Авкиле это будет благоугодно».

79. Безмерно оскорбив сенат своим открытым презрением, он прибавил к этому и другой, еще более дерзкий поступок. Однажды, когда он возвращался после жертвоприношения на Латинских играх, среди небывало бурных народных рукоплеканий, то какой-то человек из толпы возложил на его статую лавровый венок, перевитый белой перевязью, но народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав приказали сорвать перевязь с венка, а человека бросить в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что намек на царскую власть не имел успеха, на то ли, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и лишил их должности.

(2) Но с этих пор он уже не мог стряхнуть с себя позор стремления к царскому званию, — несмотря на то, что однажды он ответил плебею, величавшему его царем: «Я Цезарь, а не царь!», а в другой раз, когда на Луперкалиях перед ростральной трибуной консул Антоний несколько раз пытался возложить на него диадему, он отверг ее и отослал на Капитолий в храм Юпитера Благого и Величайшего. (3) Более того, все чаще ходили слухи, будто он намерен переселиться в Александрию или в Илион и перевести туда все государственные средства, обескровив Италию воинскими наборами, а управление Римом поручив друзьям, и будто на ближайшем заседании сената квиндецимвир Луций Котта внесет предложение провозгласить Цезаря царем, так как в пророческих книгах записано, что парфян может победить только царь. 80. Это и заставило заговорщиков ускорить заду-

манные действия, чтобы не пришлось голосовать за такое предложение.

Уже происходили тут и там тайные сходки, где встречались два-три человека: теперь все слилось воедино. Уже и народ не был рад положению в государстве: тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. (2) Когда в сенат были приняты иноземцы, появились подметные листы с надписью: «В добрый час! не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!» А в народе распевали так:

Галлов Цезарь вел в триумфе, галлов Цезарь ввел в сенат.
Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой.

(3) Когда Квинт Максим, назначенный консулом на три месяца, входил в театр и ликтор, как обычно, всем предложил его приветствовать, отовсюду раздались крики: «Это не консул!» После удаления от должности трибунов Цезетия и Марулла на ближайших выборах было подано много голосов, объявлявших их консулами. Под статуей Луция Брута кто-то написал: «О, если б ты был жив!», а под статуей Цезаря:

Брут, изгнав царей из Рима, стал в нем первым консулом,
Этот, консулов изгнавши, стал царем в конце концов.

(4) В заговоре против него участвовало более шестидесяти человек; во главе его стояли Гай Кассий, Марк Брут и Децим Брут. Сперва они колебались, убить ли его на Марсовом поле, когда на выборах он призовет трибы к голосованию, — разделившись на две части, они хотели сбросить его с мостков, а внизу подхватить и заколоть, — или же напасть на него на Священной дороге или при входе в театр. Но когда было объявлено, что в иды марта сенат соберется на заседание в курию Помпея, то все охотно предпочли именно это время и место.

81. Между тем приближение насильственной смерти было возведено Цезарю самыми несомненными предзнаменованиями. За несколько месяцев перед тем новые поселенцы, выведенные по Юлиеву закону в Капую, раскапывали там древние могилы, чтобы поставить себе усадьбы, и очень усердствовали, так как им случилось отыскать в земле несколько сосудов старинной работы; и вот в гробнице, где, по преданию, был похоронен основатель Капуи, Капий, они нашли медную доску с греческой надписью такого содержания: когда потревожен будет Капиев прах, тогда потомок его погибнет от руки сородичей, и будет отмщен великим по всей Италии кровопролитием. (2) Не следует считать это басней или выдумкой: так сообщает Корнелий Бальб, близкий друг Цезаря. А за несколько дней до смерти Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил богам и отпустил пастись на воле, без охраны, упорно отказываются от еды и проливают слезы. Затем, когда он приносил жертвы, гадатель Спуринна советовал ему остерегаться опасности, которая ждет его не позднее чем в иды марта.

(3) Затем, уже накануне этого дня в курию Помпея влетела птичка королек с лавровой веточкой в клюве, преследуемая стайей разных птиц из ближней рощицы, и они ее растерзали. А в последнюю ночь перед убийством ему привиделось во сне, как он летает под облаками и потом как Юпитер пожимает ему десницу; жене его Кальпурнии снилось, что в доме их рушится крыша и что мужа закалывают у нее в объятиях; и двери их спальни внезапно сами собой распахнулись настежь.

(4) Из-за всего этого, а также из-за нездоровья он долго колебался, не остаться ли ему дома, отложив свои дела в сенате. Наконец, Децим Брут уговорил его не лишать своего присутствия многолюдное и давно ожидающее его собрание, и он вышел из дому уже в пятом часу дня. Кто-то из встречных подал ему записку с сообщением о заговоре: он присоединил ее к другим запискам, которые держал в левой руке, собираясь прочесть. Потом он принес в жертву нескольких животных подряд, но благоприятных знамений не добился; тогда он вошел в курию, не обращая внимания на дурной знак и посмеиваясь над Спуринной за то, что вопреки его предсказанию иды марта наступили и не принесли никакой беды. «Да, пришли, но не прошли», — ответил тот.

82. Он сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр, взявший на себя первую роль, подошел к нему ближе, как будто с просьбой, и когда тот, отказываясь, сделал ему знак подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: «Это уже насилие!» — и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла.

(2) Цезарь хватает Каску за руку, прокалывает ее грифелем, пытается вскочить, но второй удар его останавливает. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинуд на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испутив не крик даже, а стон, — хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: «*И ты, дитя мое?*»

(3) Все разбежались; бездыханный, он остался лежать, пока трое рабов, взвалив его на носилки, со свисающей рукою, не отнесли его домой. И среди стольких ран только одна, по мнению врача Антистия, оказалась смертельной — вторая, нанесенная в грудь.

(4) Тело убитого заговорщики собирались бросить в Тибр, имущество конфисковать, законы отменить, но не решились на это из страха перед консулом Марком Антонием и начальником конницы Лепидом.

83. По требованию Луция Пизона, тестя убитого, было вскрыто и прочитано в доме Антония его завещание, составленное им в Лавиканском поместье в сентябрьские иды прошлого года и хранившееся у старшей весталки. Квинт Туберон сооб-

щает, что со времени консульства и до самого начала гражданской войны он обычно объявлял своим наследником Гнея Помпея и даже читал это перед войском на сходке. (2) Но в этом последнем завещании он назначал наследниками трех внуков своих сестер: Гаю Октавию оставлял три четверти имущества, Луцию Пинарию и Квинту Педию — последнюю четверть. В конце завещания он сверх того усыновлял Гая Октавия и передавал ему свое имя. Многие убийцы были им названы в числе опекунов своего сына, буде таковой родится, а Децим Брут — даже среди наследников во второй степени. Народу он завещал сады над Тибром в общественное пользование и по триста сестерцев каждому гражданину.

84. День похорон был объявлен, на Марсовом поле близ гробницы Юлии сооружен погребальный костер, а перед роstralной трибуной — вызолоченная постройка наподобие храма Венеры-Прародительницы; внутри стояло ложе слоновой кости, устланное пурпуром и золотом, в изголовье — столб с одеждой, в которой Цезарь был убит. Было ясно, что всем, кто шел с приношениями, не хватило бы дня для шествия: тогда им велели сходиться на Марсово поле без порядка, любимы путями. (2) На погребальных играх, возбуждая негодование и скорбь о его смерти, пели стихи из «Суда об оружии» Пакувия —

Не я ль моим убийцам был спасителем? —

и из «Электры» Ацилия сходного содержания. Вместо похвальной речи, консул Антоний объявил через глашатая постановление сената, в котором Цезарю воздавались все человеческие и божеские почести, затем клятву, которой сенаторы клялись все блюсти жизнь одного, и к этому прибавил несколько слов от себя. (3) Погребальное ложе принесли на форум должностные лица этого года и прошлых лет. Одни предлагали сжечь его в храме Юпитера Капитолийского, другие — в курии Помпея, когда внезапно появились двое неизвестных, подпоясанные мечами, размахивающие дротиками, и восковыми факелами подожгли постройку. Тотчас окружающая толпа принялась тащить в огонь сухой хворост, скамейки, судейские кресла и все, что было принесено в дар. (4) Затем флейтисты и актеры стали срывать с себя триумфальные одежды, надетые для такого дня, и, раздирая, швыряли их в пламя; старые легионеры жгли оружие, которым они украсились для похорон, а многие женщины — свои уборы, что были на них, буллы и платья детей. (5) Среди этой безмерной всеобщей скорби множество иноземцев то тут, то там оплакивали убитого каждый на свой лад, особенно иудеи, которые и потом еще много ночей собирались на пепелище.

85. Тотчас после погребения народ с факелами ринулся к домам Брута и Кассия. Его с трудом удержали; но встретив по пути Гельвия Цинну, народ убил его, спутав по имени с Корнелием Цинной, которого искали за его произнесенную накануне

в собрании речь против Цезаря; голову Цинны вздели на копье и носили по улицам. Впоследствии народ воздвиг на форуме колонну из цельного нумидийского мрамора, около двадцати футов вышины, с надписью «Отцу отечества». У ее подножия еще долгое время приносили жертвы, давали обеты и решали споры, принося клятву именем Цезаря.

86. У некоторых друзей осталось подозрение, что Цезарь сам не хотел дольше жить, а оттого и не заботился о слабеющем здоровье и пренебрегал предостережениями знамений и советами друзей. Иные думают, что он полагался на последнее постановление и клятву сената и после этого даже отказался от сопровождавшей его охраны из испанцев с мечами; (2) другие, напротив, полагают, что он предпочитал один раз встретиться с грозящим отовсюду коварством, чем в вечной тревоге его избегать. Некоторые даже передают, что он часто говорил: жизнь его дорога не столько ему, сколько государству — сам он давно уж достиг полноты власти и славы, государство же, если что с ним случится, не будет знать покоя, а только ввергнется во много более бедственные гражданские войны. 87. Как бы то ни было, в одном согласны почти все: именно такого рода смерть была ему почти желанна. Так, когда он читал у Ксенофонта, как Кир в предсмертном недуге делал распоряжения о своем погребенье, он с отвращением отозвался о столь медленной кончине и пожелал себе смерти внезапной и быстрой. А накануне гибели, за обедом у Марка Лепида в разговоре о том, какой род смерти самый лучший, он предпочел конец неожиданный и внезапный.

88. Он погиб на пятьдесят шестом году жизни и был сопричтен к богам, не только словами указов, но и убеждением толпы. Во всяком случае, когда во время игр, которые впервые в честь его обожествления давал его наследник Август, хвостатая звезда сияла в небе семь ночей подряд, появляясь около одиннадцатого часа, то все поверили, что это душа Цезаря, вознесенного на небо. Вот почему изображается он со звездой над головой. В курии, где он был убит, установлено было застроить вход, а иды марта именовать днем отцеубийственным и никогда в этот день не созывать сенат.

89. Из его убийц почти никто не прожил после этого больше трех лет и никто не умер своей смертью. Все они были осуждены и все погибли по-разному: кто в кораблекрушении, кто в битве. А некоторые поразили сами себя тем же кинжалом, которым они убили Цезаря.

БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ

1. Род Октавиев некогда был в Велитрах одним из виднейших: об этом говорит многое. Там есть переулочек в самой населенной части города, который издавна называется Октавиевым; и там показывают алтарь, посвященный одному из Октавиев. Будучи военачальником в одной пограничной войне, он приносил однажды жертвы Марсу, как вдруг пришла весть о набеге врагов: выхватив из огня внутренности жертвы, он рассек их полусырыми, пошел на бой и вернулся с победой. Существовало даже общественное постановление, чтобы и впредь жертвенные внутренности приносились Марсу таким же образом, а остатки жертвы отдавались Октавиям.

2. Этот род был введен в сенат Тарквинием Древним в числе младших родов, затем причислен Сервием Туллием к патрициям, с течением времени опять перешел в плебс, и лишь много спустя божественный Юлий вновь вернул ему патрицианское достоинство. Первым из этого рода был избран народом на государственную должность Гай Руф. (2) Он был квестором и оставил сыновей Гнея и Гая, от которых пошли две ветви рода Октавиев, имевшие различную судьбу. А именно Гней и затем его потомки все достигали самых почетных должностей, между тем как Гай с его потомством волей судьбы или по собственному желанию состояли во всадническом сословии вплоть до отца Августа. Прадед Августа во Вторую пуническую войну служил в Сицилии войсковым трибуном под начальством Эмилия Папа. Дед его довольствовался муниципальными должностями и дожил до старости спокойно и в достатке.

(3) Но так сообщают другие; сам же Август пишет только о том, что происходит из всаднического рода, древнего и богатого, в котором впервые стал сенатором его отец. А Марк Антоний попрекает его тем, будто прадед его был вольноотпущенник, канатчик из Фурийского округа, а дед — ростовщик. Вот все, что я мог узнать о предках Августа по отцу.

3. Отец его Гай Октавий с молодых лет был богат и пользовался уважением; можно только удивляться, что и его некоторые объявляют ростовщиком и даже раздатчиком взяток при сделках на выборах. Выросши в достатке, он и достигал по-

четных должностей без труда, и отправлял их отлично. После претуры он получил по жребию Македонию; по дороге туда, выполняя особое поручение сената, он уничтожил остатки захвативших Фурийский округ беглых рабов из отряда Спартака и Катилины. (2) Управляя провинцией, он обнаружил столько же справедливости, сколько и храбрости: бессов и фракийцев он разбил в большом сражении, а с союзными племенами обходился так достойно, что Марк Цицерон в сохранившихся письмах к своему брату Квинту, который в то время бесславно правил провинцией Азией, побуждал и увещевал его в заботах о союзниках брать пример с его соседа Октавия.

4. Возвращаясь из Македонии, он скоропостижно умер, не успев выдвинуть свою кандидатуру на консульство. После него осталось трое детей: Октавия Старшая — от Анхари, Октавия Младшая и Август — от Атии.

Атия была дочерью Марка Атия Бальба и Юлии, сестры Гая Цезаря. Бальб по отцу происходил из Ариции, и среди его предков было немало сенаторов, а по матери находился в близком родстве с Помпеем Великим. Он был претором, а потом в числе двадцати уполномоченных занимался разделом кампанских земель между гражданами по Юлиеву закону. (2) Однако тот же Антоний, позоря предков Августа и с материнской стороны, попрекал его тем, будто его прадед был африканцем и держал в Ариции то ли лавку с мазями, то ли пекарню. А Кассий Пармский в одном письме обзывает Августа внуком не только пекаря, но и ростовщика: «Мать твоя выпечена из муки самого грубого арицийского помола, а замесил ее грязными от лихоимства руками нурулонский меняла».

5. Август родился в консульство Марка Туллия Цицерона и Гая Антония, в девятый день до октябрьских календ, незадолго до рассвета, у Бычьих голов в палатинском квартале, где теперь стоит святилище, основанное вскоре после его смерти. Действительно, в сенатских отчетах записано, что некто Гай Латорий, юноша патрицианского рода, обвиненный в прелюбодеянии, умоляя смягчить ему жестокою кару из внимания к его молодости и знатности, ссылаясь перед сенаторами и на то, что он является владельцем и как бы блюстителем той земли, которой коснулся при рождении божественный Август, и просил помилования во имя этого своего собственного и наследственного божества. Тогда и было постановлено превратить эту часть дома в святилище.

6. Его детскую, маленькую комнату, похожую на кладовую, до сих пор показывают в загородной усадьбе его деда близ Велитр, и окрестные жители уверены, что там он и родился. Войти туда принято только по необходимости и после обряда очищения, так как есть давнее поверье, будто всякого, кто туда вступает без почтения, обуревают страх и ужас. Это подтвердилось недавно, когда новый владелец усадьбы то ли случайно, то ли из любопытства решил там переночевать, но через несколько

часов, среди ночи, был выброшен оттуда внезапной неведомой силой, и его вместе с постелью нашли, полуживого, уже за порогом.

7. В младенчестве он был прозван Фурийцем в память о происхождении предков, а может быть, о победе, вскоре после его рождения одержанной его отцом Октавием над беглыми рабами в Фурийском округе. О том, что он был прозван Фурийцем, я сообщаю с полной уверенностью: мне удалось найти маленькое бронзовое изваяние старинной работы, изображающее его ребенком, и на нем было написано это имя железными, почти стершимися буквами. Это изваяние я поднес императору, который благоговейно поместил его среди Ларов в своей опочивальне. Впрочем, и Марк Антоний часто называет его в письмах Фурийцем, стараясь этим оскорбить; но Август в ответ на это только удивляется, что его попрекают его же детским именем. (2) Впоследствии же он принял имя Гая Цезаря и прозвище Августа — первое по завещанию внучатного дяди, второе по предложению Мунация Планка. Другие предлагали ему тогда имя Ромула, как второму основателю Рима, но было решено, что лучше ему именоваться Августом: это было имя не только новое, но и более возвышенное, ибо и почитаемые места, где авгуры совершили обряд освящения, называются «августейшими» (*augusta*) — то ли от слова «увеличение» (*auctus*), то ли от полета или кормления птиц (*avium gestus gustusve*); это показывает и стих Энния:

По августейшем гаданье основан был Рим знаменитый.

8. В четыре года он потерял отца. На двенадцатом году он произнес перед собранием похвальную речь на похоронах своей бабки Юлии. Еще четыре года спустя, уже на девятнадцатом, он получил военные награды в африканском триумфе Цезаря, хотя сам по молодости лет в войне и не участвовал. Когда же затем его внучатный дядя отправился в Испанию против сыновей Помпея, то он, еще не окрепнув после тяжелой болезни, с немногими спутниками, по угрожаемому неприятелем дорогам, не отступив даже после кораблекрушения, пустился ему вслед; а заслужив его расположение этой решительностью при переезде, он вскоре снискал похвалу и своими природными дарованиями.

(2) Задумав после покорения Испании поход против дакийцев и затем против парфян, Цезарь заранее отправил его в Аполонию, и там он посвятил досуг занятиям. При первом известии, что Цезарь убит и что он — его наследник, он долго колебался, не призвать ли ему на помощь стоявшие поблизости легионы, но отверг этот замысел как опрометчивый и преждевременный. Однако он отправился в Рим и вступил в наследство, несмотря ни на сомнения матери, ни на решительные возражения отчима, консуляра Марция Филиппа. (3) И с этих пор, собрав войска, он стал править государством: сперва в течение двенадцати лет — вместе с Марком Антонием и Марком Ле-

пидом, а затем с одним Марком Антонием, и наконец в течение сорока четырех лет — единовластно.

9. Обрисовав его жизнь в общих чертах, я остановлюсь теперь на подробностях, но не в последовательности времени, а в последовательности предметов, чтобы можно было их представить нагляднее и понятнее.

Гражданских войн вел он пять: мутинскую, филиппийскую, перузийскую, сицилийскую, актийскую; первую и последнюю из них — против Марка Антония, вторую — против Брута и Кассия, третью — против Луция Антония, брата триумвира, и четвертую — против Секста Помпея, сына Гнея.

10. Начало и причина всех этих войн были таковы. Считая первым своим долгом месть за убийство дяди и защиту всего, что тот сделал, он тотчас по приезде из Аполлонии хотел напасть врасплох на Брута и Кассия с оружием в руках; а после того как те, предвидя опасность, скрылись, он решил прибегнуть к силе закона и заочно обвинить их в убийстве. Он сам устроил игры в честь победы Цезаря, когда те, кому они были поручены, не решились на это. (2) А чтобы с уверенностью осуществить и дальнейшие свои замыслы, он выступил кандидатом на место одного внезапно скончавшегося народного трибуна, хотя и был патрицием и еще не заседал в сенате. Но консул Марк Антоний, на чью помощь он едва ли не больше всего надеялся, выступил против его начинаний и ни в чем не оказывал ему даже обычной, предусмотренной действующими законами поддержки иначе, как выговорив себе огромное вознаграждение. Тогда он перешел на сторону оптиматов, так как видел, что Антоний им ненавистен — главным образом тем, что он осадил Децима Брута в Мутине и пытался лишить его провинции, назначенной ему Цезарем и утвержденной сенатом. (3) По совету некоторых лиц, он подослал к Антонию наемных убийц; а когда этот умысел раскрылся, он, опасаясь ответной угрозы, стал самыми щедрыми подарками собирать ветеранов, чтобы защитить себя и республику. Набранное войско он должен был возглавить в чине пропретора и вместе с новыми консулами Гирцием и Пансой повести его на помощь Дециму Бруту.

Эту порученную ему войну он закончил в два месяца двумя сражениями. (4) В первом сражении он, по словам Антония, бежал и появился только через день, без плаща и без коня; во втором, как известно, ему пришлось не только быть полководцем, но и биться как солдату, а когда в гуще боя был тяжело ранен знаменосец его легиона, он долго носил его орла на собственных плечах.

11. В этой войне Гирций погиб в бою, Панса вскоре умер от раны: распространился слух, что это он позаботился об их смерти, чтобы теперь, когда Антоний бежал, а республика осталась без консулов, он один мог захватить начальство над победоносными войсками. В особенности смерть Пансы внушала столько подозрений, что врач его Гликон был взят под стражу по обвинению в том, что вложил яд в его рану. А Нигер Аквиллий утверждает,

что и второго консула, Гирция, Октавий убил своею рукой в замешательстве схватки.

12. Однако, узнав, что бежавший Антоний нашел поддержку у Лепида и что остальные полководцы и войска выступили на их стороне, он без колебаний оставил сторону оптиматов. Для видимого оправдания такой перемены он ссылался на слова и поступки некоторых из них: одни будто бы говорили, что он мальчишка, другие — что его следует вознести в небеса, чтобы не пришлось потом расплачиваться с ним и с ветеранами. А чтобы лучше показать, как он раскаивается в своем прежнем союзе с ними, он обрушился на жителей Нурсии, которые над павшими при Мутине соорудили на общественный счет памятник с надписью «Пали за свободу»: он потребовал с них огромных денег, а когда они не смогли их выплатить, выгнал их, бездомных, из города.

13. Вступив в союз с Антонием и Лепидом, он, несмотря на свою слабость и болезнь, окончил в два сражения и филиппийскую войну; при этом в первом сражении он был выбит из лагеря и едва спасся бегством на другое крыло к Антонию. Тем не менее после победы он не выказал никакой мягкости: голову Брута он отправил в Рим, чтобы бросить ее к ногам статуи Цезаря, а вымещая свою ярость на самых знатных пленниках, он еще и осыпал их бранью. (2) Так, когда кто-то униженно просил не лишать его тело погребения, он, говорят, ответил: «Об этом позаботятся птицы!» Двум другим, отцу и сыну, просившим о пощаде, он приказал решить жребием или игрою на пальцах, кому остаться в живых, и потом смотрел, как оба они погибли — отец поддался сыну и был казнен, а сын после этого сам покончил с собой. Поэтому иные, и среди них Марк Фавоний, известный подражатель Катона, проходя в цепях мимо полководцев, приветствовали Антония почетным именем императора, Октавию же бросали в лицо самые жестокие оскорбления.

(3) После победы по разделу полномочий Антоний должен был восстановить порядок на Востоке, Октавий — отвести в Италию ветеранов и расселить их на муниципальных землях. Но и здесь им не были довольны ни землевладельцы, ни ветераны: те жаловались, что их сгоняют с их земли, эти — что они получают меньше, чем надеялись по своим заслугам.

14. В это самое время поднял мятеж Луций Антоний, полагаясь на свой консульский сан и на могущество брата. Октавий заставил Луция отступить в Перузию и там измором принудил к сдаче, но и сам не избежал немалых опасностей как перед войной, так и в ходе войны. Так, однажды в театре, увидев рядового солдата, сидевшего во всаднических рядах, он велел прислужнику вывести его; недоброжелатели тотчас пустили слух, будто он тут же и пытал и казнил этого солдата, так что он едва не погиб в сбежавшейся толпе разъяренных воинов; его спасло то, что солдат, которого искали, вдруг появился сам, цел и невредим. А под стенами Перузии он едва не был захвачен во время жертво-

приношения отрядом гладиаторов, совершивших внезапную вылазку.

15. После взятия Перузии он казнил множество пленных. Всех, кто пытался молить о пощаде или оправдываться, он обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!» Некоторые пишут, будто он отобрал из сдавшихся триста человек всех сословий и в иды марта у алтаря в честь божественного Юлия перебил их, как жертвенный скот. Были и такие, которые утверждали, что он умышленно довел дело до войны, чтобы его тайные враги и все, кто шел за ним из страха и против воли, воспользовались возможностью примкнуть к Антонию и выдали себя и чтобы он мог, разгромив их, из конфискованных имуществ выплатить ветеранам обещанные награды.

16. Сицилийская война была одним из первых его начинаний, но тянулась она долго, с частыми перерывами: то приходилось отстраивать флот, потерпевший крушение в двух бурях, несмотря на летнее время, то заключать перемирие по требованию народа, страдавшего от прекращения подвоза и усиливающегося голода. Наконец, он заново выстроил корабли, посадил на весла двадцать тысяч отпущенных на волю рабов, устроил при Байях Юлиеву гавань, соединив с морем Лукринское и Авернское озера; и после того как его войска обучались там в течение всей зимы, он разбил Помпея между Милами и Навлохом. Перед самым сражением его внезапно охватил такой крепкий сон, что друзьям пришлось будить его, чтобы дать сигнал к бою. (2) Это, как я думаю, и дало Антонию повод оскорбительно заявлять, будто он не смел даже поднять глаза на готовые к бою суда — нет, он валялся как бревно, брюхом вверх, глядя в небо, и тогда только встал и вышел к войскам, когда Марк Агриппа обратил уже в бегство вражеские корабли. А другие ставят ему в вину вот какое слово и дело: когда буря погубила его флот, он будто бы воскликнул, что и наперекор Нептуну он добьется победы, и на ближайших цирковых празднествах удалил из торжественной процессии статую этого бога. (3) В самом деле, ни в какой другой войне он не подвергался таким и стольким опасностям, как в этой. Когда, переправив часть войск в Сицилию, он возвращался на материк к остальным войскам, на него неожиданно напали военачальники Помпея Демохар и Аполлофан, и он с трудом ускользнул от них с единственным кораблем. В другой раз он шел пешком мимо Локров в Регий и увидел биремы Помпея, двигавшиеся вдоль берега; приняв их за свои, он спустился к морю и едва не попал в плен. А когда после этого он спасался бегством по узким тропинкам, то раб его спутника Эмилия Павла попытался его убить, воспользовавшись удобным случаем, чтобы отомстить за Павла-отца, казненного во время проскрипций.

(4) После бегства Помпея он отнял войско у своего товарища по триумvirату Марка Лепида, который по его вызову явился на помощь из Африки и в заносчивой надежде на свои двадцать легионов, грозя и пугая, требовал себе первого места в госу-

дарстве. Лишь после униженных просьб он сохранил Лепиду жизнь, но сослал его в Цирцеи до конца дней.

17. С Марком Антонием его союз никогда не был надежным и прочным и лишь кое-как подогревался различными соглашениями. Наконец, он порвал с ним; и чтобы лучше показать, насколько Антоний забыл свой гражданский долг, он распорядился вскрыть и прочесть перед народом оставленное им в Риме завещание, в котором тот объявлял своими наследниками даже детей от Клеопатры. (2) Однако он отпустил к названному врагу всех его родичей и друзей, в том числе Гая Сосия и Тита Домиция, которые еще были консулами. Жителей Бононии, давних клиентов рода Антониев, он даже милостиво освободил от присяги себе, которую приносила вся Италия. Немного спустя он разбил Антония в морском сражении при Акции: бой был таким долгим, что победителю за поздним временем пришлось ночевать на корабле. (3) От Акции он направился на зиму в Самос; но получив тревожную весть, что отборные отряды, отосланные им после победы в Брундизий, взбунтовались и требуют награды и отставки,— он тотчас пустился обратно в Италию. Дважды в пути его застигали бури — один раз между оконечностями Пелопоннеса и Этолии, другой раз против Керавнийских гор; в обеих бурях часть его либурнийских галер погибла, а на корабле, где плыл он сам, были сорваны снасти и поломан руль. В Брундизии он задержался только на двадцать семь дней, пока не устроил все по желанию солдат, а затем обходным путем через Азию и Сирию направился в Египет, осадил Александрию, где укрылись Антоний и Клеопатра, и быстро овладел городом.

(4) Антоний предлагал запоздалые условия мира; но он заставил его умереть и сам смотрел на его труп. Клеопатру он особенно хотел сохранить в живых для триумфа, и когда она умерла, по общему мнению, от укуса змеи, он даже посылал к ней псиллов, чтобы высосать яд и заразу. Обоих он дозволил похоронить вместе и с почетом, а недостроенную ими гробницу приказал закончить. (5) Молодого Антония, старшего из двух сыновей, рожденных Фульвией, после долгих и тщетных молений искавшего спасения у статуи божественного Юлия, он велел оттащить и убить. Цезариона, которого Клеопатра объявляла сыном, зачатый от Цезаря, он схватил во время бегства, вернул и казнил. Остальных детей Антония и царицы он оставил в живых и впоследствии поддерживал их и заботился о них, как о близких родственниках, сообразно с положением каждого. 18. В это же время он осмотрел тело Великого Александра, гроб которого велел вынести из святилища: в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами. А на вопрос, не угодно ли ему взглянуть и на усыпальницу Птолемеев, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов. (2) Египет он обратил в провинцию; чтобы она была плодороднее и больше давала бы хлеба столице, он заставил солдат расчистить заплывшие от давности илом каналы, по которым разливается Нил. Чтобы слава актий-

ской победы не слабела в памяти потомков, он основал при Акции город Никополь, учредил там праздничные игры через каждые пять лет, расширил древний храм Аполлона, а то место, где стоял его лагерь, украсил добычею с кораблей и посвятил Нептуну и Марсу.

19. Мятежи, заговоры и попытки переворотов не прекращались и после этого, но каждый раз он раскрывал их своевременно по доносам и подавлял раньше, чем они становились опасны. Возглавляли эти заговоры молодой Лепид, далее — Варрон Мурена и Фанний Цепион, потом — Марк Эгнаций, затем — Плавтий Руф и Луций Павел, муж его внучки; а кроме того — Луций Авдасий, уличенный в подделке подписей, человек преклонных лет и слабого здоровья, Азиний Эпикад — полуварвар из племени парфинов, и, наконец, Телеф — раб-именователь одной женщины. Поистине, не избежал он заговоров и покушений даже от лиц самого низкого состояния. (2) Авдасий и Эпикад предполагали похитить и привезти к войскам его дочь Юлию и племянника Агриппу с острова, где они содержались, а Телеф, обольщая пророчеством, сулившим ему высшую власть, задумывал напасть и на него и на сенат. Наконец, однажды ночью возле его спальни был схвачен даже какой-то харчевник из иллирийского войска с охотничьим ножом на поясе, сумевший обмануть стражу; был ли он сумасшедшим или только притворялся, сказать трудно: пыткой от него не добились ни слова.

20. Из внешних войн только две он вел лично: далматскую — еще юношей, и кантабрийскую — после поражения Антония. В далматской войне он даже был ранен: в одном бою камень попал ему в правое колено, в другом он повредил голень и обе руки при обвале моста. Остальные войны он поручал своим легатам, хотя при некоторых походах в Германию и Паннонию присутствовал сам или находился неподалеку, выезжая для этого из столицы до Равенны, Медиолана или Аквилеи. 21. Так, частью под его начальством, частью под его наблюдением, покорены были Кантабрия, Аквитания, Паннония, Далмация со всем Иллириком и далее — Ретия и альпийские племена винделиков и салассов. Он положил конец набегам дакийцев, перебив трех вождей их с огромным войском, оттеснил германцев за Альбий, а подчинившихся ему свевов и сигамбров перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна. Другие беспокойные племена он также привел к покорности.

(2) Никакому народу он не объявлял войны без причин законных и важных. Он настолько был далек от стремления распространять свою власть или умножать воинскую славу, что некоторых варварских вождей он заставлял в храме Марса Мстителя присягать на верность миру, которого они сами просили; а с некоторых впервые пробовал брать заложниками женщин, так как видел, что заложниками-мужчинами они не дорожат; впрочем, всем и всегда он возвращал заложников по первому требованию. Всех, кто бунтовал слишком часто или вероломно, он наказывал

только тем, что продавал их пленниками в рабство с условием, чтобы рабскую службу они несли вдалеке от родины и освобождение не получали раньше чем через тридцать лет. (3) Слава о такой достойной его умеренности побудила даже индийцев и скифов, лишь понаслышке нам известных, просить через послов о дружбе Августа и римского народа. А парфяне по его требованию и уступили ему беспрекословно Армению, и вернули ему знамена, отбитые у Марка Красса и Марка Антония, и добровольно предложили заложников, и даже царем своим выбрали из нескольких притязателей того, которого одобрил Август.

22. Храм Януса Квирина, который от основания города и до его времени был закрыт только раз или два, он за весьма короткое время запирает трижды в знак мира на суше и на море. Два раза он вступал в город с овацией — после филиппийской и после сицилийской войны. Настоящих триумфов он праздновал три — далматский, актийский и александрийский — в течение трех дней подряд.

23. Тяжелые и позорные поражения испытал он только дважды, и оба раза в Германии: это были поражения Лоллия и Вара. Первое принесло больше позора, чем урона, но второе было почти гибельным: оказались уничтожены три легиона с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. При вести об этом Август приказал расставить по городу караулы во избежание волнений; наместникам провинций он продлил власть, чтобы союзников держали в подчинении люди опытные и привычные; (2) Юпитеру Благому и Величайшему он дал обет устроить великолепные игры, если положение государства улучшится, как делалось когда-то во время войн с кимврами и марсами. И говорят, он до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!», а день поражения каждый год отмечал трауром и скорбью.

24. В военном деле он ввел много изменений и новшеств, а кое в чем восстановил и порядки старины. Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью. Даже своим легатам он позволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой. Римского всадника, который двум юношам-сыновьям отрубил большие пальцы рук, чтобы избавить их от военной службы, он приказал продать с торгов со всем его имуществом; но увидев, что его порываются купить откупщики, он присудил его своему вольноотпущеннику с тем, чтобы тот далему свободу, но отправил в дальние поместья. (2) Десятый легион за непокорность он весь распустил с бесчестием. Другие легионы, которые неподобающим образом требовали отставки, он уволил без заслуженных наград. В когортах, отступивших перед врагом, он казнил каждого десятого, а остальных переводил на ячменный хлеб. Центурионов, а равно и рядовых, покинувших строй, он наказывал смертью, за остальные проступки налагал разного рода позорящие взыскания: например, приказывал стоять целый день

перед преторской палаткой, иногда — в одной рубахе и при поясе, иной раз — с саженью или с дерновиной в руках.

25. После гражданских войн он уже ни разу ни на сходке, ни в приказе не называл воинов «соратниками», а только «воинами», и не разрешал иного обращения ни сыновьям, ни пасынкам, когда они были военачальниками: он находил это слишком льстивым и для военных порядков, и для мирного времени, и для достоинства своего и своих ближних. (2) Вольноотпущенников он принимал в войска только для охраны Рима от пожаров или от волнений при недостатке хлеба, а в остальных случаях — всего два раза: в первый раз для укрепления колоний на иллирийской границе, во второй раз для защиты берега Рейна. Но и этих он нанимал еще рабами у самых богатых хозяев и хозяек и тотчас отпускал на волю, однако держал их под отдельным знаменем, не смешивал со свободнорожденными и вооружал по-особому. (3) Из воинских наград он охотнее раздавал бляхи, цепи и всякие золотые и серебряные предметы, чем почетные венки за взятие стен и валов: на них он был крайне скуп и не раз присуждал их беспристрастно даже рядовым бойцам. Марка Агриппу после морской победы в Сицилии он пожаловал лазоревым знаменем. Только триумфаторам, даже тем, кто сопровождал его в походах и участвовал в победах, он не считал возможным давать награды, так как они сами имели право их распределять по своему усмотрению.

(4) Образцовому полководцу, по его мнению, меньше всего пристало быть торопливым и опрометчивым. Поэтому он часто повторял изречения: *«Спеши не торопясь»*, *«Осторожный полководец лучше безрассудного»* и *«Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей»*.

Поэтому же он никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении. Тех, кто домогается малых выгод ценой больших опасностей, он сравнивал с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок, — никакая добыча не возместит потери.

26. Высшие и почетнейшие государственные должности он получал досрочно, в том числе некоторые новые или бессменные. Консульство он захватил на двадцатом году, подступив к Риму с легионами, как неприятель, и через послов потребовав этого сана от имени войска; а когда сенат заколебался, центурион Корнелий, глава посольства, откинув плащ и показав на рукоять меча, сказал в глаза сенаторам: *«Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы!»* (2) Второе консульство он получил через девять лет; третье — еще через год; следующие, вплоть до одиннадцатого, — ежегодно; после этого ему еще много раз предлагали консульский сан, но он отказывался, и в двенадцатый раз принял его лишь после большого перерыва в семнадцать лет; наконец, тринадцатое консульство он сам испросил для себя два года спустя, чтобы в этой высшей должности вывести к народу

своих сыновей Гая и Луция в день совершеннолетия каждого. (3) Пять средних консульств, с шестого по десятое, он занимал по году, остальные — по девять, по шесть, по четыре или три месяца, а второе — в течение лишь нескольких часов: в день нового года он с утра сел на консульское кресло перед храмом Юпитера и, недолго посидев, сложил должность и назначил себе преемника. Не всегда он вступал в должность в Риме: четвертое консульство он принял в Азии, пятое — на острове Самосе, восьмое и девятое — в Тарраконе.

27. Триумвиром для устройства государства он был в течение десяти лет. В этой должности он сперва противился коллегам и пытался предотвратить проскрипции; но когда проскрипции были все же объявлены, он превзошел жестокостью их обоих. Тех еще многим удавалось умиловить мольбами и просьбами — он один твердо стоял на том, чтобы никому не было пощады. Он даже внес в список жертв своего опекуна Гая Торания, который был товарищем по эдильству его отца Октавия. (2) Более того, Юлий Сатурнин сообщает, что по совершении проскрипций Марк Лепид извинялся перед сенатом за случившееся и выражал надежду, что с наказаниями покончено и отныне наступит время милосердия; Октавий же, напротив, заявил, что он хоть и прекращает проскрипции, но оставляет за собой полную свободу действий. Правда, впоследствии, как бы раскаиваясь в своем упорстве, он возвел во всадническое достоинство Тита Виния Филопемена, так как о нем говорили, что он во время проскрипций укрыл своего патрона от убийц.

(3) Будучи триумвиром, он многими поступками навлек на себя всеобщую ненависть. Так, Пинарий, римский всадник, что-то записывал во время его речи перед солдатами в присутствии толпы граждан; заметив это, он приказал заколоть его у себя на глазах как лазутчика и соглядатая. Тедия Аффа, назначенного консула, который язвительно отозвался о каком-то его поступке, он угрозами довел до того, что тот наложил на себя руки. (4) Квинт Галлий, претор, пришел к нему для приветствия с двойными табличками под одеждой: Октавий заподозрил, что он прячет меч, однако не решился обыскать его на месте, опасаясь ошибиться; но немного спустя он приказал центурионам и воинам стащить его с судейского кресла, пытал его, как раба и, не добившись ничего, казнил, своими руками, выколов сперва ему глаза. Сам он, однако, пишет, что Галлий под предлогом беседы покушался на его жизнь, а за это был брошен в тюрьму, потом выслан из Рима и погиб при кораблекрушении или при нападении разбойников.

(5) Трибунскую власть он принял пожизненно, и раз или два назначал себе товарища на пять лет. Принял он и надзор за нравами и законами, также пожизненно; в силу этого полномочия он три раза производил народную перепись, хотя и не был цензором: в первый и третий раз — с товарищем, в промежутке — один.

28. О восстановлении республики он задумывался дважды: в первый раз — тотчас после победы над Антонием, когда еще свежи были в памяти частые обвинения его, будто единственно из-за Октавия республика еще не восстановлена; и во второй раз — после долгой и мучительной болезни, когда он даже вызвал к себе домой сенаторов и должностных лиц и передал им книги государственных дел. Однако, рассудив, что и ему опасно будет жить частным человеком, и республику было бы неразумно доверять своеволию многих правителей, он без колебания оставил власть за собой; и трудно сказать, что оказалось лучше, решение или его последствия. (2) Об этом решении он не раз заявлял вслух, а в одном эдикте он свидетельствует о нем такими словами: «Итак, да будет мне дано установить государство на его основе целым и незыблемым, дабы я, пожиная желанные плоды этого свершения, почитался творцом лучшего государственного устройства и при кончине унес бы с собой надежду, что заложенные мною основания останутся непоколебленными». И он выполнил свой обет, всеми силами стараясь, чтобы никто не мог пожаловаться на новый порядок вещей.

(3) Вид столицы еще не соответствовал величию державы, Рим еще страдал от наводнений и пожаров. Он так отстроил город, что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным; и он сделал все, что может предвидеть человеческий разум, для безопасности города на будущие времена.

29. Общественных зданий он выстроил очень много; из них важнейшие — форум с храмом Марса Мстителя, святилище Аполлона на Палатине, храм Юпитера Громовержца на Капитолии. Форум он начал строить, видя, что для толп народа и множества судебных дел уже недостаточно двух площадей и нужна третья; поэтому же он поспешил открыть этот форум, не дожидаясь окончания Марсова храма, и отвел его для уголовных судов и для жеребьевки судей. (2) О храме Марса он дал обет во время филиппийской войны, в которой он мстил за отца; и он постановил, чтобы здесь принимал сенат решения о войнах и триумфах, отсюда отправлялись в провинции военачальники, сюда приносили украшения триумфов полководцы, возвращаясь с победой. (3) Святилище Аполлона он воздвиг в той части палатинского дворца, которую, по словам гадателей, избрал себе бог ударом молнии, и к храму присоединил портики с латинской и греческой библиотекой; здесь на склоне лет он часто созывал сенат и просматривал списки судей. Юпитеру Громовержцу он посвятил храм в память избавления от опасности, когда во время кантабрийской войны при ночном переходе молния ударила прямо перед его носилками и убила раба, который шел с факелом. (4) Некоторые здания он построил от чужого имени, от лица своих внуков, жены и сестры — например, портик и базилику Гая и Луция, портики Ливии и Октавии, театр Марцелла. Да и другим видным гражданам он настойчиво сове-

товал украшать город по мере возможностей каждого, воздвигая новые памятники или восстанавливая и улучшая старые. (5) И много построек было тогда воздвигнуто многими гражданами: Марцием Филиппом — храм Геркулеса Мусагета, Луцием Корнифицием — храм Дианы, Азинием Поллионом — атрий Свободы, Мунацием Планком — храм Сатурна, Корнелием Бальбом — театр, Статилием Тавром — амфитеатр, а Марком Агриппой — многие другие превосходные постройки.

30. Весь город он разделил на округа и кварталы, постановив, чтобы округами ведали по жребию должностные лица каждого года, а кварталами — старосты, избираемые из окрестных обывателей. Для охраны от пожаров он расставил посты и ввел ночную стражу, для предотвращения наводнений расширил и очистил русло Тибра, за много лет занесенное мусором и суженное обвалами построек. Чтобы подступы к городу стали легче со всех сторон, он взялся укрепить Фламиниеву дорогу до самого Аримина, а остальные дороги распределил между триумфаторами, чтобы те вымостили их на деньги от военной добычи.

(2) Священные постройки, рухнувшие от ветхости или уничтоженные пожарами, он восстановил и наравне с остальными украсил богатыми приношениями. Так, за один раз он принес в дар святилищу Юпитера Капитолийского шестнадцать тысяч фунтов золота и на пятьдесят миллионов сестерциев жемчуга и драгоценных камней. 31. В сане великого понтифика — сан этот он принял только после смерти Лепида, не желая отнимать его при жизни, — он велел собрать отовсюду и сжечь все пророческие книги, греческие и латинские, ходившие в народе безымянно или под сомнительными именами, числом свыше двух тысяч. Сохранил он только сивиллины книги, но и те с отбором; их он поместил в двух позолоченных ларцах под основанием храма Аполлона Палатинского. (2) Календарь, введенный божественным Юлием, но затем по небрежению пришедший в расстройство и беспорядок, он восстановил в прежнем виде; при этом преобразовании он предпочел назвать своим именем не сентябрь, месяц своего рождения, а секстилий, месяц первого консульства и славнейших побед. (3) Он увеличил и количество жрецов, и почтение к ним, и льготы, в особенности для весталок. Когда нужно было выбрать новую весталку на место умершей и многие хлопотали, чтобы их дочери были освобождены от жребия, он торжественно поклялся, что если бы хоть одна из его внучек подходила для сана по возрасту, он сам предложил бы ее в весталки. (4) Он восстановил и некоторые древние обряды, пришедшие в забвение, например гадание о благе государства, жречество Юпитера, игры на луперкалиях, столетние торжества, праздник перепутий. На луперкалиях он запретил безусым юношам участвовать в беге, на столетних играх разрешил молодым людям обою пола присутствовать при ночных зрелищах не иначе как в сопровождении старших родственников. Ларов на

перепутьях он повелел дважды в год украшать весенними и летними цветами.

(5) После бессмертных богов он больше всего чтит память вождей, которые вознесли державу римского народа из ничтожества к величию. Поэтому памятники, ими оставленные, он восстановил с первоначальными надписями, а в обоих портиках при своем форуме каждому из них поставил статую в триумфальном облачении, объявив эдиктом, что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей. А напротив царского портика, что при театре Помпея, он поставил над мраморной аркою статую Помпея, перенеся ее из той курии, где был убит Юлий Цезарь.

32. Общей погубелью были многие злые обычаи, укоренившиеся с привычкой к беззаконию гражданских войн или даже возникшие в мирное время. Немало разбойников бродили среди бела дня при оружии, будто бы для самозащиты; по полям хватали прохожих, не разбирая свободных и рабов, и заключали в эргастулы помещиков; под именем новых коллегий собирались многочисленные шайки, готовые на любые преступления. Против разбоев он расставил в удобных местах караулы, эргастулы обыскал, все коллегии, за исключением древних и дозволенных, распустил. (2) Списки давних должников казны, дававшие больше всего поводов к нареканиям, он сжег; спорные казенные участки в Риме уступил их держателям; затянувшиеся процессы, в которых унижение обвиняемых только тешило обвинителей, он прекратил, пригрозив равным взысканием за возобновление иска.

Чтобы никакое преступление или судебное дело не оставалось без наказания и не затягивалось, он оставил для разбирательств и те тридцать с лишним дней, которые магистраты посвящали играм. (3) К трем судебским декуриям он прибавил четвертую, низшего состояния, назвав этих судей «двухсотниками» и отдав им тяжбы о небольших суммах. Судей он назначал только с тридцати лет, то есть на пять лет раньше обычного. И лишь когда многие стали избегать судейской должности, он нехотя согласился, чтобы каждая декурия по очереди в течение года была свободна от дел и чтобы в ноябре и декабре обычных разбирательств вовсе не производилось.

33. Сам он правил суд с большим усердием, иногда даже ночью; если же бывал болен — то с носилок, которые ставили возле судебных мест, или даже дома, лежа в постели. При судопроизводстве он обнаруживал не только высокую тщательность, но и мягкость: например, желая спасти одного несомненного отцеубийцу от мешка и утопления — а такая казнь назначалась только признавшимся, — он, говорят, обратился к нему так: «Значит, ты не убивал своего отца?» (2) А когда разбирался подлог завещания и все, приложившие к нему руку, подлежали наказанию по Корнелиеву закону, он велел раздать судьям для голосования кроме двух обычных табличек, оправдательной и обвинитель-

ной, еще и третью, объявлявшую прощение тем, кто дал свою подпись по наущению или по недомыслию. (3) Апелляции от граждан он каждый год передавал городскому претору, апелляции от провинциалов — лицам консульского звания, которых он назначал для разбора по одному на каждую провинцию.

34. Он пересмотрел старые законы и ввел некоторые новые: например, о роскоши, о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для всех сословий. Этот последний закон он хотел сделать еще строже других, но бурное сопротивление вынудило его отменить или смягчить наказания, дозволить трехлетнее вдовство и увеличить награды. (2) Но и после этого однажды на всенародных играх всадники стали настойчиво требовать от него отмены закона; тогда он, подозвав сыновей Германика, на виду у всех посадил их к себе и к отцу на колени, знаками и взглядами убеждая народ не роптать и брать пример с молодого отца. А узнав, что некоторые обходят закон, обручаясь с несовершеннолетними или часто меняя жен, он сократил срок помолвки и ограничил разводы.

35. Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу — в нем было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли «замогильными» сенаторами. Он вернул сенат к прежней численности и к прежнему блеску, дважды произведя пересмотр списков: в первый раз выбор делали сами сенаторы, называя друг друга, во второй раз это делал он сам вместе с Агриппой. Говорят, что при этом он сидел на председательском кресле в панцире под одеждой и при оружии, а вокруг стояли десять самых сильных его друзей из сената; (2) Кремуций Корд пишет, что и сенаторов к нему подпускали лишь поодиночке и обыскав. Некоторых он усостыдил, так что они добровольно отреклись от звания, и даже после отречения он сохранил за ними сенаторское платье, место в оркестре на зрелищах и участие в общем обеде. (3) Чтобы избранные и утвержденные сенаторы несли свои обязанности с большим благоговением, он предписал каждому перед заседанием приносить жертву вином и ладаном на алтарь того бога, в храме которого происходило собрание; а чтобы эти обязанности не были обременительны, он постановил созывать очередные заседания сената лишь два раза в месяц, в календы и в иды, причем в сентябре и октябре достаточно было присутствия части сенаторов, выбранных по жребию для принятия постановлений. При себе он завел совет, выбираемый по жребию на полгода: в нем он обсуждал дела перед тем, как представить их полному сенату. (4) О делах особой важности он опрашивал сенаторов не по порядку и обычаю, а по своему усмотрению, словно затем, чтобы каждый был наготове и решал бы сам, а не присоединялся бы к мнению других.

36. Он установил и другие новшества: чтобы отчеты сената не обнаружались; чтобы должностные лица отпраплялись в про-

винции не тотчас по сложении должности; чтобы наместникам отпускались деньги на мулов и палатки, тогда как раньше все это поставляли подрядчики; чтобы казною ведали не городские квесторы, а преторы и бывшие преторы; чтобы суд центумвиров созывали децемвиры, а не бывшие квесторы, как раньше.

37. Чтобы больше народу участвовало в управлении государством, он учредил новые должности: попечение об общественных постройках, о дорогах, о водопроводах, о русле Тибра, о распределении хлеба народу, городскую префектуру, комиссию триумвиров для выбора сенаторов и другую такую же комиссию — для проверки турм всадников в случае необходимости. Впервые после долгого перерыва он назначил цензоров; число преторов он увеличил; он требовал даже, чтобы ему позволено было в каждое свое консульство иметь двух товарищей вместо одного, но безуспешно: все стали кричать, что и так уже он умаляет свое достоинство тем, что занимает высшую должность не один, а с товарищем.

38. Не скупился он и на почести за военные подвиги: более тридцати полководцев получили при нем полные триумфы, и еще больше — триумфальные украшения. (2) Чтобы сыновья сенаторов раньше знакомились с государственными делами, он позволил им тотчас по совершеннолетию надевать сенаторскую тогу и присутствовать на заседаниях. Когда они вступали на военную службу, он назначал их не только трибунами легионов, но и префектами конницы; а чтобы никто из них не миновал лагерной жизни, он обычно ставил их по двое над каждым конным отрядом.

(3) Всадническим турмам он устраивал частые проверки, восстановив после долгого перерыва обычай торжественного проезда. Однако при этом он никому не разрешал сходить с коня по требованию обвинителя, как то делалось раньше; старым и увечным он дал право выходить на вызов пешком, а коня проводить в строю; наконец, тем, кто достиг тридцати пяти лет и не хотел более служить, он позволил возвращать коня государству.

39. Испросив у сената десять помощников, он заставил каждого всадника дать отчет о своей жизни; и тех, кто этого заслуживал, он наказывал или взысканием, или бесчестьем, по большей же части порицаниями разного рода. В виде самого мягкого порицания он вручал им перед строем таблички, которые они должны были тут же читать про себя. Некоторых он осудил за то, что они занимали деньги под малые проценты и ссужали под большие.

40. Если на выборах в трибуны недоставало кандидатов сенаторского звания, он назначал их из всадников, с тем чтобы по истечении должностного срока они сами выбирали, в каком сословии оставаться. Так как многие всадники обеднели в гражданских войнах и не решались в театре садиться на всаднические места, опасаясь закона о зрелищах, он объявил, что наказа-

нию не подлежат те, кто когда-нибудь владел или чьи родители владели всадническим состоянием.

(2) Перепись народа он произвел по улицам. Чтобы народ не слишком часто отвлекался от дел из-за раздач хлеба, он велел было выдавать тессеры трижды в год на четыре месяца сразу, но по общему желанию ему пришлось возобновить прежний обычай ежемесячных раздач. В народном собрании он восстановил древний порядок выборов, сурово наказывая за подкуп; в двух своих трибах, Фабианской и Скаптийской, он в дни выборов раздавал из собственных средств по тысяче сестерциев каждому избирателю, чтобы они ничего уже не требовали от кандидатов.

(3) Особенно важным считал он, чтобы римский народ оставался неспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови. Поэтому римское гражданство он жаловал очень скупо, а отпуск рабов на волю ограничил. Тиберий просил его о римском гражданстве для своего клиента-грека — он написал в ответ, что лишь тогда согласится на это, когда тот сам убедит его в законности своих притязаний. Ливия просила за одного галла из податного племени — он освободил его от подати, но отказал в гражданстве, заявив, что ему легче перенести убыток для его казны, чем унижение для чести римских граждан. (4) А для рабов он поставил множество препятствий на пути к свободе и еще больше — на пути к полноправной свободе: он тщательно предусмотрел и количество, и положение, и состояние отпускаемых, и особо постановил, чтобы раб, хоть раз побывавший в оковах или под пыткой, уже не мог получить гражданства ни при каком отпущении.

(5) Даже одежду и платье он старался возродить древние. Увидев однажды в собрании толпу людей в темных плащах, он воскликнул в негодовании: «Вот они —

Рима сыны, владыки земли, облаченные в тогу!» —

и поручил эдилам позаботиться впредь, чтобы все, кто появляется на форуме и поблизости, снимали плащи и оставались в тогах.

41. Щедрость по отношению ко всем сословиям он при случае выказывал не раз. Так, когда в александрийском триумфе он привез в Рим царские сокровища, то пустил в оборот столько монеты, что ссудные проценты сразу понизились, а цены на землю возросли; а впоследствии, когда у него бывал избыток денег от конфискаций, он на время ссужал их безвозмездно тем, кто мог предложить заклад на двойную сумму. Сенаторам он повысил ценз с восьми до двенадцати сотен тысяч сестерциев, а у кого такого состояния не оказалось, тем он сам его пополнил. (2) Народу он то и дело раздавал денежные подарки, но не всегда одинаковые: то по четыреста, то по триста, а то и по двести пятьдесят сестерциев на человека; при этом он не обходил и малолетних, хотя обычно мальчики допускались к раздачам лишь с одиннадцати лет. При трудностях со снабжением он часто раздавал гражд-

данам и хлеб по самой малой цене или даже даром, а денежные выдачи удваивал.

42. Однако при этом заботился он не о собственной славе, а об общем благе: это видно из того, что, когда горожане стали жаловаться на недостаток и дороговизну вина, он унял их строгими словами: «Мой зять Агриппа достаточно построил водопроводов, чтобы никто не страдал от жажды!» (2) В другой раз, когда народ стал требовать обещанных подарков, он ответил, что умеет держать свое слово; когда же толпа стала домогаться подарков необещанных, он эдиктом выразил порицание ее наглости и бесстыдству и объявил, что подарков не даст, хотя и собирался. Такую же твердость и достоинство обнаружил он, когда узнал, что после его обещания раздать подарки много рабов получило свободу и было внесено в списки граждан: он заявил, что кому не было обещано, те ничего и не получают, а остальным дал меньше, чем обещал, чтобы общая сумма осталась прежней. (3) Однажды во время сильного неурожая, от которого трудно было найти средства, он выселил из Рима всех работящих с их рабами и ланист с их гладиаторами, всех иностранцев, кроме врачей и учителей, и даже часть рабов. Когда же снабжение наладилось, он, по его собственным словам, собирался навсегда отменить хлебные выдачи, так как из-за них приходило в упадок земледелие; но он оставил эту мысль, понимая, что рано или поздно какой-нибудь честолюбец снова мог бы их восстановить. Однако после этого он умерил выдачи так, чтобы соблюсти выгоды не только горожан, но и земледельцев и зерноторговцев.

43. В отношении зрелищ он превзошел всех предшественников: его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие. По его словам, он давал игры четыре раза от своего имени и двадцать три раза от имени других магистратов, когда они были в отлучке или не имели средств. Театральные представления он иногда устраивал по всем кварталам города, на многих подмостках, на всех языках; гладиаторские бои — не только на форуме или в амфитеатре, но также и в цирке и в септах (впрочем, иногда он ограничивался одними травлями); состязание атлетов — также и на Марсовом поле, где были построены деревянные трибуны; наконец, морской бой — на пруду, выкопанном за Тибром, где теперь Цезарева роща. В дни этих зрелищ он расставлял по Риму стражу, чтобы уберечь обезлюдевший город от грабителей.

(2) В цирке у него выступали возницы, бегуны и зверобои: иногда это были юноши из самых знатных семейств. Устраивал он не раз и Троянскую игру с участием старших и младших мальчиков, чтобы они по славному древнему обычаю показали себя достойными своих благородных предков. Когда в этой потехе упал и разбился Ноний Аспренат, он подарил ему золотое ожерелье и позволил ему и его потомкам именоваться Торкватами. Однако ему пришлось прекратить эти развлечения, когда оратор Азиний Поллион гневно и резко стал жаловаться в сенате на то,

что его внук Эзернин тоже сломал себе ногу при падении. (3) Для театральных и гладиаторских представлений он привлекал иногда и римских всадников, пока сенат не запретил это декретом; после этого он один только раз показал с подмостков знатного юношу Луция, и то лишь как диковинку, потому что он был двух футов ростом, семнадцати фунтов весом, но голос имел неслыханно громкий. (4) Парфянских заложников, впервые прибывших в Рим в праздничный день, он также привлек на зрелища и, проведя их через арену, посадил во втором ряду над собой. Но даже и в дни, свободные от зрелищ, он выставлял на показ в разных местах все, что привозилось в Рим невиданного и любопытного: например, носорога — в септе, тигра — в театре, змею в пятьдесят локтей длиной — на комиции.

(5) Однажды в цирке во время обетных игр он занемог и возглавлял процессию, лежа на носилках. В другой раз, когда он открывал праздник при освящении театра Марцелла, у его консульского кресла разошлись крепления, и он упал навзничь. На играх, которые он давал от имени внуков, среди зрителей вдруг началось смятение — показалось, что рухнет амфитеатр; тогда, не в силах унять их и образумить, он сошел со своего места и сам сел в той части амфитеатра, которая казалась особенно опасной.

44. Среди зрителей, которые ранее сидели беспорядочно и вели себя распущенно, он навел и установил порядок. Поводом послужила обида одного сенатора, которому в ПUTEОЛАХ на многолюдных зрелищах никто из сидящей толпы не захотел уступить места; тогда и было постановлено сенатом, чтобы на всяких общественных зрелищах первый ряд сидений всегда оставался свободным для сенаторов. Послам свободных и союзных народов он запретил садиться в оркестре, так как обнаружил, что среди них были и вольноотпущенники. Солдат он отделил от граждан. (2) Среди простого народа он отвел особые места для людей женатых, отдельный клин — для несовершеннолетних, и соседний — для их наставников, а на средних местах воспретил сидеть одетым в темные плащи. Женщинам он даже на гладиаторские бои не позволял смотреть иначе, как с самых верхних мест, хотя по старому обычаю на этих зрелищах они садились вместе с мужчинами. (3) Только девственным весталкам он предоставил в театре отдельное место напротив преторского кресла. С атлетических же состязаний он удалил женщин совершенно: и когда на понтификальных играх народ потребовал вывести пару кулачных бойцов, он отложил это на утро следующего дня, сделав объявление, чтобы женщины не появлялись в театре раньше пятого часа.

45. Сам он смотрел на цирковые зрелища из верхних комнат в домах своих друзей или вольноотпущенников, а иногда — со священного ложа, сидя вместе с женой и детьми. Часто он уходил с представлений на несколько часов, иногда даже на целый день, испросив прощения и назначив вместо себя распорядителя. Но когда он присутствовал, то ничем уже более не зани-

мался: то ли он хотел избежать нареканий, которым на его памяти подвергался его отец Цезарь за то, что во время игр читал письма и бумаги или писал на них ответы, то ли просто любил зрелища и наслаждался ими, чего он никогда не скрывал и в чем не раз откровенно признавался. (2) Поэтому даже не на своих зрелищах и играх он раздавал от себя и венки и много дорогих подарков, поэтому и на всяком греческом состязании он непременно награждал по заслугам каждого атлета. Но больше всего он любил смотреть на кулачных бойцов, в особенности латинских: и не только на обученных и признанных, которых он иногда даже срамливал с греками, но и на простых горожан, которые в переулочках бились стена на стену, без порядка и правил. (3) Одним словом, он не обошел вниманием никого из участников народных зрелищ: атлетам он сохранил и умножил их привилегии, гладиаторам воспретил биться без пощады, актеров разрешил наказывать только в театре и во время игр, а не всегда и везде, как это позволялось должностным лицам по старому закону. (4) Тем не менее и на состязаниях борцов, и на битвах гладиаторов он всегда соблюдал строжайший порядок, а вольности актеров сурово пресекал: узнав, что Стефанион, актер римской комедии, держит в услужении матрону, постриженную под мальчика, он высек его в трех театрах и отправил в ссылку; пантомима Гиласа он по жалобе претора наказал плетью при всех в атриум своего дома, а Пилада выслал из Рима и Италии за то, что он со сцены оскорбительно показал пальцем на зрителя, который его освистал.

46. Вот каким образом устроил он город и городские дела.

В Италии он умножил население, основав двадцать восемь колоний. Он украсил их постройками, обогатил податями и даже отчасти приравнивал их по правам и значению к столице: именно он установил, чтобы декурионы каждой колонии участвовали в выборах столичных должностных лиц, присылая свои голоса за печатями в Рим ко дню общих выборов. И чтобы у именитых людей не уменьшалось влияние, а у простых — потомство, он всех, кого город представлял ко всаднической службе, с готовностью к ней допускал, а всех, кто мог похвастаться сыновьями или дочерьми, он при своих разъездах по областям награждал тысячей сестерциев за каждого.

47. Из провинций он взял на себя те, которые были значительнее и управлять которыми годичным наместникам было трудно и небезопасно; остальные он отдал в управление проконсулам по жребию. Впрочем, некоторые он в случае надобности обменивал, а при объездах часто посещал и те и другие. Некоторые союзные города, своеволием увлекаемые к гибели, он лишил свободы; другие города он или поддержал в их долгах, или отстроил после землетрясения, или награждал латинским или римским гражданством за заслуги перед римским народом. Как кажется, нет такой провинции, которую бы он ни посетил, если не считать Африки и Сардинии: он и туда готовился переправиться из Сицилии

после победы над Секстом Помпеем, но ему помешали сильные и непрерывные бури, а потом для этого уже не представилось ни времени, ни повода.

48. Царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал или обучал вместе со своими.

49. Из военных сил легионы и вспомогательные войска он разместил по провинциям, один флот поставил у Мизена, а другой — у Равенны, для обороны Верхнего и Нижнего морей. Остальные отряды он отобрал отчасти для охраны столицы, отчасти — для своей собственной, так как сопровождавшую его калагурританскую стражу он распустил после победы над Антонием, а германскую — после поражения Вара. Однако он никогда не держал в Риме более трех когорт, да и то без укрепленного лагеря; остальные он обычно рассылал на зимние и летние квартиры в ближние города. (2) Всем воинам, где бы они ни служили, он назначил единое жалованье и наградные, определив для каждого чины и сроки службы, и пособие при отставке, чтобы после отставки ни возраст, ни бедность не побуждали их к мятежам. Чтобы средства для жалованья и наград всегда были наготове, он учредил военную казну и обеспечил ее за счет новых налогов.

(3) Желая быстрее и легче получать вести и сообщения о том, что происходит в каждой провинции, он сначала расположил по военным дорогам через небольшие промежутки молодых людей, а потом расставил и повозки, чтобы можно было в случае надобности лично расспросить тех гонцов, которые доставляли донесения прямо с мест. 50. Подорожные, бумаги и письма он первое время запечатывал изображением сфинкса, потом изображением Александра Великого и, наконец — своим собственным, резьбы Диоскуриды; им продолжали в дальнейшем пользоваться и его преемники. В письмах он всегда точно помечал время их написания, указывая час дня и даже ночи.

51. Милосердие его и гражданственная умеренность засвидетельствованы многими примечательными случаями. Не буду перечислять, скольким и каким своим противникам он не только даровал прощение и безопасность, но и допустил их к первым постам в государстве. Плэбея Юния Новата он наказал только денежной пеней, а другого, Кассия Патавина, — только легким изгнанием, хотя первый распространял о нем злобное письмо от имени молодого Агриппы, а второй при всех заявлял на пиру, что полон желаний и решимости его заколоть. (2) А однажды на следствии, когда Эмилию Элиану из Кордубы в числе прочих провинностей едва ли не больше всего вменялись дурные отзывы о Цезаре, он обернулся к обвинителю и сказал с притворным

гневом: «Докажи мне это, а уж я покажу Элиану, что и у меня есть язык: ведь я могу наговорить о нем еще больше», — и более он ни тогда, ни потом не давал хода этому делу. (3) А когда Тиберий в письме жаловался ему на то же самое, но с большей резкостью, он ответил ему так: «Не поддавайся порывам юности, милый Тиберий, и не слишком возмущайся, если кто-то обо мне говорит дурное: довольно и того, что никто не может нам сделать дурного».

52. Храмов в свою честь он не позволял возводить ни в какой провинции иначе, как с двойным посвящением ему и Риму. В столице же он от этой почести отказывался наотрез. Даже серебряные статуи, уже поставленные в его честь, он все перелил на монеты, и из этих денег посвятил два золотых треножника Аполлону Палатинскому.

Диктаторскую власть народ предлагал ему неотступно, но он на коленах, спустив с плеч тогу, обнажив грудь, умолял его от этого избавиться. 53. Имени «государь» он всегда страшился как оскорбления и позора. Когда при нем на зрелищах мимический актер произнес со сцены:

— О добрый, справедливый государь! —

и все, вскочив с мест, разразились рукоплесканиями, словно речь шла о нем самом, он движением и взглядом тотчас унял непристойную лесть, а на следующий день выразил зрителям порицание в суровом эдикте. После этого он даже собственных детей и внуков не допускал ни в шутку, ни всерьез называть его господином, и даже между собой запретил им пользоваться этим лестным обращением. (2) Не случайно он старался вступать и выступать из каждого города и городка только вечером или ночью, чтобы никого не беспокоить приветствиями и напутствиями. Когда он бывал консулом, то обычно передвигался пешком, когда не был консулом — в закрытых носилках. К общим утренним приветствиям он допускал и простой народ, принимая от него прошения с необычайной ласковостью: одному оробевшему просителю он даже сказал в шутку, что тот подает ему просьбу, словно грош слону. (3) Сенаторов в дни заседаний он приветствовал только в курии на их местах, к каждому обращаясь по имени, без напоминания; даже уходя и прощаясь, он не заставлял их вставать с места. Со многими он был знаком домами и не переставал бывать на семейных праздниках, пока однажды в старости не утомился слишком сильно на чьей-то помолвке. С сенатором Церринием Галлом он не был близок, но когда тот вдруг ослеп и решил умереть от голода, он посетил его и своими утешениями убедил не лишать себя жизни.

54. Однажды в сенате во время его речи кто-то сказал: «Не понимаю!», — а другой: «Я бы тебе возразил, будь это возможно!» Не раз, возмущенный жестокими спорами сенаторов, он покидал курию; ему кричали вслед: «Нельзя запрещать сенаторам рассуждать о государственных делах!» При пересмотре списков, когда

сенаторы выбирали друг друга, Антистий Лабеон подал голос за жившего в ссылке Марка Лепида, давнего врага Августа, и на вопрос Августа, неужели не нашлось никого достойнее, ответил: «У каждого свое мнение». И все-таки за вольные или строптивые речи от него никто не пострадал. 55. Даже подметные письма, разбросанные в курии, его не смущали: он обстоятельно их опроверг и, не разыскивая даже сочинителей, постановил только впредь привлекать к ответу тех, кто распространяет под чужим именем порочащие кого-нибудь стихи или письма. 56. В ответ на задевшие его дерзкие или злобные шутки он также издал эдикт; однако принимать меры против вольных высказываний в завещаниях он запретил.

Присутствуя на выборах должностных лиц, он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю. Он и сам подавал голос в своей трибе, как простой гражданин. Выступая свидетелем в суде, он терпел допросы и возращения с редким спокойствием. (2) Он уменьшил ширину своего форума, не решаясь выселить владельцев из соседних домов. Представляя вниманию народа своих сыновей, он всякий раз прибавлял: «Если они того заслужат». Когда перед ними, еще подростками, встал и разразился рукоплесканиями целый театр, он был этим очень недоволен. Друзей своих он хотел видеть сильными и влиятельными в государственных делах, но при тех же правах и в ответе перед теми же судебными законами, что и прочие граждане. (3) Когда его близкий друг Ноний Аспренат был обвинен Кассием Севером в отравлении, он спросил в сенате, как ему следует поступить: он боится, что, по общему мнению, если он вмешается, то отнимет из-под власти законов подсудимого, а если не вмешается, то покинет и обречет на осуждение друга. И с одобрения всех он несколько часов просидел на свидетельских скамьях, но все время молчал и не произнес даже обычной в суде похвалы подсудимому. (4) Присутствовал он и на процессах клиентов, например у некоего Скутария, солдата на сверхсрочной службе, обвиненного в насилии. Только одного из подсудимых и только откровенными просьбами спас он от осуждения, перед лицом судей умолив обвинителя отступить: это был Кастриций, от которого он узнал о заговоре Мурены.

57. Какой любовью пользовался он за эти достоинства, нетрудно представить. О сенатских постановлениях я не говорю, так как их могут считать вынужденными или льстивыми. Всадники римские добровольно и по общему согласию праздновали его день рождения каждый год два дня подряд. Люди всех сословий по обету ежегодно бросали в Курциево озеро монетку за его здоровье, а на новый год приносили ему подарки на Капитолий, даже если его и не было в Риме; на эти средства он потом купил и поставил по всем кварталам дорогостоящие статуи богов — Аполлона-Сандалиария, Юпитера-Трагеда и других. (2) На восстановление его палатинского дома, сгоревшего во время пожара, несли деньги и ветераны, и декурии, и трибы, и отдельные граж-

дане всякого разбора, добровольно и кто сколько мог; но он едва прикоснулся к этим кучам денег и взял не больше чем по денарию из каждой. При возвращении из провинций его встречали не только добрыми пожеланиями, но и пением песен. Следили даже за тем, чтобы в день его въезда в город никогда не совершалось казней.

58. Имя отца отечества было поднесено ему всем народом, внезапно и единодушно. Первыми это сделали плебеи, отправив к нему посольство в Анций, а после его отказа — приветствуя его в Риме при входе в театр, огромной толпою в лавровых венках; вслед за ними и сенат высказал свою волю, но не в декрете и не общим криком, а в выступлении Валерия Мессалы. По общему поручению он сказал так: «Да сопутствует счастье и удача тебе и дому твоему, Цезарь Август! Такими словами молимся мы о вековечном благоденствии и ликовании всего государства: ныне сенат в согласии с римским народом поздравляет тебя отцом отечества». Август со слезами на глазах отвечал ему такими словами: привожу их в точности, как и слова Мессалы: «Достигнув исполнения моих желаний, о чем еще могу я молить бессмертных богов, отцы сенаторы, как не о том, чтобы это ваше единодушие сопровождало меня до скончания жизни!»

59. Врачу Антонию Музе, исцелившему его от смертельной болезни, сенаторы на свои деньги поставили статую возле изваяния Эскулапа. А некоторые отцы семейства в завещаниях приказывали, чтобы их наследники совершили на Капитолии обетные жертвы за то, что Август их пережил, и чтобы перед жертвенными животными несли соответствующую надпись.

В Италии некоторые города день, когда он впервые их посетил, сделали началом нового года. Многие провинции не только воздвигали ему храмы и алтари, но и учреждали пятилетние игры чуть ли не в каждом городке. 60. Цари, его друзья и союзники, основывали каждый в своем царстве города под названием Цезарея, а все вместе, сложившись, намеревались достроить и посвятить гению Августа храм Юпитера Олимпийского в Афинах, заложный еще в древности; и не раз они покидали свои царства, чтобы повседневно сопровождать его не только в Риме, но и в провинциях, без царских отличий, одетые в тоги, прислуживая ему, как клиенты.

61. Изложив, таким образом, каков был Август на военных и гражданских должностях и как вел он государственные дела во всех концах земли в мирное и военное время, я перейду теперь к его частной и семейной жизни и опишу, каков он был и что с ним было дома, среди близких, с юных лет его и до последнего дня.

(2) Мать потерял он в первое свое консульство, сестру Октавию — на пятьдесят четвертом году. К обеим он и при жизни выказывал высокое почтение, и после смерти воздал им величайшие почести.

62. Помолвлен он был еще в юности с дочерью Публия Сервилия Исаврика. Однако после первого примирения с Анто-

нием, когда их воины потребовали, чтобы оба полководца вступили в родственную связь, он взял в жены Клавдию, падчерицу Антония, дочь Фульвии от Публия Клодия, хотя она едва достигла брачного возраста; но, поссорившись со своей тещей Фульвией, он, не тронув жены, отпустил ее девственницей. (2) Вскоре он женился на Скрибонии, которая уже была замужем за двумя консулярами и от одного имела детей; но и с нею он развелся, «устав от ее дурного нрава», как он сам пишет. После этого он тотчас вступил в брак с Ливией Друзиллой, которую беременной отнял у ее мужа Тиберия Нерона; и ее он, как никого, любил и почитал до самой смерти.

63. От Скрибонии у него родилась дочь Юлия, от Ливии он детей не имел, хотя больше всего мечтал об этом; зачатый ею младенец родился преждевременно. Юлию он выдал сперва за Марцелла, сына своей сестры, когда тот едва вышел из детского возраста; после его смерти — за Марка Агриппу, уговорив сестру уступить ему зятя, так как Агриппа уже был женат на одной из сестер Марцелла и имел от нее детей; (2) а когда и Агриппа умер, он долго искал для дочери мужа даже среди всаднического сословия и наконец выбрал ей супругом своего пасынка Тиберия, заставив его развестись с женою, беременной уже вторым ребенком. Марк Антоний пишет, что сперва Юлия была обручена с его сыном Антонием, а потом — с гетским царем Котизоном, и тогда же сам Октавий за это просил себе в жены царскую дочь.

64. Внуков он имел от Агриппы троих — Гая, Луция и Агриппу; внучек — двоих, Юлию и Агриппину. Юлию он выдал за Луция Павла, сына цензора, Агриппину — за Германика, внука своей сестры. Гая и Луция он усыновил, купив их у Агриппы по древнему обычаю; их он с детства приблизил к государственным делам и посылал в провинции и к войскам как назначенных консулов. (2) Дочь и внучек он воспитывал так, что они умели даже прясть шерсть; он запрещал им все, чего нельзя было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник; и он так оберегал их от встреч с посторонними, что Луция Виниция, юношу знатного и достойного, он письменно упрекнул в нескромности за то, что в Байях он подошел приветствовать его дочь. (3) Внуков он обычно сам обучал и читать, и плавать, и другим начальным знаниям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк. Когда он обедал, они всегда сидели при нем на нижнем ложе, а когда он путешествовал, они ехали впереди в повозке или скакали по сторонам.

65. Но среди этих радостей и надежд на процветание и добронравие потомства счастье вдруг его покинуло. Обоих Юлий, дочь и внучку, запятнанных всеми пороками, ему пришлось сослать. Гая и Луция он потерял одного за другим через восемнадцать месяцев — Гай скончался в Ликий, Луций — в Массилии. Он усыновил на форуме перед собранием куриЙ своего третьего внука Агриппу и пасынка Тиберия — но от Агриппы за его низкий

и жестокий нрав он вскоре отрекся и сослал его в Соррент. (2) Смерть близких была ему не так тяжела, как их позор. Участь Гая и Луция не надломила его; но о дочери он доложил в сенате лишь заочно, в послании, зачитанном квестором, и после этого долго, терзаясь стыдом, сторонился людей и подумывал даже, не казнить ли ее. По крайней мере, когда около этого времени повесилась одна из ее сообщниц, вольноотпущенница Феба, он сказал, что лучше бы ему быть отцом Фебы. (3) Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома и всегда в точности узнавал, какого тот возраста, роста, вида, и даже какие у него телесные приметы или шрамы. Только пять лет спустя он перевел ее с острова на материк и немного смягчил условия ссылки; но о том, чтобы совсем ее простить, бесполезно было его умолять. В ответ на частые и настойчивые просьбы римского народа он только пожелал всему собранию таких же жен и таких же дочерей. (4) Ребенка, родившегося у младшей Юлии после ее осуждения, он не захотел ни признавать, ни воспитывать. Агриппу, который не становился мягче и с каждым днем все более терял рассудок, он перевез на остров и, сверх того, заключил под стражу; особым сенатским постановлением он приказал держать его там пожизненно. А на всякое упоминание о нем или о двух Юлиях он только восклицал со стоном:

Лучше бы мне и безбрачному жить и бездетному сгинуть! —

и называл их не иначе как тремя своими болячками и язвами.

66. Дружбу он завязывал нелегко, но верность соблюдал неуклонно, и не только должным образом награждал заслуги и достоинства друзей, но и готов был сносить их пороки и провинности, — до известной, конечно, меры. Примечательно, что из всех его друзей нельзя найти ни одного опального, если не считать Сальвидиена Руфа и Корнелия Галла. Обоих он возвысил из ничтожного состояния, одного — до консульского сана, другого — до наместничества в Египте. (2) Первого, замышлявшего переворот, он отдал для наказания сенату; второму, за его неблагодарность и злокозненность, он запретил появляться в своем доме и в своих провинциях. Но когда погиб и Галл, доведенный до самоубийства нападка ми обвинителей и указами сената, Август, поблагодарив за преданность всех своих столь пылких заступников, не мог удержаться от слез и сетований на то, что ему одному в его доле нельзя даже сердиться на друзей сколько хочется. (3) Остальные же его друзья наслаждались богатством и влиянием до конца жизни, почитаясь первыми в своих сословиях, хотя и ими подчас он бывал недоволен. Так, не говоря об остальных, он не раз жаловался, что даже Агриппе недостает терпимости, а Меценату — умения молчать, когда Агриппа из пустого подозрения, будто к нему охладели и предпочитают ему Марцелла, бросил все и уехал в Митилены, а Меценат, узнав

о раскрытии заговора Мурены, выдал эту тайну своей жене Теренции.

(4) В свою очередь, и сам он требовал от друзей такой же ответной привязанности как при жизни, так и после смерти. Действительно, хотя он нисколько не домогался наследств и никогда ничего не принимал по завещаниям людей незнакомых, но к последним заветам друзей был необычайно чувствителен, и если в завещании о нем упоминалось небрежно и скупое, то неприятно огорчался, а если почтительно и лестно, то откровенно радовался. Когда завещатели оставляли детей, он или тотчас передавал им свою долю наследства и отказанные ему подарки, или же сохранял ее на время их малолетства, а в день совершеннолетия или свадьбы возвращал с процентами.

67. Хозяином и патроном был он столь же строгим, сколько милостивым и мягким. Многих вольноотпущенников он держал в чести и близости — например, Ликина, Келада и других. Косм, его раб, оскорбительно о нем отзывался — он удовольствовался тем, что заковал его в цепи. Диомед, его управляющий, сопровождал его на прогулке, но когда на них вдруг выскочил дикий кабан, перепугался и бросил хозяина одного — он побранил его не за провинность, а только за трусость и опасное происшествие обратил в шутку, так как злого умысла тут не было. И в то же время он заставил умереть Пола, одного из любимых своих вольноотпущенников, узнав, что тот соблазнял замужних женщин; Таллу, своему писцу, он переломал ноги за то, что тот за пятьсот денариев выдал содержание его письма; а когда наставник и служители его сына Гая, воспользовавшись болезнью и смертью последнего, начали бесстыдно и жадно обирать провинцию, он приказал швырнуть их в реку с грузом на шее.

68. В ранней юности он стяжал дурную славу многими позорными поступками. Секст Помпей обзывал его женоподобным, Марк Антоний уверял, будто свое усыновление купил он постыдной ценой, а Луций, брат Марка, — будто свою невинность, початую Цезарем, он предлагал потом в Испании и Авлу Гирцию за триста тысяч сестерциев и будто икры себе он прижигал скорлупою ореха, чтобы мягче был волос. Мало того — весь народ однажды на зрелищах встретил шумными рукоплесканиями брошенный со сцены стих, угадав в нем оскорбительный намек на его счет, — речь шла о жреце Матери богов, ударяющем в бубен:

— Смотри, как все покорствует развратнику!

69. Что он жил с чужими женами, не отрицают даже его друзья; но они оправдывают его тем, что он шел на это не из похоти, а по расчету, чтобы через женщин легче выведывать замыслы противников. А Марк Антоний, попрекая его, поминает и о том, как не терпелось ему жениться на Ливии, и о том, как жену одного консуляра он на глазах у мужа увел с пиря к себе в спальню, а потом привел обратно, растрепанную

и красную до ушей, и о том, как он дал развод Скрибонии за то, что она позволяла себе ревновать к сопернице, и о том, как друзья подыскивали ему любовниц, раздевая и оглядывая взрослых девушек и матерей семейств, словно рабынь у работорговца Торания. (2) Антоний даже писал ему по-приятельски, когда между ними еще не было ни тайной, ни явной вражды: «С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, — да и не все ли равно в конце концов, где и с кем ты путаешься?»

70. Его тайное пиршество, которое в народе называли «*пиром двенадцати богов*», также было у всех на устах: его участники возлежали за столом, одетые богами и богинями, а сам он изображал Аполлона. Не говоря уже о той брани, какую осыпал его Антоний, ядовито перечисляя по именам всех гостей, об этом свидетельствует и такой всем известный безымянный стишок:

Только лишь те господа подыскали для пира хорага,
Шесть богов, шесть богинь Маллия вдруг увидал.
И между тем, как в обличье обманщика-Феба безбожный
Цезарь являл на пиру прелюбодейства богов,
Все от земли отвратили свой лик небесные силы
И, позолоченный трон бросив, Юпитер бежал.

(2) Слухи об этом пиршестве усугублялись тем, что в Риме тогда стояли нужда и голод: уже на следующий день слышались восклицания, что боги сожрали весь хлеб и что Цезарь — впрямь Аполлон, но Аполлон-мучитель (под таким именем почитался этот бог в одном из городских кварталов). Ставили ему в вину и жадность к коринфским вазам и богатой утвари, и страсть к игре в кости. Так, во время проскрипций под его статуей появилась надпись:

Отец мой ростовщик, а сам я вазовщик, —

ибо уверяли, что он занес некоторых людей в списки жертв, чтобы получить их коринфские вазы; а во время сицилийской войны ходила такая эпиграмма:

Разбитый в море дважды, потеряв суда,
Он мечет кости, чтоб хоть в этом выиграть.

71. Из всех этих обвинений и нареканий он легче всего опроверг упрек в постыдном пороке, от которого жизнь его была чиста и тогда, и потом; а затем — упрек в роскоши, так как даже после взятия Александрии он не взял для себя из царских богатств ничего, кроме одной плавиковой чаши, а будничные золотые сосуды вскоре все отдал в переплавку. Сладострастным утехам он предавался и впоследствии и был, говорят, большим любителем молоденьких девушек, которых ему отовсюду добывала сама жена. Игроком прослыть он не боялся и продолжал играть для своего удовольствия даже в старости, попросту и открыто, не

только в декабре месяце, но и в другие праздники и будни. (2) Это не подлежит сомнению: в собственноручном письме он пишет так: «За обедом, милый Тиберий, гости у нас были все те же, да еще пришли Виниций и Силий Старший. За едой и вчера и сегодня мы играли *по-стариковски*: бросали кости, и у кого выпадет «собака» или шестерка, тот ставил на кон по денарию за кость, а у кого выпадет «Венера», тот забирал деньги». (3) И в другом письме опять: «Милый Тиберий, мы провели в Квинкватрии с полным удовольствием: играли всякий день, так что доска не остывала. Твой брат за игрой очень горячился, но в конечном счете проиграл немного: он был в большом проигрыше, но против ожидания помаленьку из него выбрался. Что до меня, то я проиграл тысяч двадцать, но только потому, что играл, не скупясь, на широкую руку, как обычно. Если бы требовать все, что я каждому уступил, да удержать все, что я каждому одолжил, то был бы я в выигрыше на все пятьдесят тысяч. Но мне это не нужно: пусть лучше моя щедрость прославит меня до небес». (4) А дочери он пишет так: «Посылаю тебе двести пятьдесят денариев, как и всем остальным гостям, на случай, если кому за обедом захочется сыграть в кости или в чет и нечет». 72. Во всем остальном, как известно, обнаруживал он величайшую воздержанность и не давал повода ни для каких подозрений.

Жил он сначала близ римского форума, над Колечниковой лестницей, в доме, принадлежавшем когда-то оратору Кальву, а потом — на Палатине, в доме Гортензия; но и этот дом был скромный, не примечательный ни размером, ни убранством, — даже портики были короткие, с колоннами альбанского камня, а в комнатах не было ни мрамора, ни штучных полов. Спал он больше сорока лет в одной и той же спальне зимой и летом и зиму всегда проводил в Риме, хотя мог убедиться, что зимой город вреден для его здоровья. (2) Если он хотел заниматься тайно или без помехи, для этого у него была особая верхняя комнатка, которую он называл своими Сиракузами и «*мастеро-вушкой*»; тогда он перебирался или сюда, или к кому-нибудь из вольноотпущенников на загородную виллу, а когда был болен, ложился в доме Мецената. Отдыхать он чаще всего уезжал или в Кампанию, на взморье и острова, или в городки неподалеку от Рима — в Ланувий, Пренесте или Тибур, где он часто даже правил суд, сидя под портиком храма Геркулеса. (3) Больших и роскошных домов он не терпел, и даже стоивший немалых денег дворец Юлии-младшей приказал разрушить до основания. Собственные виллы, очень скромные, он украшал не статуями и не картинами, а террасами и рощами, и собирал там древние и редкие вещи: например, на Капри — доспехи героев и огромные кости исполинских зверей и чудовищ, которые считают останками гигантов.

73. В простоте его обстановки и утвари можно убедиться и теперь по сохранившимся столам и ложам, которые вряд ли удовлетворили бы и простого обывателя. Даже спал он, говорят,

на постели низкой и жестко постланной. Одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью или внучками; тогу носил ни тесную, ни просторную, полосу на ней ни широкую, ни узкую, а башмаки подбивал толстыми подошвами, чтобы казаться выше. Впрочем, нарядную одежду и обувь он всегда держал под рукой в спальне на случай внезапной и неожиданной надобности.

74. Давал обеды он постоянно, и непременно со всеми блюдами, а приглашения посылал с большим разбором и званий и лиц. Валерий Мессала сообщает, что ни один вольноотпущенник не допускался к его столу — исключение делалось только для Меня, да и то лишь после того, как за выдачу флота Секста Помпея он получил гражданство; а сам Август пишет, что однажды пригласил к обеду своего бывшего охранника, на вилле которого остановился. К столу он иногда приходил позже всех, а уходил раньше всех, так что гости начинали закусывать до его появления и оставались за столом после его ухода. За обедом бывало три переменны, самое большее — шесть; все подавалось без особой изысканности, но с величайшим радушием. Тех, кто молчал или беседовал потихоньку, он вызывал на общий разговор, а для развлечения приглашал музыкантов, актеров и даже бродячих плясунов из цирка, чаще же всего — сказочников.

75. Праздники и торжества справлял он обычно с большою пышностью, а иногда — только в шутку. Так, и на Сатурналиях и в другое время, ежели ему было угодно, он иногда раздавал в подарок и одежды, и золото, и серебро, иногда — монеты разной чеканки, даже царские и чужеземные, а иногда только войлок, губки, мешалки, клещи и тому подобные предметы с надписями двусмысленными и загадочными. Любил он также на пиру продавать гостям жребии на самые неравноценные предметы или устраивать торг на картины, повернутые лицом к стене, чтобы покупки то обманывали, то превосходили ожидания покупателей. Гости с каждого ложа должны были предлагать свою цену и потом делить убыток или выигрыш.

76. Что касается пищи — я и этого не хочу пропустить, — то ел он очень мало и неприхотливо. Любил грубый хлеб, мелкую рыбешку, влажный сыр, отжатый вручную, зеленые фиги второго сбора; закусывал и в предобеденные часы, когда и где угодно, если только чувствовал голод. Вот его собственные слова из письма: «В одноколке мы подкрепились хлебом и финиками». (2) И еще: «Возвращаясь из царской курии, я в носилках съел ломоть хлеба и несколько ягод толстокожего винограда». И опять: «Никакой иудей не справлял субботний пост с таким усердием, милый Тиберий, как я постился нынче: только в бане, через час после захода солнца, пожевал я кусок-другой перед тем, как растираться». Из-за такой беззаботности он не раз обедал один, до прихода или после ухода гостей, а за общим столом ни к чему не притрагивался.

77. Вина по натуре своей он пил очень мало. В лагере при

Мутине он за обедом выпивал не более трех кубков, как сообщает Корнелий Непот, а впоследствии, даже когда давал себе полную волю, — не более секстария; если он выпивал больше, то принимал рвотное. Больше всего любил он ретийское вино. Впрочем, натошак пил он редко, а вместо этого жевал либо хлеб, размоченный в холодной воде, либо ломтик огурца, либо ствол латука, либо свежие или сушеные яблоки с винным привкусом.

78. После дневного завтрака он, как был, одетый и обутый, ложился ненадолго отдохнуть, закутав ноги и заслонив рукой глаза. А после обеда он отправлялся на ложе для ночной работы и там оставался до поздней ночи, пока не заканчивал все или почти все дневные дела. Затем он ложился в постель, но спал, самое большее, часов семь, да и то не полных, потому что за это время раза три или четыре просыпался. (2) Если, как это бывает, ему не удавалось сразу опять заснуть, он посылал за чтецами или рассказчиками и тогда снова засыпал, не просыпаясь иной раз уже до света. Он не оставался в темноте без сна, если никого не было рядом. Рано вставать он не любил, и если ему нужно было встать раньше обычного для какого-нибудь дела или обряда, он для удобства ночевал по соседству в доме у кого-нибудь из близких. Но и так он часто недосыпал, и тогда не раз забывался дремотой в носилках, пока рабы несли их по улицам и по временам останавливались передохнуть.

79. С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться. О своих волосах он так мало заботился, что давал причесывать себя для скорости сразу несколькими цирюльникам, а когда стриг или брил бороду, то одновременно что-нибудь читал или даже писал. Лицо его было спокойным и ясным, говорил ли он или молчал: один из галльских вождей даже признавался среди своих, что именно это поколебало его и остановило, когда он собирался при переходе через Альпы, приблизившись под предлогом разговора, столкнуть Августа в пропасть. (2) Глаза у него были светлые и блестящие; он любил, чтобы в них чудилась некая божественная сила, и бывал доволен, когда под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза, словно от сияния солнца. Впрочем, к старости он стал хуже видеть левым глазом. Зубы у него были редкие, мелкие, неровные, волосы — рыжеватые и чуть вьющиеся, брови — сросшиеся, уши — небольшие, нос — с горбинкой и заостренный, цвет кожи — между смуглым и белым. Росту он был невысокого — Впрочем, вольноотпущенник Юлий Марат, который вел его записки, сообщает, что в нем было пять футов и три четверти, — но это скрывалось соразмерным и стройным сложением и было заметно лишь рядом с более рослыми людьми.

80. Тело его, говорят, было покрыто на груди и на животе родимыми пятнами, напоминавшими видом, числом и расположением звезды Большой Медведицы; кожа во многих местах загрубела и от постоянного расчесыванья и усиленного употребления скребка образовала уплотнения вроде струпьев. Бедро и голень

левой ноги были у него слабоваты, нередко он даже прихрамывал; помогали ему от этого горячий песок и тростниковые лубки. А иногда ему не повиновался указательный палец правой руки: на холоде его так сводило, что только с помощью рогового наперстка он кое-как мог писать. Жаловался он и на боль в пузыре, которая ослабевала, лишь когда камни выходили с мочой.

81. Тяжело и опасно болеть ему за всю жизнь случилось несколько раз, сильнее всего — после покорения Кантабрии: тогда его печень так страдала от истечений желчи, что он в отчаянии вынужден был обратиться к лечению необычному и сомнительному: вместо горячих припарок, которые ему не помогали, он по совету Антония Музы стал употреблять холодные. (2) Были у него и недомогания, повторяющиеся каждый год в определенное время: около своего дня рождения он обычно чувствовал расслабленность, ранней весной страдал от расширения предсердия, а при южном ветре — от насморка.

При таком расстроенном здоровье он с трудом переносил и холод и жару. 82. Зимой он надевал не только четыре туники и толстую тогу, но и сорочку, и шерстяной нагрудник, и обмотки на бедра и голени. Летом он спал при открытых дверях, а иногда даже в перистиле, перед фонтаном, обмахиваемый рабом. Солнца не терпел он в зимнее время и даже дома не выходил на воздух с непокрытой головой. Путешествовал он в носилках, ночами понемногу и медленно, так что до Пренесте или Тибура добирался только за два дня; а если до места можно было доехать морем, он предпочитал плыть на корабле.

(2) Свое слабое здоровье он поддерживал заботливым уходом. Прежде всего, он редко купался: вместо этого он обычно растирался маслом или потел перед открытым огнем, а потом окатывался комнатной или согретой на солнце водой. А когда ему приходилось от ломоты в мышцах принимать горячие морские или серные ванны, он только окунал в воду то руки, то ноги, сидя на деревянном кресле, которое по-испански называл «дурета». 83. Упражнения в верховой езде и с оружием на Марсовом поле он прекратил тотчас после гражданских войн. Некоторое время после этого он еще упражнялся с мячом, набитым или надутым, а потом ограничился верховыми и пешими прогулками; в конце каждого круга он переходил с шага на бег вприпрыжку, завернувшись в одеяло или простыню. Для умственного отдыха он иногда удил рыбу удочкой, а иногда играл в кости, камешки и орехи с мальчиками-рабами. Ему нравились их хорошенькие лица и их болтовня, и он покупал их отовсюду, особенно же из Сирии и Мавритании; а к карликам, уродцам и тому подобным он питал отвращение, видя в них насмешку природы и зловещее предзнаменование.

84. Красноречием и благородными науками он с юных лет занимался с охотой и великим усердием. В Мутинской войне среди всех своих забот он, говорят, каждый день находил время и читать, и писать, и декламировать. Действительно, он и впослед-

ствии никогда не говорил ни перед сенатом, ни перед народом, ни перед войском, не обдумав и не сочинив свою речь заранее, хотя не лишен был способности говорить и без подготовки. (2) А чтобы не полагаться на память и не тратить времени на заучивание, он первый стал все произносить по написанному. Даже частные беседы, даже разговоры со всей Ливией в важных случаях он набрасывал заранее и держался своей записи, чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слишком много. Выговор у него был мягкий и своеобразный, он постоянно занимался с учителем произношения; но иногда у него болело горло, и он обращался к народу через глашатая.

85. Он написал много прозаических сочинений разного рода; некоторые из них он прочитывал перед друзьями или перед публикой. Таковы «Возражения Бруту о Катоне», — их он читал однажды уже в старости, но, не дойдя до конца, устал и отдал дочитывать Тиберию; таковы «Поощрение к философии» и сочинение «О своей жизни» в тридцати книгах, доведенное только до кантабрийской войны. (2) Поэзии он касался лишь бегло. Сохранилась одна книга, написанная гекзаметрами и озаглавленная «Сицилия», в соответствии с содержанием; сохранилась и другая книга, маленькая: «Эпиграммы», которые он по большей части сочинял в бане при купанье. За трагедию он было взялся с большим пылом, но не совладал с трагическим слогом и уничтожил написанное; а на вопрос друзей, что поделывает его Аякс, он ответил, что Аякс бросился на свою губку.

86. В слогe он стремился к изяществу и умеренности, избегая как пустых и звонких фраз, так и, по его выражению, «словес, папахивающих стариной»; больше всего он старался как можно яснее выразить свою мысль. Чтобы лучше этого достичь, ничем не смущая и не сбивая читателя или слушателя, он без колебания ставил предлоги при названиях городов и повторял союзы, без которых речь звучала бы легче, но понималась бы труднее. (2) Любителей старины и любителей манерности он одинаково осуждал за их противоположные крайности и не раз над ними издевался. В особенности он вышучивал своего друга Мецената за его, как он выражался, «напомаженные завитушки», и даже писал на него пародии; но не щадил и Тиберия, который гонялся иной раз за старинными и обветшалыми словами. Марка Антония он прямо обзывает сумасшедшим, утверждая, будто его писаниям дивиться можно, но понять их нельзя; и потом, высмеивая его безвкусию и непостоянство в выборе слов, продолжает: (3) «Ты и не знаешь, с кого тебе брать пример: с Анния Цимбра и Верания Флакка, чтобы писать такими словесами, какие Саллюстий Крисп повытаскивал из Катоновых «Начал»? или с азиатских риторов, чтобы перенести в нашу речь их потоки слов без единой мысли?» А в письме к своей внучке Агриппине он хвалит ее хорошие задатки, но добавляет: «Однако старайся избегать деланности, когда говоришь и пишешь».

87. В повседневной речи некоторые выражения он употреб-

лял особенно часто и своеобразно, об этом свидетельствуют его собственноручные письма. В них, чтобы сказать, что кто-то никогда не заплатит долга, он всякий раз пишет: «заплатит в греческие календы»; чтобы внушить, что любые обстоятельства следует переносить покорно, пишет: «довольно с нас и одного Катона»; чтобы выразить быстроту и поспешность — «скорей, чем спаржа варится». (2) Вместо «дурак» он всегда пишет «дубина», вместо «черный» — «темный», вместо «сумасшедший» — «рехнувшийся», вместо «мне не по себе» — «меня мутит», вместо «чувствовать слабость» — «глядеть свеклой», а не «скапуститься», как говорят в просторечии. Далее, он пишет «они есть» вместо «они суть» и «в дому» вместо «в доме»; два последних выражения он употребляет только так, поэтому их следует считать не ошибкой, а привычкой. (3) И в почерке его я заметил некоторые особенности: он не разделяет слов и не делает переносов, а не поместившиеся в строке буквы подписывает тут же снизу, обведя их чертою.

88. Орфографию, то есть правила и предписания, установленные грамматиками, он не старался соблюдать и, по-видимому, разделял мнение тех, кто думает, что писать надо так, как говорят. Часто он переставляет или пропускает не только буквы, а даже слоги, но такие ошибки бывают у всех: я не стал бы это отмечать, если бы мне не казалось удивительным сообщение некоторых историков, будто бы Август сместил за невежество и безграмотность одного легата, бывшего консула, когда заметил, что тот написал *ixi* вместо *ipsi*. Когда он пользуется тайнописью, то пишет В вместо А, С вместо В и так далее таким же образом, а вместо Х ставит двойное А.

89. Греческой словесностью занимался он с не меньшим усердием и достиг больших успехов. Его учителем красноречия был Аполлодор Пергамский, которого он в молодости даже увез с собой из Рима в Аполлонию, несмотря на его преклонный возраст. Много разных познаний дала ему потом близость с философом Ареем и его сыновьями Дионисием и Никанором. Все же по-гречески он бегло не говорил и не решался что-либо сочинять, а в случае необходимости писал, что нужно, по-латыни и давал кому-нибудь перевести. Однако поэзию он знал хорошо, а древней комедией даже восхищался и не раз давал ее представления на зрелищах.

(2) Читая и греческих и латинских писателей, он больше всего искал в них советов и примеров, полезных в общественной и частной жизни; часто он выписывал их дословно и рассылал или своим близким, или заместникам и военачальникам, или должностным лицам в Риме, если они нуждались в таких наставлениях. Даже целые книги случалось ему читать перед сенатом и оглашать народу в эдиктах: например, речь Квинта Метелла «Об умножении потомства» и речь Рутилия «О порядке домостроения»; этим он хотел показать, что не он первый обратился к таким заботам, но уже предкам были они близки. (3) Всем

талантам своего времени он оказывал всяческое покровительство. На открытых чтениях он внимательно и благосклонно слушал не только стихотворения и исторические сочинения, но и речи и диалоги. Однако о себе позволял он писать только лучшим сочинителям и только в торжественном слоге, и приказывал преторам следить, чтобы литературные состязания не нанесли урона его имени.

90. В делах веры и суеверия вот что о нем известно. Перед громом и молнией испытывал он не в меру малодушный страх: везде и всюду он носил с собою для защиты от них тюленью шкуру, а при первом признаке сильной грозы скрывался в подземное убежище, — в такой ужас повергла его когда-то ночью в дороге ударившая рядом молния, о чем мы уже говорили.

91. Сновидениям, как своим, так и чужим, относящимся к нему, он придавал большое значение. В битве при Филиппах он по нездоровью не собирался выходить из палатки, но вышел, поверив вещему сну своего друга; и это его спасло, потому что враги захватили его лагерь и, думая, что он еще лежит в носилках, искололи и изрубили их на куски. Сам он каждую весну видел сны частые и страшные, но пустые и несбыточные, а в остальное время года сны бывали реже, но сбывались чаще. (2) После того как он посвятил на Капитолии храм Юпитеру Громовержцу и часто в нем бывал, ему приснилось, будто другой Юпитер, Капитолийский, жалуется, что у него отбивают почитателей, а он ему отвечает, что Громовержец, стоя рядом, будет ему привратником; и вскоре после этого он украсил крышу Громовержца колокольчиками, какие обычно вешались у дверей. Под впечатлением другого ночного видения он каждый год в один и тот же день просил у народа подаяния, протягивая пустую ладонь за медными монетами.

92. Некоторые приметы и предзнаменования он считал безошибочными. Если утром он надевал башмак не на ту ногу, левый вместо правого, это было для него дурным знаком; если выпадала роса в день его отъезда в дальний путь по суше или по морю, это было добрым предвестием быстрого и благополучного возвращения. Но больше всего волновали его чудеса. Когда между каменных плит перед его домом выросла пальма, он перенес ее к водоему богов Пенатов и очень заботился, чтобы она пустила корни. (2) Когда на острове Капри с его приездом вновь поднялись ветви древнего дуба, давно увядшие и поникшие к земле, он пришел в такой восторг, что выменял у неаполитанцев этот остров на остров Энарию. Соблюдал он предосторожности и в определенные дни: после нундин не отправлялся в поездки, а в ноны не начинал никакого важного дела; правда, Тиберию он писал, что здесь его останавливает только *недоброе звучание* слова «ноны».

93. Из чужеземных обрядов он с величайшим почтением относился к древним и издавна установленным, но остальные презирал. Так, в Афинах он принял посвящение; а потом, когда

однажды в Риме при нем разбирался процесс о привилегиях жрецов аттической Цереры и речь зашла о некоторых таинствах, он приказал судьям и толпе зрителей разойтись и один выслушал и истцов и ответчиков. И в то же время, путешествуя по Египту, он отказался свернуть с пути, чтобы посмотреть на Аписа, а своего внука Гая очень хвалил за то, что, проезжая через Иудею, он не пожелал совершить молебствие в Иерусалиме.

94. Заговорив об этом, не лишним будет сообщить и о событиях, случившихся до его рождения, в самый день рождения и впоследствии, по которым можно было ожидать его будущего величия и догадываться о его неизменном счастье.

(2) В Велитрах некогда молния ударила в городскую стену, и было предсказано, что гражданин этого города когда-нибудь станет властителем мира. В надежде на это жители Велитр и тогда и потом не раз воевали с римским народом, едва не погубив самих себя; но последующие события показали, что это знамение предвещало могущество Августа. (3) Юлий Марат сообщает, что за несколько месяцев до его рождения в Риме на глазах у всех совершилось чудо, возвестившее, что природа рождает римскому народу царя. Устрашенный сенат запретил выкармливать детей, которые родятся в этом году; но те, у кого жены были беременны, позаботились, чтобы постановление сената не попало в казначейство: каждый надеялся, что знамение относится к нему.

(4) У Асклепиада Мендетского в «Рассуждениях о богах» я прочитал, что Атия однажды в полночь пришла для торжественного богослужения в храм Аполлона и осталась там спать в своих носилках, между тем как остальные матроны разошлись по домам; и тут к ней внезапно скользнул змей, побыл с нею и скоро уполз, а она, проснувшись, совершила очищение, как после соития с мужем. С этих пор на теле у нее появилось пятно в виде змеи, от которого она никак не могла избавиться, и поэтому больше никогда не ходила в общие бани; а девять месяцев спустя родился Август и был по этой причине признан сыном Аполлона. Эта же Атия незадолго до его рождения видела сон, будто ее внутренности возносятся ввысь, застилая и землю и небо; а ее мужу Октавию приснилось, будто из чрева Атии исходит сияние солнца.

(5) В день его рождения, когда в сенате шли речи о заговоре Катилины, Октавий из-за родов жены явился с опозданием; и тогда, как всем известно и ведомо, Публий Нигидий, узнав о причине задержки и спросив о часе рождения, объявил, что родился повелитель всего земного круга. А потом Октавий, проводя свое войско по дебрям Фракии, совершил в священной роще Вакха варварские гадания о судьбе своего сына, и жрецы ему дали такой же ответ: (6) в самом деле, когда он плеснул на алтарь вином, пламя так полыхнуло, что взметнулось выше кровли, до самого неба — а такое знаменье у этого алтаря было дано одному лишь Александру Великому, когда он приносил здесь жертвы. И в ту же ночь во сне Октавий увидел сына в сверхчеловеческом величии, с молнией, скипетром и в одеянии

Юпитера Благого и Величайшего, в сверкающем венце, на увенчанной лаврами колеснице, влекомого двенадцатью конями сияющей белизны.

Еще во младенчестве, как о том повествует Гай Друз, однажды вечером нянька оставила его в колыбели на полу, а наутро его там не было. Только после долгих поисков его наконец нашли: он лежал в самой высокой башне дома, с лицом обращенным к солнцу. (7) Только что научившись говорить, он однажды в дедовской усадьбе приказал замолчать надоедливым лягушкам, и, говорят, с этих пор лягушки там больше не квакают. А когда он завтракал в роще на четвертой миле по кампанской дороге, орел неожиданно выхватил у него из рук хлеб, взлетел в высоту и вдруг, плавно снизившись, снова отдал ему хлеб. (8) Квинт Катул, освятив Капитолий, две ночи подряд видел сон: в первую ночь — будто Юпитер Благой и Величайший выбрал одного из подростков, резвившихся вокруг его алтаря, и положил ему на грудь изображение богини Ромы, которое держал в руке; во вторую ночь — будто он увидел того же мальчика на коленях у Юпитера и приказал его оттащить, но бог удержал его, провещав, что в этом мальчике возрастает хранитель римского государства. А на следующий день Катул встретил Августа, которого никогда не видел, и, всмотревшись в него, с восторгом сказал, как похож он на мальчика, который ему снился. Впрочем, некоторые рассказывают первый сон Катула иначе: будто Юпитер в ответ на крики мальчиков, требовавших себе заступника, указал им на одного из них, в котором сбудутся все их желания, и, коснувшись перстами его губ, поцеловал персты. (9) А Марк Цицерон, сопровождая Гая Цезаря на Капитолий, также рассказывал друзьям свой сон минувшей ночи: будто отрок с благородным лицом спустился с неба на золотой цепи, встал на пороге Капитолийского храма и из рук Юпитера принял бич; когда же он вдруг увидел Августа, никому еще не знакомого, который сопровождал своего дядю Цезаря к жертвоприношению, он воскликнул, что это тот самый, чей образ являлся ему во сне.

(10) Когда он впервые надевал тогу совершеннолетнего, его сенаторская туника разорвалась на обоих плечах и упала к его ногам; некоторые увидели в этом знак, что все сословие, носящее эту одежду, когда-нибудь подчинится ему. (11) При Мунде, когда божественный Юлий вырубал лес на месте будущего лагеря, он увидел среди деревьев пальму и велел сохранить ее как предвестье победы; а пальма внезапно пустила побег, который за несколько дней так разросся, что не только сравнялся с материнским стволом, но и покрыл его своей тенью; и в ветвях у него появились голубиные гнезда, хотя эти птицы больше всего не любят жесткой и грубой листвы. Именно это знамение, говорят, и побудило Цезаря назначить своим преемником внука своей сестры вперед всех остальных. (12) В бытность свою в Аполлонии он поднялся с Агриппой на башню к астрологу Феогену. Агриппа обратился к нему первый и получил предска-

вание будущего великого и почти невероятного; тогда Август из стыда и боязни, что его доля окажется ниже, решил скрыть свой час рождения и упорно не хотел его называть. Когда же после долгих упрашиваний он нехотя и нерешительно назвал его, Феоген вскочил и благоговейно бросился к его ногам. С тех пор Август был настолько уверен в своей судьбе, что даже обнарудовал свой гороскоп и отчеканил серебряную монету со знаком созвездия Козерога, под которым он был рожден.

95. Когда после убийства Цезаря он воротился из Аполлонии и вступал в Рим, вокруг солнца вдруг появилось радужное кольцо, хотя день был ясный и безоблачный, и тотчас в гробницу Юлии, дочери Цезаря, ударила молния. А в первое его консульство, когда он совершал гадание по птицам, ему, как некогда Ромулу, показали двенадцать коршунов; и когда он приносил жертвы, у всех животных печень оказалась раздвоенной снизу, что, по утверждению всех знатоков, предвещало счастливое и великое будущее.

96. Даже исход всех войн он предугадывал заранее. Когда войска триумвиров сошлись перед Бононией, на его палатку сел орел; два ворона напали на него с двух сторон, но он отразил и поверг их на землю. Из этого все войско заключило, что между союзниками вскоре начнутся раздоры (как оно и случилось), и догадилось, чем они кончатся. При Филиппах один фессалиец возвестил ему предстоящую победу, услышав о ней от Юлия Цезаря, тень которого он встретил на непроезжей дороге. (2) Перед Перузией он совершал жертвоприношения, но не мог добиться добрых знамений и уже велел привести новых жертвенных животных, как вдруг неприятели сделали внезапную вылазку и захватили все принадлежности жертвоприношения. Тогда гадатели единодушно решили, что все беды и опасности, возвещенные жертвователю, должны пасть на того, кто завладел жертвенными внутренностями; и так оно и случилось. Накануне морского сражения за Сицилию, когда он гулял по берегу, из моря выбросилась рыба и упала к его ногам; а при Акции, когда он уже шел начинать бой, ему встретился погонщик с ослом, и погонщика звали *Удачник*, а осла — *Победитель*: им обоим поставил он после победы медную статую в святилище, устроенном на месте его лагеря.

97. Смерть его, к рассказу о которой я перехожу, и посмертное его обожествление также были предсказаны самыми несомненными предзнаменованиями. Когда он перед толпою народа совершал пятилетнее жертвоприношение на Марсовом поле, над ним появился орел, сделал несколько кругов, опустился на соседний храм и сел на первую букву имени Агриппы; заметив это, он велел своему коллеге Тиберию произнести обычные обеты на новое пятилетие, уже приготовленные и записанные им на табличках, а о себе заявил, что не возьмет на себя то, чего уже не исполнит. (2) Около того же времени от удара молнии расплавилась первая буква имени под статуей; и ему

было объявлено, что после этого он проживет только сто дней, так как буква С означает именно это число, и что затем он будет причтен к богам, так как AESAR, остальная часть имени Цезаря, на этрусском языке означает «бог».

(3) Он собирался отправить Тиберия в Иллирик и сопровождать его до Беневента, но жалобщики удерживали его все новыми и новыми судебными делами. Тогда он воскликнул, что даже если все будет против него, в Риме он больше не останется. Потом эти слова тоже сочли предзнаменованием. Пустившись в путь, он доехал до Астуры, а оттуда, вопреки своему обыкновению, отплыл ночью, чтобы воспользоваться попутным ветром. От этого его прослабило: так началась его последняя болезнь.

98. Миновав берега Кампании и ближние острова, он четыре дня провел в своей вилле на Капри. Глубокое душевное спокойствие клонило его к отдыху и к мирным развлечениям. (2) Проезжая гавань Путеол, он встретил только что прибывший александрийский корабль; моряки и путешественники, в белых одеждах, в лавровых венках, с курениями в руках, приветствовали его добрыми пожеланиями и осыпали высочайшими хвалами: в нем вся их жизнь, в нем весь их путь, в нем их свобода и богатство. Безмерно этим польщенный, он подарил своим спутникам по сорока золотых, с каждого взяв клятвенное обещание потратить эти деньги только на покупку александрийских товаров.

(3) Да и во все остальные дни он без конца раздавал разные подарки — например, тоги и греческие плащи, с тем условием, чтобы римляне одевались и говорили по-гречески, а греки — по-римски. Подолгу смотрел он на упражнения эфебов, которых по старому обычаю много было на Капри; для них он устроил угощение в своем присутствии, и не только позволял, но даже побуждал их вольно шутить и расхватывать плоды, закуски и все, что он бросал в их толпу. Словом, никакое увеселение не было ему чуждо. (4) Соседний дом на Капри он назвал Апрагополем, потому что поселившиеся там его спутники проводили время в праздности. Одного из своих любимцев, Масгабу, он величал *Основателем*, как будто это он основал Апрагополь. Этот Масгаба умер годом раньше. Увидев однажды из обеденной комнаты, что вокруг его могилы толпится народ с факелами, он вслух произнес стих, тут же сочиненный:

Горят огни над прахом Основателя.

Обратясь к Фрасиллу, спутнику Тиберия, который лежал за столом против него и не знал, в чем дело, он спросил, из какого поэта, по его мнению, этот стих? Тот замялся; тогда Август добавил:

Ты видишь: в честь Масгабы пышут факелы! —

и повторил вопрос. А когда тот только и мог ответить, что стихи прекрасны, чьи бы они ни были, он расхохотался и стал осыпать его шутками.

(5) Вскоре он переехал в Неаполь, хотя желудок его еще не оправился от перемежающихся приступов болезни. Тем не менее он посетил гимнастические состязания, учрежденные в его честь, и проводил Тиберия до условленного места; но на обратном пути болезнь усилилась, в Ноле он слег, а Тиберия вернул с дороги. С ним он долго говорил наедине, и после этого уже не занимался никакими важными делами.

99. В свой последний день он все время спрашивал, нет ли в городе беспорядков из-за него. Попросив зеркало, он велел причесать ему волосы и поправить отвисшую челюсть. Вошедших друзей он спросил, как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием.

Затем он всех отпустил. В это время кто-то только что прибыл из Рима; он стал расспрашивать о дочери Друза, которая была больна, и тут внезапно испустил дух на руках у Ливии, со словами: «Ливия, помни, как жили мы вместе! Живи и прощай!»

Смерть ему выпала легкая, какой он всегда желал. (2) В самом деле, всякий раз, как он слышал, что кто-то умер быстро и без мучений, он молился о такой же *доброй смерти* для себя и для своих — так он выражался. До самого последнего вздоха только один раз выказал он признаки помрачения, когда вдруг испугался и стал жаловаться, что его тащат куда-то сорок молодцов. Но и это было не столько помрачение, сколько предчувствие, потому что именно сорок воинов-преторианцев вынесли потом его тело к народу.

100. Скончался он в той же спальне, что и его отец Октавий, в консульство двух Секстов, Помпея и Апулея, в четырнадцатый день до сентябрьских календ, в девятом часу дня, не дожив тридцати пяти дней до полных семидесяти шести лет.

(2) Тело его от Нолы до Бовилл несли декурионы муниципиев и колоний. Шли они по ночам из-за жаркого времени, а днем оставляли тело в базилике или в главном храме каждого городка. В Бовиллах его всем сословием приняли всадники, внесли в столицу и поместили в сенях его дома. Сенаторы соперничали между собой, ревностно изыскивая, как пышнее устроить его похороны и прославить его память. В числе других почестей некоторые предлагали, чтобы шествие следовало через триумфальные ворота, впереди несли статую Победы из здания сената, а заплачку пели мальчики и девочки из лучших семейств; другие — чтобы в день похорон вместо золотых колец все надели железные; третьи — чтобы прах его собирали жрецы высочайших коллегий. (3) Кто-то убеждал перенести название августа на сентябрь, потому что в августе он умер, а в сентябре родился; другой предлагал все время от его рождения до кончины именовать веком Августа и под этим названием занести в летописи. Однако в принятых почестях мера все же была соблюдена. По-

хвальные речи ему говорились дважды: Тиберием — перед храмом Божественного Юлия и сыном Тиберия — Друзом — перед старой роstralной трибуной. Сенаторы на своих плечах отнесли его на Марсово поле и там предали сожжению. (4) Нашелся и человек преторского звания, клятвенно заявивший, что видел, как образ сожженного воспарил к небесам. Самые видные всадники, в одних туниках, без пояса, босиком, собрали его останки и положили в мавзолей. Это здание между Фламиниевой дорогой и берегом Тибра выстроил сам Август в свое шестое консульство и тогда же отдал в пользование народу окрестные рощи и места для прогулок.

101. Завещание его, составленное в консульство Луция Планка и Гая Силия, в третий день до апрельских нон, за год и четыре месяца до кончины, записанное в двух тетрадах частью его собственной рукой, частью его вольноотпущенниками Полибом и Гиларионом, хранилось у весталок и было ими представлено вместе с тремя свитками, запечатанными таким же образом. Все это было вскрыто и оглашено в сенате. (2) Наследниками в первой степени он назначил Тиберия в размере двух третей и Ливию в размере одной трети; им он завещал принять и его имя. Во второй степени он назначил наследниками Друза, сына Тиберия, в размере одной трети, и Германика с его тремя детьми мужского пола — в остальной части; в третьей степени были поименованы многие родственники и друзья. Римскому народу отказал он сорок миллионов сестерциев, трибам — три с половиной миллиона, преторианцам — по тысяче каждому, городским когортам — по пятисот, легионерам — по триста: эти деньги он велел выплатить единовременно, так как они были у него заранее собраны и отложены. (3) Остальные подарки, размером до двадцати тысяч сестерциев, были назначены разным лицам и должны были быть выплачены через год; в извинение он ссылался на то, что состояние его невелико и что даже его наследникам останется не больше полутора миллиона; правда, за последние двадцать лет он получил от друзей по завещаниям около тысячи четырехсот миллионов, но почти все эти деньги вместе с другими наследствами и двумя отцовскими имениями он израсходовал на благо государства. Обеих Юлий, дочь свою и внучку, если с ними что случится, он запретил хоронить в своей усыпальнице. (4) Из трех свитков в первом содержались распоряжения о погребении; во втором — список его деяний, который он завещал вырезать на медных досках у входа в мавзолей; в третьем — книга государственных дел: сколько где воинов под знаменами, сколько денег в государственном казначействе, в императорской казне и в податных недоимках; поименно были указаны все рабы и отпущенники, с которых можно было потребовать отчет.

ТИБЕРИЙ

1. Патрицианский род Клавдиев — был ведь и плебейский род, носивший то же имя, не менее влиятельный и важный — берет свое начало из Регилл, сабинского городка. Отсюда с большою толпой клиентов переселился он в незадолго до того основанный Рим по почину Тита Тация, соправителя Ромула, или же, как вернее говорят, по почину Атты Клавдия, главы рода, уже лет через пять после изгнания царей. Здесь этот род был принят в число патрициев и получил от государства для клиентов — поле за Аниеном, а для себя — усыпальницу под Капитолийским холмом. (2) И затем с течением времени он удостоился консульства двадцать восемь раз, диктатуры — пять раз, цензорства — семь раз, шести триумфов и двух оваций. Члены этого рода носили различные имена и прозвища: только имя Луций было отвергнуто с общего согласия после того, как из двух родичей, носивших это имя, один был уличен в разбое, а другой в убийстве. В числе других прозвищ приняли они и прозвище «Нерон», что на сабинском языке означает «храбрый» и «сильный».

2. Многих Клавдиев известны многие выдающиеся заслуги перед государством, но также и многие проступки иного рода. Упомяну лишь о важнейших. Аппий Слепой убедил римлян не вступать в пагубный договор с царем Пирром. Клавдий Кавдик первый провел флот через пролив и изгнал карфагенян из Сицилии. Тиберий Нерон разгромил шедшего из Испании с огромными силами Гасдрубала, не дав ему соединиться с его братом Ганнибалом. (2) С другой стороны, Клавдий Региллиан, децемвир для сочинения законов, подстрекаемый страстью, покушался силою обратить в рабство свободную девушку, и это было причиной второго отделения плебеев от патрициев. Клавдий Русс, поставивший себе увенчанную статую на Аппиевом Форуме, пытался через клиентов подчинить себе всю Италию. Клавдий Пульхр, у которого в Сицилии при гадании цыплята не хотели брать корм, бросил их в море, как бы в насмешку над знаменьем сказав: «Пусть они пьют, если не хотят есть!» — а сам вступил в морское сражение и был разбит; когда же после этого сенат велел ему назначить диктатора, он, словно опять потешаясь над бедствием государства, назначил своего посольного Гликкия. (3) Женщины из этого рода оставили в памяти столь же несхожие примеры. В самом де-

ле, к нему принадлежали обе Клавдии: и та, которая сняла с мели на Тибрском броде корабль со святынями Идейской Матери богов, помолившись при всех, чтобы он тогда лишь пошел за нею, если она действительно чиста; и та, которая первой из женщин была обвинена перед народом в оскорблении величества за то, что она, с трудом пробираясь на повозке сквозь густую толпу, громко пожелала, чтобы ее брат Пульхр воскрес и снова погубил флот, и этим поубавил бы в Риме народу.

(4) Кроме того, известно, что все Клавдии всегда были убежденными оптиматами, поборниками достоинства и могущества патрициев, за исключением одного лишь Публия Клодия, который ради того, чтобы изгнать из Рима Цицерона, дал усыновить себя плебею моложе даже, чем он сам. В отношении к народу все они были так непримиримы и надменны, что даже под уголовным обвинением никто из них не унижался до того, чтобы облечься в траур и просить граждан о снисхождении; некоторые в перебранках и распрях наносили побои даже народным трибунам. А одна весталка, когда ее брат справлял триумф против воли народа, взошла к нему на колесницу и сопровождала его до самого Капитолия, чтобы никто из трибунов не мог вмешаться или наложить запрет.

3. От этого корня и ведет свой род Тиберий Цезарь, и притом по отцовской и материнской линии сразу: по отцу — от Тиберия Нерона, по матери — от Аппия Пульхра, а они оба были сыновьями Аппия Слепого. Он принадлежал и к семейству Ливиев, которое усыновило его деда по матери. Это было семейство плебейское, но и оно пользовалось немалым почетом и было удостоено восьми консульств, двух цензоров, трех триумфов и даже постов диктатора и начальника конницы. Славилось оно и знаменитыми мужами, более всего — Салинатором и Друзами. (2) Салинатор в бытность свою цензором заклеил за легкомыслие все римские трибы, потому что они, обвинив и осудив его после первого его консульства, тем не менее вновь избрали его и консулом, и цензором. Друз убил в единоборстве Дравза, вражеского вождя, и сохранил его прозвище за собой и за потомками. Он же, говорят, в сане пропретора вернул из провинции Галлии то золото, которое было выплачено сенонам при осаде Капитолия и которое вопреки преданию не отбил у них Камилл. Его праправнук получил звание «заступника сената» за выдающиеся услуги в борьбе против Гракхов; он оставил сына, который во время таких же раздоров замыслил было немало различных предприятий, но был вероломно убит своими противниками.

4. Отец Тиберия, Нерон, был в александрийскую войну квестором Гая Цезаря и, начальствуя над флотом, много способствовал его победе. За это он был назначен понтификом на место Публия Сципиона и отправлен в Галлию для устройства колоний, среди которых были Нарбон и Арелате. Однако после убийства Цезаря, когда в страхе перед новыми смутами все как один принимали решение предать это дело забвению, он предложил даже

выдать награду тираноубийцам. (2) Затем он был претором; в конце года, когда среди триумвиров возник раздор, он остался в должности дольше законного срока и последовал в Перузию за консулом Луцием Антонием, братом триумвира; а когда остальные сдались, он один продолжал бороться. Он бежал в Пренесте, потом в Неаполь и после тщетных попыток призвать рабов к свободе укрылся в Сицилии; (3) но, оскорбленный тем, что здесь его не сразу допустили к Сексту Помпею и не признали за ним права на фаски, он перебрался к Марку Антонию в Ахайю. Вместе с ним он вскоре вернулся в Рим по заключении общего мира и здесь по требованию Августа уступил ему свою жену Ливию Друзиллу, которая уже родила ему сына и была беременна вторым. Вскоре после этого он скончался, оставив обоих сыновей, Тиберия и Друза Неронов.

5. Некоторые полагали, что Тиберий родился в Фундах, но это лишь ненадежная догадка, основанная на том, что в Фундах родилась его бабка по матери и что впоследствии по постановлению сената там была воздвигнута статуя Благоденствия. Однако более многочисленные и надежные источники показывают, что родился он в Риме, на Палатине, в шестнадцатый день до декабрьских календ, в консульство Марка Эмилия Лепида (вторичное) и Луция Мунация Планка, во время филиппийской войны. Так записано в летописях и в государственных ведомостях. Впрочем, иные относят его рождение к предыдущему году, при консулах Гирции и Пансе, иные — к последующему, при консулах Сервилии Исаврике и Луции Антонии.

6. Младенчество и детство было у него тяжелым и беспокойным, так как он повсюду сопровождал родителей в их бегстве. В Неаполе, когда они тайно спасались на корабль от настигающего врага, он дважды чуть не выдал их своим плачем, оттого что люди, их сопровождавшие, хотели отнять его сперва от груди кормилицы, а потом из объятий матери, когда нужно было облегчить ношу слабым женщинам. (2) Вместе с ними объехал он и Сицилию и Ахайю, где находился на попечении города лакедемонян, клиентов рода Клавдиев; уезжая оттуда, ночью в дороге он подвергся смертельной опасности, когда лес со всех сторон вдруг вспыхнул пожаром, и пламя подобралось к путникам так близко, что опалило Ливии волосы и край одежды. (3) Подарки, которые он получил в Сицилии от Помпеи, сестры Секста Помпея, — плащ, пряжка и золотые буллы — уцелели, и до сих пор их показывают в Байях.

По возвращении в Рим он был усыновлен по завещанию сенатором Марком Галлием; в наследство он вступил, но от имени вскоре отказался, так как Галлий принадлежал к числу противников Августа. (4) В девять лет он произнес с ростральной трибуны речь над скончавшимся отцом. Потом, подростком, в Актийском триумфе он сопровождал колесницу Августа верхом на левой пристяжной, между тем как на правой пристяжной ехал Марцелл, сын Октавии. На астических играх он был распоряди-

телем, а на Троянских играх в цирке возглавлял отряд старших мальчиков.

7. Достигнув совершеннолетия, свою молодость и дальнейшие годы, вплоть до прихода к власти, провел он вот каким образом.

Гладиаторские бои он устраивал в память отца и потом в память своего деда Друза в различных местах и в различное время: в первый раз на форуме, во второй — в амфитеатре; для них он приглашал даже отставных заслуженных гладиаторов за вознаграждение в сто тысяч сестерциев. Давал он и игры, но не присутствовал на них. Все это устраивалось с большой пышностью, на средства матери и отчима.

(2) Женился он на Агриппине, дочери Марка Агриппы и внучке Цецилия Аттика, римского всадника, письма к которому оставил Цицерон. Но хотя они жили в согласии, хотя она уже родила ему сына Друза и была беременна во второй раз, ему было велено дать ей развод и немедленно вступить в брак с Юлией, дочерью Августа. Для него было безмерной душевной мукой: к Агриппине он питал глубокую сердечную привязанность, Юлия же своим нравом была ему противна — он помнил, что еще при первом муже она искала близости с ним, и об этом даже говорили повсюду. (3) Об Агриппине он тосковал и после развода; и когда один только раз случилось ему ее встретить, он проводил ее таким взглядом, долгим и полным слез, что были приняты меры, чтобы она больше никогда не попадалась ему на глаза. С Юлией он поначалу жил в ладу и отвечал ей любовью, но потом стал все больше от нее отстраняться; а после того как не стало сына, который был залогом их союза, он даже спал отдельно. Сын этот родился в Аквилее и умер еще младенцем. Брата своего Друза он потерял в Германии: тело его он доставил в Рим и всю дорогу шел пешком впереди.

8. Гражданскую деятельность он начал с того, что в присутствии Августа защищал в нескольких процессах царя Архелая, жителей Тралл и жителей Фессалии; поддержал перед сенатом просьбу городов Лаодикеи, Фиатиреи и Хиоса, пострадавших от землетрясения и умолявших о помощи; привлек к суду Фанния Цепиона, который с Варроном Муреной составил заговор против Августа, и добился его осуждения за оскорбление величества. В то же время выполнял он и два других поручения: по подвозу хлеба, которого начинало недоставать, и по обследованию эргастулов во всей Италии, хозяева которых снискали всеобщую ненависть тем, что хватали и скрывали в заточении не только свободных путников, но и тех, кто искал таких убежищ из страха перед военной службой.

9. Военную службу он начал в кантабрийском походе войсковым трибуном. Потом он возглавил поход римских войск на Восток, вернул армянское царство Тиграну и в своем лагере перед трибуной военачальника возложил на него диадему. Он же принял и знамена, отбитые парфянами у Марка Красса. Затем он

около года управлял Косматой Галлией, беспокойной из-за раздоров вождей и набегов варваров. После этого он вел войну с ретамми и винделиками, потом с паннонцами, потом с германцами; (2) в ретийской войне он покорил альпийские племена, в паннонской — бревков и далматов, в германской он захватил сорок тысяч пленных, переселил их в Галлию и отвел им землю возле берега Рейна. За эти победы он вступал в столицу и с овацией, и на колеснице, а еще до того, по сообщениям некоторых, был награжден триумфальными украшениями — наградой новой, не представившейся дотоле никому.

(3) Должности квестора, претора и консула он занимал раньше срока и почти без перерыва; а затем, спустя немного времени, получил второе консульство и трибунскую власть на пять лет.

10. Но среди потока этих успехов, в расцвете лет и сил он неожиданно решил отойти от дел и удалиться как можно дальше. Быть может, его толкнуло на это отвращение к жене, которую он не мог ни обвинить, ни отвергнуть, но не мог и больше терпеть; быть может — желание не возбуждать неприязни в Риме своей неотлучностью и удалением укрепить, а то и увеличить свое влияние к тому времени, когда государству могли бы понадобиться его услуги. А по мнению некоторых, он, видя подросших внуков Августа, добровольно уступил им место и положение второго человека в государстве, занимаемое им так долго: в этом он следовал примеру Марка Агриппы, который с приближением Марка Марцелла к государственным делам удалился в Митилены, чтобы своим присутствием не мешать его делам и не умалять его значения. (2) Впоследствии Тиберий и сам указывал на эту причину. Но тогда он просил отпустить его, ссылаясь лишь на усталость от государственных дел и на необходимость отдохновения от трудов. Ни просьбы матери, умолявшей его остаться, ни жалобы отчима в сенате на то, что он его покидает, не поколебали его; а встретив еще более решительное сопротивление, он на четыре дня отказался от пищи.

Добившись наконец позволения уехать, он тотчас отправился в Остию, оставив в Риме жену и сына, не сказав ни слова никому из провожавших и лишь с немногими поцеловавшись на прощание. 11. Из Остии он поплыл вдоль берега Кампании. Здесь он задержался было при известии о нездоровье Августа; но так как пошли слухи, будто это он медлит, не сбудутся ли самые смелые его надежды, он пустился в море почти что в самую бурю и достиг наконец Родоса. Красота и здоровый воздух этого острова привлекли его еще тогда, когда он бросил здесь якорь на пути из Армении.

Здесь он стал жить, как простой гражданин, довольствуясь скромным домом и немногим более просторной виллой. Без ликтора и без рассыльного он то и дело прогуливался по гимнасию и с местными греками общался почти как равный.

(2) Однажды, обдумывая утром занятия наступающего дня, он сказал, что хотел бы посетить всех больных в городе; присут-

ствующие неправильно его поняли, и был издан приказ принести всех больных в городской портик и уложить, глядя по тому, у кого какая болезнь. Пораженный этой неожиданностью, Тиберий долго не знал, что делать, и наконец обошел всех, перед каждым извиняясь за беспокойство, как бы тот ни был убог и безвестен. (3) Только один раз, не более того, видели, как он проявил свою трибунскую власть. Он был постоянным посетителем философских школ и чтений; и когда однажды между несговорчивыми мудрецами возник жестокий спор, он в него вмешался, но кто-то из спорящих тотчас осыпал его бранью за поддержку противной стороны. Тогда он незаметно удалился домой, а потом, внезапно появившись в сопровождении ликторов, через глашатая призвал спорщика к суду и приказал бросить его в темницу.

(4) Немного спустя он узнал, что Юлия, жена его, осуждена за разврат и прелюбодеяния и что Август от его имени дал ей развод. Он был рад этому известию, но все же почел своим долгом, сколько мог, заступиться перед отцом за дочь в своих неоднократных письмах, а Юлии оставил все подарки, какие дарил, хотя бы она того и не заслуживала.

(5) Тем временем истек срок его трибунской власти. Тогда он признался наконец, что своим отъездом он хотел лишь избежать упреков в соперничестве с Гаем и Луцием, что теперь это подозрение миновало, Гай и Луций возмужали, ничто не угрожает их второму месту в государстве, и он просит, наконец, позволения повидать своих родственников, по которым стосковался. Но он получил отказ: мало того, ему было объявлено, чтобы он оставил всякую заботу о родственниках, которых сам с такой охотой покинул. 12. И так он остался на Родосе против воли, с трудом добившись с помощью матери, чтобы для сокрытия позора он хотя бы именовался посланником Августа.

(2) Теперь он жил не только как частный человек, но как человек гонимый и трепещущий. Он удалился в глубь острова, чтобы избежать знаков почтения от проезжающих — а их всегда было много, потому что ни один военный или гражданский наместник, куда бы он ни направлялся, не упускал случая завернуть на Родос. Но у него были и более важные причины для беспокойства. Когда он совершил поездку на Самос, чтобы повидать своего пасынка Гая, назначенного наместником Востока, он заметил в нем отчужденность, вызванную наговорами Марка Лолия, его спутника и руководителя. (3) Заподозрили его и в том, что обязанным ему центурионам, когда они возвращались с побывки в лагеря, он давал двусмысленные письма к различным лицам, по-видимому подстрекавшие их к мятежу. Узнав от Августа об этом подозрении, он стал беспрестанно требовать, чтобы к нему приставили человека из какого угодно сословия для надзора за его словами и поступками. 13. Он забросил обычные упражнения с конем и оружием, отказался от отеческой одежды, надел греческий плащ и сандалии и в таком виде прожил почти два года, с каждым днем все более презираемый и ненавидимый. Жители

Немавса даже уничтожили его портреты и статуи, а в Риме, когда на дружеском обеде зашла о нем речь, один из гостей вскочил и поклялся Гаю, что если тот прикажет, он тотчас поедет на Родос и привезет оттуда голову ссыльного — вот как его называли. (2) После этого уже не страх, а прямая опасность заставила Тиберия с помощью матери неотступными просьбами вымаливать себе возвращение.

Добиться успеха помог ему счастливый случай. Август твердо решил ничего не предпринимать по этому делу против желания старшего сына; а тот в это время был в ссоре с Марком Лоллием и легко уступил просьбам отчима. И вот, с согласия Гая, Тиберию разрешено было вернуться, но при условии не принимать никакого участия в государственных делах. 14. Возвратился он на восьмом году после удаления, с уверенностью питая большие надежды на будущее.

Предсказания и предзнаменования с малых лет поддерживали в нем эти надежды. (2) Еще когда Ливия была им беременна и различными гаданиями пыталась, родит ли она мальчика, она вынула яйцо из-под наседки и со служанками по очереди грела его в руках; и вылупился петушок с гребнем небывалой величины. А когда он только что родился, астролог Скрибоний возвестил ему великое будущее и даже царскую державу, но без царских знаков: ведь тогда еще власть цезарей была неизвестна. (3) Когда он выступил в первый поход и через Македонию вел свое войско в Сирию, перед Филиппами вдруг сам собою вспыхнул огонь на алтарях, некогда воздвигнутых победоносными легионами. Потом, на пути в Иллирик, он посетил близ Патавия оракул Гериона, и ему выпало указание для ответа на свои вопросы бросить золотые кости в Апонов ручей, а когда он это сделал, кости легли самым счастливым броском: их и сейчас можно видеть там под водою. (4) За несколько лишь дней до его возвращения с Родоса в Рим на крышу его дома сел орел, никогда ранее не виданный на острове; а накануне того дня, когда он узнал о своем возврате, ему при переодевании показалось, что на нем пылает туника. Фрасилл, астролог, которого он держал при себе из-за его опытности в искусстве, едва завидев корабль, сразу объявил, что он везет хорошие вести: это было для него самым большим испытанием, потому что Тиберий, видя, что вопреки его предсказаниям дела идут все хуже, и решив, что перед ним обманщик, опрометчиво посвященный в его тайны, в это самое мгновение их совместной прогулки хотел сбросить его в море.

15. По возвращении в Рим он представил народу своего сына Друза, а сам тотчас переселился из Помпеева дома, что в Каринах, на Эсквилин, в сады Мецената. Здесь он предался полному покою и занимался только частными делами, свободный от общественных должностей. (2) Но не прошло и трех лет, как Гай и Луций скончались. Тогда Тиберий был усыновлен Августом вместе с братом умерших Марком Агриппой, но предварительно должен был усыновить своего племянника Германика. После этого он ни

в чем уже не выступал как отец семейства и не притязал ни на что из утраченных прав: не делал подарков, не освобождал рабов, не принимал ни наследств, ни дарений, иначе как в пользование под властью отца.

С этих пор ничто не было упущено для возвышения Тиберия — в особенности когда после отлучения и ссылки Агриппы он заведомо остался единственным наследником. 16. Он вновь получил трибунскую власть на пять лет, ему было поручено умиротворение Германии, к нему в провинцию велено было явиться парфянским послам после переговоров с Августом в Риме. А когда пришла весть об отпадении Иллирика, ему была доверена и эта война — самая тяжелая из всех войн римлян с внешними врагами после Пунических: с пятнадцатью легионами и равным количеством вспомогательных войск ему пришлось воевать три года при величайших трудностях всякого рода и крайнем недостатке продовольствия. (2) Его не раз отзывали, но он упорно продолжал войну, опасаясь, что сильный и близкий враг, встретив добровольную уступку, перейдет в нападение. И за это упорство он был щедро вознагражден: весь Иллирик, что простирается от Италии и Норика до Фракии и Македонии и от реки Данубия до Адриатического моря, он подчинил и привел к покорности.

17. Его славе еще больше величия придавали обстоятельства. Как раз около этого времени в Германии погиб Квинтилий Вар с тремя легионами, и никто не сомневался, что победители-германцы соединились бы с паннонцами, если бы перед этим не был покорен Иллирик. Поэтому ему был назначен и триумф, и многие другие великие почести. (2) Некоторые даже предлагали, чтобы он принял прозвище «Паннонский», другие — «Непобедимый», третьи — «Благочестивый». Но на прозвище наложил запрет Август, еще раз обещав, что Тиберий будет доволен и тем именем, которое унаследует после смерти отца; а триумф отложил он сам, так как город еще оплакивал поражение Вара. Тем не менее в столицу он вступил в консульской тоге и в лавровом венке; в септе перед лицом сената он взшел на возвышение и занял место между двух консулов рядом с Августом; а потом, приветствовав отсюда народ, он, сопровождаемый всеми, проследовал в храмы.

18. В следующем году он снова отправился в Германию. Он знал, что виной поражению Вара была опрометчивость и беззаботность полководца. Поэтому с тех пор он ничего не предпринимал без одобрения совета: человек самостоятельных суждений, всегда полагавшийся только на себя, теперь он вопреки обыкновению делился своими военными замыслами со многими приближенными. Поэтому же и бдительность он проявлял необычайную: готовясь к переходу через Рейн, он в точности определил, что надо брать с собою из припасов, и сам, стоя у берега перед переправой, осматривал каждую повозку, нет ли в ней чего сверх положенного и необходимого. (2) А за Рейном вел он такую жизнь, что ел, сидя на голой траве, спал часто без палатки, все распоряжения на сле-

дующий день и все чрезвычайные поручения давал письменно, с напоминанием, чтобы со всеми неясностями обращались только к нему лично и в любое время, хотя бы и ночью.

19. Порядок в войске он поддерживал с величайшей строгостью, восстановив старинные способы порицаний и наказаний: он даже покарал бесчестьем одного начальника легиона за то, что тот послал нескольких солдат сопровождать своего вольноотпущенника на охоту за рекой. В сражениях он никогда не полагался на удачу и случай; все же он принимал бой охотнее, если накануне во время ночной работы перед ним вдруг сам собою опрокидывался и погасал светильник: он говорил, что эта примета испытана его предками во всех войнах, и он ей доверяет. Впрочем, даже среди своих успехов он едва не погиб от руки какого-то бруктера: тот уже пробрался в окружающую Тиберию свиту, но волнение его выдало, и под пыткой он признался в преступном замысле.

20. Вернувшись через два года из Германии в Рим, Тиберий отпраздновал отложенный триумф в сопровождении легатов, по его настоянию награжденных триумфальными украшениями. Но прежде чем повернуть на Капитолий, он сошел с колесницы и преклонил колена перед отцом, возглавлявшим торжество. Батона, паннонского вождя, он наградил щедрыми подарками и отправил в Равенну в знак благодарности за то, что тот однажды позволил ему вырваться из теснин, где он был окружен с войском. Потом он устроил для народа обед на тысячу столов и раздачу по триста сестерциев каждому. На средства от военной добычи он посвятил богам храм Согласия и потом храм Кастора и Поллукса, от имени своего и брата.

21. Немного времени спустя консулы внесли закон, чтобы он совместно с Августом управлял провинциями и производил перепись. Он совершил пятилетнее жертвоприношение и отправился в Иллирик, но с дороги тотчас был вызван обратно. Августа он застал уже без сил, но еще живого и целый день оставался с ним наедине.

(2) Я знаю, что есть ходячий рассказ, будто после тайной беседы с Тиберием, когда тот ушел, спальники услышали голос Августа: «Бедный римский народ, в какие он попадет медленные челюсти!» Небезызвестно мне и то, что по некоторым сообщениям Август открыто и не таясь осуждал жестокий нрав Тиберию, что не раз при его приближении он обрывал слишком веселый или легкомысленный разговор, что даже усыновить его он согласился только в угоду упорным просьбам жены и, может быть, только в тщеславной надежде, что при таком преемнике народ скорее пожалеет о нем. (3) И все-таки я не могу поверить, чтобы такой осторожнейший и предусмотрительнейший правитель в таком ответственном деле поступил столь безрассудно. Нет, я полагаю, что он взвесил все достоинства и недостатки Тиберию и нашел, что его достоинства перевешивают, — тем более что и перед народом он давал клятву усыновить Тиберию

для блага государства, и в письмах несколько раз отзывался о нем как о самом опытном полководце и единственном оплоте римского народа. Тому и другому я приведу несколько примеров из этих писем.

(4) «Будь здоров, любезнейший мой Тиберий, желаю тебе счастливо *сражаться за меня и за Муз*; будь здоров, любезнейший мой друг, и, клянусь моим счастьем, храбрейший муж и *добросовестнейший полководец*». — (5) «Я могу только похвалить твои действия в летнем походе, милый Тиберий: я отлично понимаю, что среди стольких трудностей и *при такой беспечности солдат* невозможно действовать разумнее, чем ты действовал. Все, кто был с тобой, подтверждают, что о тебе можно сказать словами стиха:

Тот, кто нам один неусыпностью выправил дело».

(6) «Приходится ли мне раздумывать над чем-нибудь важным, приходится ли на что-нибудь сердиться, клянусь, я тоскую о моем милым Тиберии, вспоминая славные строки Гомера:

Если спутник мой он, из огня мы горящего оба
С ним возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум».

(7) «Когда я читаю и слышу о том, как ты исхудал от бесконечных трудов, то разрази меня бог, если я не содрогаюсь за тебя всем телом! Умоляю, береги себя: если мы с твоей матерью услышим, что ты болен, это убьет нас, и все могущество римского народа будет под угрозой. Здоров я или нет, велика важность, если ты не будешь здоров? Молю богов, чтобы они сберегли тебя для нас и послали тебе здоровье и ныне и всегда, если им не вконец ненавистен римский народ...»

22. Кончину Августа он держал в тайне до тех пор, пока не был умерщвлен молодой Агриппа. Его убил приставленный к нему для охраны войсковой трибун, получив об этом письменный приказ. Неизвестно было, оставил ли этот приказ умирающий Август, чтобы после его смерти не было повода для смуты, или его от имени Августа продиктовала Ливия, с ведома или без ведома Тиберия. Сам Тиберий, когда трибун доложил ему, что приказ исполнен, заявил, что такого приказа он не давал и что тот должен держать ответ перед сенатом. Конечно, он просто хотел избежать на первое время общей ненависти, а вскоре дело было замято и забыто.

23. В силу своей трибунской власти он созвал сенат и обратился было к нему с речью, но, словно не в силах превозмочь горе, воскликнул с рыданием, что лучше бы ему не только голоса, а и жизни лишиться, и передал речь для прочтения сыну своему Друзу. Затем внесли завещание Августа; из скрепивших его свидетелей он допустил в курию только лиц сенаторского сословия, остальные должны были засвидетельствовать свои печати перед входом. Оглашенное вольноотпущенником, завещание начиналось такими словами: «Так как жестокая судьба лишила меня моих

сыновей Гая и Луция, пусть моим наследником в размере двух третей будет Тиберий Цезарь». Этим еще более укрепилось подозрение в тех, кто думал, что Тиберия он признал своим наследником скорее по необходимости, чем по доброй воле, коль скоро он не удержался от такого вступления.

24. Хотя верховную власть он без колебания решил тотчас и принять и применять, хотя он уже окружил себя вооруженной стражей, залогом и знаком господства, однако на словах он долго отказывался от власти, разыгрывая самую бесстыдную комедию: то он с упреком говорил умоляющим друзьям, что они и не знают, какое это чудовище — власть, то он двусмысленными ответами и хитрой нерешительностью держал в напряженном неведении сенат, подступавший к нему с коленопреклонными просьбами. Некоторые даже потеряли терпение: кто-то среди общего шума воскликнул: «Пусть он правит или пусть он уходит!»; кто-то в лицо ему заявил, что иные медлят делать то, что обещали, а он медлил обещать то, что уже делает. (2) Наконец, словно против воли, с горькими жалобами на тягостное рабство, возлагаемое им на себя, он принял власть. Но и тут он постарался внушить надежду, что когда-нибудь ее сложит, — вот его слова: «...до тех пор, пока вам не покажется, что пришло время дать отдых и моей старости».

25. Причиной его колебаний был страх перед опасностями, угрожавшими ему со всех сторон: «Я держу волка за уши», — говорил он не раз. В самом деле: и Клемент, раб Агриппы, уже собрал немалый отряд, чтобы мстить за хозяина, и Луций Скрибоний Либон, человек знатного рода, тайно готовил переворот, и в войсках вспыхнули сразу два мятежа, в Иллирике и в Германии. (2) Оба войска предъявляли много чрезвычайных требований, прежде всего — уравнивания в жалованье с преторианцами; а германские войска не желали даже признавать правителя, не ими поставленного, и всеми силами побуждали к захвату власти начальствовавшего над ними Германика, несмотря на его решительный отказ. Именно этой опасности больше всего боялся Тиберий, когда просил сенат назначить ему одну какую-нибудь область управления, потому что всем государством один человек управлять не в силах, кроме как с товарищем или даже с товарищами. (3) Он даже притворился нездоровым, чтобы Германик спокойнее дожидался скорого наследства или, во всяком случае, участия в правлении. Подавив мятежи, он захватил в плен и Клемента, обманув его хитростью. А Либона, не желая слишком сурово начинать свое правление, он привлек к ответу перед сенатом только через год. До этого он довольствовался лишь мерами осторожности: так, когда Либон в числе других понтификов приносил жертвы, он велел вместо жреческого ножа подать ему свинцовый, а когда тот попросил у него тайного разговора, он согласился поговорить с ним на прогулке только в присутствии своего сына Друза и, прохаживаясь, все время сжимал ему правую руку, как бы опираясь на нее.

26. Избавившись наконец от страха, поначалу он повел себя как хороший гражданин и едва ли не проще, чем частный человек. Из множества высочайших почестей принял он лишь немногие и скромные. Когда день его рождения совпал с Плебейскими играми, он с трудом согласился отметить это лишней колесницей на цирковых скачках. Посвящать ему храмы, жрецов, священнослужителей он воспрещал; ставить статуи и портреты разрешал лишь с особого дозволения и с тем условием, чтобы стояли они не с изображениями богов, а среди украшений храма. (2) Запретил он присягать на верность его делам, запретил называть сентябрь месяц «Тиберием», а октябрь — «Ливием». Звание императора, прозвище отца отечества, дубовый венок над дверьми он отверг; даже имя Августа, хоть он и получил его по наследству, он употреблял только в письмах к царям и правителям. Консульство с этих пор он принимал только три раза: один раз на несколько дней, другой раз на три месяца, третий раз, заочно, до майских ид.

27. Угодливость была ему так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов, ни для приветствия, ни по делам. Когда один консуляр, прося у него прощения, хотел броситься к его ногам, он так от него отшатнулся, что упал навзничь. Даже когда в разговоре или в пространной речи он слышал лесть, то немедленно обрывал говорящего, бранил и тут же поправлял. Когда кто-то обратился к нему «государь», от тотчас объявил, чтобы более так его не оскорбляли. Кто-то другой называл его дела «священными» и говорил, что обращается к сенату по его воле; он поправил его и заставил сказать вместо «по его воле» — «по его совету», и вместо «священные» — «важные».

28. Но и непочтительность, и злословие, и оскорбительные о нем стишки он переносил терпеливо и стойко, с гордостью заявляя, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль и язык. Однажды сенат потребовал от него следствия о таких преступлениях и преступниках; он ответил: «У нас слишком мало свободного времени, чтобы связываться в эти бесчисленные дела. Если вы откроете эту отдушину, вам уже не придется заниматься ничем другим: все по такому случаю потащат к вам свои дрязги». Сохранилась и такая речь его в сенате, вполне достойная гражданина: «Если кто неладно обо мне отзовется, я постараюсь разьяснить ему все мои слова и дела; если же он будет упорствовать, я отвечу ему взаимной неприязнью».

29. Это было тем замечательней, что сам он, обращаясь к сенаторам и вместе, и порознь, в своей почтительности и вежливости переходил почти все принятые границы. Однажды в сенате, поспорив с Квинтом Гатерием, он обратился к нему: «Прости, прошу тебя, если я, как сенатор, выскажусь против тебя слишком резко...», — и потом, обратясь ко всему собранию, добавил: «Я не раз говорил и повторяю, отцы сенаторы, что добрый и благодетельный правитель, обязанный вам столь обширной и полной властью, должен быть всегда слугой сенату, порою —

всему народу, а подчас — и отдельным гражданам; мне не стыдно так говорить, потому что в вашем лице я имел и имею господ и добрых, и справедливых, и милостивых».

30. Он даже установил некоторое подобие свободы, сохранив за сенатом и должностными лицами их прежнее величие и власть. Не было такого дела, малого или большого, государственного или частного, о котором бы он не доложил сенату: о налогах и монополиях, о постройке и починке зданий, даже о наборе и роспуске воинов или о размещении легионов и вспомогательных войск, даже о том, кому продлить военачальство или поручить срочный поход, даже о том, что и как отвечать царям на их послания. Одного начальника конницы, обвиненного в грабеже и насилии, он заставил держать ответ перед сенатом. В курию он входил всегда один, а когда однажды его больного принесли в носилках, он тут же отпустил слугителей.

31. Когда некоторые постановления принимались вопреки его желанию, он на это даже не жаловался. Он считал, что назначенные магистраты не должны удаляться из Рима, чтобы они всегда были готовы занять должность, — несмотря на это, одному назначенному претору сенат позволил совершить частную поездку на правах посланника. В другой раз он предложил, чтобы деньги, завещанные городу Требии на постройку нового театра, пошли на починку дороги, — тем не менее отменить волю завещателя ему не удалось. Однажды сенат выносил решение, расходясь на две стороны, и он присоединился к меньшинству, однако за ним никто не последовал.

(2) И остальные дела вел он всегда обычным порядком, через должностных лиц. Консулы пользовались таким почтением, что однажды посланцы из Африки жаловались им на самого Тиберия за то, что тот медлил разрешить дело, с которым они были присланы. И это неудивительно: ведь все видели, как он вставал перед консулами с места и уступал им дорогу. 32. Консулярам-военачальникам он сделал выговор за то, что они не отчитались в своих делах перед сенатом, и за то, что они попросили его распределить награды их воинам, словно сами не имели на это права. Одного претора он похвалил за то, что при вступлении в должность он по древнему обычаю почтил своих предшественников речью перед народом. Погребальные процессии некоторых знатных лиц он провожал до самого костра.

(2) Такую же умеренность обнаружил он и в отношении малых лиц и дел. Родосские градоправители однажды прислали ему официальное письмо без обычной заключительной приписки — он вызвал их к себе, но не упрекнул ни словом, а только вернул им письмо для приписки и отправил их обратно. Грамматик Диоген на Родосе устраивал ученые споры каждую субботу; однажды Тиберий пришел его послушать в неурочное время, однако тот не принял его и через раба предложил ему прийти через семь дней. Потом, уже в Риме, Диоген сам явился к дверям Тиберия для приветствия; но Тиберий удоволь-

ствовался тем, что велел ему явиться через семь лет. А наместникам, которые советовали ему обременить провинции налогами, он ответил в письме, что хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкуры.

33. Постепенно он дал почувствовать в себе правителя. Долгое время поведение его, хотя и было переменчивым, но чаще выражало доброжелательность и заботу о государственном благе. Поначалу он вмешивался только для того, чтобы предотвратить злоупотребления. Так, он отменил некоторые постановления сената; магистратам он нередко давал советы в суде во время следствия, садясь для этого на помосте рядом с ними или напротив них; и если шел слух, что кто-то из ответчиков мог происками избежать наказания, он внезапно выступал и либо со своего места, либо с председательского возвышения напоминал судьям о законах, о присяге и о тяжести разбираемого преступления.

Нравы общества, пошатнувшиеся от нерадивости или от дурных обычаев, он попытался исправить. 34. На театральные представления и гладиаторские бои он сократил расходы, убавив жалование актерам и сократив число гладиаторов. Горько жалуюсь на то, что коринфские вазы продаются по неслыханной цене, а за трех краснобородок однажды было заплачено тридцать тысяч, он предложил ограничить расходы на утварь, а сенату поручил каждый год наводить порядок в рыночных ценах; за харчевнями и кабаками должны были строго следить эдилы, не позволяя в них даже печенья выставлять на продажу. А чтобы и собственным примером побуждать народ к бережливости, он сам на званых обедах подавал к столу вчерашние и уже початые кушанья, например половину кабана, уверяя, что на вкус половина кабана ничем не отличается от целого. (2) Он запретил приветственные поцелуи, а обмен подарками разрешил лишь в новый год. Сам он все подарки тотчас отдаривал вчетверо, но когда его целый месяц продолжали беспокоить те, кто не успел поднести свои подарки в праздник, он этого не мог уже терпеть.

35. Развратных матрон, на которых не находилось общественного обвинителя, он велел по обычаю предков судить близким родственникам. Римского всадника, который дал когда-то клятву никогда не разводиться с женой, а потом застал ее в прелюбодеянии с зятем, он освободил от клятвы. (2) Были бесстыдные женщины, которые отрекались от прав и достоинств матрон, сами объявляя себя проститутками, чтобы уйти от кары законов; были распутные юноши высших сословий, которые добровольно подвергались позорному приговору, чтобы выступать на сцене и арене наперекор постановлению сената; и тех и других он всех осудил на изгнание, дабы никто не искал спасения в таких хитростях. Одного сенатора он лишил полосы на тоге, когда узнал, что перед июльскими календами он уехал к себе в сады, чтобы после календ дешевле нанять дом в Риме. Другого сенатора он лишил квестуры за то, что он взял жену накануне жеребьевки ведомств и развелся с нею на следующий день.

36. Чужеземные священнодействия и в особенности египетские и иудейские обряды он запретил; тех, кто был предан этим суевериям, он заставил сжечь свои священные одежды со всей утварью. Молодых иудеев он под видом военной службы разослал в провинции с тяжелым климатом; остальных соплеменников их или единоверцев он выслал из Рима под страхом вечного рабства за ослушанье. Изгнал он и астрологов, но тем из них, кто просил помилования и обещал оставить свое ремесло, он даровал прощение.

37. Более всего заботился он о безопасности от разбоев, грабежей и незаконных волнений. Военные посты он расположил по Италии чаще прежнего. В Риме он устроил лагерь для преторианских когорт, которые до того не имели постоянных помещений и расписывались по постоям. (2) Народные волнения он старался предупреждать до столкновения, а возникшие сурово усмирал. Однажды в театре раздоры дошли до кровопролития — тогда он отправил в ссылку и зачинщиков, и актеров, из-за которых началась ссора, и никакими просьбами народ не мог добиться их возвращения. (3) В Полленции чернь не выпускала с площади процессию с прахом старшего центуриона до тех пор, пока силой не вынудила у наследников большие деньги на гладиаторские зрелища — тогда он, не выдавая своих намерений, подвел одну когорту из Рима, другую — из Коттиева царства, и они внезапно, с обнаженным оружием, при звуках труб, с двух сторон вступили в город и большую часть черни и декурионов бросили в вечное заточение. Право и обычай убежища он уничтожил везде, где оно еще существовало. За то, что жители Кизика оскорбили насилием римских граждан, он лишил их город свободы, заслуженной еще в Митридатовой войне.

(4) Против действий врагов он ни разу более не выступал в поход и усмирал их с помощью легатов, да и то лишь в крайнем случае и с осторожностью. Враждебных и подозреваемых царей он держал в покорности больше угрозами и укорами, чем силой; некоторых он заманил к себе лаской и обещаниями и не отпускал — например, германца Маробода, фракийца Раскупорида или каппадокийца Архелая, царство которого он даже превратил в провинцию.

38. В первые два года после принятия власти он не отлучался из Рима ни на шаг; да и потом он выезжал лишь изредка, на несколько дней, и только в окрестные городки, не дальше Анция. Несмотря на это, он часто объявлял о своем намерении объехать провинции и войска; чуть не каждый год он готовился к походу, собирал повозки, запасал по муниципиям и колониям продовольствие и даже позволял приносить обеты о его счастливом отправлении и возвращении. За это его стали в шутку называть «Каллипидом», который, по греческой пословице, бежит и бежит, а все ни на локоть не сдвинется.

39. Но когда он потерял обоих сыновей — из них Германик скончался в Сирии, а Друз в Риме, — он отправился искать

уединения в Кампанию. Едва ли не все тогда и думали и говорили с полной уверенностью, что в Рим он уже не вернется и скоро умрет. И то и другое почти исполнилось. В Рим он более не вернулся, а несколько дней спустя, когда он обедал на вилле под названием «Грот» близ Таррачины, с потолка вдруг посыпались градом огромные камни — много сотрапезников и слуг было раздавлено, но сам он вопреки всякому ожиданию спасся.

40. Объехав Кампанию, где он в Капуе освятил capitoлий, а в Ноле — храм Августа, что и было предлогом его поездки, он направился на Капри — остров, больше всего привлекательный для него тем, что высадиться там можно было в одном лишь небольшом месте, а с остальных сторон он был огражден крутизной высочайших скал и глубиной моря. Правда, народ неотступными просьбами тотчас добился его возвращения, так как произошло несчастье в Фиденгах: на гладиаторских играх обрушился амфитеатр и больше двадцати тысяч человек погибло. Он переехал на материк и всем позволил приходить к нему, тем более что еще при отъезде из Рима он эдиктом запретил его тревожить и всю дорогу никого к себе не допускал.

41. Но вернувшись на остров, он окончательно оставил все государственные дела. Более он не пополнял декурии всадников, не назначал ни префектов, ни войсковых трибунов, не сменял наместников в провинциях; Испания и Сирия несколько лет оставались без консульских легатов, Армению захватили парфяне, Мёзию — дакийцы и сарматы, Галлию опустошали германцы — он не обращал на это внимания, к великому позору и не меньшему урону для государства.

42. Мало того: здесь, пользуясь свободой уединения, словно недостижимый для взоров общества, он разом дал полную волю всем своим кое-как скрываемым порокам. Однако о них я должен рассказать подробно и с самого начала.

Еще новичком его называли в лагерях за безмерную страсть к вину не Тиберием, а «Биберием», не Клавдием, а «Калдием», не Нероном, а «Мероном». Потом, уже у власти, уже занятый исправлением общественных нравов, он однажды два дня и ночь напролет обедался и пьянствовал с Помпием Флакком и Луцием Пизоном; из них одного он тут же назначил префектом Рима, другого — наместником Сирии и в приказах о назначении величал их своими любезнейшими и повсечасными друзьями.

(2) Цестия Галла, старого развратника и мота, которого еще Август заклеил бесчестием, он при всех поносил в сенате, а через несколько дней сам назвался к нему на обед, приказав, чтобы тот ничего не изменял и не отменял из обычной роскоши и чтобы за столом прислуживали голые девушки. При назначении преторов он предпочел ничтожного соискателя знатнейшим за то, что тот на пиру по его вызову выпил целую амфору вина. Азеллию Сабину он дал двести тысяч сестерциев в награду за диалог, в котором спорили белый гриб, мухолов, устрица и дрозд. Наконец, он установил новую должность распорядителя

наслаждений и назначил на нее римского всадника Тита Цезония Приска.

43. Но на Капри, оказавшись в уединении, он дошел до того, что завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата. Собранные толпами отовсюду девки и мальчишки — среди них были те изобретатели чудовищных сладострастий, которых он называл «спинтриями» — наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть. (2) Спальни, расположенные тут и там, он украсил картинами и статуями самого непристойного свойства и разложил в них книги Элефантиды, чтобы всякий в своих трудах имел под рукою предписанный образец. Даже в лесах и рощах он повсюду устроил Венерины местечки, где в гротах и между скал молодые люди обоего пола предо всеми изображали фавнов и нимф. За это его уже везде и открыто стали называть «козлицем», переиначивая название острова.

44. Но он пылал еще более гнусным и постыдным пороком: об этом грешно даже слушать и говорить, но еще труднее этому поверить. Он завел мальчиков самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми он забавлялся в постели. К похоти такого рода он был склонен и от природы и от старости. (2) Поэтому отказанную ему по завещанию картину Паррасия, изображавшую совокупление Мелеагра и Аталланты, он не только принял, но и поставил в своей спальне, хоть ему и предлагалось на выбор получить вместо нее миллион деньгами, если предмет картины его смутит. Говорят, даже при жертвоприношении он однажды так распалился на прелесть мальчика, несшего кадку, что не мог устоять, и после обряда чуть ли не тут же отвел его в сторону и растлил, а заодно и брата его, флейтиста; но когда они после этого стали попрекать друг друга бесчестьем, он велел перебить им голени.

45. Измывался он и над женщинами, даже самыми знатными: лучше всего это показывает гибель некой Маллонии. Он заставил ее отдаться, но не мог от нее добиться всего остального; тогда он выдал ее доносчикам, но и на суде не переставал ее спрашивать, не жалеет ли она. Наконец, она во весь голос обозвала его волосатым и вонючим стариком с похабной пастью, выбежала из суда, бросилась домой и заколола себя кинжалом. После этого и пошла по устам строчка из ателланы, громкими рукоплесканиями встреченная на ближайшем представлении: «Старик козел облизывает козочек!»

46. На деньги он был бережлив и скуп. Спутникам своим в походах и поездках он давал пропитание, но жалованья не платил. Один только раз выказал он к ним щедрость, да и то за счет отчима: разделив их на три разряда по достоинству, он роздал первому по шестьсот тысяч, второму по четыреста, третьему по двести тысяч; но последних он даже называл не «мои друзья», а «мои греки».

47. За время своего правления он не выстроил никаких

великолепных зданий — даже начав постройку храма Августа и восстановление театра Помпея, он за столько лет не довел их до конца; он ни разу не устроил игр — а на играх, устроенных другими, почти никогда не бывал, чтобы от него чего-нибудь не потребовали, как однажды его заставили отпустить на волю комедийного актера Акция.

Нескольким сенаторам он помог в нужде, но чтобы не помогать остальным, объявил, что окажет поддержку лишь тем, кто представит сенату уважительные причины своей бедности. После этого многие из стыда и скромности отступились: среди них был внук оратора Квинта Гортензия, Гортал, который в угоду Августу родил четырех детей при очень скромном своем достатке.

48. Народу он оказал благотворительность лишь дважды: один раз, когда роздал взаймы на три года без процентов сто миллионов сестерциев, другой раз, когда возместил убытки нескольким владельцам доходных домов на Целийском холме, сгоревших при пожаре. Первую из этих мер ему пришлось предпринять, когда в пору крайнего безденежья народ потребовал помощи и когда сенатские указы о том, чтобы займодавцы вложили две трети имения в землю, а должники выплатили две трети долга немедленно, уже не могли помочь. Вторую он предпринял, чтобы смягчить тяжелое бедствие; но себе он поставил это благодеяние в такую заслугу, что приказал переименовать Целийский холм в Августов холм.

(2) Войскам он удвоил завещанные Августом подарки, но больше не делал никаких раздач: только преторианцам он выдал по тысяче денариев за то, что они не поддержали Сеяна, да сирийским легионам сделал кое-какие подарки за то, что они одни не поместили изображения Сеяна на своих значках. Даже ветеранов он редко увольнял в отставку, так как их старость позволяла дожидаться смерти, а их смерть — сберечь деньги. Провинциям он также никогда не оказывал помощи, кроме Азии, где несколько городов были разрушены землетрясением.

49. С течением времени он перешел и к открытому вымогательству. Всем известно, что Гнея Лентула Авгура, очень богатого человека, он угрозами и запугиванием довел до самоубийства, в надежде стать единственным его наследником. Лепиду, женщину знатнейшего рода, он осудил на смерть в угоду Квинтию, богатому и бездетному консуляру, который развелся с ней после двадцати лет брака и обвинял ее в том, что когда-то она хотела его отравить. В Галлии, в Испании, в Сирии и в Греции он у местных правителей отбирал имущество по самым пустым и бесстыдным наговорам: некоторые только и обвинялись в том, что часть своих средств держали в наличных деньгах. Многие города и частные лица были лишены старинных преимуществ, рудничных доходов, податных прав. Даже Вонон, парфянский царь, изгнанный соплеменниками и с огромной казною, искавший убежища в Антиохии под защитой римского народа, был им вероломно ограблен и умерщвлен.

50. Свою ненависть к родственникам раньше всего он направил против своего брата Друза, выдав его письмо, в котором тот предлагал добиться от Августа восстановления республики. Потом ее почувствовали и остальные. Юлии, своей сосланной жене, он не оказал ни содействия, ни сочувствия в ее изгнании, наименьшем из ее бедствий: мало того, если отец заточил ее только в городе, то он вдобавок запретил ей выходить из дома и встречаться с людьми; даже выделенного ей отцом имущества, даже ежегодного содержания он ее лишил, ссылаясь на общий закон — ведь Август не упомянул об этом в своем завещании.

(2) Ливия, мать его, стала ему в тягость: казалось, что она притязает на равную с ним власть. Он начал избегать частых свиданий с нею и долгих бесед наедине, чтобы не подумали, будто он руководится ее советами; а он в них нуждался и нередко ими пользовался. Когда сенат предложил ему именоваться не только «сыном Августа», но и «сыном Ливии», он этим был глубоко оскорблен. (3) Поэтому он не допустил, чтобы ее величали «матерью отечества» и чтобы ей оказывали от государства великие почести; напротив, он не раз увещевал ее не вмешиваться в важные дела, которые женщинам не к лицу, — в особенности, когда он узнал, что при пожаре близ храма Весты она, как бывало при муже, сама явилась на место происшествия и призывала народ и воинов действовать проворнее. 51. Вскоре вражда их стала открытой: причина тому, говорят, была такова. Она все время уговаривала его зачислить в судейские декурии одного человека, только что получившего гражданство, а он соглашался лишь с тем условием, чтобы в списке было помечено: «по настоянию матери». Тогда она в негодовании вынула из заветного места и огласила некоторые давние письма от Августа, где тот жаловался на его жестокость и упрямство. Он безмерно был оскорблен тем, что эти письма хранились так долго и были обращены против него так злобно; некоторые даже полагают, что это и было едва ли не главной причиной его удаления. (2) По крайней мере, за все три года от его отъезда до ее кончины он виделся с нею один только раз, всего один день и лишь несколько часов. Он и потом не посетил ее, когда она заболела, и заставил напрасно ждать себя, когда она умерла, так что тело ее было погребено лишь много дней спустя, уже разлагающееся и гниущее. Обожествление ее он запретил, уверяя, что такова была ее воля. Завещание ее он объявил недействительным; со всеми ее друзьями и близкими, включая тех, кому она на смертном ложе завещала схоронить ее, он расправился очень скоро, а одного из них, римского всадника, даже сослал качать воду.

52. К обоим своим сыновьям — и к родному, Друзу, и к приемному, Германику, — он никогда не испытывал отеческой любви. Друз был противен ему своими пороками, так как жил легкомысленно и распушенно. Даже смерть его не вызвала в отце должной скорби: чуть ли не сразу после похорон вернулся он к обычным делам, запретив продолжительный траур.

(2) Посланники из Илиона принесли ему собoleзнование не-много позже других, — а он, словно горе уже было забыто, на-смешливо ответил, что и он в свой черед им сочувствует: ведь они лишились лучшего своего согражданина Гектора. Германика он до того старался унижить, что славнейшие его деяния объявлял бесполезными, а самые блистательные победы осуждал как па-губные для государства. Когда же тот по случаю внезапного и страшного неурожая явился в Александрию, не испросив на то позволения, он принес на него жалобу сенату. (3) Полагают даже, что он был виновником смерти Германика от руки Гнея Пизона, наместника Сирии: некоторые думают, что Пизон, при-влеченный вскоре к суду, мог бы сослаться и на полученные им предписания, если бы они не были даны без свидетелей. По-этому были и надписи во многих местах, и непрестанные крики по ночам: «Отдай Германика!» И это подозрение Тиберий только укрепил, жестоко расправившись после этого с женой и детьми Германика.

53. Агриппина, его невестка, после смерти мужа стала на что-то жаловаться слишком смело, — он остановил ее за руку и произнес греческий стих: «Ты, дочка, считаешь оскорбленьем, что не царствуешь?» С тех пор он не удостоивал ее разговором. Однажды за обедом он протянул ей яблоко, и она не решилась его отведать, — после этого он даже не приглашал ее к столу, при-творяясь, будто его обвиняют в отравлении. Между тем и то и другое было подстроено заранее: он должен был предложить ей яблоко для испытания, она — отказать от него как от заве-домой гибели. (2) Наконец, возведя на нее клевету, будто она хо-тела искать спасения то ли у статуи Августа, то ли у войска, он сослал ее на остров Пандатерию, а когда она стала роптать, то побоями центуриона выхлестнул ей глаз. Она решила уме-реть от голода, но он приказал насильно раскрывать ей рот и вкладывать пищу. И даже когда она, упорствуя, погибла, он про-должал ее злобно преследовать: самый день ее рождения велел он отныне считать несчастливым. Он вменял себе в заслугу даже то, что не удавил ее и не бросил в Гемонии; за такое свое милосер-дие он даже принял от сената декрет с выражениями благодар-ности и золотое подношение, помещенное в храме Юпитера Капитолийского.

54. От Германика у него было трое внуков — Нерон, Друз и Гай, от Друза один — Тиберий. Когда смерть унесла его детей, он представил сенату Нерона и Друза, старших сыновей Гер-маника, и день совершеннолетия каждого отпраздновал всена-родной раздачей подарков. Но когда он узнал, что на новый год открыто давались обеты и за их здоровье, то сделал сенату замечание, что такая честь может быть наградой только людям испытанным и зрелым. (2) И открыв этим свое тайное чувст-во, он отдал их в жертву клевете со всех сторон: всяческими об-манами их вызывали на недовольство и на них же потом доно-сили. Наконец, Тиберий сам написал на них обвинение, полное

самых ядовитых нареканий, и когда они были объявлены врагами отечества, умертвил их голодом, Нерона — на острове Понтии, Друза — в подземелье Палатинского дворца. Предполагают, что Нерон был вынужден сам покончить с собой, когда якобы по воле сената к нему явился палач с петлей и крючьями; а Друза голод измучил до того, что он пытался грызть солому из тюфяка. Останки обоих были так разметаны, что их лишь с великим трудом удалось впоследствии собрать.

55. Вдобавок к старым друзьям и приближенным он взял советниками в государственных делах двадцать человек из первых граждан Рима. Из всех из них уцелели, быть может, двое или трое — остальных он погубил под разными предложениями. Больше всего смертей повлекла гибель Элия Сеяна, которого он сам же возвел до высшей власти — не столько из доброжелательства, сколько с тем, чтобы его стараниями коварно расправиться с потомками Германика и утвердить наследником власти своего внука от родного сына Друза.

56. Ничуть не мягче был он и к окружавшим его грекам, общество которых особенно любил. Одного из них, Ксенона, который разглагольствовал слишком вычурно, он спросил, что это за диковинное наречие, и тот ответил: «Дорийское»; Тиберий принял это за попрек былым своим изгнанием — ведь по-дорийски говорят на Родосе — и сослал его на остров Кинарию. За обедом он любил задавать вопросы о том, что он читал в этот день; но узнав, что грамматик Селевк выведывает у его слуг, какими писателями он занимается, и приходит к столу подготовленный, он тотчас изгнал его из своего общества, а потом довел до самоубийства.

57. Его природная жестокость и хладнокровие были заметны еще в детстве. Феодор Гадарский, обучавший его красноречию, раньше и зорче всех разглядел это и едва ли не лучше всех определил, когда, браня, всегда называл его: «*грязь, замешанная кровью*». Но еще ярче стало это видно в правителе — даже на первых порах, когда он пытался было привлечь людей притворной умеренностью. (2) Один шут перед погребальной процессией громко попросил покойника передать Августу, что завещанных им подарков народ так и не получил; Тиберий велел притащить его к себе, отсчитать ему должное и казнить, чтобы он мог доложить Августу, что получил свое сполна. Немного спустя, когда некий Помпей, римский всадник, чему-то упорно противился в сенате, он пригрозил ему тюрьмой и заявил, что Помпей у него быстро станет помпеянцем: так жестоко посмеялся он и над именем человека, и над былой участью целой партии.

58. Тогда же и на вопрос претора, привлекать ли к суду за оскорбление величества, он ответил: «Законы должны исполняться»; и исполнял он их с крайней жестокостью. Кто-то снял голову со статуи Августа, чтобы поставить другую; дело пошло в сенат, и так как возникли сомнения, расследовалось под пыткой. А когда ответчик был осужден, то обвинения такого рода по-

немногу дошли до того, что смертным преступлением стало считаться, если кто-нибудь перед статуей Августа бил раба или переодевался, если приносил монету или кольцо с его изображением в отхожее место или в публичный дом, если без похвалы отзывался о каком-нибудь его слове или деле. Наконец, погиб даже человек, который позволил в своем городе оказать ему почести в тот день, в какой когда-то они были оказаны Августу.

59. Много и других жестоких и зверских поступков совершил он под предлогом строгости и исправления нравов, а на деле — только в угоду своим природным наклонностям. Некоторые даже в стихах клеймили его тогдашние злодеяния и предрекали будущее:

Ты беспощаден, жесток — говорить ли про все остальное?
Пусть я умру, коли мать любит такого сына.

Всадник ты? Нет. Почему? Ста тысяч, и тех не найдешь ты.
Ну, а еще почему? В Родосе ты побывал.

Цезарь конец положил золотому сатурнову веку —
Ныне, покуда он жив, веку железному быть.

Он позабыл про вино, хваченный жаждою крови:
Он упивается ей так же, как раньше вином.

(2) Ромул на Суллу, взгляни: не твоим ли он счастлив несчастьем?
Мария, вспомни возрат, Рим потопивший в крови;
Вспомни о том, как Антоний рукой, привыкшей к убийствам.
Ввергнул отчизну в пожар братоубийственных войн.
Скажешь ты: Риму конец! никто, побывавший в изгнание,
Не становился царем, крови людской не пролив.

Сперва он пытался видеть в этом не подлинные чувства, а только гнев и ненависть тех, кому не по нраву его строгие меры; он даже говорил то и дело: «Пусть ненавидят, лишь бы соглашались». Но затем он сам показал, что все эти нарекания были заведомо справедливы и основательны.

60. На Капри через несколько дней после его приезда один рыбак застиг его наедине и неожиданно преподнес ему огромную краснобородку. В страхе, что к нему пробрались через весь остров по непролазным скалам, Тиберий приказал хлестать его этой рыбой по лицу. А когда рыбак под ударами стал благодарить судьбу, что не поднес заодно и омара, которого поймал еще огромное, он велел и омаром исполосовать ему лицо. Воина-преторианца, который похитил из его сада павлина, он казнил смертью. В пути однажды его носилки запутались в терновнике — тогда он схватил центуриона передовых когорт, разведывавшего дорогу, и, разложив его на земле, засек чуть ли не до смерти.

61. Наконец, он дал полную волю всем возможным жестокостям. В поводах недостатка не было: он преследовал друзей и даже знакомых сперва матери, потом внуков и невестки, потом Сеяна, — после гибели Сеяна он, пожалуй, стал особенно свиреп. Из этого яснее всего видно, что Сеян обычно не подстрекал его,

а только шел навстречу его желаниям. Тем не менее Тиберий не поколебался написать в составленной им краткой и беглой записке о своей жизни, что Сеяна он казнил, когда узнал, как тот свирепствовал против детей его сына Германика; а между тем он сам погубил одного из них, когда Сеян уже был под подозрением, другого — когда Сеян уже был казнен.

(2) Перечислять его злодеяния по отдельности слишком долго: довольно будет показать примеры его свирепости на самых общих случаях. Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день: даже в новый год был казнен человек. Со многими вместе обвинялись и осуждались их дети и дети их детей. Родственникам казненных запрещено было их оплакивать. Обвинителям, а часто и свидетелям назначались любые награды. (3) Никакому доносу не отказывали в доверии. Всякое преступление считалось уголовным, даже несколько невинных слов. Поэта судили за то, что он в трагедии посмел порицать Агамемнона, историка судили за то, что он назвал Брута и Кассия последними из римлян: оба были тотчас казнены, а сочинения их уничтожены, хотя лишь за несколько лет до того они открыто и с успехом читались перед самим Августом. (4) Некоторым заключенным запрещалось не только утешаться занятиями, но даже говорить и беседовать. Из тех, кого звали на суд, многие закалывали себя дома, уверенные в осуждении, избегая травли и позора, многие принимали яд в самой курии; но и тех, с перевязанными ранами, полуживых, еще трепещущих, волокли в темницу. Никто из казненных не миновал крюка и Гемоний: в один день двадцать человек были так сброшены в Тибр, среди них — и женщины, и дети. (5) Девственниц старинный обычай запрещал убивать удавкой — поэтому несовершеннолетних девочек перед казнью растлевал палач. Кто хотел умереть, тех силой заставляли жить. Смерть казалась Тиберию слишком легким наказанием: узнав, что один из обвиненных, по имени Карнул, не дожидаясь казни, он воскликнул: «Карнул ускользнул от меня!» Когда он обходил застенки, кто-то стал умолять его ускорить казнь — он ответил: «Я тебя еще не простил». Один муж консульского звания упоминает в своей летописи, как на многолюдном пиру в его присутствии какой-то карлик, стоявший у стола в толпе шутов, вдруг громко спросил Тиберия, почему еще жив Паконий, обвиненный в оскорблении величества? Тиберий тут же выругал карлика за дерзкий вопрос, но через несколько дней написал сенату, чтобы приговор Паконию был вынесен как можно скорее.

62. Еще сильнее и безудержней стал он свирепствовать, разъяренный вестью о смерти сына своего Друза. Сначала он думал, что Друз погиб от болезни и невоздержанности; но когда он узнал, что его погубило отравой коварство жены его Ливиллы и Сеяна, то не было больше никому спасения от пыток и казней. Дни напролет проводил он, целиком погруженный в это познание. Когда ему доложили, что приехал один его родосский зна-

комец, им же вызванный в Рим любезным письмом, он приказал тотчас бросить его под пытку, решив, что это кто-то причастный к следствию; а обнаружив ошибку, велел его умертвить, чтобы беззаконие не получило огласки. (2) На Капри до сих пор показывают место его бойни: отсюда осужденных после долгих и изощренных пыток сбрасывали в море у него на глазах, а внизу матросы подхватывали и дробили баграми и веслами трупы, чтобы ни в ком не осталось жизни. Он даже придумал новый способ пытки в числе других: с умыслом напоив людей допьяна чистым вином, им неожиданно перевязывали члены, и они изнемогали от режущей перевязки и от задержания мочи. (3) Если бы не отосрочила его смерть и если бы, как говорят, не советовал ему Фрассил отсрочить некоторые меры в надежде на долгую жизнь, он, вероятно, истребил бы людей еще больше, не пощадив и последних внуков: Гая он уже подозревал, а Тиберия презирал как незаконно прижитого. И это похоже на правду: недаром он не раз говорил, что счастлив Приам, переживший всех своих близких.

63. Но среди всех этих злодеяний, окруженный ненавистью и отвращением, он не только вечно трепетал за свою жизнь, но даже терзался оскорблениями. На это указывает многое. К гадалкам он запретил обращаться тайно и без свидетелей. Прорицалища в окрестностях Рима он пытался даже разорить, но был удержан страхом перед чудесным величием пренестинских жребиев: их запечатали и отвезли в Рим, но ларец оказался пустым, и они появились, лишь когда его снова поставили в храм. (2) Одного или двух проконсулов, уже получивших провинции, он никак не решался отпустить и держал их при себе до тех пор, пока через несколько лет при них же не назначил им преемников: все это время они сохраняли свое звание и даже получали от него многие распоряжения, которые усердно выполняли через посланцев и помощников. 64. Невестку и внуков после их осуждения он пересылал, куда нужно было, только скованными, в защитных носилках, и чтобы стража не позволяла встречным останавливаться и оглядываться.

65. Когда Сеян замышлял переворот, и уже день рождения его праздновался всенародно, и золотые изображения его почитались повсюду, он терпеливо на это смотрел, и далеко не сразу, скорее хитростью и обманом, чем силою верховной власти, наконец его ниспроверг. Сперва, чтобы удалить его от себя под видом почести, он избрал его своим товарищем по пятому консульству, которое ради этого принял заочно после долгого перерыва. А потом, обольстив его надеждой на родство и на трибунскую власть, он вдруг выступил против него с обвинительной речью, постыдной и жалкой: в ней, не говоря об остальном, он умолял отцов-сенаторов прислать за ним, одиноким стариком, которого-нибудь из консулов, чтобы тот доставил его в сенат под какой ни на есть вооруженной охраной. (2). Но и это его не успокоило: в страхе перед мятежом он приказал в случае необхо-

димости освободить и провозгласить военачальником своего внука Друза, еще заточенного в Риме; корабли уже были наготове, чтобы бежать к какому угодно войску, и он неустанно следил с вершины утеса за дальними знаками, которыми велел сообщить ему обо всем происходившем, чтобы не тратить времени на гонцов. Даже после того, как заговор Сеяна был подавлен, он еще девять месяцев не выходил из виллы под названием «Ио», по-прежнему мнительный и беспокойный.

66. Его мятущийся дух жгли еще более бесчисленные поношения со всех сторон. Не было такого оскорбления, которого бы осужденные не бросали ему в лицо или не рассыпали подметными письмами в театре. Принимал он их по-разному: то, мучась стыдом, старался утаить их и скрыть, то из презрения сам разглашал их ко всеобщему сведению. Даже Артабан, парфянский царь, позорил его в послании, где попрекал его убийствами близких и дальних, праздною и развратом, и предлагал ему скорее утолить величайшую и справедливую ненависть сограждан добровольной смертью. 67. Наконец он сам себе стал постыл: всю тяжесть своих мучений выразил он в начале одного письма такими словами: «Как мне писать вам, отцы сенаторы, что писать и чего пока не писать? Если я это знаю, то пусть волей богов и богинь я погибну худшей смертью, чем погибаю вот уже много дней».

(2) Некоторые полагают, что он знал о таком своем будущем заранее и давно предвидел, какая ненависть и какое бесславие ожидают его впереди. Именно потому, принимая власть, отказался он так решительно от имени отца отечества и от присяги на верность его делам: он боялся покрыть себя еще большим позором, оказавшись недостойным таких почестей. (3) Это можно заключить и из его речи по поводу обоих предложений. Так, он говорит, что покуда он будет в здравом уме, он останется таким, как есть, и нрава своего не изменит; но все же, чтобы не подавать дурного примера, лучше сенату не связывать себя верностью поступкам такого человека, который может под влиянием случая перемениться. (4) И далее: «Если же когда-нибудь усомнитесь вы в моем поведении и в моей преданности,— а я молю, чтобы смерть унесла меня раньше, чем случится такая перемена в ваших мыслях,— то для меня немного будет чести и в звании отца отечества, а для вас оно будет укором либо за опрометчивость, с какой вы его мне дали, либо за непостоянство, с каким вы обо мне изменили мнение».

68. Телосложения он был дородного и крепкого, росту выше среднего, в плечах и в груди широк, в остальном теле статен и строен с головы до пят. Левая рука была ловчее и сильнее правой, а суставы ее так крепки, что он пальцем протыкал свежее цельное яблоко, а щелчком мог поранить голову мальчика и даже юноши. (2) Цвет кожи имел белый, волосы на затылке длинные, закрывающие даже шею,— по-видимому, семейная черта. Лицо красивое, хотя иногда на нем вдруг высыпали прыщи;

глаза большие и с удивительной способностью видеть и ночью, и в потемках, но лишь ненадолго и тотчас после сна, а потом их зрение вновь притуплялось. (3) Ходил он, наклонив голову, твердо держа шею, с суровым лицом, обычно молча: даже с окружающими разговаривал лишь изредка, медленно, слегка поигрывая пальцами. Все эти неприятные и надменные черты замечал в нем еще Август и не раз пытался оправдать их перед сенатом и народом, уверяя, что в них повинна природа, а не нрав. (4) Здоровьем он отличался превосходным, и за все время своего правления не болел ни разу, хотя с тридцати лет заботился о себе сам, без помощи и советов врачей.

69. О богах и об их почитании он мало беспокоился, так как был привержен к астрологии и твердо верил, что все решает судьба. Однако грома он боялся безмерно и, когда собирались тучи, всякий раз надевал на голову лавровый венок, так как считается, что этих листьев молния не поражает.

70. Благородными искусствами он занимался с величайшим усердием на обоих языках. В латинском красноречии он подражал Мессале Корвину, которого очень почитал в юности, когда тот уже был стариком. Однако свой слог он слишком затемнял нарочитостью и вычурностью, так что иногда без подготовки говорил лучше, чем по написанному. (2) Он сочинил и лирическое стихотворение под названием «Жалоба на смерть Луция Цезаря», писал и греческие стихи в подражание Эвфориону, Риану и Парфению: этих поэтов он очень любил, их сочинения и изображения помещал в общественных библиотеках среди лучших древних писателей, и поэтому многие ученые наперебой посвящали ему многочисленные о них сочинения. (3) Но больше всего занимало его изучение сказочной древности. Здесь он доходил до смешных пустяков, обращаясь к грамматикам, общество которых, как было сказано, он очень любил, с такими, например, вопросами: «Кто была мать Гекубы? Как звали Ахилла среди девушек? Какие песни пели сирены?» А когда он впервые вошел в сенат после смерти Августа, то в знак благочестия и сыновней любви принес жертву ладаном и вином, но без участия флейтиста, как некогда царь Минос после смерти сына.

71. По-гречески говорил он всегда легко и охотно, однако не везде: особенно избегал он этого в сенате. Даже когда ему нужно было сказать слово «монополия», он сначала извинился, что вынужден употребить чужое слово. А когда в одном сенатском постановлении было употреблено слово «эмблема», он предложил переменить его, приислав вместо чужого — наше, а если не удастся, то выразить понятие описательно, несколькими словами. И одному солдату, которого на суде по-гречески попросили дать показание, он приказал отвечать только по-латыни.

72. Только два раза за все время своего удаления пытался он воротиться в Рим. В первый раз он поднялся на триreme по Тибру до самых садов, что возле искусственного озера, расставив по берегам стражу, чтобы отгонять тех, кто выйдет на-

встречу; во второй раз он по Аппиевой дороге доехал до седьмой мили. Но, завидев лишь издали городские стены, он, не приближаясь к ним, возвращался: в первый раз — по неизвестной причине, во второй раз — из страха перед недобрым знаменьем. (2) У него была среди других развлечений большая змея; придя однажды, как обычно, покормить ее из своих рук, он нашел ее заеденной муравьями и увидел в этом знак остерегаться насилия черни.

И вот, возвращаясь поспешно в Кампанию, в Астуре он занемог. Немного оправившись, он доехал до Цирцей; здесь, чтобы скрыть свое нездоровье, он не только присутствовал на лагерных играх, но даже в выпущенного на арену кабана метнул сверху дротики. Тотчас у него началась боль в боку, потом его, разгоряченного, продуло ветром, и болезнь усилилась. (3) Но некоторое время он еще держался, хотя, продолжая свой путь до самого Мизена, он ни в чем не менял обычного образа жизни и не отказывался ни от пиров, ни от иных наслаждений — отчасти по необузданности, отчасти из притворства. И когда врач Харикл, собираясь однажды уходить с пира, взял его руку для поцелуя, он заподозрил, что тот хочет пощупать в ней биение крови, остановил его, вернул к столу и продолжал пир до позднего часа, а потом, как и всегда, встав посреди столовой, с ликтором за спиной, по имени прощался с каждым уходящим.

73. Между тем ему случилось прочесть в сенатских отчетах, что несколько подсудимых, о которых он в свое время лишь коротко упомянул, что их имена стоят в доносе, теперь были выпущены и даже без допроса. Посчитав это неуважением, он решил во что бы то ни стало вернуться на Капри: только из этого убежища осмеливался он что-нибудь предпринимать. Но непогода и усиливающаяся болезнь удержали его; и вскоре он скончался на Лукулловой вилле, на семьдесят восьмом году жизни и двадцать третьем году власти, в семнадцатый день до апрельских календ, в консульство Гнея Ацеррония Прокула и Гая Понтия Нигрина.

(2) Некоторые полагают, что Гай подложил ему медленный разрушительный яд: другие — что после приступа простой лихорадки он попросил есть, а ему не дали; третьи — что его задушили подушкой, когда он вдруг очнулся и, увидев, что во время обморока у него сняли перстень, потребовал его обратно. Сенека пишет, что он, чувствуя приближение конца, сам снял свой перстень, как будто хотел его кому-то передать, подержал его немного, потом снова надел на палец и, стиснув руку, долго лежал неподвижно. Потом вдруг он кликнул слуг, но не получил ответа; тогда он встал, но возле самой постели силы его оставили и он рухнул,

74. В свой последний день рождения он видел во сне статую Аполлона Теменитского, огромную и дивной работы, которую он привез из Сиракуз, чтобы поставить в библиотеке при новом храме; и статуя произнесла, что не ему уже освятить ее. За несколько дней до его кончины башня маяка на Капри

рухнула от землетрясения. А в Мизене, когда в столовую внесли для обогривания золу и уголья, давно уже погасшие и остывшие, они вдруг вспыхнули и горели, не погасая, с раннего вечера до поздней ночи.

75. Смерть его вызвала в народе ликование. При первом же известии одни бросились бегать, крича: «Тиберия в Тибр!», другие молили Землю-мать и богов Манов не давать покойнику места, кроме как среди нечестивцев, третьи грозили мертвому крюком и Гемониями. К памяти о былых неистовствах прибавлялась последняя жестокость. (2) Дело в том, что по решению сената казнь приговоренных свершалась только на десятый день; и вот, для некоторых день кары совпал с вестью о смерти Тиберия. Они умоляли всех о помощи, но Гай еще не появлялся, заступиться и вмешаться было некому, и стража, во избежание противозакония, задушила их и сбросила в Гемонии. (3) От этого ненависть вспыхнула еще сильнее: казалось, что и со смертью тирана зверства его не прекращаются. Когда тело вынесли из Мизена, многие кричали, что его надо отнести в Ателлу и поджарить в амфитеатре, но воины перенесли его в Рим, и там оно было сожжено и погребено всенародно.

76. Завещание он составил за два года до смерти в двух списках: один был сделан собственноручно, другой продиктован вольноотпущеннику, но по содержанию они не различались. Скреплено оно было лицами самого низкого положения. По этому завещанию он отказывал наследство в равной доле своим внукам Гаю, сыну Германика, и Тиберию, сыну Друза, назначив их наследниками друг друга. Оставил он и многочисленные подарки, между прочим — девственным весталкам, а также всем воинам, всем плебейам и отдельно старостам кварталов.

ГАЙ КАЛИГУЛА

1. Германик, отец Гая Цезаря, был сыном Друза и Антонии Младшей. Усыновленный Тиберием, своим дядей по отцу, он получил квестуру на пять лет раньше законного возраста, а прямо после нее — консульство. Когда он был послан к войскам в Германию и пришла весть о кончине Августа, все легионы решительно отказались признать Тиберию и предложили ему верховную власть, но он успокоил их, выказав столько же твердости, сколько и верности долгу, а потом победил с ними врага и отпраздновал триумф. (2) После этого он вторично был избран консулом, но еще до вступления в должность отправлен навести порядок на Востоке. Здесь, победив царя Армении, обратив Каппадокию в римскую провинцию, он на тридцать четвертом году скончался в Антиохии — как подозревают, от яда. В самом деле, кроме синих пятен по всему телу и пены, выступившей изо рта, сердце его при погребальном сожжении было найдено среди костей невредимым: а считается, что сердце, тронутое ядом, по природе своей не может сгореть.

2. Смерть его приписывали коварству Тиберию и стараниям Гнея Пизона, который в это время был наместником Сирии. Тот не скрывал, что ему придется иметь врагом или отца, или сына, словно иного выхода не было; и он преследовал Германика словами и делами жестоко и без удержу, даже в пору его болезни. За это по возвращении в Рим народ его чуть не растерзал, а сенат приговорил к смертной казни.

3. Всеми телесными и душевными достоинствами, как известно, Германик был наделен, как никто другой: редкая красота и храбрость, замечательные способности к наукам и красноречию на обоих языках, беспримерная доброта, горячее желание и удивительное умение снискать расположение народа и заслужить его любовь. Красоту его немного портили тонкие ноги, но он постепенно заставил их пополнеть, постоянно занимаясь верховой ездой после еды. (2) Врага он не раз одолевал врукопашную. Выступать с речами в суде он не перестал даже после триумфа. Среди памятников его учености остались даже греческие комедии. Даже и в поездках он вел себя как простой гражданин, в свободные и союзные города входил без ликторов. Встречая гробницы знаменитых людей, всюду приносил

жертвы Манама. Останки павших при поражении Вара, истлевшие и разбросанные, он решил похоронить в общей могиле и первый начал своими руками собирать их и сносить в одно место. (3) Даже к хулителям своим, кто бы и из-за чего бы с ним ни враждовал, относился он мягко и незлобиво; даже на Пизона, который отменял его указы и притеснял его клиентов, он стал гневаться только тогда, когда узнал, что тот покушается на него колдовством и ядом; но и тогда он удовлетворялся лишь тем, что по обычаю предков отказал ему в своей дружбе, а домочадцам завещал, если с ним что случится, отомстить за него.

4. Он пожал обильные плоды своих добродетелей. Родные так уважали его и ценили, что сам Август — об остальных родственниках я и не говорю — долго колебался, не назначить ли его своим наследником, и, наконец, велел Тиберию его усыновить. А народ так любил его, что когда он куда-нибудь приезжал или откуда-нибудь уезжал, — об этом пишут многие, — то из-за множества встречающих или провожающих даже жизнь его иногда бывала в опасности; когда же он возвращался из Германии после усмирения мятежа, то преторианские когорты выступили ему навстречу все, хотя приказано было выступить только двум, а народ римский, без разбора сословия, возраста и пола, высыпал встречать его за двадцать миль.

5. Но еще сильнее и еще убедительнее выразилось отношение к нему при его смерти и после его смерти. В день, когда он умер, люди осыпали камнями храмы, опрокидывали алтари богов, некоторые швыряли на улицу домашних ларов, некоторые подкидывали новорожденных детей. Даже варвары, говорят, которые воевали между собой или с нами, прекратили войну, словно объединенные общим и близким каждому горем; некоторые князья отпустили себе бороду и обрили головы женам в знак величайшей скорби; и сам царь царей отказался от охот и пиров с вельможами, что у парфян служит знаком траура. 6. А в Риме народ, подавленный и удрученный первой вестью о его болезни, ждал и ждал новых гонцов; и когда, уже вечером, неизвестно откуда вдруг распространилась весть, что он опять здоров, то все толпой с факелами и жертвенными животными ринулись на Капитолий и едва не сорвали двери храма в жажде скорее выполнить обеты; сам Тиберий был разбужен среди ночи ликующим пением, слышным со всех сторон:

Жив, здоров, спасен Германик: Рим спасен и мир спасен!

(2) Когда же, наконец, заведомо стало известно, что его уже нет, то никакие увещания, никакие указы не могли смягчить народное горе, и плач о нем продолжался даже в декабрьские праздники. Славу умершего и сожаление о нем усугубили ужасы последующих лет, и всем не без основания казалось, что прорвавшаяся вскоре свирепость Тиберия сдерживалась дотеле лишь уважением к Германику и страхом перед ним.

7. Женат он был на Агриппине, дочери Марка Агриппы и Юлии, и имел от нее девять детей. Двое из них умерли во младенчестве, один — в детстве: он был так миловиден, что Ливия посвятила в храм Капитолийской Венеры его изображение в виде Купидона, а другое поместил в своей опочивальне Август и, входя, всякий раз целовал его. Остальные дети пережили отца — трое девочек, Агриппина, Друзилла и Ливилла, погодки, и трое мальчиков, Нерон, Друз и Гай Цезарь. Из них Нерона и Друза сенат по обвинению Тиберия объявил врагами государства.

8. Гай Цезарь родился накануне сентябрьских календ в консульство своего отца и Гая Фонтая Капитона. Где он родился, неясно, так как свидетельства о том разноречивы. Гней Лентул Гетулик пишет, будто он родился в Тибуре. Плиний Секунд утверждает, что в земле треворов, в поселке Амбитарвий, что выше Конфлуэнт: при этом он ссылается на то, что там показывают жертвенник с надписью: «За разрешение Агриппины». Стишки, ходившие вскоре после его прихода к власти, указывают, что он появился на свет в зимних лагерях:

В лагере был он рожден, под отцовским оружием вырос:
Это ль не знак, что ему высшая власть суждена?

Я же отыскал в ведомостях, что он родился в Анции.

(2) Гетулика опровергает Плиний, утверждая, что он лжет из угодливости, чтобы честь молодого и тщеславного правителя возвеличить и честью города, посвященного Геркулесу; и лжет он тем уверенней, что в Тибуре, действительно, годом раньше у Германика родился сын и тоже был назван Гаем — то самое прелестное дитя, о безвременной смерти которого мы поговорили выше. (3) Плиния, в свою очередь, опровергает сама последовательность событий: ведь все историки, писавшие об Августе, согласно говорят, что когда Германик после своего консульства был послан в Галлию, у него уже родился Гай. Не подтверждает мнения Плиния и надпись на жертвеннике, так как в этих местах Агриппина родила двух дочерей: а «разрешением от бремени» (*puerregium*) безразлично называют рождение как мальчика, так и девочки, потому что в старину и девочек (*puellae*) называли *puellae*, и мальчиков (*pueri*) называли *puelli*. (4) Существует и письмо Августа к его внучке Агриппине, написанное за несколько месяцев до смерти, в котором так говорится о нашем Гае — ибо никакого другого ребенка с таким именем тогда не было: «Вчера я договорился с Таларием и Азиллием, чтобы они взяли с собой маленького Гая в пятнадцатый день до июньских календ, коли богам будет угодно. Посылаю вместе с ним и врача из моих рабов; Германику я написал, чтобы задержал его, если захочет. Прощай, милая Агриппина, и постарайся прибыть к твоему Германику в добром здравии». (5) Совершенно ясно, по-моему, что Гай не мог родиться там, куда его привезли из Рима уже

почти двухлетним. Стало быть, нельзя доверять и стишкам, тем более что они безымянны. Таким образом, следует предпочесть показания государственных ведомостей как единственно оставшиеся; к тому же и сам Гай из всех увеселительных мест более всего любил Анций — несомненно, как место своего рождения. Говорят, что, наскучив Римом, он даже собирался перенести туда свою столицу и двор.

9. Прозвищем «Калигула» («Сапожок») он обязан лагерной шутке, потому что подрастал он среди воинов, в одежде рядового солдата. А какую привязанность и любовь войска снискало ему подобное воспитание, это лучше всего стало видно, когда он одним своим видом несомненно успокоил солдат, возмущившихся после смерти Августа и уже готовых на всякое безумие. В самом деле, они только тогда отступились, когда заметили, что от опасности мятежа его отправляют прочь, под защиту ближайшего города: тут лишь они, потрясенные раскаянием, схватив и удержав повозку, стали умолять не наказывать их такой немилостью.

10. Вместе с отцом совершил он и поездку в Сирию. Встретившись оттуда, жил он сначала у матери, потом, после ее ссылки — у Ливии Августы, своей прабабки; когда она умерла, он, еще отроком, произнес над нею похвальную речь с ростральной трибуны. Затем он перешел жить к своей бабке Антонии. К девятнадцати годам он был вызван Тиберием на Капри: тогда он в один и тот же день надел тогу совершеннолетнего и впервые сбрил бороду, но без всяких торжеств, какими сопровождалось совершеннолетие его братьев. (2) На Капри многие хитростью или силой пытались выманить у него выражения недовольства, но он ни разу не поддался искушению: казалось, он вовсе забыл о судьбе своих ближних, словно с ними ничего и не случилось. А все, что приходилось терпеть ему самому, он сносил с таким невероятным притворством, что по справедливости о нем было сказано: «не было на свете лучшего раба и худшего государя».

11. Однако уже тогда не мог он обуздать свою природную свирепость и порочность. Он с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене. Тиберий это охотно допускал, надеясь этим укротить его лютый нрав. Проницательный старик видел его насквозь и не раз предсказывал, что Гай живет на погибель и себе, и всем и что в нем он вскармливает ехидну для римского народа и Фазтона для всего земного круга.

12. Немного позже он женился на Юнии Клавдилле, дочери Марка Силана, одного из знатнейших римлян. Затем он был назначен авгуром на место своего брата Друза, но еще до посвящения возведен в сан понтифика. Это было важным знаком признания его родственных чувств и душевных задатков:

дом Тиберия уже лишен был всякой иной опоры, Сеян вскоре был заподозрен и уничтожен как враг отечества, и Гай все больше и больше получал надежду на наследство. (2) Чтобы еще крепче утвердиться в ней, он, после того как Юния умерла в родах, обольстил Эннию Невию, жену Макрона, стоявшего во главе преторианских когорт; ей он обещал, что женится на ней, когда достигнет власти, и дал в этом клятву и расписку. Через нее он вкрался в доверие к Макрону и тогда, как полагают некоторые, извел Тиберия отравой. Умиравший еще дышал, когда Гай велел снять у него перстень; казалось, что он сопротивлялся. Тогда Гай приказал накрыть его подушкой и своими руками стиснул ему горло; а вольноотпущенника, который вскрикнул при виде этого злодеяния, тут же отправил на крест. (3) И это не лишено правдоподобия: некоторые передают, что он сам похвалялся если не совершенным, то задуманным преступлением — неизменно гордясь своими родственными чувствами, он говорил, что вошел однажды с кинжалом в спальню к спящему Тиберию, чтобы отомстить за гибель матери и братьев, но почувствовал жалость, отбросил клинок и ушел; Тиберий об этом знал, но не посмел ни преследовать, ни наказывать его.

13. Так он достиг власти во исполнение лучших надежд римского народа или, лучше сказать, всего рода человеческого. Он был самым желанным правителем и для большинства провинций и войск, где многие помнили его еще младенцем, и для всей римской толпы, которая любила Германика и жалела его почти погубленный род. Поэтому, когда он выступил из Мизена, то, несмотря на то, что он был в трауре и сопровождал тело Тиберия, народ по пути встречал его грустными ликующими толпами, с алтарями, с жертвами, с зажженными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя и «светиком», и «голубчиком», и «куколкой», и «дитятком». 14. А когда он вступил в Рим, ему тотчас была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы, вопреки запрещению Тиберия, который назначил ему сонаследником своего несовершеннолетнего внука.

Ликование в народе было такое, что за ближайших три неполных месяца было, говорят, зарезано больше чем сто шестьдесят тысяч жертвенных животных. (2) Когда через несколько дней он отправился на Кампанские острова, все приносили обеты за его возвращение, не упуская самого малого случая выразить тревогу и заботу о его благополучии. Когда он было захворал, люди ночами напролет толпились вокруг Палатина; были и такие, которые давали письменные клятвы биться насмерть ради выздоровления больного или отдать за него свою жизнь. (3) Безграничную любовь граждан довершало замечательное расположение чужестранцев. Артабан, парфянский царь, который всегда открыто выражал ненависть и презрение к Тиберию, сам попросил теперь Гая о дружбе,

вышел на переговоры с консульским легатом и, перейдя через Евфрат, воздал почести римским орлам, значкам легионов и изображениям Цезарей.

15. Он и сам делал все возможное, чтобы возбудить любовь к себе в людях. Тиберия он с горькими слезами почтил похвальной речью перед собранием и торжественно похоронил. Тотчас затем он отправился на Пандатерию и Понтийские острова, спеша собрать прах матери и братьев: отплыл он в бурную непогоду, чтоб виднее была его сыновняя любовь, приблизился к их останкам благоговейно, положил их в урны собственными руками; с не меньшею пышностью, в биреме со знаменем на корме, он доставил их в Остию и вверх по Тибру в Рим, где самые знатные всадники сквозь толпу народа на двух носилках внесли их в мавзолей. В память их установил он всенародно ежегодные поминальные обряды, а в честь матери еще и цирковые игры, где изображение ее везли в процессии на особой колеснице. (2) Отца же он почтил, назвав в его память месяц сентябрь Германиком. После этого в сенатском постановлении он сразу назначил бабке своей Антонии все почести, какие воздавались когда-либо Ливии Августе; дядю своего Клавдия, который был еще римским всадником, взял себе в товарищи по консульству; брата Тиберия в день его совершеннолетия усыновил и поставил главою юношества. (3) В честь своих сестер он приказал прибавлять ко всякой клятве: «И пусть не люблю я себя и детей моих больше, чем Гая и его сестер», — а к консульским предложениям: «Да сопутствует счастье и удача Гаю Цезарю и его сестрам!»

(4) В той же погоне за народной любовью он помиловал осужденных и сосланных; по всем обвинениям, оставшимся от прошлых времен, объявил прощение; бумаги, относящиеся к делам его матери и братьев, принес на форум и сжег, призвав богов в свидетели, что ничего в них не читал и не трогал — этим он хотел навсегда успокоить всякий страх у доносчиков и свидетелей; а донос о покушении на его жизнь даже не принял, заявив, что он ничем и ни в ком не мог возбудить ненависти и что для доносчиков слух его закрыт. 16. Спинтриев, изобретателей чудовищных наслаждений, он выгнал из Рима — его с трудом умолили не топить их в море. Сочинения Тита Лабиена, Кремуция Корда, Кассия Севера, уничтоженные по постановлениям сената, он позволил разыскать, хранить и читать, заявив, что для него важнее всего, чтобы никакое событие не ускользнуло от потомков.

Отчеты о состоянии державы, которые Август издавал, а Тиберий перестал, он вновь приказал обнародовать. (2) Должностным лицам он разрешил свободно править суд, ни о чем его не спрашивая. Списки всадников он проверял строго и тщательно, но не беспощадно: кто был запятнан позором или бесчестием, у тех он всенародно отбирал коня, за кем была меньшая вина, тех он просто пропускал при оглашении имен. Чтобы

судьям легче было работать, он присоединил к четырем их декуриям новую, пятую. Пытался он даже вернуть народу выборы должностных лиц, восстановив народные собрания. (3) Подарки по завещанию Тиберия, хотя оно и было объявлено недействительным, и даже по завещанию Юлии Августы, которое Тиберий утаил, он отсчитал и выплатил честно и без оговорок. Италию он освободил от полупроцентного налога на распродажи; многим пострадавшим от пожаров возместил их убытки. Если он возвращал царям их царства, то выплачивал им и все подати и доходы за прошедшее время: так, Антиох Коммагенский получил сто миллионов сестерциев, когда-то отобранных у него. (4) Чтобы показать, что никакого доброго дела он не оставит без поощрения, он дал в награду восемьсот тысяч сестерциев одной вольноотпущеннице, которая под самыми жестокими пытками не выдала преступления своего патрона. За все эти его деяния сенат, в числе прочих почестей, посвятил ему золотой щит: каждый год в установленный день жреческие коллегии должны были вносить этот щит на Капитолий в сопровождении сената и с песнопением, в котором знатнейшие мальчики и девочки воспевали добродетели правителя. Было также постановлено, чтобы день его прихода к власти именовался Парилиями, как бы в знак второго основания Рима.

17. Консулом он был четыре раза: в первый раз с июльских календ в течение двух месяцев, во второй раз с январских календ в течение тридцати дней, в третий раз — до январских ид, в четвертый раз — до седьмого дня перед январскими идами. Из этих консульств два последних следовали одно за другим. В третье консульство он вступил в Лугдуне один, но не из надменности и пренебрежения к обычаям, как думают некоторые, а только потому, что в своей отлучке он не мог знать, что его товарищ по должности умер перед самым новым годом. (2) Всенародные раздачи он устраивал дважды, по триста сестерциев каждому. Столько же устроил он и роскошных угощений для сенаторов и всадников и даже для их жен и детей. При втором угощении он раздавал вдобавок мужчинам нарядные тоги, а женщинам и детям красные пурпурные повязки. А чтобы и впредь умножить народное веселье, он прибавил к празднику Сатурналий лишний день, назвав его Ювеналиями.

18. Гладиаторские битвы он устраивал не раз, иногда в амфитеатре Тавра, иногда в септе; между поединками он выводил отряды кулачных бойцов из Африки и Кампании, цвет обеих областей. Зрелищами он не всегда распоряжался сам, а иногда уступал эту честь своим друзьям или должностным лицам. (2) Театральные представления он давал постоянно, разного рода и в разных местах, иной раз даже ночью, зажигая факелы по всему городу. Разбрасывал он и всяческие подарки, раздавал и корзины с закусками для каждого. Одному римскому всаднику, который на таком угощении сидел напротив

него и ел с особенной охотой и вкусом, он послал и свою собственную долю, а одному сенатору при подобном же случае — указ о назначении претором вне очереди. (3) Устраивал он много раз и цирковые состязания с утра до вечера, с африканскими травлями и троянскими играми в промежутках; на самых пышных играх арену посыпали суриком и горной зеленью, а лошадьми правили только сенаторы. Однажды он даже устроил игры внезапно и без подготовки, когда осматривал убранство цирка из Гелотова дома, и несколько человек с соседних балконов его попросили об этом.

19. Кроме того, он выдумал зрелище новое и неслыханное дотоле. Он перекинул мост через залив между Байями и Путоланским молом, длиной почти в три тысячи шестьсот шагов: для этого он собрал отовсюду грузовые суда, выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги. (2) По этому мосту он два дня подряд разъезжал взад и вперед: в первый день — на разубранном коне, в дубовом венке, с маленьким щитом, с мечом и в златотканом плаще; на следующий день — в одежде возницы, на колеснице, запряженной парой самых лучших скакунов, и перед ним ехал мальчик Дарий из парфянских заложников, а за ним отряд преторианцев и свита в повозках. (3) Я знаю, что, по мнению многих, Гай выдумал этот мост в подражание Ксерксу, который вызвал такой восторг, перегородив много более узкий Геллеспонт, а по мнению других — чтобы славой исполинского сооружения устрашить Германию и Британию, которым он грозил войной. Однако в детстве я слышал об истинной причине этого предприятия от моего деда, который знал о ней от доверенных придворных: дело в том, что когда Тиберий тревожился о своем преемнике и склонялся уже в пользу родного внука, то астролог Фрасилл заявил ему, что Гай скорее на конях проскачет через Байский залив, чем будет императором.

20. Он устраивал зрелища и в провинциях: астические игры в Сиракузах в Сицилии, смешанные игры в Лугдуне в Галлии. Здесь происходило также состязание в греческом и латинском красноречии, на котором, говорят, побежденные должны были платить победителям награды и сочинять в их честь славословия; а тем, кто меньше всего угодили, было велено стирать свои писания губкой или языком, если они не хотели быть битыми розгами или выкупанными в ближайшей реке.

21. Постройки, недоконченные Тиберием, он завершил: храм Августа и театр Помпея. Сам он начал строить водопровод из области Тибура и амфитеатр поблизости от септы; одну из этих построек его преемник Клавдий довел до конца, другую оставил. В Сиракузах он восстановил рухнувшие от ветхости стены и храм богов. Собирался он и на Самосе отстроить дворец Поликрата, и в Милете довершить Дидимейский храм, и в Альпийских горах основать город, но раньше всего —

перекопать Истмийский перешеек в Ахайе: он даже посылал туда старшего центуриона, чтобы сделать предварительные измерения.

22. До сих пор шла речь о правителе, далее придется говорить о чудовище.

Он присвоил множество прозвищ: его называли и «благочестивым», и «сыном лагеря», и «отцом войска», и «Цезарем благим и величайшим». Услыхав однажды, как за обедом у него спорили о знатности цари, явившиеся в Рим поклониться ему, он воскликнул:

...Единый да будет властитель,
Царь да будет единый!

Немного недоставало, чтобы он тут же принял диадему и видимость принципата обратил в царскую власть. (2) Однако его убедили, что он возвысился превыше и принцепсов и царей. Тогда он начал притязать уже на божеское величие. Он распорядился привезти из Греции изображения богов, прославленные и почитанием и искусством, в их числе даже Зевса Олимпийского,— чтобы снять с них головы и заменить своими. Палатинский дворец он продолжил до самого форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в его прихожую, и часто стоял там между статуями близнецов, принимая божеские почести от посетителей; и некоторые величали его Юпитером Латинским. (3) Мало того, он посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов, установил изысканнейшие жертвы. В храме он поставил свое изваяние в полный рост и облачил его в собственные одежды. Должность главного жреца отправляли поочередно самые богатые граждане, соперничая из-за нее и торгуясь. Жертвами были павлины, фламинго, тетерева, цесарки, фазаны,— для каждого дня своя порода. (4) По ночам, когда сияла полная луна, он неустанно звал ее к себе в объятия и на ложе, а днем разговаривал наедине с Юпитером Капитолийским: иногда шепотом, то наклоняясь к его уху, то подставляя ему свое, а иногда громко и даже сердито. Так, однажды слышали его угрожающие слова:

— Ты подними меня, или же я тебя...—

а потом он рассказывал, что бог наконец его умилиствовал и даже сам пригласил жить вместе с ним. После этого он перебросил мост с Капитолия на Палатин через храм божественного Августа, а затем, чтобы поселиться еще ближе, заложил себе новый дом на Капитолийском холме.

23. Агриппу он не хотел признавать или называть своим дедом из-за его безродности, и гневался, когда в речах или в стихах кто-нибудь причислял его к образам Цезарей. Он даже хвастался, будто его мать родилась от кровосмешения, которое совершил с Юлией Август; и, не довольствуясь такой клеветой на Августа, он запретил торжественно праздновать актийскую

и сицилийскую победы как пагубные и гибельные для римского народа. (2) Ливию Августу, свою прабабку, он не раз называл «Улиссом в женском платье», и в одном письме к сенату даже имел наглость обвинять ее в безродности, уверяя, будто дед ее по матери был декурионом из Фунд, между тем как государственные памятники ясно показывают, что Авфидий Луркон занимал высокие должности в Риме. Бабку свою Антонию, просившую у него разговора наедине, он принял только в присутствии префекта Макрона. Этим и подобными унижениями и обидами, а по мнению некоторых — и ядом, он свел ее в могилу; но и после смерти он не воздал ей никаких почестей и из обеденного покоя любовался на ее погребальный костер. (3) Своего брата Тиберия он неожиданно казнил, прислав к нему внезапно войскового трибуна, а тестя Силана заставил покончить с собой, перерезав бритвою горло. Обвинял он их в том, что один в непогоду не отплыл с ним в бурное море, словно надеясь, что в случае несчастья с зятем он сам завладеет Римом, а от другого пахло лекарством, как будто он опасался, что брат его отравит. Между тем Силан просто не выносил морской болезни и боялся трудностей плавания, а Тиберий принимал лекарство от постоянного кашля, который все больше его мучил. Что же касается Клавдия, своего дяди, то Гай оставил его в живых лишь на потеху себе.

24. Со всеми своими сестрами жил он в преступной связи, и на всех званых обедах они попеременно возлежали на ложе ниже его, а законная жена — выше его. Говорят, одну из них, Друзиллу, он лишил девственности еще подростком, и бабушка Антония, у которой они росли, однажды застигла их вместе. Потом ее выдали за Луция Кассия Лонгина, сенатора консульского звания, но он отнял ее у мужа, открыто держал как законную жену, и даже назначил ее во время болезни наследницей своего имущества и власти. (2) Когда она умерла, он установил такой траур, что смертным преступлением считалось смеяться, купаться, обедать с родителями, женой или детьми. А сам, не в силах вынести горя, он внезапно ночью исчез из Рима, пересек Кампанию, достиг Сиракуз и с такой же стремительностью вернулся, с отросшими бородой и волосами. С этих пор все свои клятвы о самых важных предметах, даже в собрании перед народом и перед войсками, он произносил только именем божества Друзиллы. (3) Остальных сестер он любил не так страстно и почитал не так сильно: не раз он даже отдавал их на потеху своим любимчикам. Тем скорее он осудил их по делу Эмилия Лепида за разврат и за соучастие в заговоре против него. Он не только обнародовал их собственноручные письма, выманенные коварством и обольщением, но даже посвятил в храм Марса Мстителя с соответственной надписью три меча, приготовленные на его гибель.

25. О браках его трудно сказать, что в них было непристойное: заключение, расторжение или пребывание в браке. Ливию Орестиллу, выходящую замуж за Гая Пизона, он сам явился

поздравить, тут же приказал отнять у мужа и через несколько дней отпустил, а два года спустя отправил в ссылку, заподозрив, что она за это время опять сошлась с мужем. Другие говорят, что на самом свадебном пиру он, лежа напротив Пизона, послал ему записку: «Не лезь к моей жене!», а тотчас после пира увел ее к себе и на следующий день объявил эдиктом, что нашел себе жену по примеру Ромула и Августа. (2) Лоллию Павлину, жену Гая Меммия, консуляра и военачальника, он вызвал из провинции, прослышав, что ее бабушка была когда-то красавицей, тотчас развел с мужем и взял в жены, а спустя немного времени отпустил, запретив ей впредь сближаться с кем бы то ни было. (3) Цезонию, не отличавшуюся ни красотой, ни молодостью и уже родившую от другого мужа трех дочерей, он любил жарче всего и дольше всего за ее сладострастие и расточительность: зачастую он выводил ее к войскам рядом с собою, верхом, с легким щитом, в плаще и шлеме, а друзьям даже показывал ее голой. Именем супруги он удостоил ее не раньше, чем она от него родила, и в один и тот же день объявил себя ее мужем и отцом ее ребенка. (4) Ребенка этого, Юлию Друзиллу, он пронес по храмам всех богинь и, наконец, возложил на лоно Минервы, поручив боже-ству растить ее и вскармливать. Лучшим доказательством того, что это дочь его плоти, он считал ее лютый нрав: уже тогда она доходила в ярости до того, что ногтями царапала игравшим с нею детям лица и глаза.

26. После всего этого пустыми и незначительными кажутся рассказы о том, как он обращался с друзьями и близкими — с Птолемеем, сыном царя Юбы и своим родственником (он был внуком Марка Антония от дочери его Селены), и прежде всего с самим Макроном и самою Эннией, доставившими ему власть. Все они вместо родственного чувства и вместо благодарности за услуги награждены были жестокой смертью.

(2) Столь же мало уважения и кротости выказывал он и к сенаторам: некоторых, занимавших самые высокие должности, облаченных в тоги, он заставлял бежать за своей колесницей по несколько миль, а за обедом стоять у его ложа в изголодые или в ногах, подпоясавшись полотном. Других он тайно казнил, но продолжал приглашать их, словно они были живы, и лишь через несколько дней лживо объявил, что они покончили с собой.

(3) Консулов, которые забыли издать эдикт о дне его рождения, он лишил должности, и в течение трех дней государство оставалось без высшей власти. Своего квестора, обвиненного в заговоре, он велел бичевать, сорвав с него одежду и бросив под ноги солдатам, чтобы тем было на что опираться, нанося удары.

(4) С такой же надменностью и жестокостью относился он и к остальным сословиям. Однажды, потревоженный среди ночи шумом толпы, которая заранее спешила занять места в цирке, он всех их разогнал палками: при замешательстве было задавлено больше двадцати римских всадников, столько же замужних женщин и несчетное число прочего народу. На театраль-

ных представлениях он, желая перессорить плебеев и всадников, раздавал даровые пропуска раньше времени, чтобы чернь захватывала и всаднические места. (5) На гладиаторских играх иногда в палящий зной он убирал навес и не выпускал зрителей с мест; или вдруг вместо обычной пышности выводил изнуренных зверей и убогих дряхлых гладиаторов, а вместо потешных бойцов — отцов семейства, самых почтенных, но обезображенных каким-нибудь увечьем. А то вдруг закрывал житницы и обрекал народ на голод.

27. Свирепость своего нрава обнаружил он яснее всего вот какими поступками. Когда вздорожал скот, которым откармливали диких зверей для зрелищ, он велел бросить им на растерзание преступников; и, обходя для этого тюрьмы, он не смотрел, кто в чем виноват, а прямо приказывал, стоя в дверях, забирать всех, «от лысого до лысого». (2) От человека, который обещал биться гладиатором за его выздоровление, он потребовал исполнение обета, сам смотрел, как он сражался, и отпустил его лишь победителем, да и то после долгих просьб. Того, кто поклялся отдать жизнь за него, но медлил, он отдал своим рабам — прогнать его по улицам в венках и жертвенных повязках, а потом во исполнение обета сбросить с раската. (3) Многих граждан из первых сословий он, заклеив раскаленным железом, сослал на рудничные или дорожные работы, или бросил диким зверям, или самих, как зверей, посадил на четвереньки в клетках, или перепилил пополам пилой, — и не за тяжкие провинности, а часто лишь за то, что они плохо отозвались о его зрелищах или никогда не клялись его гением. (4) Отцов он заставлял присутствовать при казни сыновей; за одним из них он послал носилки, когда тот попробовал уклониться по нездоровью; другого он тотчас после зрелища казни пригласил к столу и всяческими любезностями принуждал шутить и веселиться. Надсмотрщика над гладиаторскими битвами и травлями он велел несколько дней подряд бить цепями у себя на глазах и умертвил не раньше, чем почувствовал вонь гниющего мозга. Сочинителя ателлан за стишок с двусмысленной шуткой он сжег на костре посреди амфитеатра. Один римский всадник, брошенный диким зверям, не переставал кричать, что он невинен; он вернул его, отсек ему язык и снова прогнал на арену. 28. Изгнанника, возвращенного из давней ссылки, он спрашивал, чем он там занимался; тот льстиво ответил: «Неустанно молил богов, чтобы Тиберий умер и ты стал императором, как и сбылось». Тогда он подумал, что и ему его ссыльные молят смерти, и послал по островам солдат, чтобы их всех перебить. Замыслив разорвать на части одного сенатора, он подкупил несколько человек напасть на него при входе в курию с криками «враг отечества!», пронзить его грифелями и бросить на растерзание остальным сенаторам; и он насытился только тогда, когда увидел, как члены и внутренности убитого проволочли по улицам и свалили грудой перед ним.

29. Чудовищность поступков он усугублял жестокостью

слов. Лучшей и похвальнейшей чертой его нрава считал он, по собственному выражению, *невозмутимость*, то есть бесстыдство. Увещаний своей бабки Антонии он не только не слушал, но даже сказал ей: «Не забывай, что я могу сделать что угодно и с кем угодно!» Собираясь казнить брата, который будто бы принимал лекарства из страха отравы, он воскликнул: «Как? противоядия — против Цезаря?» Сосланным сестрам он грозил, что у него есть не только острова, но и мечи. (2) Сенатор преторского звания, уехавший лечиться в Антикиру, несколько раз просил отсрочить ему возвращение; Гай приказал его убить, заявив, что если не помогает чемерица, то необходимо кровопускание. Каждый десятый день, подписывая перечень заключенных, посылаемых на казнь, он говорил, что сводит свои счета. Казнив одновременно нескольких галлов и греков, он хвастался, что покорила Галлогрецию. 30. Казнить человека он всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!» Когда по ошибке был казнен вместо нужного человека другой с тем же именем, он воскликнул: «И этот того стоил». Он постоянно повторял известные слова трагедии:

Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

(2) Не раз он обрушивался на всех сенаторов вместе, обзывал их прихвостнями Сеяна, обзывал предателями матери и братьев, показывал доносы, которые будто бы сжег, оправдывал Тиберия, который, по его словам, поневоле свирепствовал, так как не мог не верить стольким клеветникам. Всадническое сословие поносил он всегда за страсть к театру и цирку. Когда чернь в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул: «О, если бы у римского народа была только одна шея!»; а когда у него требовали пощады для разбойника Тетриния, он сказал о требующих: «Сами они Тетринии!» (3) Пять гладиаторов-ретаририев в туниках бились против пяти секуторов, поддалились без борьбы и уже ждали смерти, как вдруг один из побежденных схватил свой трезубец и перебил всех победителей; Гай в эдикте объявил, что скорбит об этом кровавом побоище и проклинает всех, кто способен был на него смотреть. 31. Он даже не скрывал, как жалеет о том, что его время не отмечено никакими всенародными бедствиями: правление Августа запомнилось поражением Вара, правление Тиберия — обвалом амфитеатра в Фиденгах, а его правление будет забыто из-за общего благополучия; и снова и снова он мечтал о разгроме войск, о голоде, чуме, пожарах или хотя бы о землетрясении.

32. Даже в часы отдохновения, среди пиров и забав, свирепость его не покидала ни в речах, ни в поступках. Во время закусок и попок часто у него на глазах велись допросы и пытки по важным делам, и стоял солдат, мастер обезглавливать, чтобы рубить головы любым заключенным. В Путьеолах при освящении моста — об этой его выдумке мы уже говорили — он

созвал к себе много народу с берегов и неожиданно сбросил их в море, а тех, кто пытался схватиться за кормила судов, баграми и веслами отталкивал вглубь. (2) В Риме за всенародным угощением, когда какой-то раб стащил серебряную накладку с ложа, он тут же отдал его палачу, приказав отрубить ему руки, повесить их спереди за шею и с надписью, в чем его вина, провести мимо всех пирующих. Мирмиллон из гладиаторской школы бился с ним на деревянных мечах и нарочно упал перед ним, а он прикончил врага железным кинжалом и с пальмой в руках обежал победный круг. (3) При жертвоприношении он оделся помощником резника, а когда животное подвели к алтарю, размахнулся и ударом молота убил самого резника. Среди пышного пира он вдруг расхохотался; консулы, лежавшие рядом, льстиво стали спрашивать, чему он смеется, и он ответил: «А тому, что стоит мне кивнуть, и вам обоим перережут глотки!» 33. Забавляясь такими шутками, он однажды встал возле статуи Юпитера и спросил трагического актера Аеллеса, в ком больше величия? А когда тот замедлил с ответом, он велел хлестать его бичом, и в ответ на его жалобы приговаривал, что голос у него и сквозь стоны отличный. Целуя в шею жену или любовницу, он всякий раз говорил: «Такая хорошая шея, а прикажи я — и она слетит с плеч!» И не раз он грозился, что уж дознается от своей милой Цезонии хотя бы под пыткой, почему он так ее любит.

34. Зависти и злобы в нем было не меньше, чем гордыни и свирепости. Он враждовал едва ли не со всеми поколениями рода человеческого. Статуи прославленных мужей, перенесенные Августом с тесного Капитолия на Марсово поле, он ниспроверг и разбил так, что их уже невозможно было восстановить с прежними надписями; а потом он и впредь запретил воздвигать живым людям статуи или скульптурные портреты, кроме как с его согласия и предложения. (2) Он помышлял даже уничтожить поэмы Гомера — почему, говорил он, Платон мог изгнать Гомера из устроенного им государства, а он не может? Немногого не доставало ему, чтобы и Вергилия и Тита Ливия с их сочинениями и изваяниями изъять из всех библиотек: первого он всегда бранил за отсутствие таланта и недостаток учености, а второго — как историка многословного и недостоверного. Науку правоведов он тоже как будто хотел отменить, то и дело повторяя, что уж он-то, видит бог, позаботится, чтобы никакое толкование законов не перечило его воле.

35. У всех знатнейших мужей он отнял древние знаки родового достоинства — у Торквата ожерелье, у Цинцинната — золотую прядь, у Гнея Помпея из старинного рода — прозвище Великого. Птолемея, о котором я уже говорил, он и пригласил из его царства, и принял в Риме с большим почетом, а умертвил только потому, что тот, явившись однажды к нему на бой гладиаторов, привлек к себе все взгляды блеском своего пурпурного плаща. (2) Встречая людей красивых и кудрявых, он брил им затылок, чтобы их обезобразить. Был некий Эзий Прокул, сын

старшего центуриона, за огромный рост и пригожий вид прозванный Колосс-эротом; его он во время зрелищ вдруг приказал согнать с места, вывести на арену, стравить с гладиатором легко вооруженным, потом с тяжело вооруженным, а когда тот оба раза вышел победителем, — связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и, наконец, прирезать. (3) Поистине не было человека такого безродного и такого убогого, которого он ни постарался бы обездолить. К царю озера Неми, который был жрецом уже много лет, он подослал более сильного соперника. А когда Порий, колесничный гладиатор, отпускал на волю своего раба-победителя и народ неистово рукоплескал, Гай бросился вон из амфитеатра с такой стремительностью, что наступил на край своей тоги и покатился по ступеням, негодуя и восклицая, что народ, владыка мира, из-за какого-то пустяка оказывает гладиатору больше чести, чем обожествленным правителям и даже ему самому!

36. Стыдливости он не щадил ни в себе, ни в других. С Марком Лепидом, с пантомимом Мнестером, с какими-то заложниками он, говорят, находился в постыдной связи. Валерий Катулл, юноша из консульского рода, заявлял во всеуслышанье, что от забав с императором у него болит поясница. Не говоря уже о его кровосмешении с сестрами и о его страсти к блуднице Пираллиде, ни одной именитой женщины он не оставлял в покое. (2) Обычно он приглашал их с мужьями к обеду, и когда они проходили мимо его ложа, осматривал их пристально и не спеша, как работорговец, а если иная от стыда опускала глаза, он приподнимал ей лицо своею рукою. Потом он при первом желании выходил из обеденной комнаты и вызывал к себе ту, которая больше всего ему понравилась; а вернувшись, еще со следами наслаждений на лице, громко хвалил или бранил ее, перечисляя в подробностях, что хорошего и плохого нашел он в ее теле и какова она была в постели. Некоторым в отсутствие мужей он послал от их имени развод и велел записать это в ведомости.

37. В роскоши он превзошел своими тратами самых безудержных расточителей. Он выдумал неслыханные омовения, диковинные яства и пиры — купался в благовонных маслах, горячих и холодных, пил драгоценные жемчужины, растворенные в укусе, сотрапезникам раздавал хлеб и закуски на чистом золоте: «нужно жить или скромником, или цезарем!» — говорил он. Даже деньги в немалом количестве он бросал в народ с крыши Юлиевой базилики несколько дней подряд. (2) Он построил либурнские галеры в десять рядов весел, с жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоями, даже с виноградниками и плодовыми садами всякого рода: пируя в них средь бела дня, он под музыку и пенье плавал вдоль побережья Кампании. Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, стараясь лишь о том, чтобы построить то, что построить казалось невозможно. (3) И оттого поднимались плотины в глубоком и

бурном море, в кремневых утесах прорубались проходы, долины насыпями возвышались до гор, и горы, перекопанные, сравнивались с землей,— и все это с невероятной быстротой, потому что за промедление платились жизнью. Чтобы не вдаваться в подробности, достаточно сказать, что огромные состояния и среди них все наследство Тиберия Цезаря — два миллиарда семьсот миллионов сестерциев — он промотал меньше чем в год.

38. Тогда, истощившись и оскудев, он занялся грабежом, прибегая к исхищеннейшим наветам, торгам и налогам. Он отказывал в римском гражданстве всем, чьи предки приобрели его для себя и для потомства, исключая лишь их сыновей,— только к первому поколению относил он названия «потомки»; а когда ему приносили грамоты божественного Юлия и Августа, он отбрасывал их как устарелые и недействительные. Он обвинял в ложной оценке имущества всех, у кого со времени переписи состояния почему-нибудь возросли. Завещания старших центурионов, где не были названы наследниками ни Тиберий после его прихода к власти, ни он сам, были им уничтожены за неблагодарность, а завещания остальных граждан, о которых он слышал, будто они подумывали оставить наследство Цезарю,— как пустые и недействительные. Этим он нагнал такого страху, что даже незнакомые люди стали во всеуслышанье объявлять его сонаследником родственников, родители — сонаследником детей; а он, считая издевательством, что после такого объявления они еще продолжают жить, многим из них потом послал отравленные лакомства. (3) По таким делам он сам вел следствия, заранее назначая сумму, которую намерен был собрать, и не вставал с места, пока ее не достигал. Ни малейшей задержки не допускалось: однажды он одним приговором осудил больше сорока человек по самым разным обвинениям, и потом похвастался перед Цезонией, проснувшейся после дневного сна, сколько он дела переделал, пока она отдыхала.

(4) Торги он устраивал, предлагая для распродажи все, что оставалось после больших зрелищ, сам назначал цены и взвинчивал их до того, что некоторые, принужденные к какой-нибудь покупке, теряли на ней все свое состояние и вскрывали себе вены. Известно, как однажды Апоний Сатурнин задремал на скамьях покупателей, и Гай посоветовал глашатаю обратить внимание на этого бывшего претора, который на все кивает головой; и закончился торг не раньше, чем ему нежданно были проданы тринадцать гладиаторов за девять миллионов сестерциев. 39. Даже в Галлии он после осуждения сестер устроил распродажу их уборов, утвари, рабов и даже вольноотпущенников по небывалым ценам; эта прибыль его так прельстила, что он выписал из Рима все убранство старого двора, а для доставки собрал все наемные повозки и всю вьючную скотину с мельниц, так что в Риме и хлеба подчас не хватало, и в суде многие, не в силах поспеть к обещанному сроку, проигрывали свои дела. (2) Чтобы распродать эту утварь, он не жалел ни обманов, ни заиски-

ваний: то попрекал покупателей скарденостью за то, что им не стыдно быть богаче императоров, то притворно жалел, что должен уступать имущество правителей частным лицам. Однажды он узнал, что один богач из провинции заплатил двести тысяч его рабам, рассылавшим приглашения, чтобы хитростью попасть к нему на обед; он остался доволен тем, что эта честь в такой цене, и на следующий день на распродаже послал вручить богачу какую-то безделицу за двести тысяч и позвать на обед от имени самого Цезаря.

40. Налоги он собирал новые и небывалые — сначала через откупщиков, а затем, так как это было выгоднее, через преторианских центурионов и трибунов. Ни одна вещь, ни один человек не оставались без налога. За все съестное, что продавалось в городе, взималась твердая пошлина; со всякого судебного дела заранее взыскивалась сороковая часть спорной суммы, а кто отступался или договаривался без суда, тех наказывали; носильщики платили восьмую часть дневного заработка; проститутки — цену одного сношения; и к этой статье закона было прибавлено, что такому налогу подлежат и все, кто ранее занимался блудом или сводничеством, даже если они с тех пор вступили в законный брак. 41. Налоги такого рода объявлены были устно, но не вывешены письменно, и по незнанию точных слов закона часто допускались нарушения; наконец, по требованию народа, Гай вывесил закон, но написал его так мелко и повесил в таком тесном месте, чтобы никто не мог списать. А чтобы не упустить никакой наживы, он устроил на Палатине лупанар: в бесчисленных комнатах, отведенных и обставленных с блеском, достойным дворца, предлагали себя замужние женщины и свободнорожденные юноши, а по рынкам и базиликам были посланы глашатаи, чтобы стар и млад шел искать наслаждений; посетителям предоставлялись деньги под проценты, и специальные слуги записывали для общего сведения имена тех, кто умножает доходы Цезаря. (2) Даже из игры в кости не погнушался он извлечь прибыль, пускаясь и на плутовство и на ложные клятвы. А однажды он уступил свою очередь следующему игроку, вышел в атрий дворца и, увидев двух богатых римских всадников, проходящих мимо, приказал тотчас их схватить и лишить имущества, а потом вернулся к игре, похваляясь, что никогда не был в таком выигрыше.

42. Когда же у него родилась дочь, то он, ссылаясь уже не только на императорские, но и на отцовские заботы, стал требовать приношений на ее воспитание и приданое. Объявив эдиктом, что на новый год он ждет подарков, он в календы января встал на пороге дворца и ловил монеты, которые проходящий толпами народ всякого звания сыпал ему из горстей и подолов. Наконец, обуянный страстью почувствовать эти деньги на ощупь, он рассыпал огромные кучи золотых монет по широкому полу и часто ходил по ним босыми ногами или подолгу катался по ним всем телом.

43. Войной и военными делами занялся он один только раз, да и то неожиданно. Однажды, когда он ехал в Меванию посмотреть на источник и рошу Клитумна, ему напомнили, что пора пополнить окружавший его отряд батавских телохранителей. Тут ему и пришло в голову предпринять поход в Германию; и без промедления, созвав отовсюду легионы и вспомогательные войска, произведя с великой строгостью новый повсеместный набор, заготовив столько припасов, сколько никогда не видавали, он отправился в путь. Двигался он то стремительно и быстро, так что преторианским когортам иногда приходилось вопреки обычаям вычлечь знамена на мулов, чтобы догнать его, то вдруг медленно и лениво, когда носилки его несли восемь человек, а народ из окрестных городов должен был разметать перед ним дорогу и обрызгивать пыль. 44. Прибыв в лагерь, он захотел показать себя полководцем деятельным и строгим: легатов, которые с опозданием привели вспомогательные войска из разных мест, уволил с бесчестьем, старших центурионов, из которых многим в их преклонном возрасте оставались считанные дни до отставки, он лишил звания под предлогом их дряхлости и бессилия, а остальных выбрал за жадность и выслуженное ими жалованье сократил до шести тысяч.

(2) Однако за весь этот поход он не совершил ничего: только когда под его защиту бежал с маленьким отрядом Адмоний, сын британского царя Кинобеллина, изгнанный отцом, он отправил в Рим пышное донесение, будто ему покорился весь остров, и велел гонцам не слезать с колесницы, пока не придут прямо на форум, к дверям курии, чтобы только в храме Марса, перед лицом всего сената передать его консулам. 45. А потом, так как воевать было не с кем, он приказал нескольким германцам из своей охраны переправиться через Рейн, скрыться там и после дневного завтрака отчаянным шумом возвестить о приближении неприятеля. Все было исполнено: тогда он с ближайшими спутниками и отрядом преторианских всадников бросается в соседний лес, обрубает с деревьев ветки и, украсив стволы наподобие трофеев, возвращается при свете факелов. Тех, кто не пошел за ним, он разбрал за трусость и малодушие, а спутников и участников победы наградил венками нового имени и вида: на них красовались солнце, звезды и луна, и назывались они «разведочными». (2) В другой раз он приказал забрать нескольких мальчиков-заложников из школы и тайно послать их вперед, а сам, внезапно оставив званый пир, с конницей бросился за ними вслед, схватил, как беглецов, и в цепях привел назад — и в этой комедии, как всегда, он не знал меры. Когда он вернулся на пир, солдаты ему донесли, что отряд вернулся из погони; на это он им предложил, как есть, не снимая доспехов, занять места за столом, и даже произнес, ободряя их, известный стих Вергилия:

Будьте тверды и храните себя для грядущих успехов.

(3) И в то же время он гневным эдиктом заочно порицал сенат и народ за то, что они, между тем как Цезарь сражается среди стольких опасностей, наслаждаются несвоевременными пирами, цирком, театром и отдыхом на прекрасных виллах.

46. Наконец, словно собираясь закончить войну, он выстроил войско на морском берегу, расставил баллисты и другие машины, и между тем, как никто не знал и не догадывался, что он думает делать, вдруг приказал всем собирать раковины в шлемы и складки одежд — это, говорил он, добыча Океана, которую он шлет Капитолию и Палатину. В память победы он воздвиг высокую башню, чтобы она, как Фаросский маяк, по ночам огнем указывала путь кораблям. Воинам он пообещал в подарок по сотне денариев каждому и, словно это было беспредельной щедростью, воскликнул: «Ступайте же теперь, счастливые, ступайте же, богатые!»

47. После этого он обратился к заботам о триумфе. Не довольствуясь варварскими пленниками и перебежчиками, он отобрал из жителей Галлии самых высоких и, как он говорил, *пригодных для триумфа*, а также некоторых князей: их он приберег для торжества, заставив не только отрастить и окрасить в рыжий цвет волосы, но даже выучить германский язык и принять варварские имена. Триремы, на которых он выходил в Океан, было приказано почти все доставить в Рим сухим путем. А казнохранителям своим он написал, чтобы триумф они подготовили такой, какого никто не видел, но тратились бы на него как можно меньше: ведь в их распоряжении — имущество всего населения.

48. Прежде чем покинуть провинцию, он задумал еще одну чудовищную жестокость: истребить все легионы, бунтовавшие после смерти Августа, за то, что они держали когда-то в осаде его самого младенцем и его отца Германика, своего полководца. Его с трудом отговорили от этого безумного намеренья, но ничем не могли удержать от желанья казнить хотя бы каждого десятого. И вот, созвав легионеров на сходку, безоружных, даже без мечей, он окружил их вооруженною конницей; (2) но, заметив, что многие догадываются, в чем дело, и пробираются к своему оружию, чтобы дать отпор, он бежал со сходки и прямо направился в Рим. Теперь всю свою ненависть он обратил на сенат; чтобы пресечь столь позорные для него слухи, он осыпал сенат угрозами, жалуясь даже на то, будто ему было отказано в законном триумфе, между тем как незадолго до того сам под страхом смерти запретил назначать ему почести. 49. Потому-то, когда в пути к нему явились представители высшего сословия, умоляя его поспешить, он ответил им громовым голосом: «Я приду, да, приду, и со мною — вот кто», — и похлопал по рукояти меча, висевшего на поясе. А в эдикте он объявил, что возвращается только для тех, кто его желает, — для всадников и народа; для сената же он не будет более ни гражданином, ни принцепсом. (2) Он даже запретил кому-либо из сенаторов выходить к нему навстречу.

Таким-то образом, отменив или отсрочив триумф, только с овацией он в самый день своего рождения вступил в Рим.

Четыре месяца спустя он погиб, совершив великие злодеяния и замышляя еще большие. Так, он собирался переселиться в Анций, а потом — в Александрию, перебив сперва самых лучших мужей из обоих сословий. (3) Это не подлежит сомнению: в его тайных бумагах были найдены две тетрадки, каждая со своим заглавием — одна называлась «Меч», другая — «Кинжал»; в обоих были имена и заметки о тех, кто должен был умереть. Обнаружен был и огромный ларь, наполненный различными отравками. Клавдий потом велел бросить его в море, и зараза, говорят, была от этого такая, что волны прибывали отравленную рыбу к окрестным берегам.

50. Росту он был высокого, цветом лица очень бледен, тело грузное, шея и ноги очень худые, глаза и виски впалые, лоб широкий и хмурый, волосы на голове — редкие, с плешью на темени, а по телу — густые. Поэтому считалось смертным преступлением посмотреть на него сверху, когда он проходил мимо, или произнести ненароком слово «коза». Лицо свое, уже от природы дурное и отталкивающее, он старался сделать еще свирепее, перед зеркалом наводя на него пугающее и устрашающее выражение.

(2) Здоровьем он не отличался ни телесным, ни душевным. В детстве он страдал падучей; в юности хоть и был вынослив, но по временам от внезапной слабости почти не мог ни ходить, ни стоять, ни держаться, ни прийти в себя. А помраченность своего ума он чувствовал сам, и не раз помышлял удалиться от дел, чтобы очистить мозг. Думают, что его опоила Цезония зельем, которое должно было возбудить в нем любовь, но вызвало безумие. В особенности его мучила бессонница. По ночам он не спал больше чем три часа подряд, да и то беспокойно: странные видения тревожили его, однажды ему приснилось, будто с ним разговаривает какой-то морской призрак. Поэтому, не в силах лежать без сна, он большую часть ночи проводил то сидя на ложе, то блуждая по бесконечным переходам и вновь и вновь призывая желанный рассвет.

51. Есть основания думать, что из-за помрачения ума в нем и уживались самые противоположные пороки — непомерная самоуверенность и в то же время отчаянный страх. В самом деле: он, столь презиравший самих богов, при малейшем громе и молнии закрывал глаза и закутывал голову, а если гроза была по сильнее — вскакивал с постели и забивался под кровать. В Сицилии во время своей поездки он жестоко издевался над всеми местными святынями, но из Мессаны вдруг бежал среди ночи, уstraшенный дымом и грохотом кратера Этны. (2) Перед варварами он был щедр на угрозы; но когда он однажды за Рейном ехал в повозке через узкое ущелье, окруженный густыми рядами солдат, и кто-то промолвил, что появился только откуда-нибудь неприятель, и будет знатная резня, — он тотчас вскочил на коня

и стремглав вернулся к мостам; и так как они были загромождены обозом и прислугой, а он не желал ждать, то его переправили на другой берег над головами людей, передавая из рук в руки. (3) А потом, когда разнесся слух о восстании германцев, он бросился готовить бегство и флот для бегства, надеясь найти единственное прибежище в заморских провинциях, если победители захватят Альпы, как кимвры, или даже Рим, как сеныны. Вот почему, вероятно, его убийцы решили унять возмущенных солдат выдумкой, будто он при вести о поражении в ужасе наложил на себя руки.

52. Одежда, обувь и остальной его обычный наряд был недостойн не только римлянина и не только гражданина, но и просто мужчины и даже человека. Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда — в шелках и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны, то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли; много раз он появлялся с позолоченной бородой, держа в руке молнию, или трезубец, или жезл — знаки богов, — или даже в облачении Венеры. Триумфальное одеяние он носил постоянно даже до своего похода, а иногда надевал панцирь Александра Великого, добытый из его гробницы.

53. Из благородных искусств он меньше всего занимался наукою и больше всего — красноречием, всегда способный и готовый выступить с речью, особенно если надо было кого-нибудь обвинять. В гневе он легко находил и слова, и мысли, и нужную выразительность, и голос: от возбуждения он не мог стоять на одном месте, и слова его доносились до самых дальних рядов. (2) Приступая к речи, он грозился, что обнажает меч, отточенный ночными бдениями. Слог изящный и мягкий презирал он настолько, что сочинения Сенеки, который был тогда в расцвете славы, он называл «школярством чистой воды» и «песком без извести». На успешные речи других ораторов он даже писал ответы, а когда видные сенаторы попадали под суд, он сочинял о них и обвинительные и защитительные речи и, судя по тому, что получалось более складно, губил или спасал их своим выступлением: на эти речи он приглашал эдиктами даже всадников.

54. Однако с особенной страстью занимался он искусствами иного рода, самыми разнообразными. Гладиатор и возница, певец и плясун, он сражался боевым оружием, выступал возницей в повсюду выстроенных цирках, а пением и пляской он так наслаждался, что даже на всенародных зрелищах не мог удержаться, чтобы не подпевать трагическому актеру и не вторить у всех на глазах движениям плясуна, одобряя их и поправляя. (2) Как кажется, в самый день своей гибели он назначил ночное празднество именно с тем, чтобы воспользоваться его обычной вольностью для первого выступления на сцене. Плясал он иногда даже среди ночи: однажды за полночь он вызвал во дворец трех сенаторов консульского звания, рассадил их на сцене, трепещущих в ожидании самого страшного, а потом вдруг выбе-

жал к ним под звуки флейт и трещоток, в женском покрывале и тунике до пят, проплясал танец и ушел. Однако при всей своей ловкости плавать он не умел.

55. Чем бы он ни увлекался, в своей страсти он доходил до безумия. Пантомима Мнестера он целовал даже среди представления; а если кто во время его пляски поднимал хоть малейший шум, того он приказывал гнать с его места и бичевал собственноручно. Одному римскому всаднику, который шумел, он через центуриона прислал приказ тотчас отправиться в Остию и отвезти царю Птолемею в Мавританию императорское письмо, а в письме было написано: «Человеку, который это привез, не делай ни добра, ни худа». (2) Нескольких гладиаторов-фракийцев он поставил начальниками над германскими телохранителями, гладиаторам-мирмиллонам он убавил вооружение; а когда один из них, по прозвищу Голубь, одержал победу и был лишь слегка ранен, он положил ему в рану яд и с тех пор называл этот яд «голубиным» — по крайней мере, так он был записан в списке его отрав. В цирке он так был привержен и привязан к партии «зеленых», что много раз и обедал в конюшнях, и ночевал, а вознице Евтиху после какой-то пирушки дал в подарок два миллиона сестерциев. (3) Своего коня Быстроногого он так оберегал от всякого беспокойства, что всякий раз накануне скачек посылал солдат наводить тишину по соседству; он не только сделал ему конюшню из мрамора и ясли из слоновой кости, не только дал пурпурные покрывала и жемчужные ожерелья, но даже отвел ему дворец с прислугой и утварью, куда от его имени приглашал и охотно принимал гостей; говорят, он даже собирался сделать его консулом.

56. Среди этих безумств и разбоев многие готовы были покончить с ним; но один или два заговора были раскрыты, и люди медлили, не находя удобного случая. Наконец два человека соединились между собой и довели дело до конца, не без ведома влиятельных вольноотпущенников и преторианских начальников. Они уже были оговорены в причастности к одному заговору, и хотя это была клевета, они чувствовали подозрение и ненависть Гая; тогда он тотчас отвел их в сторону, поносил жестокими словами, обнажил меч с клятвой, что готов умереть, если даже в их глазах он достоин смерти, и с тех пор не переставал обвинять их друг перед другом и ссорить.

(2) Решено было напасть на него на Палатинских играх, в полдень, при выходе с представлений. Главную роль взял на себя Кассий Херея, трибун преторианской когорты, над которым, несмотря на его пожилой возраст, Гай не уставал всячески издеваться: то обзывал его неженкой и бабнем, то назначал ему как пароль слова «Приап» или «Венера», то предлагал ему в благодарность за что-то руку для поцелуя, сложив и двигая ее непристойным образом.

57. Убийство было предвещено многими знаменьями. В Олимпии статуя Юпитера, которую он приказал разобрать и перевезти в Рим, разразилась вдруг таким раскатом хохота, что

машины затряслись, а работники разбежались; а случившийся при этом человек, по имени Кассий, заявил, что во сне ему было велено принести в жертву Юпитеру быка. (2) В Капуе в иды марта молния ударила в Капитолий, а в Риме — в комнату дворцового привратника; и нашлись толкователи, уверявшие, что одно знамение возвещало опасность господину от слуг, а другое — новое великое убийство, как некогда в тот же день. Астролог Сулла на вопрос о его гороскопе объявил, что близится неминуемая смерть. (3) Оракулы Фортуны Антийской также указали ему остерегаться Кассия: из-за этого он послал убить Кассия Лонгина, который был тогда проконсулом Азии, но не подумал, что Херею тоже зовут Кассием. Сам он накануне гибели видел сон, будто он стоит на небе возле трона Юпитера, и бог, толкнув его большим пальцем правой ноги, низвергает его на землю. Вещими сочтены были и некоторые события, случившиеся немного ранее в самый день убийства. Принося жертву, он был забрызган кровью фламинго; пантомим Мнестер танцевал в той самой трагедии, которую играл когда-то трагический актер Неоптолем на играх, во время которых убит был Филипп, царь македонян; а когда в миме «Лавреол», где актер, выбегая из-под обвала, харкает кровью, вслед за ним стали наперебой показывать свое искусство подставные актеры, то вся сцена оказалась залита кровью. К ночи же готовилось представление, в котором египтяне и эфиопы должны были изображать сцены из загробной жизни.

58. Дело было в восьмой день до февральских календ около седьмого часа. Он колебался, идти ли ему к дневному завтраку, так как еще чувствовал тяжесть в желудке от вчерашней пищи; наконец, друзья его уговорили, и он вышел. В подземном переходе, через который ему нужно было пройти, готовились к выступлению на сцене знатные мальчики, выписанные из Азии. Он остановился посмотреть и похвалить их; и если бы первый актер не сказался простуженным, он уже готов был вернуться и возобновить представление.

(2) О дальнейшем рассказывают двойкою. Одни говорят, что, когда он разговаривал с мальчиками, Херея, подойдя к нему сзади, ударом меча глубоко разрубил ему затылок с криком: «Делай свое дело!» — и тогда трибун Корнелий Сабин, второй заговорщик, спереди пронзил ему грудь. Другие передают, что когда центурионы, посвященные в заговор, оттеснили толпу спутников, Сабин, как всегда, спросил у императора пароль; тот сказал: «Юпитер»; тогда Херея крикнул: «Получай свое!» — и когда Гай обернулся, рассек ему подбородок. (3) Он упал, в судорогах крича: «Я жив!» — и тогда остальные прикончили его тридцатью ударами — у всех был один клич: «Бей еще!» Некоторые даже били его клинком в пах. По первому шуму на помощь прибежали носильщики с шестами, потом — германцы-телохранители; некоторые из заговорщиков были убиты, а с ними и несколько неповинных сенаторов.

59. Прожил он двадцать девять лет, правил три года, десять

месяцев и восемь дней. Тело его тайно унесли в Ламиевы сады, сожгли наполовину на погребальном костре и кое-как забросали дерном. Потом уже его вырыли, сожгли и погребли возвратившиеся из изгнания сестры. До этого, как известно, садовников не переставали тревожить привидения; а в доме, где он был убит, нельзя было ночи проспать без ужаса, пока самый дом не сгорел во время пожара. Вместе с ним погибли и жена его Цезония, зарубленная центурионом, и дочь, которую разбили об стену.

60. Каковы были эти времена, можно судить по тому, что даже вести об убийстве люди поверили не сразу: подозревали, что Гай сам выдумал и распустил слух об убийстве, чтобы разузнать, что о нем думают люди. Заговорщики никому не собирались вручать власть, а сенат с таким единодушием стремился к свободе, что консулы созвали первое заседание не в Юлиевой курии, а на Капитолии, и некоторые, подавая голос, призывали истребить память о цезарях и разрушить их храмы. Но прежде всего было замечено и отмечено, что все цезари, носившие имя Гай, погибли от меча, начиная с того, который был убит еще во времена Цинны.

БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ

1. Отцом Клавдия Цезаря был Друз, сначала носивший имя Децима, а потом — Нерона. Ливия была им беременна, когда выходила замуж за Августа, и родила его три месяца спустя: поэтому было подозрение, что прижит он от прелюбодеяния с отчимом. Во всяком случае, об этом был пущен стишок:

Везучие родят на третьем месяце.

(2) Этот Друз в сане квестора и претора был полководцем в ретийской и потом в германской войне, первым из римских военачальников совершил плавание по северному Океану и прорыл за Рейном каналы для кораблей — огромное сооружение, до сих пор носящее его имя. Врага он разгромил во многих битвах, оттеснил в самую дальнюю глушь, и лишь тогда остановил свой натиск, когда призрак варварской женщины, выше человеческого роста, на латинском языке запретил победителю двигаться далее.

(3) За свои подвиги он был удостоен овации и триумфальных украшений. А после претуры он тотчас получил консульство и возобновил войну; но тут он умер от болезни в летнем лагере, который с тех пор называется «Проклятым». Тело его несли в Рим знатнейшие граждане муниципиев и колоний, от них его приняли вышедшие им навстречу декурии писцов, и погребено оно было на Марсовом поле. Войско в честь его насыпало курган, вокруг которого каждый год в установленный день солдаты устраивали погребальный бег и перед которым галльские общины совершали всенародные молебствия, а сенат среди многих других почестей постановил воздвигнуть арку с трофеями на Аппиевой дороге и присвоить прозвище «Германик» ему и его потомкам.

(4) Говорят, он равно любил и воинскую славу и гражданскую свободу: не раз в победах над врагом он добывал знатнейшую добычу, с великой опасностью гонясь за германскими вождями сквозь гущу боя, и всегда открыто говорил о своем намерении при первой возможности восстановить прежний государственный строй. Потому-то, я думаю, и сообщают некоторые, будто Август стал его подозревать, отозвал из провинции и, так как тот медлил, отравил его ядом. (5) Но этот слух я упоминаю лишь затем, чтобы ничего не пропустить, а не оттого, будто считаю его истинным или правдоподобным: ведь Август и при жизни так

его любил, что всегда назначал сонаследником сыновьям, о чем сам однажды заявлял в сенате, и после его смерти так восхвалял его перед народом, что даже молил богов, чтобы молодые цезари были во всем ему подобны, и чтобы сам он мог умереть так же достойно, как умер Друз. И, не довольствуясь этой похвалою, гробницу его он украсил стихами своего сочинения, а о жизни его написал воспоминания в прозе.

(6) От Антонии Младшей у него было много детей, но пережили его только трое: Германик, Ливилла и Клавдий.

2. Клавдий родился в консульство Юла Антония и Фабия Африкана, в календы августа, в Лугдуне, в тот самый день, когда там впервые был освящен жертвенник Августу. Назван он был Тиберий Клавдий Друз; потом, когда его старший брат был усыновлен в семействе Юлиев, он принял и прозвище «Германик». В младенчестве он потерял отца, в течение всего детства и юности страдал долгими и затяжными болезнями, от которых так ослабел умом и телом, что в совершенных летах считался не способным ни к каким общественным или частным делам. (2) Даже после того, как он вышел из-под опеки, он еще долго оставался в чужой власти и под присмотром дядьки: и он потом жаловался в одной своей книге, что дядькой к нему нарочно приставили варвара, бывшего конюшего, чтобы тот его жестоко наказывал по любому поводу. Из-за того же нездоровья он и на гладиаторских играх, которые давал вместе с братом в память отца, сидел на распорядительском месте в шапке, чего никогда не водилось, и в день совершеннолетия был доставлен на Капитолий в носилках, среди ночи, и без всякой обычной торжественности. 3. Правда, в благородных науках он с юных лет обнаружил незаурядное усердие, и не раз даже издавал свои опыты в той или иной области; но и этим не мог он ни добиться уважения, ни внушить надежды на лучшее свое будущее.

(2) Мать его Антония говорила, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, и, желая укорить когнибудь в тупоумии, говорила: «глупей моего Клавдия». Бабка его Августа всегда относилась к нему с глубочайшим презрением, говорила с ним очень редко, и даже замечания ему делала или в записках, коротких и резких, или через рабов. Сестра его Ливилла, услышав, что ему суждено быть императором, громко и при всех проклинала эту несчастную и недостойную участь римского народа. А что хорошего и что плохого находил в нем Август, его внучатый дядя, о том я для ясности приведу отрывки из его собственных писем.

4. «По твоей просьбе, дорогая Ливия, я беседовал с Тиберием о том, что нам делать с твоим внуком Тиберием на Марсовых играх. И оба мы согласились, что надо раз навсегда установить, какого отношения к нему держаться. Если он человек, так сказать, *полноценный*, и у него *все на месте*, то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, какой прошел его брат? (2) Если же мы чувствуем, что он *поврежден и телом*

и душой, то и не следует давать повод для насмешек над ним и над нами тем людям, которые привыкли хихикать и потешаться над вещами такого рода. Нам придется вечно ломать себе голову, если мы будем думать о каждом шаге отдельно и не решим заранее, допускать его к должности или нет. (3) В данном же случае — отвечаю на твой вопрос — я не возражаю, чтобы на Марсовых играх он устраивал угощение для жрецов, если только он согласится слушаться Сильванова сына, своего родственника, чтобы ничем не привлечь внимания и насмешек. Но смотреть на скачки в цирке со священного ложа ему незачем — сидя впереди всех, он будет только обращать на себя внимание. Незачем ему и идти на Альбанскую гору, и вообще оставаться в Риме на Латинские игры: коли он может сопровождать брата на гору, то почему бы ему не быть и префектом Рима? (4) Вот тебе мое мнение, дорогая Ливия: нам надо обо всем этом принять решение раз и навсегда, чтобы вечно не трястись между надеждой и страхом. Если хочешь, можешь эту часть письма дать прочесть нашей Антонии».

И в другом письме: (5) «Юного Тиберия, пока тебя нет, я буду каждый день звать к обеду, чтобы он не обедал один со своими Сульпицием и Афинодором. Хотелось бы, чтобы он осмотрительней и не столь рассеянно выбирал себе образец для подражания и в повадках, и в платье, и в походке. Бедняжке не везет: ведь в предметах важных, когда ум его тверд, он достаточно обнаруживает благородство души своей».

И в третьем письме: (6) «Хоть убей, я сам изумлен, дорогая Ливия, что декламация твоего внука Тиберия мне понравилась. Понять не могу, как он мог, декламируя, говорить все, что нужно, и так связно, когда обычно говорит столь бессвязно».

(7) После всего этого в решении Августа не приходится сомневаться: он отстранил его от всех должностей, кроме лишь авгурства, и даже наследником его оставил только в третью очередь, среди людей совсем посторонних, и только в шестой части, а в подарок отказал лишь восемьсот тысяч сестерциев. 5. А Тиберий, его дядя, в ответ на его просьбы о должности, предоставил ему только знаки консульского достоинства; когда же тот упорствовал, требуя настоящей должности, Тиберий коротко написал, что уже послал ему сорок золотых на Сатурналии и Сигилларии. Тогда лишь он оставил всякую надежду на возвышение и удалился от всяких дел, укрываясь то в садах и загородном доме, то на кампанской вилле; и так он жил в обществе самых низких людей, усугубляя позор своего тупоумия дурной славой игрока и пьяницы.

Однако, несмотря на это, ни люди не отказывали ему в знаках внимания, ни государство в уважении. 6. Всадническое сословие дважды выбирало его главою посольства к консулам — один раз, прося дозволения на своих плечах перенести тело Августа в Рим, другой раз — принося поздравления после низвержения Сеяна; а когда он входил в театр, они всегда вставали и обнажали

головы. (2) А сенат со своей стороны причислил его сверх счета к избранным по жребию жрецам Августа, а потом постановил отстроить на государственный счет его дом, сгоревший во время пожара, и дать ему право голосовать в числе консуляров. Впрочем, Тиберий отменил последнее постановление, сославшись на слабосилье Клавдия и обещав возместить ему убыток из собственных средств. Однако, умирая, он назначил его наследником в третью очередь и в третьей части, отказал ему в подарок два миллиона сестерциев и вдобавок особо указал на него войскам, сенату и народу римскому, перечисляя в завещании своих родственников.

7. Только в правление Гая, его племянника, когда тот по приходе к власти всяческими заискиваниями старался приобрести добрую славу, был он допущен к высоким должностям и два месяца разделял с ним консульство; и случилось так, что когда он впервые вступал на форум с консульскими фасками, то на правое плечо ему опустил форс пролетавший мимо орел. Назначено ему было и второе консульство, по жребию, через три года. Несколько раз он заменял Гая, распорядясь на зрелищах, и народ приветствовал его криками: «Да здравствует дядя императора!» и «Да здравствует брат Германика!»

8. Но и это не избавляло его от оскорблений. Так, если он опаздывал на обед к назначенному часу, то он находил себе место не сразу, да и то разве обойдя всю палату. А когда, наевшись, начинал дремать — это с ним бывало частенько, — то шуты бросали в него косточками фиников или маслин, а иной раз, словно в шутку, будили хлыстом или прутьями; любили они также, пока он храпел, надевать ему на руки сандали, чтобы он, внезапно разбуженный, тер себе ими лицо.

9. Не миновал он и настоящих опасностей. Прежде всего, в самое свое консульство он едва не лишился должности за то, что недостаточно быстро распорядился приготовить и поставить статуи Нерона и Друза, братьев Цезаря. Потом его не оставляли в покое разные доносы, не только от людей посторонних, но даже от собственных слуг. А когда после раскрытия заговора Германика он с другими посланцами поехал в Германию поздравить императора, то едва не погиб: Гай был в диком негодовании и ярости, оттого что к нему нарочно прислали его дядю, словно к мальчишке для надзора, и некоторые даже сообщают, будто его, как он был, в дорожной одежде, бросили в реку. (2) И с тех пор в сенате он всегда подавал голос последним из консуляров, так как в знак бесчестия его спрашивали позже всех. Даже одно завещание, на котором стояла и его подпись, было принято к обжалованию как подложное. Наконец, его заставили заплатить восемь миллионов сестерциев за новый жреческий сан, и это так подорвало его средства, что он не мог вернуть свой долг государственной казне, и по указу префектов казначейства его имущество было предложено к продаже с торгов безоговорочно, согласно закону о налогах.

10. В таких и подобных обстоятельствах прожил он большую часть жизни, как вдруг поистине удивительным случаем достиг императорской власти. Когда, готовясь напасть на Гая, заговорщики оттесняли от него толпу, будто император желал остаться один, Клавдий был вытолкнут вместе с остальными и скрылся в комнату, называемую Гермесовой; оттуда при первом слухе об убийстве он в испуге бросился в соседнюю солнечную галерею и спрятался за занавесью у дверей. (2) Какой-то солдат, пробежавший мимо, увидел его ноги, захотел проверить, кто там прячется, узнал его, вытащил, и когда тот в страхе припал к его ногам, приветствовал его императором и отвел к своим товарищам, которые попусту буйствовали, не зная, что делать дальше. Они посадили его на носилки, и так как носильщики разбежались, то сами, поочередно сменяясь, отнесли его к себе в лагерь, дрожащего от ужаса, а встречная толпа его жалела, словно это невинного тащили на казнь.

(3) Ночь он провел за лагерным валом, окруженный стражей, успокоившись за свою жизнь, но тревожась за будущее. Дело в том, что консулы, сенат и городские когорты заняли форум и Капитолий, в твердом намерении провозгласить всеобщую свободу. Его также приглашали через народных трибунов в курию, чтобы участвовать в совете, а он отвечал, что его удерживают сила и принуждение. (4) Однако на следующий день, когда сенат, утомленный разногласием противоречивых мнений, медлил с выполнением своих замыслов, а толпа стояла кругом, требовала единого властителя, и уже называла его имя, — тогда он принял на вооруженной сходке присягу от воинов и обещал каждому по пятнадцать тысяч сестерциев — первый среди цезарей, купивший за деньги преданность войска.

11. Утвердившись во власти, он раньше всего иного позаботился изгладить из памяти те два дня, когда под сомнением была прочность государственного устройства. Поэтому все, что было связано и сделано в это время, он постановил простить и предать забвению, и постановление это выполнил: казнены были лишь несколько трибунов и центурионов из участников заговора против Гая — как для примера, так и оттого, что они, как открылось, требовали умертвить и его. (2) Затем он воздал долг почтения родственникам. Имя Августа стало у него самой священной и самой любимой клятвой. Бабке своей Ливии назначил он божеские почести и колесницу в цирковой процессии, запряженную четырьмя слонами, как у Августа. Родителям назначил всенародные поминальные жертвы, и вдобавок для матери — колесницу в цирке и имя Августы, отвергнутое ею при жизни. Память брата прославлял он при всяком удобном случае, а на состязаниях в Неаполе даже поставил в его честь греческую комедию и по приговору судей сам наградил за нее венком. (3) Даже Марка Антония не обошел он почетом и признательностью, упомянув однажды в эдикте, что день рождения отца своего Друза он тем более хочет отметить торжеством, оттого что это и день рожде-

ния деда его Антония. Тиберию посвятил он мраморную арку близ театра Помпея, которую сенат когда-то постановил построить, но не построил. И хотя все постановления Гая он отменил, однако день его гибели и своего прихода к власти запретил считать праздником.

12. Сам он в своем возвышении держался скромно, как простой гражданин. Имя императора он отклонил, непомерные почести отверг, помолвку дочери и рождение внука отпраздновал обрядами без шума, в семейном кругу. Ни одного ссыльного он не возвратил без согласия сената. О том, чтобы ему позволено было вводить с собою в курию префекта преторианцев или войсковых трибунов и чтобы утверждены были судебные решения его прокураторов, он просил как о милости. (2) На открытие рынка в собственных имениях он испрашивал дозволения консулов. При должностных лицах он сидел на судах простым советником; на зрелищах, ими устроенных, он вместе со всей толпой вставал и приветствовал их криками и рукоплесканиями. Когда однажды народные трибуны подошли к нему в суде, он попросил прощения, что из-за тесноты вынужден выслушивать их, не усадив.

(3) Всем этим он в недолгий срок снискал себе великую любовь и привязанность. Когда во время его поездки в Остию распространился слух, будто он попал в засаду и был убит, народ был в ужасе и осыпал страшными проклятиями и воинов, словно изменников, и сенаторов, словно отцеубийц, пока наконец магистраты не вывели на трибуну сперва одного вестника, потом другого, а потом и многих, которые подтвердили, что Клавдий жив, невредим и уже подъезжает к Риму.

13. Тем не менее совершенно избежать покушений он не мог: ему угрожали и отдельные злоумышленники, и заговоры, и даже междоусобная война. Один человек из плебеев был схвачен с кинжалом возле его спальни среди ночи, а двое из всаднического сословия — на улице, один с кинжалом в палке, другой с охотничьим ножом: первый подстерегал его у выхода из театра, второй хотел напасть во время жертвоприношения перед храмом Марса. (2) Заговор с целью государственного переворота составляли Азиний Галл и Статилий Корвин, внуки ораторов Поллиона и Месалы, с участием множества императорских отпущенников и рабов. Междоусобную войну начинал Фурий Камилл Скрибониан, далматский легат, но через четыре дня он был убит легионерами, которых чудо заставило раскаяться в нарушении присяги: то ли случайно, то ли божественной волей, когда приказано было выступать на помощь новому императору, они никак не могли ни увенчать своих орлов, ни вырвать из земли и сдвинуть с места свои значки.

14. Консулом он был, не считая прежнего, четыре раза — сперва два года подряд и потом через каждые четыре года: в последний раз — в течение полугода, в остальные — по два месяца, причем в третий раз он замещал в этой должности умершего предшественника, чего еще ни один правитель не делал.

Суд он правил и в консульстве и вне консульства с величайшим усердием, даже в дни своих и семейных торжеств, а иногда и в древние праздники и в заповедные дни. Не всегда он следовал букве законов и часто по впечатлению от дела умерял их суровость или снисходительность милосердием и справедливостью. Так, если кто в гражданском суде проигрывал дело из-за чрезмерных требований, тем он позволял возобновлять иск; если же кто был уличен в тягчайших преступлениях, тех он, превышая законную кару, приказывал бросать диким зверям.

15. Когда же он сам разбирал и решал дела, то вел себя с удивительным непостоянством: иногда он поступал осмотрительно и умно, иногда безрассудно и опрометчиво, а порой нелепо до безумия. Проверя списки судей, он за страсть к сутяжничеству уволил человека, который мог получить отпуск как отец семейства и промолчал об этом. Другому судье, который был обвинен перед ним по частному делу и жаловался, что дело это подлежит не императорскому, а простому суду, он велел тут же при нем защищаться, чтобы своим поведением в собственном деле показать, хорошо ли он будет судить в чужих делах. (2) Одна женщина отказывалась признать своего сына, но ни он, ни она не могли представить убедительных доказательств; Клавдий предложил ей выйти замуж за юношу и этим добился от нее признания. Когда одна сторона не являлась на суд, он без колебаний решал дело против нее, не разбирая, была ли причина отсутствия уважительной или неуважительной. Однажды шла речь о подделке завещания, кто-то крикнул, что за это надо отрубить руки, а он тотчас и велел позвать палача с ножом и плахой. В другой раз шла речь о праве гражданства, и защитники завели пустой спор, выступать ли ответчику в плаще или в тоге; а он, словно похваляясь своим беспристрастием, приказал ему все время менять платье, глядя по тому, обвинитель говорит или защитник. (3) Говорят, что по одному делу он заявил, и даже письменно: «Я поддерживаю тех, кто говорил правду».

Всем этим он настолько подорвал к себе уважение, что к нему сплошь и рядом стали относиться с открытым презрением. Кто-то, извиняясь перед ним за свидетеля, который не приехал на вызов из провинции, долго говорил, что тот никак не мог, но не говорил, почему не мог; и только после долгих расспросов произнес: «У него уважительная причина: он помер». Другой, пылко благодаря его за то, что он позволил ответчику защищаться, добавил: «впрочем, так ведь всегда и делается!» Я даже слышал от стариков, будто сутяги так злоупотребляли его терпением, что когда он хотел сойти с судийского кресла, они не только призывали его вернуться, но и удерживали его, хватая за край тоги, а то и за ноги. (4) И этому не приходится удивляться, если даже какой-то грек в судебных прениях крикнул ему: «А ты и старик и дурак!» А один римский всадник, как известно, будучи обвинен по безосновательным наговорам врагов в распутной жизни и увидев, что в качестве свидетелей против него вызывают и заслуши-

вают самых непотребных женщин, разразился на Клавдия бранью за его глупость и грубость и так швырнул ему в лицо грифель и дощечки, что сильно поцарапал щеку.

16. Был он и цензором — должность, которую никто не занимал уже давно, со времени цензоров Планка и Павла. Но и здесь обнаружил он непостоянство и неустойчивость как в намерениях, так и в поступках. Во время смотра всадников он отпустил без порицания одного юношу, запятнанного всеми пороками, так как отец его уверял, что сыном он совершенно доволен: «у него есть свой цензор», — сказал он. Другому юноше, слышшему обольстителем и развратником, он посоветовал быть в своих вождениях сдержанней или хотя бы осторожней. «Зачем мне знать, кто твоя любовница?» — прибавил он. Стерев по просьбе друзей пометку при чьем-то имени, он сказал: «А след пусть все-таки останется». (2) Виднейшего мужа, первого во всей греческой провинции, он вычеркнул из списка судей и даже лишил римского гражданства за то, что тот не знал латинского языка, так как давать отчет о своей жизни разрешал он только собственными словами, без помощи защитника. Порицания объявлял он многим, подчас неожиданно и по небывалым поводам: некоторым — за то, что они без его ведома и позволения уезжали из Италии, а одному — за то, что он сопровождал царя по провинции; при этом он напомнил, что во времена предков даже Рабирий Постум был обвинен в оскорблении величества римского народа за то, что сопровождал в Александрию царя Птолемея, чтобы получить с него долг. (3) Он пытался и еще чаще налагать взыскания, но по небрежности следствия и к его великому позору почти все заподозренные оказались невинными: кого он упрекал в безбрачии, в бездетности, в бедности, те доказали, что они и женаты, и отцы, и состоятельны, а тот, о ком говорили, будто он мечом хотел лишить себя жизни, откинул одежду и показал тело без единого шрама. (4) Цензорство его было замечательно еще и тем, что серебряную колесницу богатой работы, выставленную на продажу в Сигилляриях, он приказал купить и изрубить у себя на глазах и что однажды за один день он издал двадцать эдиктов, в том числе такие два, из которых в одном предлагал получить смолить бочки для обильного сбора винограда, а в другом сообщал, что против змеиного укуса нет ничего лучше, чем тиссовый сок.

17. Поход он совершил только один, да и тот незначительный. Сенат даровал ему триумфальные украшения, но он считал их почестью, недостойной императорского величия, и стал искать почетного повода для настоящего триумфа. Остановил свой выбор он на Британии, на которую после Юлия Цезаря никто не посягал и которая в это время волновалась, не получая от римлян своих перебежчиков. (2) Он отплыл туда из Остии, но из-за бурных северо-западных ветров два раза едва не утонул — один раз у берегов Лигурии, другой раз близ Стойхадских островов. Поэтому от Массилии до Гезориака он следовал по суше; а затем, совершив переправу, он за несколько дней подчинил себе

часть острова без единого боя или кровопролития, через несколько месяцев после отъезда возвратился в Рим и с великой пышностью отпраздновал триумф. (3) Посмотреть на это зрелище он пригласил в столицу не только наместников провинций, но даже некоторых изгнанников. На крышу своего палатинского дворца он среди остальной вражеской добычи повесил и морской венок рядом с гражданским в знак того, что он пересек и как бы покорил Океан. За его колесницей следовала жена его Мессалина в крытой двуколке, следовали и те, кто в этой войне получили триумфальные украшения, все пешком и в сенаторских тогах — только Марк Красс Фруги, удостоенный этой почести вторично, ехал на разубранном коне в тунике, расшитой пальмовыми ветками.

18. Благоустройство и снабжение города было для него всегда предметом величайшей заботы. Когда в Эмилиевом предместье случился затяжной пожар, он двое суток подряд ночевал в дириботории; так как не хватало ни солдат, ни рабов, он через старост созывал для тушения народ со всех улиц и, поставив перед собою мешки, полные денег, тут же награждал за помощь каждого по заслугам. (2) А когда со снабжением начались трудности из-за непрерывных неурожаев и однажды его самого среди форума толпа осыпала бранью и объедками хлеба, так что ему едва удалось черным ходом спастись во дворец, — с тех пор он ни перед чем не останавливался, чтобы наладить подвоз продовольствия даже в зимнюю пору. Торговцам он обеспечил твердую прибыль, обещав, если кто пострадает от бури, брать убыток на себя; а за постройку торговых кораблей предоставил большие выгоды для лиц всякого состояния: [19.] гражданам — свободу от закона Папия-Поппея, латинам — гражданское право, женщинам — право четырех детей. Эти установления в силе и до сих пор.

20. Постройки он создал не столько многочисленные, сколько значительные и необходимые. Главнейшие из них — водопровод, начатый Гаем, а затем — водосток из Фуцинского озера и гавань в Остии, хоть он и знал, что первое из этих предприятий было отвергнуто Августом по неотступным просьбам марсов, а второе не раз обдумывалось божественным Юлием, но было остановлено из-за трудностей. По водопроводу Клавдия он привел в город воду из обильных и свежих источников Церулейского, Курциева и Альбудигна, а по новым каменным аркам — из реки Аниена и распределил ее по множеству пышно украшенных водоемов. (2) За Фуцинское озеро он взялся в надежде не только на славу, но и на прибыль, так как были люди, обещавшие взять расходы по осушению на себя, чтобы получить за это осушенные поля. Местами перекопав, местами просверлив гору, он соорудил водосток в три мили длиной за одиннадцать лет, хотя тридцать тысяч работников трудились над ним без перерыва. (3) Гавань в Остии он построил, выведя в море валы слева и справа, а при входе поставив на глубоком месте волнолом: чтобы утвердить его, он затопил на этом месте тот корабль, на котором был из

Египта привезен огромный обелиск, укрепил его множеством свай и на них возвел высочайшую башню по образцу александрийского Фarosа, чтобы по ночам на ее огонь держали путь корабли.

21. Раздачи народу он устраивал очень часто, зрелища показывал большие и многочисленные, и не только обычные и в обычных местах: он придумывал новые, возобновлял древние и представлял их там, где никто до него. При посвящении Помпеева театра, отстроенного им после пожара, он открывал игры с трибуны посреди оркестры, куда спустился после молебствия в верхнем храме через безмолвные ряды сидящих зрителей. (2) Отпраздновал он и столетние игры, под тем предлогом, будто Август справил их раньше времени, не дождавшись положенного срока, — хотя в своей «Истории» он сам заявляет, что Август после долгого перерыва восстановил их точный срок, тщательно расчислив все протекшие годы. Поэтому немало смеялись над тем, как глашатай по торжественному обычаю созывал всех на праздник, какого никто не видел и не увидит, — ведь еще были в живых выдавшие его, и некоторые актеры, выступавшие в то время, выступали и в этот раз.

Цирковые игры он нередко устраивал даже на Ватикане, иногда показывая после каждого пяти заездов травлю зверей. (3) В Большом Цирке он поставил мраморные загородки и вызолоченные поворотные столбы — раньше те и другие были из туфа и из дерева — и выделил особые места для сенаторов, которые раньше сидели вместе со всеми. Здесь, кроме колесничных состязаний, он представлял и троянские игры, и африканские травли с участием отряда преторианских всадников во главе с трибунами и самим префектом, а также выводил фессалийских конников с дикими быками, которых они гоняют по всему цирку, вскакивают обессиленным на спину и за рога швыряют их на землю.

(4) Гладиаторские битвы показывал он много раз и во многих местах. В свою годовщину давал он их в преторианском лагере — но без диких зверей и богатого убранства, и в септе — полностью и обычным образом. Там же давалось и внеочередное представление, короткое и немногочисленное, которому он дал название «Закуска», потому что, объявляя о нем в первый раз, он пригласил народ эдиктом «как бы к угощению неожиданному и неподготовленному». (5) На играх такого рода держался он всего доступней и проще: даже когда победителю отсчитывали золотые монеты, он вытягивал левую руку и вместе с толпою громко, по пальцам, вел им счет. Много раз он приглашал и призывал зрителей веселиться, то и дело называя их «хозяевами» и отпуская натянутые и деланные шутки: например, когда у него требовали вольной для гладиатора Голубя, он сказал, что даст, «если его изловят». Впрочем, однажды поступил он и уместно и хорошо: одному колесничному гладиатору он дал почетную отставку по просьбе его четырех сыновей и под шумное одобрение всех зри-

телей, а потом тут же вывесил объявление, указывая народу, как хорошо иметь детей, если даже гладиатор, как можно видеть, находит в них защитников и заступников.

(6) На Марсовом поле он дал военное представление, изображавшее взятие и разграбление города, а потом покорение британских царей, и сам распорядился, сидя в плаще полководца. Даже перед спуском Фуцинского озера он устроил на нем морское сражение. Но когда бойцы прокричали ему: «Здравствуй, император, идущие на смерть приветствуют тебя!» — он им ответил: «А может, и нет», — и, увидев в этих словах помилование, все они отказались сражаться. Клавдий долго колебался, не расправиться ли с ними огнем и мечом, но потом вскочил и, противно ковыляя, припустился вдоль берега с угрозами и уговорами, пока не заставил их выйти на бой. Сражались в этом бою сицилийский и родосский флот, по двенадцати трирем каждый, а знак подавал трубою серебряный тритон, с помощью машины поднимаясь из воды.

22. В священных обычаях, в гражданских и военных порядках, в отношении всех сословий как в Риме, так и в провинции, он сделал много изменений, восстановил забытое и даже ввел новое.

В коллегиях жрецов, предлагая к принятию новых членов, он при всяком имени непременно приносил клятву; тщательно следил, чтобы при малейшем землетрясении в Риме претор созывал собрание и приостанавливал дела, а при появлении над Капитолием зловещей птицы устраивалось молебствие; и на правах великого понтифика сам возглавлял его перед народом с ростральной трибуны, удалив заранее толпу служителей и рабов.

23. Судопроизводство, разделенное ранее на летнее и зимнее полугодия, он сделал непрерывным. Дела о посмертной доверенности, которые обычно поручались должностным лицам на каждый год и только в Риме, он стал поручать надолго и даже провинциальным властям. В законе Папия-Поппея он отменил добавленную Тиберием статью о том, что шестидесятилетний человек к произведению потомства уже неспособен. (2) Он постановил, чтобы опекуны сиротам назначались вне очереди консулами и чтобы лица, высланные магистратами из провинций, не допускались также в Италию и Рим. Ввел он также новый род ссылки, запретив некоторым лицам отлучаться из города дальше чем на три мили.

В сенате, собираясь докладывать о делах особой важности, он садился между двумя консулами или на скамью народных трибунов. Разрешения на отпуска, за которыми обычно обращались к сенату, он стал давать по собственному усмотрению.

24. Консульские украшения он предоставлял даже провинциальным наместникам второго разряда. У тех, кто отказывался от сенаторского достоинства, он отнимал и всадническое. Несмотря на то что вначале он обещал выбирать в сенат только тех, чьи предки до пятого колена были римскими гражданами, однажды

он предоставил сенаторское достоинство даже сыну вольноотпущенника, — правда, с тем условием, чтобы прежде он был усыновлен римским всадником. А во избежание нареканий он объявил, что и цензор Аппий Слепой, его родоначальник, избирал в сенат сыновей вольноотпущенников, — он не догадывался, что во времена Аппия и даже позже вольноотпущенниками назывались не те, кто сами получали вольную, а их дети, родившиеся уже свободными. (2) Коллегии квесторов вместо заботы о мощении дорог он поручил устройство гладиаторских игр; и, освободив квесторов от обязанностей в Галлии и в Остии, он вернул им заведование казной при храме Сатурна, принадлежавшее до того преторам или, как и теперь, бывшим преторам.

(3) Триумфальные украшения Силану, жениху своей дочери, он назначил, когда тот был еще подростком, а людям постарше он давал их так широко и с такой легкостью, что ходило письмо от имени всех легионов с просьбой, чтобы легаты консульского звания, получая войска, сразу получали и триумфальные украшения и не искали бы любого повода завести войну. Авлу Плавтию он назначил даже овацию, а когда тот вступил в Рим, то он вышел ему навстречу и сопровождал на Капитолий и с Капитолия, шагая по левую руку от него. А Габинию Секунду, победившему германское племя хавков, он позволил принять даже прозвище Хавка.

25. Для всадников он установил такой порядок прохождения воинской службы, чтобы они получали под начало сперва когорту, потом конный отряд и наконец легион; он назначил им жалованье и ввел условную службу, названную «неуставной», которую можно было отслуживать заочно и только по имени. Солдатам он сенатским указом запретил входить в дома сенаторов для приветствия. Вольноотпущенников, выдававших себя за римских всадников, он лишал имущества, а тех, на кого патроны жаловались за неблагодарность, возвращал в рабство, заступникам же их заявил, чтобы они после этого уже не подавали ему жалоб на собственных вольноотпущенников. (2) Так как иные, не желая тратиться на лечение больных и истощенных рабов, выбрасывали их на Эскулапов остров, то этих выброшенных рабов он объявил свободными: если они выздоравливали, то не должны были возвращаться к хозяину, а если хозяин хотел лучше убить их, чем выбросить, то он подлежал обвинению в убийстве. Путешественникам он запретил эдиктом проходить через города Италии иначе, чем пешком, в качалке или в носилках. В ПUTEОЛАХ и ОСТИИ он поставил по когорте для предотвращения пожаров.

(3) Лицам иноземного происхождения он воспретил принимать римские имена — по крайней мере, родовые. Кто ложно выдавал себя за римского гражданина, тому отрубали голову на Эквилинском поле. Провинции Ахайю и Македонию, которые Тиберий взял под свое управление, он вернул сенату. Ликийцев за пагубные междоусобицы он лишил свободы, родосцам, пока-

явшимся в былых провинностях, вернул свободу. Жителей Илиона как родоначальников римского народа он навеки освободил от подати, огласив написанное на греческом языке старинное письмо, в котором сенат и народ римский предлагал царю Селевку дружбу и союз только за то, чтобы он предоставил соплеменникам их, илионянам, свободу от всяких поборов. (4) Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, он изгнал из Рима. Германским послам он позволил сидеть в оркестре, так как ему понравилась их простота и твердость: им отвели места среди народа, но они, заметив, что парфяне и армяне сидят вместе с сенаторами, самовольно перешли на те же места, заявляя, что они ничуть не ниже их ни положением, ни доблестью. (5) Богослужение галльских друидов, нечеловечески ужасное и запрещенное для римских граждан еще при Августе, он уничтожил совершенно. Напротив, элевсинские святыни он даже пытался перенести из Атики в Рим, а сицилийский храм Венеры Эрикийской, рухнувший от ветхости, по его предложению был восстановлен из средств римской государственной казны. Договоры с царями он заключал на форуме, принося в жертву свинью и произнося древний приговор фециалов.

Однако и это, и другое, и все его правление по большей части направлялось не им, а волею его жен и вольноотпущенников, и он почти всегда и во всем вел себя так, как было им угодно или выгодно.

26. Помолвлен он еще в юности был дважды: сначала с Эмилией Лепидой, правнучкой Августа, потом с Ливией Медуллиной, носившей тогда имя Камиллы и происходившей из древнего рода диктатора Камилла. Первую он отверг еще девушкой, так как родители ее были врагами Августа, вторая умерла от болезни в тот самый день, когда была назначена свадьба. (2) После этого он был женат на Плавтии Ургуланилле, дочери триумфатора, а затем на Элии Петине, дочери консуляра. С обеими он развелся: с Петиной из-за мелких ссор, а с Ургуланиллой из-за ее наглого разврата и из-за подозрения в убийстве. После них он женился на Валерии Мессалине, дочери Мессалы Барбата, своего родственника. Но, узнав, что в заключение всех своих беспутств и непристойностей она даже вступила в брак с Гаем Силием и при свидетелях подписала договор, он казнил ее смертью, а сам на сходке перед преторианцами поклялся, что так как все его супружества были несчастливы, то отныне он пребудет безбрачным, а если не устоит, то пусть они заколют его своими руками. (3) И все же он не мог удержаться от помыслов о новом браке — то с Петиной, которую сам же когда-то прогнал, то с Лоллией Павлиной, которая была замужем за Гаем Цезарем. Однако, обольщенный лукавствами Агриппины, которая была дочерью его брата Германика и пользовалась своим правом на поцелуи и родственные ласки, он нашел людей, которые на ближайшем заседании предложили сенату обязать Клавдия жениться на Агриппине, якобы для высшего блага государства, и дозволить подобные бра-

ки для всех, хотя до той поры они считались кровосмесительными. И чуть ли не через день он справил свадьбу; однако примеру его никто не последовал, кроме одного вольноотпущенника и одного старшего центуриона, свадьбу которого он с Агриппиною сам почтил своим присутствием.

27. Детей он имел от трех своих жен: от Ургуланиллы — Друза и Клавдию, от Петины — Антонию, от Мессалины — дочь Октавию и сына, который сперва был назван Германиком, а потом Британиком. Друз у него умер еще на исходе отрочества: он играл, подбрасывая грушу, и задохнулся, когда поймал ее ртом. За несколько дней до того он был помолвлен с дочерью Сеяна: поэтому странным представляется, что по некоторым сообщениям он был коварно умерщвлен Сеяном. Клавдия была рождена от его вольноотпущенника Ботера; и хотя она родилась только через пять месяцев после развода и ее уже начали выкармливать, он приказал положить ее у порога матери и оставить там голой. (2) Антонию он выдал сначала за Гнея Помпея Магна, потом за Фавста Суллу, двух знатнейших юношей, а Октавию — за своего пасынка Нерона, хотя она уже была помолвлена с Силаном. Британик родился на двадцатый день его правления; во второе свое консульство Клавдий не раз еще младенцем поручал его вниманию народа и солдат, на сходки выносил его на руках, на зрелищах то прижимал к груди, то поднимал перед собою и желал ему самого счастливого будущего под шумные рукоплескания толпы. Из зятьев своих Нерона он усыновил, Помпея же и Силана не только отверг, но и казнил.

28. Из вольноотпущенников особенное внимание он оказывал внуху Посиду, которого при британском триумфе даже пожаловал почетным копьем, словно воина; не менее любил он и Феликса, которого поставил начальником когорт и конных отрядов в Иудее, супруга трех цариц; и Гарпократа, которому дал право ездить по Риму в носилках и устраивать всенародные зрелища; и еще больше — Полибия, своего советника по ученым делам, которого даже на прогулках нередко сопровождали по бокам оба консула; но выше всех он ставил Нарцисса, советника по делам прошений, и Палланта, советника по денежным делам. Этим он с удовольствием позволял сенату награждать не только большими деньгами, но и знаками квесторского и преторского достоинства, а сам попускал им такие хищения и грабежи, что однажды, когда он жаловался на безденежье в казне, ему остроумно было сказано, что у него будет денег вдоволь, стоит ему войти в долю с двумя вольноотпущенниками.

29. И вот, как я сказал, у этих-то людей и у своих жен был он в таком подчинении, что вел себя не как правитель, а как слугитель: ради выгоды, желания, прихоти любого из них он щедро раздавал и должности, и военачальства, и прощения, и наказания, обычно даже сам ничего не зная и не ведая об этом. Незачем перечислять подробно мелочи — удержанные награды, отмененные приговоры, тайно исправленные или явно подложные указы

о назначениях. Но даже Аппия Силана, своего тестя, даже двух Юлий, дочь Друза и дочь Германика, он предал смерти, не доказав обвинения и не выслушав оправдания, а вслед за ними — Гнея Помпея, мужа старшей своей дочери, и Луция Силана, жениха младшей. (2) Помпей был заколот в объятиях любимого мальчика, Силана заставили сложить преторский сан за четыре дня до январских календ и умереть в самый день нового года, когда Клавдий и Агриппина праздновали свадьбу. Тридцать пять сенаторов и более трехсот римских всадников были казнены им с редким безразличием: когда уже центурион, докладывая о казни одного консуляра, сказал, что приказ исполнен, он вдруг заявил, что никаких приказов не давал; однако сделанное одобрил, так как отпущенники уверили его, что солдаты исполнили свой долг, по собственному почину бросившись мстить за императора. (3) И уже всякое вероятие превосходит то, что на свадьбе Мессалины с ее любовником Сицием он сам был в числе свидетелей, подписавших брачный договор: его убедили, будто это нарочно разыграно, чтобы отвратить и перенести на другого угрозу опасности, возведенную ему какими-то знаменьями.

30. Наружность его не лишена была внушительности и достоинства, но лишь тогда, когда он стоял, сидел и в особенности лежал: он был высок, телом плотен, лицо и седые волосы были у него красивые, шея толстая. Но когда он ходил, ему изменяли слабые колени, а когда что-нибудь делал, отдыхая или занимаясь, то безобразило его многое: смех его был неприятен, гнев — отвратителен: на губах у него выступала пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрерывно, а при малейшем движении — особенно.

31. Здоровье его, хоть и было когда-то некрепко, во все время правления оставалось превосходным, если не считать болей в желудке, которые, по его словам, были так мучительны, что заставляли помышлять о самоубийстве.

32. Пирь он устраивал богатые и частые, в самых просторных палатах, так что нередко за столами возлежало по шестьсот человек. Пировал он даже над водостоком у Фуцинского озера и едва не утонул, когда хлынувшая вода вышла из берегов. Ко всякому обеду он приглашал и своих детей с мальчиками и девочками из знатных семейств: по древнему обычаю они сидели у подножья скамеек и ели со всеми. Однажды он заподозрил, что один гость украл золотой сосуд — на следующий день перед этим гостем была поставлена глиняная чашка. Говорят, он даже собирался особым эдиктом позволить испускать ветры на пиру, так как узнал, что кто-то занемог оттого, что стыдился и сдерживался.

33. До еды и питья был он жаден во всякое время и во всяком месте. Однажды, правя суд на форуме Августа, он соблазнился запахом угощения, которое готовилось в соседнем Марсовом храме для салийских жрецов, сошел с судийского кресла, поднялся в храм и вместе с ними возлег за трапезу. От стола он отходил не раньше, чем отяжелел и взмокнув, и тут же ло-

жился навзничь, чтобы во сне ему облегчили желудок, вставив перышко в разинутый рот. (2) Спал он очень мало и обычно не засыпал до полуночи, зато иногда задремывал днем, во время суда, и ораторы, нарочно повышая голос, с трудом могли его разбудить. К женщинам страсть он питал безмерную, к мужчинам зато вовсе был равнодушен. До игры в кости он был великий охотник и даже выпустил о ней книжку; играл он и в поездках, приспособив доску к коляске так, чтобы кости не смешивались.

34. Природная его свирепость и кровожадность обнаруживалась как в большом, так и в малом. пытки при допросах и казни отцеубийц заставлял он производить немедленно и у себя на глазах. Однажды в Тибуре он пожелал видеть казнь по древнему обычаю, преступники уже были привязаны к столбам, но не нашлось палача; тогда он вызвал палача из Рима и терпеливо ждал его до самого вечера. На гладиаторских играх, своих или чужих, он всякий раз приказывал добывать даже тех, кто упал случайно, особенно же ретиариев: ему хотелось посмотреть в лицо умирающим. (2) Когда какие-то единоборцы поразили друг друга насмерть, он тотчас приказал изготовить для него из мечей того и другого маленькие ножички. Звериными травлями и полуденными побоищами увлекался он до того, что являлся на зрелища ранним утром и оставался сидеть даже когда все расходились завтракать. Кроме заранее назначенных бойцов, он посылал на арену людей по пустым и случайным причинам — например, рабочих, служителей и тому подобных, если вдруг плохо работала машина, подъемник или еще что-нибудь. Однажды он заставил биться даже одного своего раба-именователя, как тот был, в тоге.

35. Но сильнее всего в нем была недоверчивость и трусость. Даже в первые дни правления, стараясь показать себя простым и доступным, он решался выйти на пир только под охраной копьеносцев и с солдатами вместо прислужников, а навещая больных, всякий раз приказывал заранее обыскать спальню, обшарив и перетряхнув тюфяки и простыни. А впоследствии даже те, кто приходил к нему с приветом, все до одного подвергались строжайшему обыску: (2) лишь с трудом и не сразу согласился он избавиться от ощупывания женщин, мальчиков и девочек и не отбирать у провожатых или писцов их ящички с перьями и грифелями. Камилл, начиная мятеж, был уверен, что Клавдия можно запугать и без войны: он отправил ему письмо, полное надменных оскорблений и угроз, с требованием оставить власть и частным человеком удалиться на покой, — и действительно, Клавдий, созвав первых лиц в государстве, стал делиться с ними сомнениями, не послушаться ли ему Камилла. 36. А ложный слух о каком-то заговоре привел его в такой ужас, что он и впрямь попытался отречься от власти. Когда же, как я рассказывал, во время жертвоприношения близ него был схвачен человек с кинжалом, то он спешно, через глашатаев, созвал сенат, со слезами и воплями жаловался на свою долю, на грозящие отовсюду опасности,

и долго потом не показывался людям на глаза. Даже пылкую его любовь к Мессалине заглушил в нем не столько позор унижений, сколько страх перед опасностью: он подумал, что она добивается власти для своего любовника Силия, и в жалком трепете бежал в лагерь, всю дорогу только и спрашивая, крепка ли еще его власть.

37. Не было доноса, не было доносчика столь ничтожного, чтобы он по малейшему подозрению не бросился защищаться или мстить. Один из тяжущихся, подойдя к нему с приветствием, отвел его в сторону и сказал, что видел сон, будто его, императора, кто-то убил; а немного погодя, словно признав убийцу, указал ему на подходящего с прошеньем своего противника; и тут же, словно с поличным, того потащили на казнь. (2) Подобным же образом, говорят, погублен был и Аппий Силян. Уничтожить его сговорились Мессалина и Нарцисс, поделив роли: один на рассвете ворвался в притворном смятении в спальню к хозяйину, уверяя, будто видел во сне, как Аппий на него напал; другая с деланным изумлением стала рассказывать, будто и ей вот уже несколько ночей снится тот же сон; а когда затем по уговору доложили, что к императору ломится Аппий, которому накануне было велено явиться в этот самый час, то это показалось таким явным подтверждением сна, что его тотчас приказано было схватить и казнить. А на следующий день Клавдий без смущенья рассказал сенату, как было дело, благодарно восхваляя своего отпущенника, который и во сне печется о его безопасности.

38. Гнев и вспыльчивость он сам признавал в себе, но в эдикте оправдывал с разбором и то и другое, обещая, что вспышки его будут недолги и безвредны, а гнев — справедлив. Когда из Остии не выслали лодок, чтобы встретить его у входа в Тибр, он напал на остийцев с такой яростью, словно они, как он сам говорил, разжаловали его в солдаты, а потом вдруг всех простил и чуть ли не извинялся перед ними. (2) Тех, кто не вовремя подходил к нему при народе, он отталкивал своею рукой. Одного писца из казначейства, а потом одного сенатора преторского звания он без вины и не слушая оправданий отправил в ссылку за то, что первый слишком ретиво выступал против него в суде, когда он еще был частным человеком, а второй в бытность свою эдилом наказал съемщиков из его поместий за противозаконную продажу вареной пищи и прибил вступившегося за них старосту. За это он даже отнял у эдилов надзор за кабаками.

(3) Глупости своей он также не скрывал; правда, в нескольких мелких речах он уверял, будто он нарочно притворялся глупцом при Гае, так как иначе не остался бы жив и не достиг бы своего положения, однако никого этим он не убедил, так как немного спустя появилась книжка под заглавием «Вознесение дураков», в которой говорилось, что притворных глупцов не бывает.

39. Кроме всего этого, людей удивляла его забывчивость и бездумность — то, что греки называют *рассеянностью и незря-*

честью. Так, после убийства Мессалины, садясь за стол, он спросил, почему же не приходит императрица? И многих других, приговоренных к казни, он на следующий же день звал на совет или на игру в кости, а так как они не являлись, то обзывал их через посланных сонливцами. (2) Собираясь вопреки обычаю взять Агриппину в жены, он продолжал во всякой речи называть ее и дочкой и питомицей, которая была рождена и взлелеяна на его груди. А собираясь усыновить Нерона — словно мало его осуждали за то, что, имея сына на возрасте, он еще заводит пасынка! — он много раз заявлял во всеулышание, что в род Клавдиев еще никто никогда не вступал через усыновление.

40. В словах и поступках обнаруживал он часто такую необдуманность, что казалось, он не знает и не понимает, кто он, с кем, где и когда говорит. Однажды, когда речь шла о мясниках и виноторговцах, он воскликнул в сенате: «Ну разве можно жить без говядины, я вас спрашиваю?» — и стал расписывать, сколько добра в старое время бывало в тех харчевнях, откуда он сам когда-то брал вино. (2) Поддержав одного кандидата в квесторы, он объяснил это, между прочим, тем, что когда он лежал больной и просил пить, отец этого человека поднес ему холодной воды. Об одной свидетельнице, вызванной в сенат, он заявил: «Это отпущенница моей матери, из горничных, но меня она всегда почитала как хозяина, — говорю об этом потому, что в моем доме и сейчас иные не признают меня за хозяина». (3) И даже в суде, когда жители Остии просили его о какой-то милости, он им крикнул в сердцах, что им не за что ждать от него услуги — он в своих поступках волен, как и всякий другой. Всякий день и едва ли не всякий час у него на языке были присловья: «Или я, по-твоему, Телегений?», «*Болтай, да рукам воли не давай*» и многие в том же роде, неприличные даже для простого человека, не говоря уже о правителе. А ведь он не лишен был ни учености, ни красноречия, и всегда с усердием занимался благородными искусствами.

41. Историю он начал сочинять еще в юности, по совету Тита Ливия и с помощью Сульпиция Флава. Но когда он в первый раз выступил с нею перед большим собранием, то с трудом дочитал до конца, и сам был виноват, что встретили его холодно. Дело в том, что в начале чтения вдруг подломились несколько сидений под каким-то толстяком, вызвав общий хохот; шум удалось унять, но и после этого Клавдий, то и дело вспоминая о случившемся, не мог удержаться от хихиканья. (2) Во время своего правления он также много писал и всегда оглашал написанное с помощью чтеца. Начал он свою историю с убийства диктатора Цезаря, но потом перешел к позднейшим временам и взял началом установление гражданского мира. Он видел, что о событиях более ранних правдивый и свободный рассказ уже был невозможен, так как за это его бранили и мать и бабка; и о предшествующих временах он оставил только две книги, а о последующих — сорок одну. (3) Сочинил он также восемь книг о

своей жизни, написанных не столько безвкусно, сколько бестолково; а также «В защиту Цицерона против писаний Азиния Галла», произведение весьма ученое. Он даже выдумал три новые буквы, считая необходимым прибавить их к старым; еще в бытность свою частным человеком он издал об этом книгу, а став правителем, без труда добился принятия этих букв во всеобщее употребление. Знаки их сохранились во многих книгах, ведомостях и надписях на постройках.

42. Греческой словесностью занимался он с не меньшим старанием, при всяком удобном случае выражая свою любовь и предпочтение к этому языку. К одному варвару, который разговаривал и по-гречески и по-латыни, он обратился со словами: «Так как ты владеешь обоими моими языками...» Предлагая вниманию отцов сенаторов провинцию Ахайю, он говорил, что она дорога ему из-за их ученых связей. А греческим послам в сенате он нередко отвечал целыми речами. Даже в суде он любил напоминать стихи Гомера. А когда ему случалось наказать неприятеля или злоумышленника, он всякий раз давал начальнику телохраниителей, на его обычный запрос, следующий пароль:

Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду.

(2) По-гречески он тоже писал истории: этрусскую — в двадцати книгах и карфагенскую — в восьми. По этой причине он присоединил к старому александрийскому Мусею новый, названный его именем, и распорядился, чтобы из года в год по установленным дням сменяющиеся чтецы оглашали в одном из них этрусскую историю, в другом — карфагенскую: книгу за книгой, с начала до конца, как на открытых чтениях.

43. К концу жизни он начал обнаруживать явные признаки сожаления о браке с Агриппиной и усыновлении Нерона. Когда однажды вольноотпущенники с похвалой вспоминали, как накануне он назначил в суде наказание женщине, обвиненной в прелюбодеянии, он воскликнул, что волею судьбы и его все жены были безнравственны, но не были безнаказанны; а потом, увидав Британика, он крепко обнял его, пожелал ему вырасти, чтобы принять от отца отчет во всех делах, и добавил: «*Ранивший исцелит!*» А собираясь облечь его, еще безусого подростка, в тогу совершеннолетнего — рост его уже позволял это, — он произнес: «Пусть, наконец, у римского народа будет настоящий Цезарь!»

44. Вскоре затем он составил и завещание, скрепив его печатями всех должностных лиц. Он пошел бы и дальше, но встревоженная этим Агриппина, которую уже не только собственная совесть, но и многочисленные доносчики обличали в немалых преступлениях, опередила его.

(2) Умер он от яда, как признают все; но кто и где его дал, о том говорят по-разному. Одни сообщают, что сделал это евнух Галот, проверявший его кушанья за трапезой жрецов на Капитолии, другие — что сама Агриппина за домашним обедом поднесла ему отраву в белых грибах, его любимом лакомстве.

Что случилось потом, также рассказывают различно. (3) Большинство сообщает, что тотчас после отравления у него отнялся язык и он, промучась целую ночь, умер на рассвете. Некоторые же передают, что сперва он впал в беспамятство, потом от переполнения желудка его вырвало всем съеденным, и отраву ему дали вновь — то ли подложив в кашу, будто ему нужно было подкрепиться после рвоты, то ли введя ее с промыванием, чтобы этим якобы облегчить его от тяжести в желудке.

45. Смерть его скрывали, пока не обеспечили все для его преемника. Приносили обеты о его здоровье, словно он был болен, приводили во дворец комедиантов, словно он желал развлечься. Скончался он в третий день до октябрьских календ в консульство Азиния Марцелла и Ацилия Авиолы, на шестьдесят четвертом году жизни и четырнадцатом году власти. Погребенный с пышностью, подобающей правителю, он был сопричтен к богам: впоследствии Нерон отказал ему в этих почестях и отменил их, но затем Веспасиан восстановил их вновь.

46. Предвещанием его смерти были важные знаменья. На небе явилась хвостатая звезда, так называемая комета; молния ударила в памятник его отца, Друза; много должностных лиц, больших и малых, скончалось в тот же год. Да и сам он, как кажется, знал и не скрывал близости своего конца. Это видно из того, что при назначении консулов он назначил их только до месяца своей смерти; в последний раз присутствуя в сенате, он всячески увещевал сыновей жить меж собою в согласии и с мольбою просил сенаторов позаботиться об их молодости; а в последний раз заседа в суде, он произнес, что близок его жизненный предел и, несмотря на общее возмущение, повторил это снова и снова.

Н Е Р О Н

1. Из рода Домициев знамениты были два семейства: Кальвинов и Агенобарбов. Агенобарбы ведут свое происхождение и прозвище от Луция Домиция: по преданию, однажды по пути из деревни перед ним предстали юноши-близнецы божественного вида и повелели ему возвестить сенату и народу об одержанной победе, о которой еще ничего не было известно; а в доказательство своей божественной силы они коснулись его щек, и волосы на них из черных стали рыжими, медного цвета. Эта примета осталась и у его потомков, среди которых многие были рыжебородыми. (2) Удостоенные семи консульств, триумфа, двух цензорств, причисленные к патрициям, все они сохраняли прежнее прозвище. А из личных имен они пользовались только именами Гней и Луций, и притом с примечательным разнообразием: то несколько человек подряд носили одно и то же имя, то имена чередовались. Так, первый, второй и третий из Агенобарбов были Луциями, следующие трое по порядку — Гнеями, а остальные попеременно то Луциями, то Гнеями. Думается, что со многими из этого семейства стоит познакомиться: тогда станет яснее, что насколько Нерон потерял добродетели своих предков, настолько же он сохранил их пороки, словно родовое наследство.

2. Итак, начинаем издалека. Прапрапрадед Нерона Гней Домиций в бытность свою трибуном поссорился с понтификами, так как те на место его отца выбрали не его, а кого-то другого, и за это отнял у жреческих коллегий право избрания новых членов, передав его народу. А в бытность консулом он после победы над аллоброгами и арвернами проехал по провинции на слоне, сопровождаемый толпой воинов, словно в триумфальном шествии. (2) Это о нем сказал оратор Лициний Красс, что нечего удивляться его медной бороде, если язык у него из железа, а сердце из свинца.

Сын его в должности претора потребовал от сената расследования поступков Гая Цезаря в его консульство, считая их совершенными вопреки знаменьям и законам; а затем, в должности консула, он пытался лишить Цезаря начальства над галльскими войсками и был незаконно назначен ему преемником. В самом начале гражданской войны он был взят в плен в Корфинии, (3) отпущен на свободу, явился на помощь к массилийцам,

тесным осадой, потом внезапно покинул их и, наконец, погиб в бою при Фарсале. Человек он был слабый духом, но грозного нрава. Однажды в отчаянном положении, полный страха, он решил умереть, но потом в ужасе передумал, принятый яд изверг рвотой, а своего лекаря отпустил на волю за то, что тот, зная своего хозяина, предусмотрительно дал ему яд слишком слабый. И в то же время из всех советников Гнея Помпея он один предложил считать врагами всех, кто держался середины и ни к какой стороне не примыкал.

3. Он оставил сына, который, бесспорно, был лучше всех в своем роду. Осужденный Педиевым законом за соучастие в убийстве Цезаря, он, хоть и был невинен, примкнул к Бруту и Кассию, близким своим родственникам, а после их гибели сохранил доверенный ему флот, даже увеличил его, и лишь когда его единомышленники были повсюду разбиты, передал корабли Марку Антонию, добровольно и как бы оказывая великую услугу. (2) Из всех, осужденных по этому закону, он один вернулся в отечество и достиг самого высокого положения. Затем, когда гражданская война возобновилась, он стал легатом у того же Антония, и многие, стыдясь повиноваться Клеопатре, предлагали ему верховную власть; из-за внезапной болезни он не решился ни принять ее, ни отвергнуть, но перешел на сторону Августа и через несколько дней умер. Однако даже его не миновала дурная слава: так, Антоний уверял, будто он стал перебежчиком оттого, что соскучился по своей любовнице Сервиллии Наиде.

4. Его сыном был Домиций, которого Август в завещании назначил покупщиком своего состояния и средств, как стало известно впоследствии. Славу он стяжал как в молодости ловкостью на скачках, так и позднее триумфальными украшениями, добытыми в германской войне. Но был он заносчив, расточителен и жесток. Еще будучи эдилом, он заставил цензора Луция Планка уступить ему дорогу при встрече; будучи претором и консулом, он выводил на подмости в мимах римских всадников и матрон; травли он показывал и в цирке, и по всем городским кварталам, а гладиаторский бой устроил такой кровавый, что Август, тщетно предостерегавший его негласно, вынужден был обуздать его эдиктом.

5. От Антонии Старшей он имел сына, будущего Неронова отца, человека гнуснейшего во всякую пору его жизни. Сопровождая по Востоку молодого Гая Цезаря, он однажды убил своего вольноотпущенника за то, что тот не хотел пить, сколько ему велели, и после этого был изгнан из ближней свиты. Но буйство его не укротилось: в одном селенье по Аппиевой дороге он с разгону задавил мальчика, нарочно подхлестнув коней, а в Риме, на самом форуме, выбил глаз одному всаднику за его слишком резкую брань. (2) Бесчестен он был до того, что не только менялам не платил за покупки, но и на скачках в должности претора не выдавал возницам наград, за что над ним издевалась даже его сестра; и только после того, как хозяйева колесниц

принесли жалобу, он постановил выплачивать впредь награды на месте. Обвинялся он незадолго до кончины и в оскорблении величества, и в разврате, и в кровосмешении с сестрой своей Лепидой, но смена правителей его спасла; и он скончался в Пиргах от водянки, оставив сына Нерона от Агриппины, дочери Германика.

6. Нерон родился в Анции, через девять месяцев после смерти Тиберия, в восемнадцатый день до январских календ, на рассвете, так что лучи восходящего солнца коснулись его едва ль не раньше, чем земли. Тотчас по его гороскопу многими было сделано много страшных догадок; пророческими были и слова отца его Домиция, который в ответ на поздравления друзей воскликнул, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества. (2) Другой знак его будущего злополучия был замечен в день очищения: Гай Цезарь, когда сестра попросила его дать младенцу имя по своему желанию, взглянул на своего дядю Клавдия (который потом, уже будучи правителем, и усыновил Нерона) и назвал его имя, себе на потеху и назло Агриппине, так как Клавдий был посмешищем всего двора.

(3) Трех месяцев он потерял отца; по завещанию он получил третью часть наследства, да и ту не полностью, потому что все имущество забрал его сонаследник Гай. Потом и мать его была сослана, а он, в нужде и почти в нищете, рос в доме своей тетки Лепиды под надзором двух дядек, танцовщика и цирюльника. Но когда Клавдий принял власть, ему не только было возвращено отцовское имущество, но и добавлено наследство его отчима Пассиена Криспа. (4) А благодаря влиянию и могуществу матери, возвращенной из ссылки и восстановленной в правах, он достиг такого положения, что ходил даже слух, будто Мессалина, жена Клавдия, видя в нем соперника Британику, подсылала убийц задушить его во время полуденного сна. Добавляли к этой выдумке, будто бы с его подушки навстречу им бросился змей, и они в ужасе убежали. Возникла такая выдумка оттого, что на его ложе у изголовья была найдена сброшенная змеиная кожа; кожу эту, по желанию Агриппины, вправили в золотое запыстье, и он долго носил его на правой руке, но потом сбросил, чтобы не томиться воспоминаньями о матери, и тщетно искал его вновь в дни своих последних бедствий.

7. Еще в детстве, не достигнув даже отроческого возраста, выступал он в цирке на Троянских играх, много раз и с большим успехом. На одиннадцатом году он был усыновлен Клавдием и отдан на воспитание Аннею Сенеке, тогда уже сенатору. Говорят, что на следующую ночь Сенека видел во сне, будто воспитывает Гая Цезаря; и скоро Нерон, при первых же поступках обнаружив свой жестокий нрав, показал, что сон был вещим. Так, своего брата Британика, когда тот по привычке приветствовал его Агенобарбом и после усыновления, он стал обзывать перед лицом Клавдия незаконнорожденным. А против своей тетки Лепиды

он открыто давал показания в суде в угоду матери, которая ее преследовала.

(2) В день совершеннолетия он был представлен народу и обещал плебейам раздачу, а воинам подарки; когда преторианцы начали бег в оружии, он со щитом бежал впереди, а потом в сенате произнес благодарственную речь отцу. В то же его консульство он говорил речь за жителей Бононии по-латыни, а за родосцев и за илионян по-гречески. Тогда же он впервые правил суд в должности городского префекта на Латинских празднествах, и лучшие ораторы оспаривали перед ним не мнимые и мелкие дела, как обычно, а многочисленные и важные, хотя Клавдий это и запретил. А немного спустя он взял в жены Октавию и устроил за здоровье Клавдия цирковые игры и травлю.

8. Ему шел семнадцатый год, когда было объявлено о кончине Клавдия. Он вошел к страже между шестью и семью часами дня — весь этот день считался несчастливым, и только этот час был признан подходящим для начала дела. На ступенях дворца его приветствовали императором, потом на носилках отнесли в лагерь, оттуда, после краткого его обращения к солдатам, — в сенат; а из сената он вышел уже вечером, осыпанный бесчисленными почестями, из которых только звание отца отечества он отклонил по молодости лет.

9. Начал он с того, что постарался показать свои родственные чувства. Клавдия он почтил великолепным погребением, похвальной речью и обожествлением. Памяти отца своего Домиция он воздал величайшие почести. Матери он доверил все свои общественные и частные дела. В первый же день правления он назначил трибуну телохранителей пароль: «лучшая мать», а потом часто появлялся с нею на улицах в одних носилках. В Анций он вывел колонию из отслуживших преторианцев, к которым были присоединены и переселенные из Рима старшие центурионы; там же построил он и дорого стоившую гавань.

10. Чтобы еще яснее открыть свои намеренья, он объявил, что править будет по начертаниям Августа, и не пропускал ни единого случая показать свою щедрость, милость и мягкость. Обременительные подати он или отменил, или умерил. Награды доносчикам по Папиеву закону он сократил вчетверо. Народу он роздал по четыреста сестерциев на человека, сенаторам из знатнейших, но обедневших родов назначил ежегодное пособие, иным до пятисот тысяч, преторианские когорты на месяц освободил от платы на хлеб. (2) Когда ему предложили на подпись указ о казни какого-то уголовного преступника, он воскликнул: «О, если бы я не умел писать!» Граждан из всех сословий он приветствовал сразу и без напоминания. Когда сенат воздавал ему благодарность, он сказал: «Я еще должен ее заслужить». Он позволял народу смотреть на его военные упражнения, часто декламировал при всех и даже произносил стихи, как дома, так и в театре; и общее ликование было таково, что постановлено было устроить всенародное молебствие, а прочитанные строки стихот-

ворения записать золотыми буквами и посвятить Юпитеру Капитолийскому.

11. Зрелища он устраивал многочисленные и разнообразные: юношеские игры, цирковые скачки, театральные представления, гладиаторский бой. На юношеских играх он заставил выступить даже стариков сенаторов и престарелых матрон. На цирковых скачках он отделил особые места для всадничества и вывел колесницы, запряженные четырьмя верблюдами. (2) На представлениях, которые он учредил во имя вечности империи и назвал Великими играми, в комедиях выступали мужчины и женщины из высших сословий, именитый римский всадник верхом на слоне проскакал по натянутому канату, а в Афраниевой тогате «Пожар» актерам было позволено хватать и забирать себе утварь из горящего дома; а в народ каждый день бросали всяческие подарки — разных птиц по тысяче в день, снедь любого рода, тессеры на зерно, платье, золото, серебро, драгоценные камни, жемчужины, картины, рабов, скотину, даже на ручных зверей, а потом и на корабли, и на дома, и на поместья. 12. Смотрел он на эти игры с высоты прощения. В гладиаторской битве, устроенной в деревянном амфитеатре близ Марсова поля — сооружали его целый год, — он не позволил убить ни одного бойца, даже из преступников. Он заставил сражаться даже четырьест сенаторов и шестьсот всадников, многих — с нетронутым состоянием и незапятнанным именем; из тех же сословий выбрал он и зверобоев, и служителей на арене. Показал он и морской бой с морскими животными в соленой воде, показал и военные пляски отборных эфебов: после представления каждому из них он вручил грамоту на римское гражданство. (2) В одной из этих плясок представлялось, как бык покрывал Пасифаю, спрятанную в деревянной телке, — по крайней мере, так казалось зрителям; в другой — Икар при первом же полете упал близ императора и своею кровью забрызгал и его ложе и его самого: дело в том, что Нерон очень редко выступал распорядителем, а обычно смотрел на игры с ложа, сперва через небольшие окошки, потом — с открытого балкона.

(3) Впервые в Риме он устроил пятилетние состязания по греческому образцу, из трех отделений — музыкальное, гимнастическое и конное. Он назвал их Нерониями и освятил для них бани и гимнасий, где каждый сенатор и всадник безденежно пользовался маслом. Судей для состязаний назначил он по жребию из консульского звания, судили они с преторских мест. В латинских речах и стихах состязались самые достойные граждане, а потом он сам спустился в оркестру к сенату и по единодушному желанию участников принял венки; но перед венком за лирную игру он только преклонил колена и велел отнести его к подножию статуи Августа. (4) На гимнастических состязаниях, устроенных в септе, он, принеся в жертву богам быков, в первый раз сбрил себе бороду, положил ее в ларец из золота, украшенный драгоценными жемчужинами, и посвятил богам в Капитолийском

храме. На состязание атлетов он пригласил и девственных весталок, так как эти зрелища даже в Олимпии дозволены жрицам Цереры.

13. К числу устроенных им зрелищ по праву можно отнести и прибытие в Рим Тиридата. Это был армянский царь, которого Нерон привлек несчетными обещаниями. День его появления перед народом был объявлен эдиктом, потом из-за пасмурной погоды отложен до самого удобного срока; вокруг храмов на форуме выстроились вооруженные когорты, сам Нерон в одеянии триумфатора сидел в консульском кресле, на ростральной трибуне, окруженный боевыми значками и знаменами. (2) Сперва Тиридат взошел к нему по наклонному помосту и склонился к его коленям, а он его поднял правою рукою и облобызал; потом по его мольбе он снял с его головы тиару и возложил диадему, между тем как сенатор преторского звания громко переводил для толпы слова молящего; и наконец, он повел его в театр и там после нового моления посадил по правую руку с собою рядом. За это он был провозглашен императором, принес лавры в Капитолийский храм и запер заветные ворота Януса в знак, что нигде более не ведется войны.

14. Консулом был он четыре раза: в первый раз два месяца, во второй и четвертый раз по шесть месяцев, в третий раз четыре месяца; средние два консульства подряд, остальные через годичные промежутки.

15. Правя суд, он отвечал на жалобы только на следующий день и только письменно. Следствия вел он обычно так, чтобы вместо общих рассуждений разбиралась каждая частность в отдельности с участием обеих сторон. Удаляясь на совещание, он ничего не обсуждал открыто и сообща: каждый подавал ему свое мнение письменно, а он читал их молча, про себя, и потом объявлял угодное ему решение, словно это была воля большинства.

(2) В сенат он долго не принимал сыновей вольноотпущенников, а принятых его предшественниками не допускал до высоких должностей. Соискателей, оставшихся без должности, он в возмещение за отсрочку и промедление поставил начальником легионов. Консульства он давал обычно на шесть месяцев. Когда один из консулов умер перед январскими календами, он не назначил ему преемника, не желая повторять давний случай с Канинием Ребиллом, однодневным консулом. Триумфальные украшения жаловал он и квесторскому званию, и даже некоторым из всадников, притом не только за военные заслуги. Доклады свои сенату о некоторых предметах, минуя квесторов, он обычно поручал читать консулам.

16. Городские здания он придумал сооружать по-новому, чтобы перед домами и особняками строились портики с плоскими крышами, с которых можно было бы тушить пожар; возводил он их на свой счет. Собирался он даже продлить городские стены до Остии, а море по каналу подвести к самому Риму.

(2) Многие строгости и ограничения были при нем восстановлены, многие введены впервые: ограничена роскошь; все-народные угощения заменены раздачей закусок; в харчевнях запрещено продавать вареную пищу, кроме овощей и зелени — а раньше там торговали любыми кушаньями; наказаны христиане, приверженцы нового и зловерного суеверия; запрещены забавы колесничных возниц, которым давний обычай позволял бродить повсюду, для потехи обмывания и грабя прохожих; отправлены в ссылку пантомимы со всеми своими сторонниками. 17. Против подделок завещаний тогда впервые было придумано проделывать в табличках отверстия, трижды пропуская через них нитку, и только потом запечатывать. Предусмотрено было, чтобы первые две таблички завещания предлагались свидетелям чистыми, с одним только именем завещателя, и чтобы пишущий чужое завещание не мог приписывать себе подарков. Защитникам от тяжущихся была установлена твердая и постоянная плата, а места на скамьях в суде сделаны бесплатными и даром представлялись казначейством. Судебные дела казначейства были переданы на форум рекуператорам, а все обжалованья из судов пересылались в сенат.

18. Расширять и увеличивать державу у него не было ни охоты, ни надежды. Даже из Британии он подумывал вывести войска и не сделал этого лишь из стыда показаться завистником отцовской славы. Только Понтийское царство с согласия Полемона да Альпийское после смерти Коттия он обратил в провинции.

19. Поездок он предпринимал только две: в Александрию и в Ахайю. Но от первой он отказался в самый день отъезда, испуганный приметой и опасностью: когда он, обойдя храмы и посидев в святилище Весты, хотел встать, то сперва он зацепился подолом, а потом у него так потемнело в глазах, что он ничего не мог видеть. (2) В Ахайе он приступил к прорытию канала через Истм. собрал сходку, призвал преторианцев начать работу, под звуки труб первый ударил в землю лопатой и вынес на плечах первую корзину земли. Готовил он и поход к Каспийским воротам, набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его «фалангой Александра Великого».

(3) Все эти его поступки не заслуживают нареканий, а порой достойны и немалой похвалы; я собрал их вместе, чтобы отделить от его пороков и преступлений, о которых буду говорить дальше.

20. В детские годы вместе с другими науками изучал он и музыку. Придя к власти, он тотчас пригласил к себе лучшего в то время кифареда Терпна и много дней подряд слушал его после обеда до поздней ночи, а потом и сам постепенно начал упражняться в этом искусстве. Он не упускал ни одного из средств, какими обычно пользуются мастера для сохранения и укрепления голоса: лежал на спине со свинцовым листом на груди, очищал желудок промываниями и рвотой, воздерживался

от плодов и других вредных для голоса кушаний. И хотя голос у него был слабый и сиплый, все же, радуясь своим успехам, он пожелал выступить на сцене: «чего никто не слышит, того никто не ценит», — повторял он друзьям греческую пословицу.

(2) Впервые он выступил в Неаполе; и хотя театр дрогнул от неожиданного землетрясения, он не остановился, пока не кончил начатую песнь. Выступал он в Неаполе часто и пел по нескольку дней. Потом дал себе короткий отдых для восстановления голоса, но и тут не выдержал одиночества, из бани явился в театр, устроил пир посреди оркестры и по-гречески объявил толпе народа, что когда он промочит горло, то уже споет что-нибудь во весь голос. (3) Ему понравились мерные рукоплекскания александрийцев, которых много приехало в Неаполь с последним подвозом, и он вызвал из Александрии еще больше гостей; не довольствуясь этим, он сам отобрал юношей всаднического сословия и пять с лишним тысяч дюжих молодых из простонародья, разделил на отряды и велел выучиться рукоплексканиям разного рода — и «жужжанию», и «желобкам», и «кирпичикам», а потом вторить ему во время пения. Их можно было узнать по густым волосам, по великолепной одежде, по холеным рукам без колец; главари их зарабатывали по четыреста тысяч сестерциев.

21. Но важнее всего казалось ему выступить в Риме. Поэтому он возобновил Нероновы состязания раньше положенного срока. Правда, хотя все кричали, что хотят услышать его божественный голос, он сперва ответил, что желающих он постарается удовлетворить в своих садах; но когда к просьбам толпы присоединились солдаты, стоявшие в это время на страже, то он с готовностью заявил, что выступит хоть сейчас. И тут же он приказал занести свое имя в список кифаредов-состязателей, бросил в урну свой жребий вместе с другими, дождался своей очереди и вышел: кифару его несли начальники преторианцев, затем шли войсковые трибуны, а рядом с ним — ближайшие друзья. (2) Встав на сцене и произнеся вступительные слова, он через Клувия Руфа, бывшего консула, объявил, что петь он будет «Ниобу», и пел ее почти до десятого часа. Продолжение состязания и выдачу наград он отложил до следующего года, чтобы иметь случай выступить еще несколько раз; но и это ожидание показалось ему долгим, и он не переставал вновь и вновь показываться зрителям. Он даже подумывал, не выступить ли ему на преторских играх, состязаясь с настоящими актерами за награду в миллион сестерциев, предложенную распорядителями. (3) Пел он и трагедии, выступая в масках героев и богов и даже героинь и богинь: черты масок напоминали его лицо или лица женщин, которых он любил. Среди этих трагедий были «Роды Канаки», «Орест-матереубийца», «Ослепление Эдипа», «Безумный Геркулес». Говорят, что один новобранец, стоявший на страже у входа, увидел его в этой роли по ходу действия в венках и цепях и бросился на сцену спасать его.

22. К скачкам его страсть была безмерна с малых лет: говорить о них он не уставал, хотя ему это и запрещали. Однажды, когда он с товарищами оплакивал смерть «зеленого» возницы, которого кони сбросили и проволкли по арене, учитель сделал ему замечание, но он притворился, что речь шла о Гекторе. Уже став императором, он продолжал играть на доске маленькими колесницами из слоновой кости, и на все цирковые игры, даже самые незначительные, приезжал со своих вилл — сперва тайно, потом открыто, так что уже все знали, что в положенный день он будет в Риме. (2) Он не скрывал намеренья увеличить число наград: поэтому заездов делалось все больше, скачки затягивались до вечера, и сами хозяева колесниц не соглашались выпустить своих возниц иначе, чем на целый день. Потом он и сам пожелал выступить возницей, и даже всенародно: поупражнявшись в садах, среди рабов и черного народа, он появился на колеснице перед зрителями в Большом цирке, и какой-то его вольноотпущенник с магистратского места подал знак платком к началу скачек.

(3) Но ему мало было показать свое искусство в Риме, и он, как было сказано, отправился в Ахайю. Побудило его к этому главным образом вот что. Все греческие города, в которых бывали музыкальные состязания, постановили послать ему венки кифаредов. Он принял венки с великой радостью, а послов, прибывших с ними, допустил к себе прежде всех и даже пригласил на дружеский обед. За обедом некоторые из них упросили его спеть и наградили шумными рукоплесканиями. Тогда он заявил, что только греки умеют его слушать, и только они достойны его стараний. Без промедленья он пустился в путь, и тотчас по переезде выступил в Кассиопе с пением перед алтарем Юпитера Кассия, а потом объехал одно за другим все состязания. 23. Для этого он приказал в один год совместить праздники самых разных сроков, хотя бы их пришлось повторять, и даже в Олимпии вопреки обычаю устроил музыкальные игры. Ничто не должно было отвлекать его от этих занятий: когда вольноотпущенник Гелий написал ему, что римские дела требуют его присутствия, он ответил так: «Ты советуешь и желаешь, чтобы я поскорей вернулся, а лучше было бы тебе убеждать и умолять меня вернуться достойным Нерона».

(2) Когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках. Как робел и трепетал он, выступая, как ревновал своих соперников, как страшился судей, трудно даже поверить. Соперников он обхаживал, заискивал перед ними, злословил о них потихоньку, порой осыпал их бранью при встрече, словно равных себе, а тех, кто был искуснее его, старался даже подкупать. (3) К судьям он перед выступленьями обращался с величайшим почтением,

уверяя, что он сделает все, что нужно, однако всякий исход есть дело случая, и они, люди премудрые и ученые, должны эти случайности во внимание не принимать. Судьи просили его мужаться, и он отступал, успокоенный, но все-таки в тревоге: молчанье и сдержанность некоторых из них казались ему недовольством и недоброжелательством, и он заявлял, что эти люди ему подозрительны.

24. При соревновании он тщательно соблюдал все порядки: не смел откашляться, пот со лба вытирал руками, а когда в какой-то трагедии выронил и быстро подхватил свой жезл, то в страхе трепетал, что за это его исключат из состязания, и успокоился тогда лишь, когда второй актер ему поклялся, что никто этого не заметил за рукоплесканьями и кликами народа. Победителем он объявлял себя сам, поэтому всякий раз он участвовал и в состязании глашатаев. А чтобы от прежних победителей нигде не осталось ни следа, ни памяти, все их статуи и изображения он приказывал опрокидывать, тащить крюками и сбрасывать в отхожие места. (2) Выступал он много раз и возницею, в Олимпии он правил даже упряжкой в десять лошадей, хотя сам за это в одном стихотворении порицал царя Митридата. Правда, здесь он был выброшен из колесницы; его вновь туда посадили, но продолжать скачку он уже не мог и сошел с арены; однако несмотря на это получил венок. Отправляясь в обратный путь, он подарил всей провинции свободу, а судьям — римское гражданство и немалую денежную награду: об этой милости объявил он собственными устами в день Истмийских игр с середины стадиона.

25. Из Греции он вернулся в Неаполь, где выступил когда-то в первый раз, и въехал в город на белых конях через пролом в стене, по обычаю победителей на играх. Таким же образом вступил он и в Анций, и в Альбан, и в Рим. В Рим он въезжал на той колеснице, на которой справлял триумф Август, в пурпурной одежде, в расшитом золотыми звездами плаще, с олимпийским венком на голове и пифийским — в правой руке; впереди несли остальные венки с надписями, где, над кем и в каких трагедиях или песнопениях он одержал победу, позади, как в овации, шли его хлопальщики, крича, что они служат Августу и воинами идут в его триумфе. (2) Он прошел через Большой цирк, где снес для этого арку, через Велабр, форум, Палатин и храм Аполлона; на всем его пути люди приносили жертвы, кропили дорогу шафраном, подносили ему ленты, певчих птиц и сладкие яства. Священные венки он повесил в своих опочивальнях возле ложа, и там же поставил свои статуи в облачении кифареда; с таким изображением он даже отчеканил монету. (3) Но и после этого он нимало не оставил своего усердия и старания: ради сохранения голоса он даже к солдатам всегда обращался лишь заочно или через глашатая; занимался ли он делами или отдыхал, при нем всегда находился учитель произношения, напоминавший ему, что надо беречь горло и дышать через платок. И многих

он объявлял своими друзьями или врагами, смотря по тому, охотно или скупо они ему рукоплескали.

26. Наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда всем было ясно, что пороки эти — от природы, а не от возраста. Едва смеркалось, как он надевал накладные волосы или войлочную шапку и шел слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Забавы его были не безобидны: людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал их в сточные канавы; в кабаки он вламывался и грабил, а во дворце устроил лагерный рынок, где захваченная добыча по частям продавалась с торгов, а выручка пропивалась. (2) Не раз в таких потасовках ему могли выбить глаз, а то и вовсе прикончить: один сенатор избил его чуть не до смерти за то, что он пристал к его жене. С этих пор он выходил в поздний час не иначе как в сопровождении войсковых трибунов, неприметно державшихся в стороне. Иногда и среди бела дня он в качалке тайно являлся в театр и с высоты просцения поощрял и наблюдал распри из-за пантомимов, а когда дело доходило до драк и в ход пускались камни и обломки скамеек, он сам швырял в толпу чем попало и даже проломил голову одному претору. 27. Когда же постепенно дурные наклонности в нем окрепли, он перестал шутить и прятаться и бросился уже не таясь в еще худшие пороки.

(2) Пирь он затягивал с полудня до полуночи, время от времени освежаясь в купальнях, зимой теплых, летом холодных; пировал он и при народе, на искусственном пруду или в Большом цирке, где прислуживали проститутки и танцовщицы со всего Рима. (3) Когда он проплывал по Тибру в Остию или по заливу в Байи, по берегам устраивались харчевни, где было все для бражничанья и разврата и где одетые шинкарками матроны отовсюду зазывали его причалить. Устраивал он пирь и за счет друзей — один из них, с раздачею шелков, обошелся в четыре миллиона сестерциев, а другой, с розовою водою, еще дороже.

28. Мало того, что жил он и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию. С вольноотпущенницей Актой он чуть было не вступил в законный брак, подкупив нескольких сенаторов консульского звания поклясться, будто она из царского рода. Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой. Еще памятна чья-то удачная шутка: счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена! (2) Этого Спора он одел, как императрицу, и в носилках возил его с собою и в Греции по собраниям и торжищам, и потом в Риме по Сигиллариям, то и дело его целуя. Он искал любовной связи даже с матерью, и удержали его только ее враги, опасаясь, что властная и безудержная женщина приобретет этим слишком много влия-

ния. В этом не сомневался никто, особенно после того, как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже, будто, разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чем свидетельствовали пятна на одежде. 29. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя, как насилуемая девушка. От некоторых я слышал, будто он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-нибудь чистого и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки: поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и все остальные грехи.

30. Для денег и богатств он единственным применением считал мотовство: людей расчетливых называл он грязными скрягами, а беспутных расточителей — молодцами со вкусом и умеющими пожить. В дяде своем Гае больше всего хвалил он и восхищался тем, как сумел он промотать за малое время огромное наследство Тиберия. (2) Поэтому и сам он не знал удержу ни в тратах, ни в щедротах. На Тиридата, хоть это и кажется невероятным, он тратил по восемьсот тысяч в день, а при отъезде пожаловал ему больше ста миллионов. Кифареду Менекрату и гладиатору Спикулу он подарил имущества и дворцы триумфаторов. Ростовщик Керкопетик Панерот, получивший от него богатейшие городские и загородные имения, был им погребен почти как царь. (3) Ни одного платья он не надевал дважды. Ставки в игре делал по четыреста тысяч сестерциев. Рыбу ловил позолоченной сетью из пурпурных и красных веревок. А путешествовал не меньше чем с тысячей повозок: у мулов были серебряные подковы, на погонщиках — канузийское сукно, а кругом — толпа скороходов и мавританских всадников в запястьях и бляхах.

31. Но более всего был он расточителем в постройках. От Палатина до самого Эсквилина он выстроил дворец, назвав его сначала Проходным, а потом, после пожара и восстановления, — Золотым. О размерах его и убранстве достаточно будет упомянуть вот что. Прихожая в нем была такой высоты, что в ней стояла колоссальная статуя императора ростом в сто двадцать футов; площадь его была такова, что тройной портик по сторонам был в милю длиной; внутри был пруд, подобный морю, окруженный строениями, подобными городам, а затем — поля, пестреющие пашнями, пастбищами, лесами и виноградниками, и на них — множество домашней скотины и диких зверей. (2) В остальных покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами; в обеденных палатах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; главная

палата была круглая и днем и ночью безостановочно вращалась вслед небосводу; в банях текли соленые и серные воды. И когда такой дворец был закончен и освящен, Нерон только и сказал ему в похвалу, что теперь наконец он будет жить по-человечески.

(3) Кроме того, начал он строить купальню от Мизена до Авернского озера, крытую и с портиками по сторонам, в которую хотел отвести все Байские горячие источники; начал и канал от Аверна до самой Остии, чтобы можно было туда ездить на судах, но не по морю; длиною он должен был быть в сто шестьдесят миль, а шириною такой, чтобы могли разойтись две квинкверемы. Для производства этих работ он приказал всех ссыльных отовсюду свезти в Италию, и даже уголовных преступников велел приговаривать только к этим работам.

(4) На эти безумные расходы толкала его не только уверенность в богатстве империи, но и безумная надежда отыскать под землей несметные клады: один римский всадник уверял его клятвенно, будто в Африке в огромных пещерах погребены сокровища древней казны, которую увезла с собой в бегстве из Тира царица Дидона, и добыть их можно почти без труда. 32. Когда же эта надежда его обманула и он, издержавшись и обеднев почти до нищеты, был вынужден даже солдатам задерживать жалованье, а ветеранам оттягивать награды, — тогда он обратился к прямым наветам и вымогательствам.

(2) Прежде всего постановил он, чтобы по завещаниям вольноотпущенников, без видимой причины носивших имя родственников ему семейств, он наследовал не половину, а пять шестых имущества; далее, чтобы по завещаниям, обнаруживающим неблагодарность к императору, все имущество отходило в казну, а стряпчие, написавшие или составившие эти завещания, наказывались; далее, чтобы закону об оскорблении величества подлежали любые слова и поступки, на которые только найдется обвинитель. (3) Даже подарки, сделанные им в благодарность за полученные от городов победные венки, он потребовал назад. А однажды он запретил носить фиолетовый и пурпурный цвет, сам подослал на рынок продавца с несколькими унциями этой краски и после этого опечатал лавки всех торговцев. Говорят, даже выступая с пением, он заметил среди зрителей женщину в запрещенном пурпурном платье и указал на нее своим прислужникам: ее выволокли, и он отнял у нее не только платье, но и все имущество. (4) Давая поручения, он всякий раз прибавлял: «А что мне нужно, ты знаешь», — и «Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось». Наконец, у многих храмов он отобрал приношения, а золотые и серебряные изваяния отдал в переплавку — в том числе и статуи богов-Пенатов, восстановленные впоследствии Гальбой.

33. Злодейства и убийства свои он начал с Клавдия. Он не был зачинщиком его умерщвления, но знал о нем и не скрывал этого: так, белые грибы он всегда с тех пор называл по греческой поговорке «пищей богов», потому что в белых грибах Клавдию

поднесли отраву. Во всяком случае, преследовал он покойника и речами и поступками, обвиняя его то в глупости, то в лютости: так, он говаривал, что Клавдий «перестал блажить среди людей», прибавляя в насмешку лишний слог к слову «жить»; многие его решения и постановления он отменил как сделанные человеком слабоумным и сумасбродным; и даже место его погребально-го костра он обнес загородкой убогой и тонкой.

(2) Британика, которому он завидовал, так как у того был приятнее голос, и которого он боялся, так как народ мог отдать тому предпочтение в память отца, решился он извести ядом. Этот яд получил он от некой Лукусты, изобретательницы отрав; но яд оказался слабее, чем думали, и Британика только просла-било. Тогда он вызвал женщину к себе и стал избивать собствен-ными руками, крича, что она дала не отраву, а лекарство. Та оправдывалась, что положила яду поменьше, желая отвести подо-зрение в убийстве; но он воскликнул: «Уж не боюсь ли я Юлиева закона!» — и заставил ее тут же, в спальне, у себя на глазах сварить самый сильный и быстродействующий яд. (3) Отраву испытали на козле, и он умер через пять часов; перекипя-тив снова и снова, ее дали поросенку, и тот окошел на месте; тогда Нерон приказал подать ее к столу и поднести обедавшему с ним Британику. С первого же глотка тот упал мертвым; а Нерон, солгав сотрапезникам, будто это обычный припадок падучей, на следующий же день, в проливной дождь, похоронил его торопливо и без почестей. Лукуста же за сделанное дело получила и без-наказанность, и богатые поместья, и даже учеников.

34. Мать свою невзлюбил он за то, что она следила и строго судила его слова и поступки. Сперва он только старался так или иначе возбудить к ней ненависть, грозясь отказаться от власти и удалиться на Родос; потом лишил ее всех почестей и власти, отнял воинов и германских телохранителей, отказал ей от дома и изгнал из дворца; но и тут ни на миг не давал он ей покоя — нанятые им люди досаждали ей в Риме тяжбами, а на отдыхе насмешками и бранью, преследуя ее на суше и на море. (2) Наконец, в страхе перед ее угрозами и неукротимостью, он решился ее погубить. Три раза он пытался отравить ее, пока не понял, что она заранее принимает противоядия. Тогда он устроил над ее постелью штучный потолок, чтобы машиной высво-бодить его из пазов и обрушить на спящую, но соучастникам не удалось сохранить замысел в тайне. Тогда он выдумал распа-дающийся корабль, чтобы погубить ее крушением или обвалом каюты: притворно сменив гнев на милость, он самым нежным письмом пригласил ее в Байи, чтобы вместе отпраздновать Квин-кватрии, задержал ее здесь на пиру, а триерархам отдал приказ повредить ее либурнскую галеру, будто бы при нечаянном столк-новении; и когда она собралась обратно в Бавлы, он дал ей вме-сто поврежденного свой искусно состроенный корабль, проводил ее ласково и на прощанье даже поцеловал в грудь. (3) Остаток ночи он провел без сна, с великим трепетом ожидая исхода

предприятия. А когда он узнал, что все вышло иначе, что она ускользнула вплавь, и когда ее отпущенник Луций Агерм радостно принес весть, что она жива и невредима, тогда он, не в силах ничего придумать, велел незаметно подбросить Агерму кинжал, потом схватить его и связать, как подосланного убийцу, а мать умертвить, как будто она, уличенная в преступлении, сама наложила на себя руки. (4) К этому добавляют, ссылаясь на достоверные сведенья, еще более ужасные подробности: будто бы он сам прибежал посмотреть на тело убитой, ощупывал ее члены, то похваливая их, то поругивая, захотел от этого пить и тут же пьянствовал. Но хотя и воины, и сенат, и народ ободряли его своими поздравлениями, угрызений совести он не избежал ни тогда, ни потом, и не раз признавался, что его преследует образ матери и бичующие Фурии с горящими факелами. Поэтому он устраивал и священнодействия магов, пытаясь вызвать дух умершей и вымолить прощение, поэтому и в Греции на элевсинских таинствах, где глашатай велит удалиться нечестивцам и преступникам, он не осмелился принять посвящение.

(5) За умерщвлением матери последовало убийство тетки. Ее он посетил, когда она лежала, страдая запором; старуха погладила, как обычно, пушок на его щеках и сказала ласково: «Увидеть бы мне вот эту бороду остриженной, а там и помереть можно»; а он, обратясь к друзьям, насмешливо сказал, что острижет ее хоть сейчас, и велел врачам дать больной слабительного свыше меры. Она еще не скончалась, как он уже вступил в ее наследство, скрыв завещание, чтобы ничего не упустить из рук.

35. Женат после Октавии он был дважды — на Поппее Сабине, отец которой был квестором, а первый муж — римским всадником, и на Статилии Мессалине, правнучке Тавра, двукратного консула и триумфатора: чтобы получить ее в жены, он убил ее мужа Аттика Вестина, когда тот был консулом. Жизнь с Октавией быстро стала ему в тягость; на упреки друзей он отвечал, что с нее довольно и звания супруги. (2) После нескольких неудачных попыток удавить ее он дал ей развод за бесплодие, несмотря на то что народ не одобрял развода и осыпал его бранью; потом он ее сослал и, наконец, казнил по обвинению в прелюбодеянии — столь нелепому и наглому, что даже под пыткой никто не подтвердил его, и Нерон должен был нанять лжесвидетелем своего дядьку Аникета, который и объявил, что он сам хитростью овладел ею. (3) На Поппее он женился через двенадцать дней после развода с Октавией и любил ее безмерно; но и ее он убил, ударив ногой, больную и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она его встретила упреками. От нее у него родилась дочь Клавдия Августа, но умерла еще во младенчестве.

(4) Поистине никого из близких не пощадил он в своих преступлениях. Антонию, дочь Клавдия, которая после смерти Поппеи отказалась выйти за него замуж, он казнил, обвинив в подготовке переворота. За ней последовали остальные его род-

ственники и свойственники: среди них был и молодой Авл Плавтий, которого он перед казнью изнасиловал и сказал: «Пусть теперь моя мать придет поцеловать моего преемника!» — ибо, по его словам, Агриппина любила этого юношу и внушала ему надежду на власть. (5) Пасынка своего Руфрия Криспина, сына Поппеи, он велел его рабам во время рыбной ловли утопить в море, так как слышал, что мальчик, играя, назвал себя полководцем и императором. Туска, сына своей кормилицы, он отправил в ссылку за то, что в бытность свою прокуратором в Египте тот искупался в бане, выстроенной к приезду Нерона. Сенеку, своего воспитателя, он заставил покончить с собой, хотя не раз, когда тот просил его уволить и отказывался от всех богатств, Нерон священной клятвой клялся, что подозрения его напрасны и что он скорее умрет, чем сдает наставнику зло. Бурру, начальнику преторианцев, он обещал дать лекарство от горла, а послал ему яд. Вольноотпущенников, богатых и дряхлых, которые были когда-то помощниками и советниками при его усыновлении и воцарении, он извел отравой, поданной или в пищу, или в питье.

36. С не меньшей свирепостью расправлялся он и с людьми чужими и посторонними. Хвостатая звезда, по общему поверью грозящая смертью верховным властителям, стояла в небе несколько ночей подряд; встревоженный этим, он узнал от астролога Бальбилла, что обычно цари откупаются от таких бедствий какой-нибудь блистательной казнью, отвращая их на головы вельмож, и тоже обрек на смерть всех знатнейших мужей государства — тем более что благовидный предлог для этого представило раскрытие двух заговоров: первый и важнейший был составлен Пизоном в Риме, второй — Виницианом в Беневенте. (2) Заговорщики держали ответ в оковах из тройных цепей: одни добровольно признавались в преступлении, другие даже вменяли его себе в заслугу — по их словам, только смертью можно было помочь человеку, запятнанному всеми пороками. Дети осужденных были изгнаны из Рима и убиты ядом или голодом: одни, как известно, были умерщвлены за общим завтраком, вместе со своими наставниками и прислужниками, другим запрещено было зарабатывать себе пропитание.

37. После этого он казнил уже без меры и разбора кого угодно и за что угодно. Не говоря об остальных, Сальвидиен Орфит был обвинен за то, что сдал внаймы послам от вольных городов три харчевни в своем доме близ форума; слепой правовед Кассий Лонгин — за то, что сохранил среди старинных родовых изображений предков образ Гая Кассия, убийцы Цезаря; Фрасея Пет — за то, что вид у него всегда был мрачный, как у наставника. (2) Приказывая умереть, он оставлял осужденным считанные часы жизни; а чтобы не было промедления, он приставлял к ним врачей, которые тотчас «приходили на помощь» к нерешительным — так называл он смертельное вскрытие жил. Был один знаменитый обжора родом из Египта, который умел есть и сырое

мясо, и что угодно — говорят, Нерону хотелось дать ему растерзать и сожрать живых людей. (3) Гордясь и спесивясь такими своими успехами, он восклицал, что ни один из его предшественников не знал, какая власть в его руках, и порою намекал часто и открыто, что и остальных сенаторов он не пощадит, все их сословие когда-нибудь искоренит из государства, а войска и провинции поручит всадничеству и вольноотпущенникам. Во всяком случае, приезжая и уезжая, он не допускал сенаторов к поцелуям и не отвечал на их приветствия, а начиная работы на Истме, он перед огромной толпой во всеуслышанье пожелал, чтобы дело это послужило на благо ему и римскому народу, о сенате не упомянув.

38. Но и к народу, и к самым стенам отечества он не ведал жалости. Когда кто-то сказал в разговоре:

Когда умру, пускай земля огнем горит!

«Нет, — прервал его Нерон, — *Пока живу!*» И этого он достиг. Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать; а житницы, стоявшие поблизости от Золотого дворца и, по мнению Нерона, отнимавшие у него слишком много места, были как будто сначала разрушены военными машинами, а потом подожжены, потому что стены их были из камня. (2) Шесть дней и семь ночей свирепствовало бедствие, а народ искал убежища в каменных памятниках и склепах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома древних полководцев, еще украшенные вражеской добычей, горели храмы богов, возведенные и освященные в годы царей, а потом — пунических и галльских войн, горело все достойное и памятное, что сохранилось от древних времен. На этот пожар он смотрел с Меценатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел «Крушение Трои». (3) Но и здесь не упустил он случая для добычи и поживы: объявив, что обломки и трупы будут сожжены на государственный счет, он не подпускал людей к остаткам их имущества; а приношения от провинций и частных лиц он не только принимал, но и требовал, вконец исчерпывая их средства.

39. К злоключениям и бедствиям, виновником которых был Нерон, судьба прибавила и другие: чуму, которая за одну осень тридцать тысяч человек внесла в погребальные списки; поражение в Британии, где два города была разорены и множество граждан и союзников перебито; бесславные дела на Востоке, где в Армении легионы прошли под ярмом, а Сирия еле держалась.

Среди всего этого особенно удивительно и примечательно было то равнодушие, с которым он воспринимал нарекания и проклятья людей. Ни к кому он не был так снисходителен, как к тем, кто язвил его колкостям и стишкам. (2) Этих стишков,

и латинских и греческих, много тогда складывалось и ходило по рукам — например, таких:

Трое — Нерон, Алкмеон и Орест — матерей убивали.
Сочти — найдешь: Нерон — убийца матери.

Чем не похожи Эней и наш властитель? Из Трои
Тот изводил отца — этот извел свою мать.

Наш напрягает струну, тетиву напрягает парфянин:
Феб-песнопевец — один, Феб-дальновержец — другой.

Рим отныне — дворец! спешите в Вейи, квириты,
Если и Вейи уже этим не стали дворцом.

Однако он не разыскивал сочинителей, а когда на некоторых поступил донос в сенат, он запретил подвергать их строгому наказанию. (3) Однажды, когда он проходил по улице, киник Исидор громко крикнул ему при всех, что о бедствиях Навплия он поет хорошо, а с собственными бедствиями справляется плохо; а Дат, актер из ателланы, в одной песенке при словах «*Будь здоров, отец, будь здорова, мать*» показал движениями, будто он пьет и пльвет, заведомо намекая этим на гибель Клавдия и Агриппины, а при заключительных словах — «К смерти путь ваш лежит!» — показал рукою на сенат. Но и философа и актера Нерон в наказание лишь выслал из Рима и Италии — то ли он презирал свою дурную славу, то ли не хотел смущать умы признанием обиды.

40. Такого-то правителя мир терпел почти четырнадцать лет и наконец низвергнул. Начало этому положила Галлия во главе с Юлием Виндексом, который был тогда пропретором этой провинции. (2) Нерону уже давно было предсказано астрологами, что рано или поздно он будет низвергнут; тогда он и сказал свои известные слова: «*Прокормимся ремеслишком!*» — чтобы этим оправдать свои занятия искусством кифареда, для правителя забавным, но для простого человека необходимым. Впрочем, иные обещали, что и низвергнутый он сохранит власть над Востоком — некоторые прямо называли Иерусалимское царство, — а многие даже сулили ему возврат к прежнему положению. Эта надежда была ему приятнее, и когда он потерял, а потом вернул Армению и Британию, то решил, что роковые бедствия над ним уже исполнились. (3) Когда же оракул дельфийского Аполлона велел ему бояться семьдесят третьего года, он рассудил, что тогда он и умрет — о возрасте Гальбы он не подумал — и проникся такой верой в свое вечное и исключительное счастье, что после кораблекрушения, в котором погибли все его драгоценности, он с уверенностью заявил друзьям, что рыбы ему их вынесут.

(4) О галльском восстании он узнал в Неаполе в тот день, в который когда-то убил свою мать. Отнесся он к этому спокойно и беспечно: могло даже показаться, что он радовался случаю разграбить богатейшие провинции по праву войны. Он тут же

отправился в гимнасий, с увлечением смотрел на состязания борцов; за обедом пришли новые донесения, еще тревожнее, но он остался холоден и лишь пригрозил, что худо придется мятежникам. И потом целых восемь дней он не рассылал ни писем, ни приказов, ни предписаний, предав все дело забвению. 41. Наконец, возмущенный все новыми оскорбительными эдиктами Виндекса, он отправил сенату послание, призывая отомстить за него и за отечество, но сам не явился, ссылаясь на болезнь горла. Больше всего обиделся он, что Виндекс обозвал его дрянным кифаредом и назвал не Нероном, а Агенобарбом. На это он объявил, что вновь примет свое родовое имя, которым его так оскорбительно попрекают, а принятое по усыновлению отвергнет: остальные же обвинения он объявил лживыми уже потому, что его корят незнанием искусства, в котором он неустанными занятиями дошел до совершенства, и всех расспрашивал, знает ли кто-нибудь кифареда лучше, чем он?

(2) Понуждаемый новыми и новыми вестями, он, наконец, в трепете пустился в Рим. По дороге его приободрила мелкая примета: на одном памятнике он увидел изображение римского всадника, который тащит за волосы повергнутого галльского воина, и при виде этого подпрыгнул от радости и возблагодарил небо. Но и тогда он не вышел с речью ни к сенату, ни к народу, а созвал во дворец виднейших граждан, держал с ними недолгий совет и потом весь остаток дня показывал им водяные органы нового и необычайного вида, объяснял их в подробностях, рассуждал об устройстве и сложности каждого и даже обещал выставить их в театре, ежели Виндексу будет угодно.

42. Когда же он узнал, что и Гальба с Испанией отложился от него, он рухнул и в душевном изнеможении долго лежал как мертвый, не говоря ни слова; а когда опомнился, то, разодрав платье, колотя себя по голове, громко вскричал, что все уже кончено. Старая кормилица утешала его, напоминая, что и с другими правителями такое бывало; но он отвечал, что его судьба — небывалая и неслыханная: при жизни он теряет императорскую власть. (2) Тем не менее от обычной своей распушенности и праздности он нимало не отказался: более того, когда из провинции пришли какие-то хорошие вести, он на роскошном пиру пропел игриво сложенные песенки про вождей восстания, сопровождая их телодвижениями, и их тотчас подхватили повсюду. А когда он потихоньку явился в театр на представление, где большой успех имел один актер, он послал сказать актеру: «Ты пользуешься тем, что император занят».

43. В самом начале восстания, говорят, он лелеял замыслы самые чудовищные, но вполне отвечавшие его нраву. Всех начальников провинций и войска он хотел убить и сменить как соучастников и единомышленников заговора; всех изгнанников и всех живущих в Риме галлов перерезать — одних, чтобы не примкнули к восстанию, других как сообщников и пособников своих земляков; галльские провинции отдать на растерзание войскам;

весь сенат извести ядом на пирах; столицу поджечь, а на улицы выпустить диких зверей, чтобы труднее было спастись. (2) Отказавшись от этих замыслов — не столько из стыда, сколько из-за неуверенности в успехе — и убедившись, что война неизбежна, он сместил обоих консулов раньше срока и один занял их место, ссылаясь на пророчество, что Галлию может завоевать только консул. И, уже вступив в должность, уходя однажды с пира, поддерживаемый друзьями, он заявил, что как только они будут в Галлии, он выйдет навстречу войскам безоружный и одними своими слезами склонит мятежников к раскаянью, а на следующий день, веселясь среди общего веселья, споет победную песнь, которую должен сочинить заранее.

44. Готовясь к походу, он прежде всего позаботился собрать телеги для перевозки театральной утвари, а наложниц, сопровождавших его, остричь по-мужски и вооружить секирами и щитами, как амазонок. Потом он объявил воинский набор по городским трибам, но никто годный к службе не явился; тогда он потребовал от хозяев известное число рабов и отобрал из челяди каждого только самых лучших, не исключая даже управляющих и писцов.

(2) Всем сословиям приказал он пожертвовать часть своего состояния, а съемщикам частных домов и комнат — немедленно принести годовую плату за жилье в императорскую казну. С великой разборчивостью и строгостью он требовал, чтобы монеты были неистертые, серебро переплавленное, золото пробованное; и многие даже открыто отказывались от всяких приношений, в один голос предлагая ему лучше взыскать с доносчиков выданные им награды. 45. Еще более стал он ненавистен, стараясь нажиться и на дороговизне хлеба: так, однажды в голодное время александрийский корабль, о прибытии которого было объявлено, оказался нагружен песком для гимнастических состязаний.

(2) Всем этим он возбудил такое негодование, что не было оскорблений, какими бы его ни осыпали. На макушку его статуи привязали хохол с греческой надписью: «Вот и настоящее состязание! Теперь несдобровать!» Другой статуе на шею повесили мех с надписью: «Сделал я все, что мог; но ты мешка не минувешь». На колоннах писали, что своим пением он разбудил галльского петуха. А по ночам многие нарочно затевали ссоры с рабами и без усталости призывали Заступника.

46. Пугали его также и явно зловещие сновидения, гадания и знаменья как старые, так и новые. Никогда раньше он не видел снов; а после убийства матери ему стало сниться, что он правит кораблем и кормило от него ускользает, что жена его Октавия увлекает его в черный мрак, что его то покрывают стаи крылатых муравьев, то обступают и теснят статуи народов, что воздвигнуты в Помпеевом театре, и что его любимый испанский скакун превратился сзади в обезьяну, а голова осталась лошадиной и испускала громкое ржание. (2) В Мавзолее сами собой распахнулись

двери и послышался голос, зовущий Нерона по имени. В январские календы только что украшенные статуи Ларов обрушились как раз, когда им готовились жертвы; при гадании Спор поднес ему в подарок кольцо с резным камнем, изображавшим похищение Прозерпины; во время принесения обетов при огромном стечении всех сословий с трудом отыскивались ключи от Капитолия. (3) Когда в сенате читалась его речь против Виндекса, где говорилось, что преступники понесут наказание и скоро примут достойную гибель, со всех сторон раздались крики: «Да будет так, о Август!» Замечено было даже, что последняя трагедия, которую он пел перед зрителями, называлась «Эдип-изгнанник» и заканчивалась стихом:

Жена, отец и мать мне умереть велят.

47. Между тем пришли вести, что взбунтовались и остальные войска. Узнав об этом во время пира, он изорвал донесение, опрокинул стол, разбил оземь два любимых своих кубка, которые называл «гомерическими», так как резьба на них была из поэм Гомера, и, взяв у Лукусты яд в золотом ларчике, отправился в Сервилиевы сады. Самых надежных вольноотпущенников он отправил в Остию готовить корабли, а сам стал упрашивать преторианских трибунов и центурионов сопровождать его в бегстве. (2) Но те или уклонялись, или прямо отказывались, а один даже воскликнул:

Так ли уж горестна смерть?..

Тогда он стал раздумывать, не пойти ли ему просителем к парфянам или к Гальбе, не выйти ли ему в черном платье к народу, чтобы с ростральной трибуны в горьких слезах молить прощенья за все, что было, а если умолить не удастся, то выпросить себе хотя бы наместничество над Египтом. Готовую речь об этом нашли потом в его ларце; удержал его, по-видимому, страх, что его растерзают раньше, чем он достигнет форума.

(3) Дальнейшие размышления отложил он на следующий день. Но среди ночи, проснувшись, он увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями, и ни от кого не получив ответа, сам пошел к их покоям. Все двери были заперты, никто не отвечал; он вернулся в спальню — оттуда уже разбежались и слуги, унеся даже простыни, похитив и ларчик с ядом. Он бросился искать гладиатора Спидула или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, — но никого не нашел. «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» — воскликнул он и выбежал прочь, словно желая броситься в Тибр.

48. Но первый порыв прошел, и он пожелал найти какое-нибудь укромное место, чтобы собраться с мыслями. Вольноотпущенник Фаон предложил ему свою усадьбу между Соляной и Номентанской дорогами, на четвертой миле от Рима. Нерон, как был, босой, в одной тунике, накинув темный плащ, закутав голову

и прикрыв лицо платком, вскочил на коня; с ним было лишь четверо спутников, среди них — Спор.

(2) С первых же шагов удар землетрясения и вспышка молнии бросили его в дрожь. Из ближнего лагеря до него долетали крики солдат, желавших гибели ему, а Гальбе — удачи. Он слышал, как один из встречных прохожих сказал кому-то: «Они гонятся за Нероном»; другой спросил: «А что в Риме слышно о Нероне?» Конь шарахнулся от запаха трупа на дороге, лицо Нерона раскрылось, какой-то отставной преторианец узнал его и отдал ему честь.

(3) Доскакав до поворота, они отпустили коней, и сквозь кусты и терновник, по тропинке, проложенной через тростник, подстилая под ноги одежду, Нерон с трудом выбрался к задней стене виллы. Тот же Фаон посоветовал ему до поры укрыться в яме, откуда брали песок, но он отказался идти живым под землю. Ожидая, пока пророчат тайный ход на виллу, он ладонью зачерпнул напиться воды из какой-то лужи и произнес: «Вот напиток Нерона!» (4) Плащ его был изорван о терновник, он обобрал с него торчавшие колючки, а потом на четвереньках через узкий выкопанный проход добрался до первой каморки и там бросился на постель, на тощую подстилку, прикрытую старым плащом. Ему захотелось есть и снова пить: предложенный ему грубый хлеб он отверг, но тепловатой воды немного выпил.

49. Все со всех сторон умоляли его скорее уйти от грозящего позора. Он велел снять с него мерку и по ней вырыть у него на глазах могилу, собрать куски мрамора, какие найдутся, принести воды и дров, чтобы управиться с трупом. При каждом приказании он всхлипывал и все время повторял: «Какой великий артист погибает!» (2) Пока он медлил, Фаону скороход принес письмо; выхватив письмо, он прочитал, что сенат объявил его врагом и разыскивает, чтобы казнить по обычаю предков. Он спросил, что это за казнь; ему сказали, что преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти. В ужасе он схватил два кинжала, взятые с собою, попробовал острие каждого, потом опять спрятал, оправдываясь, что роковой час еще не наступил. (4) То он уговаривал Спора начинать крик и плач, то просил, чтобы кто-нибудь примером помог ему встретить смерть, то бранил себя за нерешительность такими словами: «Живу я гнусно, позорно — не к лицу Нерону, не к лицу — нужно быть разумным в такое время — ну же, мужайся!» Уже приближались всадники, которым было поручено захватить его живым. Заслышав их, он в трепете выговорил:

Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает,—

и с помощью своего советника по прошениям, Эпафродита, вонзил себе в горло меч. (4) Он еще дышал, когда ворвался центурион и, зажав плащом его рану, сделал вид, будто хочет

ему помочь. Он только и мог ответить: «Поздно!» — и: «Вот она, верность!» — и с этими словами испустил дух. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть.

Своих спутников он прежде всего и больше всего умолял, чтобы голова его никому не досталась и чтобы тело его во что бы то ни стало было сожжено целиком. Дозволение на это дал Икел, вольноотпущенник Гальбы, в начале мятежа брошенный в тюрьму и только что освобожденный. 50. Погребение его обошлось в двести тысяч. Завернут он был в белые ткани, шитые золотом, которые надевал в новый год. Останки его собрали кормилицы Эклога и Александрия и наложница Акта, похоронив их в родовой усыпальнице Домициев, что на Садовом холме со стороны Марсова поля. Урна его в усыпальнице была сделана из красного мрамора, алтарь над ней — из этрусского, ограда вокруг — из фасосского.

51. Росту он был приблизительно среднего, тело — в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное, глаза серые и слегка близорукие, шея толстая, живот выпирающий, ноги очень тонкие. Здоровьем он пользовался отличным: несмотря на безмерные излишества, за четырнадцать лет он болел только три раза, да и то не отказывался ни от вина, ни от прочих своих привычек. Вид и одеяния его были совершенно непристойны: волосы он всегда завивал рядами, а во время греческой поездки даже отпускал их на затылке, одевался он в застольное шелковое платье, шею повязывал платком и так выходил к народу, распоясанный и необутый.

52. Благородные науки он в детстве изучал почти все; только от философии отклонила его мать, уверяя, что для будущего правителя это помеха, а от изучения древних ораторов — Сенека, желавший, чтобы его ученик дольше сохранил восторг перед наставником. Поэтому он обратился к поэзии, сочиняя стихи охотно и без труда. Не правы те, кто думает, будто он выдавал чужие сочинения за свои: я держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой, и видно было, что они не переписаны с книги или с голоса, а писались тотчас, как придумывались и сочинялись, — столько в них поправок, поправок и вставок. С немалым усердием занимался он также живописью и ваянием.

53. Но более всего его увлекала жажда успеха, и он ревновал ко всем, кто чем бы ни было возбуждал внимание толпы. Ходил слух, что после своих театральных побед он собирался через положенные пять лет выступить в Олимпии атлетом: действительно, борьбою он занимался постоянно, а в Греции при всех гимнастических состязаниях на стадионах он непременно занимал место на земле между судей, и если какая пара в борьбе отходила слишком далеко, он своими руками толкал ее на место. Сравнявшись, по общему признанию, с Аполлоном в пении и с Солнцем в ристании, собирался он померяться и с Геркулесом в его подвигах: говорят, что наготове был и лев, на которого он

должен был выйти перед народом в амфитеатре голым и убить его палицей или задушить руками. 54. В последние свои дни он открыто поклялся, что если власть его устроит, то на победных играх он выступит сам и с органом, и с флейтой, и с волынкой, а в последний день даже танцовщиком, и пропляшет вергилиевского «Турна». Некоторые уверяют, что и актер Парис был им убит как опасный соперник. 55. Желание бессмертия и вечной славы было у него всегда, но выражалось неразумно: многим местам и предметам он вместо обычных названий давал новые, по собственному имени: так, апрель месяц он назвал Нероием, а город Рим собирался переименовать в Нерополь.

56. Ко всем святыням он относился с презрением, кроме одной лишь Сирийской богини, да и ею потом стал гнушаться настолько, что мочился на нее. Его обуяло новое суеверие, и только ему он хранил упрямую верность: от какого-то неведомого плебея он получил в подарок маленькую фигурку девушки как охрану от всех коварств, и, когда тотчас после этого был раскрыт заговор, он стал почитать ее превыше всех богов, принося ей жертвы трижды в день и требуя, чтобы все верили, будто она открывает ему будущее. За несколько месяцев до смерти совершал он гадание и по внутренностям жертв, но не добился благоприятного ответа.

57. Скончался он на тридцать втором году жизни, в тот самый день, в который убил когда-то Октавию. Ликование в народе было таково, что чернь бегала по всему городу в фригийских колпаках. Однако были и такие, которые еще долго украшали его гробницу весенними и летними цветами и выставляли на ростральных трибунах то его статуи в консульской тоге, то эдикты, в которых говорилось, что он жив и скоро вернется на страх своим врагам. (2) Даже парфянский царь Вологез, отправляя в сенат послов для возобновления союза, с особенной настойчивостью просил, чтобы память Нерона оставалась в почете. И даже двадцать лет спустя, когда я был подростком, явился человек неведомого звания, выдававший себя за Нерона, и имя его имело такой успех у парфян, что они действительно его поддерживали и лишь с трудом согласились выдать.

ГАЛЬБА

1. Род Цезарей пересекся с Нероном. На это еще задолго указывали многие знаменья, особенно же наглядно следующие два. Когда-то Ливия, тотчас после брака с Августом, ехала в свою усадьбу в Вейях, как вдруг над нею появился орел, держа в когтях белую курицу с лавровой веточкой в клюве, и как похитил, так и опустил ее Ливии на колени. Курицу она решила выкормить, а веточку посадить, и цыплят развелось столько, что до сих пор эта вилла прозывается «Куриной», а лавровая роща разрослась так, что цезари для триумфов брали оттуда лавры, а после триумфов всякий раз сажали новые на том же месте; и замечено было, что при кончине каждого засыхало и посаженное им дерево. И вот, на последнем году жизни Нерона и роща вся засохла на корню, и все куры, какие там были, погибли. И тотчас затем ударила молния в храм Цезарей, и со всех статуй сразу упали головы, а у статуи Августа даже скипетр выбило из рук.

2. Нерону наследовал Гальба, с домом Цезарей никаким родством не связанный, но, бесспорно, муж великой знатности, из видного и древнего рода: в надписях на статуях он всегда писал себя правнуком Квинта Катула Капитолийского, а сделавшись императором, выставил у себя в атрии свою родословную, восходящую по отцу к Юпитеру, а по матери к Пасифае, супруге Миноса.

3. Лиц и деяния всего этого рода было бы долго перечислять: остановлюсь коротко лишь на самом его семействе. Кто из Сульпициев первый получил прозвище Гальбы и почему, — в точности неизвестно. Одни думают, что этот родоначальник после долгой и тщетной осады какого-то испанского города поджег его наконец факелами, обмазанными гальбаном; другие — что при затяжной болезни он постоянно носил гальбей, то есть лекарство, завернутое в шерсть; третьи — что он был очень толст, что по-гальбски называется «гальба»; или, наоборот, что он был худой, как те насекомые, что заводятся в горном дубе и называются «гальбами». (2) Прославил это семейство консуляр Сервий Гальба, едва ли не самый красноречивый оратор своего времени: о нем говорят, что в бытность свою пропретором в Испании он вероломно перебил тридцать тысяч лузитанцев, из-за чего и возгорелась Вириатова война. Внук его служил легатом Юлия

Цезаря в Галлии, но не был им допущен к консульству, в раздражении примкнул к заговору Брута и Кассия и был осужден по Педиеву закону. (3) От него происходят дед и отец императора Гальбы. Дед получил известность не столько саном — дальше претуры он не продвинулся, — сколько учеными занятиями, издав объемистую и старательно составленную историю. А отец достиг консульства и, несмотря на низкий рост, горб на спине и посредственные ораторские способности, усердно выступал в судах. (4) Женат он был сперва на Муммии Ахаике, внучке Катула и правнучке того Луция Муммия, который разрушил Коринф, а затем на Ливии Оцеллине, женщине очень богатой и красивой: говорят, она сама добивалась этого брака из-за его знатности; и когда на ее домогательства, не желая показаться обманщиком, он в укромном месте скинул одежду и показал ей свое уродство — это только прибавило ей пылу. От Ахаики он имел сыновей Гая и Сервия. Старший, Гай, порастратив состояние, покинул Рим, и когда Тиберий не допустил его в должный срок к жребию о проконсульстве, он наложил на себя руки.

4. Сервий Гальба, император, родился в консульство Марка Валерия Мессалы и Гнея Лентула, в девятый день до январских календ, в усадьбе, что на холме близ Таррацины, по левую сторону как идти в Фунды. Усыновленный своей мачехой Ливией, он принял ее фамилию вместе с прозвищем Оцеллы и переименовал имя, назвавшись Луцием вместо Сервия, — это имя он носил, пока не стал императором. Как известно, Август, когда Гальба мальчиком приветствовал его среди сверстников, ущипнул его за щечку и сказал: *«И ты, малютка, отдаешь моей власти»*. А Тиберий, узнав, что Гальба будет императором, но только в старости, сказал: *«Пусть живет, коли нас это не касается»*. (2) Дед его однажды совершал жертвоприношение после удара молнии, как вдруг орел выхватил внутренности жертвы у него из рук и унес на дуб, покрытый желудями; ему сказали, что это возвещает их роду верховную власть, хотя и не скоро, а он насмешливо отозвался: *«Еще бы — когда мул ожеребится!»* И впоследствии, когда Гальба поднимал свой мятеж, мул ожеребился, и это более всего внушило ему уверенности: другие ужасались этому мерзкому диву, а он один считал его самым радостным знаком, памятуя о жертвоприношении и словах деда. (3) В день совершеннолетия он увидел во сне Фортуну, которая сказала, что устала стоять на его пороге, и если он не поторопится ее принять, она достанется первому встречному. Проснувшись, он распахнул дверь и нашел у порога медное изображение богини, длиной побольше локтя. На своей груди отнес его в Тускул, где обычно проводил лето, посвятил ему комнату в своем доме и с этих пор каждый месяц почитал его жертвами и каждый год — ночными празднествами.

(4) Еще не достигнув зрелого возраста, он уже неукоснительно соблюдал древний гражданский обычай, всеми забытый и сохранявшийся только в их доме: все вольноотпущенники и рабы

дважды в день собирались перед ним и утром здоровались, а вечером прощались с хозяином поодиночке. 5. В числе других благородных наук изучал он и право. Выполнил он и супружеский долг; но, потеряв жену свою Лепиду и обоих рожденных от нее сыновей, он остался вдовцом, и никакие предложения не могли его склонить к браку — даже Агриппины, которая после смерти своего мужа Домиция всеми способами обхаживала еще женатого и не овдовевшего Гальбу, так что мать Лепиды в собрании матрон однажды изругала ее и даже ударила. (2) Более же всего он воздавал почтения Дивии Августе: и при ее жизни он пользовался ее милостью, и по ее завещанию он едва не стал богатым человеком — ему было отказано пять миллионов, самый большой подарок, но, так как это было обозначено не словами, а цифрами, ее наследник Тиберий сократил этот подарок до пятисот тысяч, да и тех не выплатил.

6. В почетные должности вступал он раньше положенного возраста. В бытность претором он показал на Флоралиях невиданное дотоле зрелище: слонов-канатоходцев. Потом около года управлял провинцией Аквитанией. Затем он был очередным консулом в течение шести месяцев, причем случилось так, что в этой должности предшественником его был Луций Домиций, отец Нерона, а преемником — Сальвий Отон, отец Отона — видимое предвестие того, что в будущем он станет императором в промежутке между сыновьями обоих.

(2) Гай Цезарь назначил его легатом Верхней Германии на место Гетулика. Прибыв к легионам, он на следующий же день запретил солдатам рукоплескать на происходившем в это время празднике, письменным приказом велел всем держать руки под плащом. Тотчас по лагерю пошел стихок:

Этот Гальба — не Гетулик: привыкай, солдат, служить!

(3) С той же суровостью запретил он и просьбы об отпуске. Воинов — и ветеранов и новобранцев — он закалил постоянным трудом; варваров, прорвавшихся уже до самой Галлии, он остановил, а в присутствии самого Гая показал и себя, и легионы так хорошо, что из бесчисленных войск, собранных со всех провинций, ни одно не получило больше похвал и больше наград. Сам же он особенно отличился тем, что, проведя полевые учения со щитом на руке, он после этого пробежал за колесницей императора целых двадцать миль.

7. При известии об убийстве Гая многие советовали ему воспользоваться случаем, но он предпочел остаться в стороне. Этим он снискал великое расположение Клавдия, был принят в круг его друзей и достиг такого почета, что из-за его внезапной и тяжелой болезни был отсрочен даже поход в Британию. Он получил без жребия на два года проконсульство в Африке, чтобы навести порядок в этой провинции, беспокойной из-за внутренних раздоров и из-за восстания варваров; и он навел порядок с усердной строгостью и справедливостью даже в мелочах.

(2) Один солдат в походе воспользовался недостатком продовольствия, чтобы продать за сто денариев меру пшеницы — остаток своего пайка; его уличили, и Гальба запретил кормить его, когда он останется без хлеба; солдат умер с голоду. А в суде, разбирая спор о вьючном муле, где ни одна сторона не могла убедительно доказать свою собственность ни доводами, ни свидетельствами и установить истину было трудно, он велел отвести мула с завязанными глазами к обычному водопою, там развязать его, и к кому он побежит от воды, тому его и отдать.

8. За эти свои заслуги в Африке и прежние в Германии он получил триумфальные украшения и был избран жрецом в три коллегии сразу — в число квиндецимвиров, тициев и августалов. И с этих пор почти до середины правления Нерона жил он по большей части на покое, и даже на прогулки выезжал не иначе, как имея при себе миллион золотом в соседней повозке.

Наконец, когда он был в городе Фундах, он получил назначение в Тарраконскую Испанию. (2) И случилось, что когда он явился в провинцию и приносил жертвы в общинном храме, то у мальчика-служителя, стоявшего с каминой, все волосы вдруг стали седыми — и некоторые увидели в этом знак смены правителей, будто за молодым придет старик, то есть за Нероном Гальба. А немного спустя в Кантабрии молния ударила в озеро и там нашли двенадцать секир — недвусмысленный знак верховной власти. 9. Управлял он провинцией восемь лет, но непостоянно и по-разному. Поначалу он был суров и крут и не знал даже меры в наказаниях за проступки. Так, одному меняле за обман при размене денег он отрубил руки и гвоздями прибил его к столу; опекуна, который извел ядом сироту, чтобы получить после него наследство, он распял на кресте; а когда тот стал взывать к законам, заверяя, что он — римский гражданин, то Гальба, словно облегчая ему наказание, велел ради утешения и почета перенести его на другой крест, выше других и беленый. Но постепенно он впал в бездеятельность и праздность, так как не хотел давать Нерону никаких поводов и так как, по его словам, никого нельзя заставить отчитываться в бездействии.

(2) Он правил суд в Новом Карфагене, когда узнал о восстании в Галлии: его просил о помощи аквитанский легат. Потом пришло письмо и от Виндекса с призывом стать освободителем и вождем рода человеческого. После недолгого колебания он это предложение принял, побуждаемый отчасти страхом, отчасти надеждою. С одной стороны, он уже перехватил приказ Нерона о своей казни, тайно посланный прокураторам, с другой стороны, ему внушали бодрость благоприятные гаданья и знаменья, а также пророчества одной знатной девицы — тем более что в это время жрец Юпитера Клунийского по внушению сновидения вынес из святилища точно такие же прорицания, точно так же произнесенные вещей девою двести лет назад; а говорилось в них о том, что будет время, когда из Испании явится правитель и владыка мира.

10. И вот, словно собираясь дать свободу рабам, он взошел на трибуну; выставив перед собою множество изображений тех, кто был осужден и казнен Нероном, выведя за собою знатного мальчика, сосланного на ближний из Балеарских островов и нарочно для этого вызванного, он произнес горестную речь о положении государства, его приветствовали императором, и тогда он объявил себя легатом сената и римского народа. (2) Отменив судебные дела, он стал набирать из жителей провинции легионы в вспомогательные войска вдобавок к своему прежнему войску — одному легиону, двум конным отрядам и трем когортам. Из старейших и разумнейших граждан местной знати он учредил подобие сената и при всякой надобности совещался с ними о важных делах. (3) Из всаднического сословия он избрал юношей, которые, не лишаясь золотых перстней, должны были именоваться «добровольцами» и вместо солдат нести стражу при его опочивальне. А по провинциям он разослал эдикты, призывая всех и каждого присоединиться к нему и кто как может помогать общему делу. (4) Около того же времени при укреплении города, где назначил он сбор войскам, был найден перстень древней работы с резным камнем, изображавшим Победу с трофеем; а тотчас затем море принесло в Дертозу александрийский корабль с грузом оружия, без кормчего, без моряков, без путешественников, так что никто уже не сомневался, что война начинается правая, священная и под покровительством богов.

Вдруг внезапно и неожиданно все едва не пришло в расстройство. (5) Один из конных отрядов стал жалеть о нарушении присяги и при приближении Гальбы к лагерю попытался от него отложиться — с трудом удалось его удержать в повиновении. А рабы, которых с коварным умыслом подарил Гальбе вольноотпущенник Нерона, едва не закололи его в узком переходе по пути в баню — его спасло, что они стали ободрять друг друга не упускать случая, их спросили, о каком случае идет речь, и пыткой вынудили признание. 11. Ко всем этим несчастьям прибавилась и гибель Виндекса — это потрясло Гальбу больше всего, и, словно обреченный, он готов был наложить на себя руки.

Но когда подоспели гонцы из Рима и он узнал, что Нерон погиб и все присягнули ему, тогда он сложил звание легата, принял имя Цезаря и выступил в путь, одетый в военный плащ, с кинжалом, висящим на груди, — тогу он надел лишь тогда, когда убиты были затевавшие новый заговор в Риме начальник преторианцев Нимфидий Сабин, а в Германии и Африке — легаты Фонтей Капитон и Клодий Макр.

12. В пути ему предшествовала молва о его свирепости и скупости. Говорили, что города Испании и Галлии, медлившие к нему примкнуть, он наказывал тяжкими поборами или даже разрушал их стены, а их заместников и чиновников казнил с женами и детьми; что когда в Тарраконе ему поднесли золотой венок в пятнадцать фунтов весом из древнего храма Юпитера, он отдал его в переплавку и взыскал с граждан три унции

золота, которых не достало. (2) Эти слухи он подтвердил и умножил при вступлении в Рим. Так, моряков, которых Нерон из гребцов сделал полноправными гражданами, он заставил вернуться к прежнему состоянию, а когда они стали отказываться, настойчиво требуя орла и значков, он выпустил на них конников и, разогнав, казнил каждого десятого. Отряд германцев, издавна служивших у цезарей телохранителями и не раз на деле доказавших свою преданность, он распустил и без всякой видимой причины отправил на родину, так как заподозрил их в сочувствии Гаю Долабелле, чьи сады были рядом с их лагерем. (3) В насмешку над ним рассказывали — справедливо ли, нет ли, — будто однажды при виде роскошного пира он громко застонал; будто очередному управителю, поднесшему ему краткую сводку расходов, он за старание и умение пожаловал блюдо овощей; и будто флейтисту Кану, восторгаясь его игрой, он подарил пять денариев, вынув их собственной рукой из собственного ларца. 13. Поэтому прибытие его не вызвало большой радости. Это обнаружилось на ближайших зрелищах: когда в ателлане запели знаменитую песенку «Шел Онисим из деревни», то все зрители подхватили ее в один голос и несколько раз повторили этот стих с ужимками.

14. Вот почему любили и уважали его больше, когда он принимал власть, чем когда стоял у власти. Правда, многие его поступки обнаруживали в нем отличного правителя; но его не столько ценили за эти качества, сколько ненавидели за противоположные.

(2) Полную власть над ним имели три человека — они жили вместе с ним на Палатине, никогда его не покидали, и народ называл их его дядьками. Это были: Тит Виний, его испанский легат, безудержно алчный; Корнелий Лакон, из судебного заседателя ставший начальником преторианцев, нестерпимо тупой и спесивый; вольноотпущенник Икел, только что награжденный золотым кольцом и прозвищем Марциана и уже домогающийся высшей из всаднических должностей. Этим-то негодяям, с их различными пороками, он доверял и позволял помыкать собою так, что сам на себя не был похож — то слишком мелочен и скуп, то слишком распущен и расточителен для правителя, избранного народом и уже не молодого.

(3) Некоторых видных граждан из обоих высших сословий он по ничтожным подозрениям казнил без суда. Римское гражданство даровал он редко, а право трех детей — всего один или два раза, да и то лишь на известный ограниченный срок. Судьи просили его прибавить им шестую декурию — он не только отказал, но и отнял у них дарованное Клавдием позволение не собираться на суд зимою, в начале года. 15. Думали даже, что он собирается ограничить сенаторские и всаднические должности двухгодичным сроком и давать их только тем, кто уклоняется и избегает их. Щедрые дары Нерона он взыскал с помощью пятидесяти римских всадников, оставив владельцам лишь деся-

тую часть: даже если актеры или атлеты подарки свои продали, а деньги истратили и не могли выплатить, то проданные подарки отбирались у покупателей. (2) И напротив, своим друзьям и вольноотпущенникам он позволял за взятку или по прихоти делать что угодно — облагать налогом и освобождать от налога, казнить невинных и миловать виновных. Даже когда народ потребовал от него казни Галота и Тигеллина, он из всех клеветов Нерона не тронул лишь этих двух, самых зловредных, и вдобавок пожаловал Галота важной должностью, а за Тигеллина попрекнул народ жестокостью в своем эдикте.

16. Всем этим он вызвал почти поголовное недовольство во всех сословиях; но едва ли не более всех ненавидели его солдаты. Дело в том, что начальники обещали им небывалые подарки, если они присягнут ему заочно, а он не только не выполнял их обещаний, но даже гордился не раз, что привык набирать, а не покупать солдат; и этим он восстановил против себя все войска по всем провинциям. Среди преторианцев он к тому же возбудил страх и негодование тем, что многих увольнял в отставку по подозрению в соучастии с Нимфидием. (2) Но громче всех роптали легионы Верхней Германии, обманутые в ожидании наград за услуги в войне против галлов и Виндекса. Поэтому они первые нарушили покорность: в январские календы они отказались присягать кому-нибудь, кроме сената, и тут же решили отправить к преторианцам послов с вестью, что им не по нраву император, поставленный в Испании, — пусть лучше преторианцы сами выберут правителя, который был бы угоден всем войскам.

17. Услышав об этом, Гальба решил, что недовольство вызывает не столько его старость, сколько бездетность; и вот неожиданно он вывел из приветствовавшей его толпы Пизона Фруги Лициниана, молодого человека, знатного и видного, давнего своего любимца, которого всегда писал в завещании наследником своего имущества и имени, — он назвал его своим сыном, привел в лагерь и пред воинской сходкою усыновил. Однако и тут он ни слова не сказал о подарках и этим дал Марку Сальвию Отону удобный случай осуществить свой замысел шесть дней спустя.

18. Многие знаменья одно за другим еще с самого начала его правления возвещали ожидавший его конец. Когда на всем его пути, от города к городу, справа и слева закалывали жертвенных животных, то один бык, оглушенный ударом секиры, порвал привязь, подскочил к его коляске и, вскинув ноги, всего обрызгал кровью; а когда он выходил из коляски, телохранитель под напором толпы чуть не ранил его копьем. Когда он вступал в Рим и затем на Палатин, земля перед ним дрогнула и послышался звук, подобный реву быка. (2) Дальнейшие знаки были еще ясней. Для своей Тускуланской Фортуны он отложил из всех богатств одно ожерелье, составленное из жемчуга и драгоценных камней, но вдруг решил, что оно достойно более высокого места,

и посвятил его Венере Капитолийской; а на следующую ночь ему явилась во сне Фортуна, жалуясь, что ее лишили подарка, и грозясь, что теперь и она у него отнимет все, что дала. В испуге он на рассвете помчался в Тускул, чтобы замолить сновидение, и послал вперед гонцов приготовить все для жертвы; но, явившись, нашел на алтаре лишь теплый пепел, а рядом старика в черном, с фимиамом на стеклянном блюде и вином в глиняной чаше. (3) Замечено было также, что при новогоднем жертвоприношении у него упал с головы венок, а при гадании разлетелись куры; и в день усыновления при обращении к солдатам ему не поставили должным образом на трибуну военное кресло, а в сенате консульское кресло подали задом наперед. 19. Наконец, утром, в самый день его гибели, гадатель при жертвоприношении несколько раз повторил ему, что надо остерегаться опасности — убийцы уже близко.

Вскоре затем он узнал, что Отон захватил лагерь. Многие убеждали его скорее поспешить туда же, пока еще была возможность своим присутствием и влиянием одолеть соперника; но он предпочел не покидать дворца и только окружить себя стражей из легионеров, которые стояли по городу в разных местах. Однако он надел полотняный панцирь, хотя и не скрывал, что против стольких клинков это не защита.

(2) Все же он вышел из дворца, поверив ложным слухам, которые нарочно распространяли заговорщики, чтобы выманить его в людное место. Некоторые уверяли даже, что все уже кончено, что мятежники подавлены и что остальные войска уже стекаются поздравить его, готовые во всем ему повиноваться. Уверенный в своей безопасности, он вышел на улицу, чтобы их встретить; когда какой-то солдат ему похвастался, что убил Отону, он только спросил: «По чьему приказанию?» Так он дошел до форума. Сюда уже прискакали, разгоняя уличную толпу, те всадники, которым поручено было его убить. Увидев его издали, они придержали коней, а потом пустились на него вскачь и, всеми покинутого, изрубили.

20. Некоторые сообщают, что при первом замешательстве он крикнул: «Что вы делаете, соратники? Я ваш, и вы мои!» — и даже обещал им подарки. Но большинство утверждает, что он сам подставил им горло и велел делать свое дело и разить если угодно. Удивительнее всего то, что никто из присутствующих не попытался помочь императору, и все вызванные на помощь войска не послушались приказа, за исключением лишь германских ветеранов: благодарные за недавнюю заботу об их больных и слабых, они бросились на помощь, но по незнанию мест пустились дальним обходным путем и опоздали.

(2) Убит он был у Курциева озера и там остался лежать; наконец, какой-то рядовой солдат, возвращаясь с выдачи пайка, сбросил с плеч мешок и отрубил ему голову. Так как ухватить ее за волосы было нельзя, он сунул ее за пазуху, а потом поддел пальцем за челюсть и так преподнес Отону; а тот отдал ее обоз-

никам и харчевникам, и они, потешаясь, носили ее на пике по лагерю с криками: «Красавчик Гальба, наслаждайся молодостью!» Главным поводом к этой дерзкой шутке был распространившийся незадолго до этого слух, будто кто-то похвалил его вид, еще цветущий и бодрый, а он ответил:

«...Крепка у меня еще сила!»

Затем вольноотпущенник Патробия Нерониана купил у них голову за сто золотых и бросил там, где по приказу Гальбы был казнен его патрон. И лишь много позже управляющий Аргив похоронил ее вместе с трупом в собственных садах Гальбы по Аврелиевой дороге.

21. Росту он был среднего, голова совершенно лысая, глаза голубые, нос крючковатый, руки и ноги искалеченные подагрой до того, что он не мог ни носить подолгу башмак, ни читать или просто держать книгу. На правом боку у него был мясистый нарост, так отвисший, что его с трудом сдерживала повязка.

22. Ел он, говорят, очень много, и зимой начинал закусывать еще до света, а за обедом съедал столько, что объедки приказывал убирать у него из-под рук, обносить кругом и раздавать прислужникам. Похоть он испытывал больше к мужчинам, притом к взрослым и крепким: говорят, что когда Икел, давний его наложник, принес ему в Испанию весть о гибели Нерона, он не только нежно расцеловал его при всех, но и тотчас попросил его приготовить к объятиям, а потом увел.

23. Умер он на семьдесят третьем году жизни и на седьмом месяце правления. Сенат при первой возможности постановил воздвигнуть ему статую на роstralной колонне в том месте форума, где он был убит; но Веспасиан отменил постановление, полагая, что Гальба из Испании подсылал к нему в Иудею убийц.

ОТОН

1. Предки Отона происходят из города Ферентина, из семейства древнего и знатного, берущего начало от этрусских князей. Дед его, Марк Сальвий Отон, был сыном римского всадника и женщины низкого рода — может быть, даже не свободнорожденной; благодаря расположению Ливии Августы, в доме которой он вырос, он стал сенатором, но дальше преторского звания не пошел. (2) Отец его, Луций Отон, по матери принадлежал к очень знатному роду со многими влиятельными связями, а лицом был так похож на императора Тиберия и так им любим, что иные видели в нем его сына. Почетные должности в Риме, проконсульство в Африке и внеочередные военные поручения выполнял он с большой твердостью. В Иллирике после мятежа Камилла несколько солдат в порыве раскаянья убили своих начальников, якобы подстрекнувших их отложиться от Клавдия, — он приказал их казнить посреди лагеря у себя на глазах, хотя и знал, что Клавдий за это повысил их в чине. (3) Таким поступком он приобрел славу, но потерял милость; однако вскоре он вернул расположение Клавдия, раскрыв по доносу рабов измену одного римского всадника, замыслившего убить императора. Действительно, сенат почтил его редкою честью — статуей на Палатине, а Клавдий причислил его к патрициям, восхвалял его в самых лестных выражениях и даже воскликнул: «Лучше этого человека я и детей себе желать не могу!» От Альбии Теренции, женщины видного рода, он имел двух сыновей, старшего Луция Тициана и младшего Марка, унаследовавшего отцовское прозвище; была у него и дочь, которую, едва она подросла, он обручил с Друзом, сыном Германика.

2. Император Отон родился в четвертый день до майских календ в консульство Камилла Аррунция и Домиция Агенобарба. С ранней молодости он был такой мот и наглец, что не раз бывал сечен отцом; говорили, что он бродил по улицам ночами и всякого прохожего, который был слаб или пьян, хватал и подбрасывал на растянутом плаще. (2) После смерти отца он подольстился к одной сильной при дворе вольноотпущеннице и даже притворился влюбленным в нее, хотя она и была уже дряхлой старухой. Через нее он вкрался в доверие к Нерону и легко стал первым из его друзей из-за сходства нравов, а по некоторым слухам — и из-за развратной с ним близости. Могущество его было таково, что у одного консуляра, осужденного за вымогательство, он выговорил огромную взятку и, не успев еще добиться для него полного прощения, уже ввел его в сенат для принесения благодарности.

3. Соучастник всех тайных замыслов императора, в день, назначенный для убийства матери Нерона, он, во избежание подозрений, устроил для него и для нее пир небывалой изысканности; а Поппею Сабину, любовницу Нерона, которую тот увел у мужа и временно доверил ему под видом брака, он не только соблазнил, но и полюбил настолько, что даже Нерона не желал терпеть своим соперником. (2) Во всяком случае, говорят, что, когда тот за нею прислал, он прогнал посланных и даже самого Нерона не впустил в дом, оставив его стоять перед дверьми и с мольбами и угрозами тщетно требовать доверенного другу сокровища. Потому-то по расторжении брака Отон был под видом наместничества сослан в Лузитанию. Ясно было, что Нерон не хотел более строгим наказанием разоблачать всю эту комедию; но и так она получила огласку в следующем стихе:

Хочешь узнать, почему Отон в почетном изгнанье?
Сам со своею женой он захотел переспать!

Провинцией управлял он в квесторском сане десять лет, с редким благородием и умеренностью. 4. Когда же наконец представился случай отомстить, он первый примкнул к начинанию Гальбы. В то же время он и сам возымел немалую надежду на власть — отчасти по стечению обстоятельств, отчасти же по предсказанию астролога Селевка: когда-то он обещал Отону, что тот переживет Нерона, а теперь сам неожиданно явился к нему с вестью, что скоро он станет императором. (2) Поэтому он шел теперь на любые одолжения и заискивания: устраивая обед для правителя, всякий раз одарял весь отряд телохранителей золотом, других солдат привязывал к себе другими способами, а когда кто-то в споре с соседом из-за межи пригласил его посредником, он купил и подарил ему все поле. Вскоре трудно было найти человека, который бы не думал и не говорил, что только Отон достоин стать наследником империи. 5. Сам он надеялся, что Гальба его усыновит, и ожидал этого со дня на день. Но когда тот предпочел ему Пизона и надежды его рухнули, он решил прибегнуть к силе. Кроме обиды, его толкали на это огромные долги: он откровенно говорил, что ежели он не станет императором, то ему все равно, погибнуть ли от врага в сражении или от кредиторов на форуме.

(2) За несколько дней до выступления ему удалось вытянуть миллион сестерциев у императорского раба за доставленное ему место управляющего. Эти деньги стали началом всего дела. Сперва он доверился пятерым телохранителям, потом, когда каждый привлек двоих, — еще десятерым. Каждому было дано по десяти тысяч и обещано еще по пятьдесят. Эти солдаты говорили и других, но немногих: не было сомнения, что едва дело начнется, как многие пойдут за ними сами. 6. Он собирался было тотчас после усыновления Пизона захватить лагерь и напасть на Гальбу во дворце за обедом, но не решился, подумав о когорте, которая несла стражу: она навлекла бы общую ненависть, если

бы, покинув в свое время Нерона, позволила теперь убить и Гальбу. А потом еще несколько дней отняли дурные знамения и предостережения Селевка.

(2) Наконец, в назначенный день он велел своим сообщникам ждать его на форуме перед храмом Сатурна у золоченого верстового столба, сам поутру явился с приветствием к Гальбе, встречен был, как всегда, с поцелуем, присутствовал при императорском жертвоприношении и слышал предсказания гадателя. Затем вольноотпущенник сказал ему, что пришли зодчие — это был условный знак. Он удалился, объяснив, что хочет осмотреть покупаемый им дом, вышел через задние покои дворца и помчался к условленному месту; по другим рассказам, он притворился, что у него лихорадка, и попросил окружающих извиниться за него, если станут его искать. (3) А затем, торопливо усевшись в женскую качалку, он направился в лагерь. Носильщики выбились из сил, он слез и побежал, развязавшийся башмак остановил его; тогда, чтобы не задерживаться, спутники подняли его на плечи и, приветствуя его императором, среди радостных кликов и блеска мечей принесли его на лагерную площадь. Все встречные присоединялись к ним, словно сообщники и соучастники. Из лагеря он послал людей убить Гальбу и Пизона, а чтобы крепче привязать к себе солдат, поклялся перед ними на сходке, что будет считать своим только то, что они ему оставят.

7. Затем, когда день уже был на исходе, он явился в сенат, коротко доложил, что его похитили на улице и силой заставили принять власть и что действовать он будет только с общего согласия, а потом отправился во дворец. Среди прочих угодливых поздравлений и лести чернь дала ему имя Нерона, и он нисколько не высказал неудовольствия: более того, иные говорят, что он даже первые свои грамоты и послания к некоторым наместникам провинций подписал этим именем. Во всяком случае, изображения и статуи Нерона он разрешил восстановить, его прокураторам и вольноотпущенникам вернул их прежние должности и первым же своим императорским указом отпустил пятьдесят миллионов сестерциев на достройку Золотого дворца.

(3) В ту же ночь, говорят, он видел страшный сон и громко стонал; на крик прибежали и нашли его на полу перед постелью: ему казалось, что дух Гальбы поднял его и сбросил с ложа, и он не жалел искупительных жертв, пытаясь его умиловить. На следующий день при гадании его сшибло с ног внезапным вихрем, и слышали, как он несколько раз пробормотал:

...Куда уж мне до длинных флейт!

8. Как раз около этого времени германские легионы присягнули Вителлию. Узнав об этом, Отон предложил сенату отправить к ним посольство с известием, что правитель уже избран и чтобы они хранили покой и согласие, а сам через гонцов предложил Вителлию стать его соправителем и зятем. Но война

была неизбежна, и высланные Вителлием полководцы и войска приближались. Тут-то он смог убедиться, как верны и преданны ему преторианцы — все высшее сословие едва не было ими перебито. (2) Он пожелал подвезти оружие на судах с помощью моряков; но когда под вечер оружие стали забирать из лагеря, некоторые солдаты заподозрили измену, подняли тревогу, и все разом, никем не предводимые, устремились на Палатин, требуя избиения сената. Трибуны пытались вмешаться, их опрокинули, некоторых убили, и солдаты, как были окровавленные, допытываясь, где же император, прорвались до самой обеденной палаты и остановились лишь тогда, когда увидели Отона.

(3) В поход он выступил смело и едва ли не слишком поспешно, не обращая внимания даже на предзнаменования, — а между тем и священные щиты в то время были вынесены и еще не спрятаны, что издавна считается зловещим, и жрецы Матери богов начинали в этот день свои слезные вопли, и гадания были явно недобрыми: жертва отцу Диту оказалась угодной, тогда как при этом жертвоприношении лучшим знаком бывает обратное; при выходе из города его задержал разлив Тибра, а на двадцатой миле дорога оказалась прегражденной обвалом здания. 9. С такой же опрометчивостью решил он дать бой как можно скорее, хотя всем было ясно, что войну следует затягивать, изводя неприятеля голодом и теснотой ущелий: быть может, он не в силах был вынести долгого напряжения и надеялся легче добиться победы до прибытия Вителлия, быть может, не умел справиться с солдатами, бурно рвавшимися в бой. Сам он ни в одном сражении не участвовал, оставаясь в Брикселле.

(2) В трех первых незначительных битвах он победил — при Альпах, близ Плаценции и возле так называемого Касторова урочища; но в последней и решительной — при Бетриаке — он был разбит при помощи хитрости: ему подали надежду на переговоры, солдаты вышли, чтобы заключить перемирие, и, еще обмениваясь приветствиями, вдруг вынуждены были принять бой.

(3) Тогда и решился он умереть: и многие небезосновательно думают, что не столько от отчаяния и неуверенности в войсках, сколько стыдясь упорствовать в борьбе за власть и подвергать таким опасностям людей и государство. В самом деле, и при нем еще оставались удержанные в запасе нетронутые войска и новые шли к нему на помощь из Далматии, Паннонии и Мёзии и, даже побежденные, несмотря на поражение, готовы были сами, без всякой подмоги, встретить любую беду, чтобы отомстить за свой позор.

10. Отец мой Светоний Лет был на этой войне трибуном всаднического звания в тринадцатом легионе. Впоследствии он часто говорил, что Отон даже частным человеком всегда ненавидел междоусобные распри, и когда однажды на пиру кто-то упомянул о гибели Кассия и Брута, он содрогнулся; он и против Гальбы не выступил бы, если бы не надеялся достигнуть цели без войны; а тут его научил презрению к смерти пример рядового

солдата, который принес весть о поражении — ему никто не верил, его обзывали то лжецом, то трусом, бежавшим из сражения, и тогда он бросился на меч у самых ног Отона; а тот, по словам отца, при виде этого воскликнул, что не желает больше подвергать опасности таких мужей и таких солдат.

(2) Брату, племяннику и нескольким друзьям он посоветовал спастись, кто как может, обнял их всех, поцеловал и отпустил. Оставшись один, он написал два письма — одно к сестре, с утешениями, и другое к Мессалине, вдове Нерона, на которой собирался жениться: им он завещал позаботиться о его останках и памяти. Все свои письма он сжег, чтобы никому не причинить опасности или вреда от победителя; деньги, какие были, разделил между слугами.

11. Он уже решил и приготовился умереть таким образом, как вдруг послышался шум; ему сказали, что это тех, кто пытается покинуть войско и уйти, хватают и не пускают, как беглецов. Тогда он произнес: «Продлим жизнь еще на одну ночь» — это его подлинные слова, — и запретил удерживать кого бы то ни было силой. Спальня его была открыта до поздней ночи, и все, кто хотели, могли обращаться к нему. (2) Потом он выпил холодной воды, чтоб утолить жажду, достал два кинжала, попробовал их острие, спрятал их под подушку, затворил двери и забылся глубоким сном. Только на рассвете он проснулся и тогда одним ударом поразил себя ниже левого соска. На первый же его стон сбежались люди, и перед ними он, то прикрывая, то открывая рану, испустил дух. Похоронили его быстро, как он сам велел. Это было на тридцать восьмом году его жизни, после девяноста пяти дней правления.

12. Этому величию духа не отвечало у Отона ни тело, ни наружность. Был он, говорят, невысокого роста, с некрасивыми и кривыми ногами, ухаживал за собою почти как женщина, волосы на теле выщипывал, жидкую прическу прикрывал накладными волосами, прилаженными и пригнанными так, что никто о том не догадывался, а лицо свое каждый день, с самого первого пушка, брил и растирал моченым хлебом, чтобы не росла борода; и на празднествах Исиды он при всех появлялся в священном полотняном одеянии.

(2) Вот почему, думается, смерть его, столь непохожая на жизнь, казалась еще удивительнее. Многие воины, которые там были, со слезами целовали ему мертвому руки и ноги, величали его доблестным мужем и несравненным императором и тут же, близ погребального костра, умирали от своей руки; многие, которых там и не было, услышав эту весть, в отчаянии бились друг с другом насмерть. И даже многие из тех, кто жестоко ненавидел его при жизни, стали его превозносить после смерти, как это водится у черни: говорили даже, что Гальбу он убил не затем, чтобы захватить власть, а затем, чтобы восстановить свободу и республику.

ВИТЕЛЛИЙ

1. О происхождении рода Вителлиев передаются мнения самые разнообразные и несхожие: одни называют его древним и знатным, другие — новым, безродным и даже темным. Все это можно было бы отнести на счет льстецов и хулителей императора Вителлия; однако суждения об этом роде были разноречивы уже гораздо раньше. (2) Существует книжка Квинта Элогия, посвященная Квинту Вителлию, квестору божественного Августа: в ней говорится, что Вителлии происходят от Фавна, царя аборигинов, и от Вителлии, которую во многих местах чтут, как богиню, что правили они всем Лацием и что последние их отпрыски переселились от сабинов в Рим и были причислены к патрициям. (3) Памятью об этом роде надолго осталась Вителлиева дорога от Яникула до самого моря и колония того же имени, которую они некогда взяли оборонять от эквикулов силами одного своего рода. А потом уже, когда во время самнитской войны в Апулию были посланы войска, некоторые из Вителлиев остались жить в Нуцерии, и потомство их лишь много спустя воротилось в Рим и заняло место в сенате. 2. А многие, напротив, утверждают, что род этот берет начало от вольноотпущенника; по словам Кассия Севера, а также и других, занимался этот человек починкой старой обуви, а сын его, разбогатев на распродажах и доносах, женился на доступной женщине, дочери некоего пекаря Антиоха, и стал отцом римского всадника. Однако вдаваться в эти разногласия мы не будем.

(2) Как бы то ни было, Публий Вителлий из Нуцерии, будь он из древнего рода или от низких родителей и предков, заведомо был римским всадником и управителем имений Августа; и он оставил четырех сыновей, достигших высшего звания, — все они носили одно родовое имя и различались только личными: Авл, Квинт, Публий и Луций. Авл скончался в должности консула, которую занимал вместе с Домицием, отцом императора Нерона; славился он роскошью и особенно блистал великолепием пиров. Квинт лишился звания, когда по воле Тиберия решено было исключить и удалить из сената нежелательных лиц. (3) Публий, приближенный Германика, был обвинителем и добился осуждения Гнея Пизона, его убийцы; потом, уже после преторства, схваченный как сообщник Сеяна и отданный под надзор брату, он

вскрыл себе жилы перочинным ножичком; правда, после этого он позволил перевязать и лечить себя не столько из страха смерти, сколько из-за просьб домочадцев, однако заболел и умер, не дождавшись освобождения. (4) Луций достиг консульства и был назначен наместником в Сирию; здесь он великим своим искусством заставил Артабана, парфянского царя, не только пойти на переговоры с ним, но даже воздать почет значкам легионов. Затем при императоре Клавдии он еще два раза был с ним консулом и один раз цензором, а во время его британского похода принимал на себя заботу о государстве. Человек он был честный и дельный, но запятнал себя любовью к вольноотпущеннице — даже слюну ее он смешивал с медом, чтобы лечить ею горло, как снадобьем, и не изредка или незаметно, а повседневно и при всех. (5) Отличался он и удивительным искусством льстить. Гая Цезаря он первым начал почитать как бога: вернувшись из Сирии, он, чтобы приблизиться к нему, окутал голову, подошел отвернувшись и протерся на полу. Перед Клавдием, которым помыкали жены и вольноотпущенники, он также не упускал ни одного способа выслужиться: у Мессалины он попросил, как величайшей милости, позволения ее разуть и, сняв с нее правую сандалию, всегда носил ее на груди между тогой и туникой, то и дело целуя; золотые изображения Нарцисса и Палланта он почитал среди домашних ларов; и это он воскликнул, поздравляя Клавдия со столетними играми: «Желаю тебе еще не раз их праздновать!» 3. Умер он от паралича на другой день после удара, оставив двух сыновей от Секстилии, женщины достойной и знатной; обоих он успел увидеть консулами, и при этом в одном и том же году, так как младший сменил старшего через шесть месяцев. Сенат почтил умершего погребением на государственный счет и статуей на форуме с надписью: «Неколебимо верен императору».

(2) Император Авл Вителлий, сын Луция, родился в консульство Друза Цезаря и Норбана Флакка, в восьмой день до октябрьских календ, а по другим сведениям — в седьмой день до сентябрьских ид. Гороскоп его, составленный астрологами, привел его родителей в такой ужас, что отец его с тех пор неотступно заботился, чтобы сын, хотя бы при его жизни, не получил назначения в провинцию, а мать при вести о том, что он послан к легионам и провозглашен императором, стала оплакивать его как погибшего.

(3) Детство и раннюю юность провел он на Капри среди любимчиков императора Тиберия, и на всю жизнь сохранил позорное прозвище Спинтрия; думали даже, что именно красота его лица была причиной и началом возвышения его отца. 4. В последующие годы, по-прежнему запятанный всеми пороками, он достиг важного положения при дворе. Близок он был и Гаю — за любовь к скачкам, и Клавдию — за любовь к игре, а более всего Нерону — отчасти за то же самое, отчасти же за особую услугу: распоряжаясь на Нероновых играх, он увидел, что Нерон

очень хочет выступить в состязании кифаредов, но не решается уступить общим просьбам и готов уйти из театра; тогда он остановил его, словно по неотступному требованию народа, и этим дал возможность его уговорить. 5. Снискав таким образом милость трех правителей, он был удостоен и почетных должностей, и высших жреческих санов, а после этого был проконсулом в Африке и попечителем общественных построек. Но на этих местах и дела его, и молва о нем были разные: провинцией он управлял с редкой добросовестностью целых два года, так как на второй год он остался легатом при брате, а на столичной должности, по рассказам, он похищал из храмов приношения и украшения или подменял их, ставя вместо золота и серебра олово и желтую медь.

6. Женат он был на Петронии, дочери консуляра, и имел от нее сына Петрониана, незрячего на один глаз. Мать оставила его наследником под условием выхода из-под отцовской власти: он отпустил сына, а вскоре, как полагают, отравил его, уверяя вдобавок, что это сын покушался на отцеубийство, но от угрызений совести сам выпил яд, предназначенный отцу. Потом он женился на Галерии Фундане, дочери бывшего претора, и она родила ему мальчика и девочку, но мальчик заикался так, что казался косноязычным и немым.

7. Гальба назначил его в Нижнюю Германию неожиданно. Полагают, что Вителлию помог поддержкой Тит Виний, с которым он давно был близок по общему пристрастию к «синим» в цирке и который в это время был в большой силе. Однако сам Гальба заявлял, что меньше всего приходится бояться тех, кто помышляет только о еде, и что, может быть, богатства провинции насытят его бездонную глотку, — так что всякому ясно, что назначение Вителлию было дано не столько из милости, сколько из презрения. (2) Известно, что и на дорогу у него не было денег: он жил в такой нужде, что для жены и детей, оставленных в Риме, снял какой-то чердак, а весь свой дом отдал внаем; на путевые расходы он должен был заложить жемчужину из серьги матери. Заимодавцы толпою осаждали его и не выпускали — среди них были и жители Формий и Синуэссы, городов, с которых он взыскал налог в свою пользу, — и он отделался от них, лишь припугнув их клеветой: одного вольноотпущенника, особенно ретиво требовавшего платежа, он потребовал к ответу за оскорбление действием, уверяя, будто бы тот ударил его ногой, и отступился не раньше, чем сорвал с него пятьдесят тысяч сестерциев.

(3) Войско, и без того враждебное императору и склонное к мятежу, встретило его с ликованием, простирая руки к небу: новый начальник, сын троекратного консула, сам в цвете лет, любезный и щедрый, казался даром богов. Это давнее мнение Вителлий подкрепил новыми доказательствами: по дороге он целовался при встрече даже с простыми солдатами, на постоянных дворах и в харчевнях был на диво любезен и с попуг-

чиками и с погонщиками, а по утрам даже расспрашивал каждого, завтракал ли он, и рыгал, чтобы показать, что сам-то он уже позавтракал. 8. А вступив в лагерь, он уже никому ни в чем не отказывал, и сам освобождал провинившихся от бесчестия, ответчиков от обвинений, осужденных от наказаний.

Поэтому не прошло и месяца, как солдаты, невзирая ни на день, ни на час, однажды вечером вытащили вдруг его из спальни, приветствовали императором и понесли по самым людным селам. В руках он держал меч божественного Юлия из святилища Марса, поданный кем-то при первых поздравлениях. (2) В свою палатку он вернулся лишь тогда, когда в столовой вспыхнул пожар от очага: все были в тревоге, словно испуганные недобрым знаком, но он воскликнул: «Смелей! этот свет — для нас!» — и это была единственная его речь к солдатам. Войска Верхней провинции поддержали его — они еще раньше покинули Гальбу во имя сената; и тогда по общей просьбе он с готовностью принял прозвище Германика, имя Августа отложил, а имя Цезаря отверг навсегда.

9. Вскоре стало известно об убийстве Гальбы — и тогда он, уладив германские дела, разделил свои войска, чтобы часть их отправить вперед против Отона, часть повести самому. Передовое войско выступило с добрым знаменем — с правой стороны вдруг появился орел, покружился над их значками и медленно полетел впереди легионов; и напротив, когда выступил он сам, то воздвигнутые ему повсюду конные статуи все внезапно рухнули с перебитыми ногами, а лавровый венок, торжественно им надетый, свалился в поток; и затем в Виенне, когда он правил суд с возвышения, на плечо ему и потом на голову сел петух. Предзнаменованиям соответствовал исход: легаты завоевали ему власть, но сам он удержать ее не смог.

10. О победе при Бетриаке и о гибели Отона он услышал еще в Галлии. Без промедления, одним эдиктом он распустил все преторианские когорты как подавшие дурной пример, приказав им сдать оружие трибунам; а обнаружив, что сто двадцать человек подали Отону прошения о награде за помощь при убийстве Гальбы, он велел всех разыскать и казнить. Бесспорно, поступки эти были достойные и прекрасные и позволяли надеяться, что он будет великим правителем; однако остальные его дела больше отвечали былой его жизни и нраву, нежели величию власти. (2) Так, едва выступив в поход, он проходил по городам как триумфатор, плыл по рекам на великолепных, разубранных пестрыми венками ладьях, среди обильной и лакомой снеди, не заботясь о порядке ни при дворе, ни в войске, любые грабежи и насилия обращая в шутку; а между тем его спутники, не довольствуясь угощениями, которые повсюду устраивал для них народ, забавлялись тем, что отпускали на волю чужих рабов, а тех, кто вмешивался, били, колотили, нередко ранили, а то и убивали. (3) Когда достигли поля, где было сражение, и кто-то ужаснулся гниющим трупам, он нагло подбодрил его гнусными словами:

«Хорошо пахнет труп врага, а еще лучше — гражданина!» Тем не менее, чтобы не слышать тяжкий запах, он и сам при всех напился чистого вина, и велел поднести остальным. С такой же тщеславной надменностью произнес он, взглянув на камень с надписью в память Отона: «Вот достойный его мавзолей!», а кинжал, которым тот убил себя, велел отправить в Колонию Агриппину и посвятить Марсу. А в Апеннинских горах справил он даже ночное празднество.

11. В Рим он вступил при звуках труб, в воинском плаще, с мечом на поясе, среди знамен и значков, его свита была в походной одежде, солдаты с обнаженными клинками. (2) Затем, все более и более дерзко попирая законы богов и людей, он в день битвы при Аллии принял сан великого понтифика, должностных лиц назначил на десять лет вперед, а себя объявил пожизненным консулом. И чтобы не оставалось никакого сомнения, кто будет его образцом в управлении государством, он среди Марсова поля, окруженный толпой государственных жрецов, совершил номинальные жертвы по Нерону, а на праздничном пиру, наслаждаясь пением кифареда, он при всех попросил его исполнить что-нибудь из хозяина, и когда тот начал песню Нерона, он первый стал ему хлопать, и даже подпрыгивал от радости.

12. Таково было начало; а затем он стал властвовать почти исключительно по прихоти и воле самых негодных актеров и возниц, особенно же — отпущенника Азиатика. Этого юношу он опозорил взаимным развратом; тому это скоро надоело, и он бежал; Вителлий поймал его в ПUTEОЛАХ, где он торговал водой с уксусом, заковал в оковы, тут же выпустил и снова взял в любимчики; потом, измучась его строптивостью и вороватостью, он продал его бродячим гладиаторам, но, не дождавшись конца зрелища и его выхода, опять его у них похитил. Получив назначение в провинцию, он, наконец, дал ему вольную, а в первый же день своего правления за ужином пожаловал ему золотые перстни, хотя еще утром все его об этом просили, а он возмущался мыслью о таком оскорблении всаднического сословия.

13. Но больше всего отличался он обжорством и жестокостью. Пире он устраивал по три раза в день, а то и по четыре — за утренним завтраком, дневным завтраком, обедом и ужином; и на все его хватало, так как всякий раз он принимал рвотное. В один день он напрашивался на угощение в разное время к разным друзьям, и каждому такое угощение обходилось не меньше, чем в четыреста тысяч. (2) Самым знаменитым был пир, устроенный в честь его прибытия братом: говорят, на нем было подано отборных рыб две тысячи и птиц семь тысяч. Но сам он затмил и этот пир, учредив такой величины блюдо, что сам называл его «*ужином Минервы градодержимицы*». Здесь были смешаны печень рыбы скара, фазаньи и павлиньи мозги, языки фламинго, молоки мурен, за которыми он рассылал корабли и корабельщиков от Парфии до Испанского пролива. (3) Не зная в чревоугодии меры, не знал он в нем ни поры, ни приличия — даже

при жертвоприношении, даже в дороге не мог он удержаться; тут же, у алтаря хватал он и поедал чуть ли не из огня куски мяса и лепешек, а по придорожным харчевням не брезговал и тамошней продымленной снедью, будь то хотя бы вчерашние объедки.

14. Наказывать и казнить кого угодно и за что угодно было для него наслаждением. Знатных мужей, своих сверстников и однокашников, он обхаживал всяческими заискиваниями, чуть ли не делился с ними властью, а потом различными коварствами убивал. Одному он даже своими руками подал отраву в холодной воде, когда тот в горячке попросил пить. (2) Из откупщиков, заимодавцев, менял, которые когда-нибудь взыскивали с него в Риме долг или в дороге пошлину, вряд ли он хоть кого-нибудь оставил в живых. Одного из них он послал на казнь в ответ на приветствие, тотчас потом вернул и, между тем как все восхваляли его милосердие, приказал заколоть его у себя на глазах, — «Я хочу насытить взгляд», — промолвил он. За другого просили двое его сыновей, он казнил их вместе с отцом. (3) Римский всадник, которого тащили на казнь, крикнул ему: «Ты мой наследник!» — он велел показать его завещание, увидел в нем своим сонаследником вольноотпущенника и приказал казнить всадника вместе с вольноотпущенником. Несколько человек из простонародья убил он только за то, что они дурно отзывались о «синих» в цирке: в этом он увидел презрение к себе и надежду на смену правителей. (4) Но больше всего он злобствовал против насмешников и астрологов и по первому доносу любого казнил без суда: его приводило в ярость подметное письмо, появившееся после его эдикта об изгнании астрологов из Рима и Италии к календам октября: «В добрый час, говорят халдеи! а Вителлию Германику к календам октября не быть в живых». (5) Подозревали его даже в убийстве матери: думали, что он во время болезни не давал ей есть, потому что женщина из племени хаттов, которой он верил, как оракулу, предсказала ему, что власть его лишь тогда будет твердой и долгой, если он переживет своих родителей. А другие рассказывают, будто она сама, измучась настоящим и страшась будущего, попросила у сына яду и получила его без всякого труда.

15. На восьмом месяце правления против него возмутились войска в Мёзии и Паннонии, а потом и за морем, в Иудее и Сирии: частью заочно, частью лично они присягнули Веспасиану. Чтобы сохранить верность и расположение остального народа, он не жалел уже никаких, ни своих, ни государственных средств. Объявляя в Риме воинский набор, он обещал добровольцам после победы не только отставку, но даже награды, какие лишь ветераны получали за полный выслуженный срок. (2) Враг наступал по суше и по морю, он отправил против него с моря своего брата с флотом, новобранцами и отрядом гладиаторов, а с суши — полководцев и войска, победившие при Бетриаке. Но повсюду он был или разбит, или предан; и тогда, обратясь к

Флавию Сабину, брату Веспасиана, он выговорил себе жизнь и сто миллионов сестерциев.

Со ступеней дворца он тотчас объявил толпе воинов, что слагает с себя власть, принятую им против воли. Поднялся возмущенный крик, и разговор пришлось отложить. Прошла ночь; на рассвете в скорбной одежде он вышел на ростральную трибуну и с горькими слезами повторил то же самое, но уже по написанному. (3) Вновь воины и народ его прервали, призывая его мужаться и наперебой предлагая свою помощь. Тогда он воспрянул духом: напав врасплох на Сабина и других флавианцев, считавших себя в безопасности, он оттеснил их на Капитолий, поджег пламенем храм Юпитера Благого и Величайшего, и всех уничтожил, а сам смотрел на битву и пожар из дворца Тиберия, пируя.

Но немного спустя он уже жалел о содеянном. Чтобы свалить вину на других, он созвал сходку и перед нею сам поклялся и других заставил поклясться, что для него нет ничего священнее общественного спокойствия. (4) Потом он снял с себя кинжал и подал его сперва консулу, потом, когда тот не взял, — должностным лицам, потом, поодиночке, — сенаторам; никто не принял кинжала, и он пошел прочь, словно желая посвятить его в храм Согласия; но кто-то закричал: «ты сам — Согласие!», и он вернулся, заявляя, что кинжал оставит у себя и примет отныне прозвище Согласие. 16. А сенату он предложил отправить послов и девственных весталок с просьбой о мире или хотя бы о сроке для переговоров.

На следующий день он ожидал ответа, как вдруг лазутчик принес весть, что враги приближаются. Тотчас он спрятался в качалке и с двумя только спутниками — это были пекарь и повар — тайно поспешил в отцовский дом на Авентин, чтобы оттуда бежать в Кампанию. Но тут пронесся слух, пустой и неверный, будто удалось добиться мира, и он позволил отнести себя обратно во дворец. Здесь все уже было брошено, люди его разбежались; тогда он надел пояс, набитый золотом, и спрятался в каморку привратника, привязав у дверей собаку и загородив дверь кроватью и тюфяком.

17. Передовые солдаты уже ворвались во дворец и, никого не застав, принялись, как водится, шарить повсюду. Они вытащили его из убежища и стали допрашивать, кто он и не знает ли он, где Вителлий, — они не знали его в лицо. Он солгал и вывернулся, но скоро был узнан; тогда он стал кричать без умолку, чтобы его пока оставили под стражей, хотя бы в тюрьме — он что-то скажет, важное для жизни Веспасиана. Наконец, связав ему руки за спиною, с петлей на шее, в разодранной одежде, полууголого, его поволокли на форум.

По всей Священной дороге народ осыпал его издевательскими, не жалея ни слова, ни дела: за волосы ему оттянули голову назад, как всем преступникам, под подбородок подставили острие меча, чтобы он не мог опустить лицо и всем было его вид-

но; (2) одни швыряли в него грязью и навозом, другие обзывали обжорой и поджигателем, третьи в толпе хулили в нем даже его телесные недостатки. Действительно, был он огромного роста, с красным от постоянного пьянства лицом, с толстым брюхом, со слабым бедром, которым он когда-то ушибся о колесницу, прислуживая на скачках Гаю. Наконец, в Гемониях его истерзали и прикончили мелкими ударами, а оттуда крюком сволокли в Тибр.

18. Погиб он вместе с братом и сыном на пятьдесят восьмом году жизни. И не обманулись в догадках те, кто по вещему случаю в Виенне, нами уже упомянутому, предрекли ему попасть в руки какого-то человека из Галлии: в самом деле, погубил его Антоний Прим, неприятельский полководец, родом из Толозы, которого в детстве звали «Беккон», что означает «петуший клюв».

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕСПАСИАН

1. Державу, поколебленную и безначальную после мятежей и гибели трех императоров, принял наконец и укрепил своей властью род Флавиев. Род этот был незнатен, изображений предков не имел, но стыдиться его государству не пришлось, хотя и считается, что Домициан за свою алчность и жестокость заслуженно понес кару.

(2) Тит Флавий Петрон из города Реате был у Помпея в гражданской войне то ли центурионом, то ли солдатом на сверхсрочной службе; после битвы при Фарсале он вернулся домой, добился прощения и отставки и занялся сбором денег на распродажах. Сын его, по прозванию Сабин, в войсках уже не служил — впрочем, некоторые говорят, что он был центурионом или даже старшим центурионом и получил увольнение от службы по нездоровью; он был в Азии сборщиком сороковой доли, и позднее там еще можно было видеть статуи, поставленные городами в его честь, с надписью: «Справедливому сборщику». (3) Затем он был ростовщиком в земле гелветов; там он и умер, оставив жену Веспасию Поллу с двумя сыновьями, из которых старший, Сабин, стал потом городским префектом, а младший, Веспасиан, — императором. Полла происходила из Нурсии, из именитого рода; отец ее Веспасий Поллион трижды был войсковым трибуном и начальником лагеря, а брат — сенатором преторского звания. Есть даже место под названием Веспасии, на верху горы у шестой мили, как идти из Нурсии в Сполеций; здесь можно видеть много памятников Веспасиев — явное свидетельство древности и славы этого рода. (4) Я не отрицаю, что некоторые говорят, будто отец Петрона был родом из Транспаданской области и занимался подрядами в артелях, каждый год ходивших из Умбрии к сабинам на сельские работы, а потом поселился в городе Реате и там женился; но сам я при всем моем старании не мог отыскать об этом никаких свидетельств.

2. Веспасиан родился в земле сабинов, близ Реате в деревушке под названием Фалакрины, вечером в пятнадцатый день до декабрьских календ, в консульство Квинта Сульпиция Камерина и Гая Поппея Сабина, за пять лет до кончины Августа. Рос он под надзором Тертуллы, своей бабки по отцу, в ее поместье близ Кóзы. Уже став правителем, он часто посещал места своего

детства: виллу он сохранял в прежнем виде, чтобы все, к чему привык его взгляд, оставалось нетронутым. А память бабки чтит он так, что на праздниках и торжествах всегда пил только из ее серебряного кубка.

(2) Достигнув совершеннолетия, он долго не хотел надевать сенаторскую тогу, хотя брат ее уже носил; только мать наконец сумела этого добиться, да и то скорее бранью, чем просьбами и родительской властью: она все время попрекала его, твердя, что он остался на побегушках у брата. (3) Служил он войсковым трибуном во Фракии, после квестуры получил по жребию провинцию Крит и Кирену; выступив соискателем должностей эдила и претора, одну должность он получил не без сопротивления, и только шестым по списку, зато другую — по первой же просьбе и в числе первых. В бытность претором он не упускал ни одного случая угодить Гаю, который был тогда не в ладах с сенатом: в честь его германской победы он потребовал устроить игры вне очереди, а при наказаниях заговорщиков предложил вдобавок оставить их тела без погребения. А удостоенный от него приглашения к обеду, он произнес перед сенатом благодарственную речь.

3. Женился он тем временем на Флавии Домицилле, бывшей любовнице римского всадника Статилия Капеллы из Сабраты в Африке: она имела лишь латинское гражданство, но потом судом рекуператоров была объявлена свободнорожденной и римской гражданкой по ходатайству ее отца Флавия Либерала, который был родом из Ферентина и всего лишь писцом в казначействе. От нее он имел детей Тита, Домициана и Домициллу. Жenu и дочь он пережил, потеряв обеих еще в бытность свою простым гражданином. После смерти жены он снова взял к себе свою бывшую наложницу Цениду, вольноотпущенницу и письмоводительницу Антонии, и она жила с ним почти как законная жена, даже когда он стал уже императором.

4. В правление Клавдия он по милости Нарцисса был направлен в Германию легатом легиона, а потом переведен в Британию, где участвовал в тридцати боях с неприятелем и покорил два сильных племени, более двадцати городов и смежный с Британией остров Вектис, сражаясь под началом то Авла Плавтия, легата консульского звания, то самого императора Клавдия. (2) За это он получил триумфальные украшения, затем вскоре — два жреческих сана и, наконец, — консульство: в этой должности он был два последних месяца в году. После этого до самого своего проконсульства жил он на покое и в уединении, опасаясь Агриппины, которая была еще в силе при сыне и ненавидела друзей уже умершего Нарцисса. (3) В управление он по жребию получил Африку и правил ею честно и с большим достоинством, если не считать, что однажды в Гадрумете во время мятежа его забросали репой. Во всяком случае, вернулся он из провинции, ничуть не разбогатев, потерял доверие заимодавцев и вынужден был все свои имения заложить брату, а для поддержания своего поло-

жения заняться торговлей мулами: за это в народе и называли его «ослятником». Говорят также, что он получил двести тысяч сестерциев с одного юноши, которому выхлопотал сенаторскую одежду против воли его отца, и за это получил строгий выговор. (4) А сопровождая Нерона в поездке по Греции, он навлек на себя жестокую немилость тем, что часто или выходил во время его пения, или засыпал на своем месте. Ему было запрещено не только сопровождать, но и приветствовать императора, и он удалился на покой в дальний маленький городок, где и жил в неизвестности и страхе за жизнь, пока вдруг не получил неожиданно провинцию и войско.

(5) На Востоке распространено было давнее и твердое убеждение, что судьбой назначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром. События показали, что относилось это к римскому императору; но иудеи, приняв предсказание на свой счет, возмутились, убили наместника, обратили в бегство даже консульского легата, явившегося из Сирии с подкреплениями, и отбили у него орла. Чтобы подавить восстание, требовалось большое войско и сильный полководец, которому можно было бы доверить такое дело без опасения; и Веспасиан оказался избран как человек испытанного усердия и нимало не опасный по скромности своего рода и имени. (6) И вот, получив вдобавок к местным войскам два легиона, восемь отрядов конницы, десять когорт и взяв с собою старшего сына одним из легатов, он явился в Иудею и тотчас расположил к себе и соседние провинции: в лагерях он быстро навел порядок, а в первых же сражениях показал такую отвагу, что при осаде одной крепости сам был ранен камнем в колено, а в щит его вонзилось несколько стрел.

5. После Нерона, когда за власть боролись Гальба, Отон и Вителлий, у него явилась надежда стать императором. Внушена она была ему еще раньше, и вот какими знаменьями. (2) В загородном имении Флавиев был древний дуб, посвященный Марсу, и все три раза, когда Веспасия рожала, на стволе его неожиданно вырастали новые ветви — явное указание на будущее каждого младенца. Первая была слабая и скоро засохла — и действительно, родившаяся девочка не прожила и года; вторая была крепкая и длинная, что указывало на большое счастье; а третья была как дерево. Поэтому, говорят, отец его Сабин, ободренный вдобавок и гаданием, прямо объявил своей матери, что у нее родился внук, который будет цезарем, но та лишь расхохоталась на это и подивилась, что она еще в здравом уме, а сын ее уже спятил. (3) Потом, когда он был эдилом, Гай Цезарь рассердился, что он не заботится об очистке улиц, и велел солдатам навалить ему грязи за пазуху сенаторской тоги; но нашлись толкователи, сказавшие, что так когда-нибудь попадет под его зашиту и как бы в его объятия все государство, брошенное и попранное в междоусобных распрях. (4) Однажды, когда он завтракал, бродячая собака принесла ему с перекрестка человечью руку и бросила под стол. В другой раз за обедом в столовую вломился бык, вы-

рвавшийся из ярма, разогнал слуг, но вдруг, словно обессилев, рухнул перед ложем у самых его ног, склонив перед ним свою шею. Кипарис на его наследственном поле без всякой бури вывернуло с корнем, но на следующий день поваленное дерево вновь стояло еще зеленее и крепче. (5) В Ахайе ему приснилось, что счастье к нему и его дому придет тогда, когда вырвут зуб у Нерона; и на следующий день в атрий вышел врач и показал ему только что вырванный зуб. (6) В Иудее он обратился к оракулу бога Кармела, и ответы его обнадежили, показав, что все его желания и замыслы сбудутся, даже самые смелые. А один из знатных пленников, Иосиф, когда его заковывали в цепи, с твердой уверенностью объявил, что вскоре его освободит тот же человек, но уже император. (7) Вести о предзнаменованиях доходили и из Рима: Нерону в его последние дни было велено во сне отвести священную колесницу Юпитера Благого и Величайшего из святилища в дом Веспасиана, а потом в цирк; немного спустя, когда Гальба открывал собрание, чтобы принять второе консульство, статуя божественного Юлия сама собой повернулась к востоку; а перед битвой при Бетриаке на глазах у всех сразились в воздухе два орла, и когда один уже был побежден, со стороны восхода прилетел третий и прогнал победителя.

6. Тем не менее он ничего не предпринимал, несмотря на поддержку и настояния близких, пока неожиданно не поддержали его люди неизвестные и далекие. (2) Мезийское войско отправило на помощь Отону по две тысячи от каждого из трех легионов. В пути они узнали, что Отон разбит и наложил на себя руки; тем не менее, как бы не поверив слуху, они дошли до самой Аквиле. Там они, воспользовавшись случаем и безначалием, стали вволю разбойничать и грабить; а потом, опасаясь, что по возвращении им придется дать ответ и понести наказание, они решили избрать и провозгласить нового императора — испанское войско поставило императором Гальбу, преторианское — Отона, германское — Вителлия, а они ничуть не хуже других. (3) Были названы имена всех консульских легатов, сколько и где их тогда было, и все по разным причинам отвергнуты. Но когда солдаты из третьего легиона, переведенного перед самой смертью Нерона в Мэзию из Сирии, стали расхваливать Веспасиана, все их поддержали и тотчас написали его имя на всех знаменах. Правда, в тот раз дело заглохло, и солдаты на время вернулись к покорности. Однако слух о том распространился, и наместник Египта Тиберий Александр первый привел легионы к присяге Веспасиану, — это было в календы июля, и впоследствии этот день отмечался как первый день его правления. А потом, в пятый день до июльских ид, иудейское войско присягнуло ему уже лично.

(4) Начинанию содействовало многое. По рукам ходило в списке послание к Веспасиану с последней волей погибшего Отона — неизвестно, настоящее или подложное, — где тот завещал отомстить за него и умолял спасти государство. В то же время разошелся слух, будто Вителлий после победы собрался поменять

легионы стоянками, и на Восток, где служба спокойнее, перевести германские войска. Наконец, из провинциальных наместников Лициний Муциан, забыв о соперничестве и уже явной вражде, предложил Веспасиану сирийское войско, а парфянский царь Вологез — сорок тысяч стрелков.

7. Так началась междоусобная война. В Италию Веспасиан отправил полководцев с передовыми войсками, а сам тем временем занял Александрию, чтобы держать в руках ключ к Египту. Здесь он один, без спутников, отправился в храм Сераписа, чтобы гаданием узнать, прочна ли его власть; и когда после долгой молитвы он обернулся, то увидел, что ему по обычаю подносит лепешки, ветки и венки вольноотпущенник Басилид — а он знал, что Басилид был далеко и по слабости сил не мог ходить, да никто бы его и не впустил. И тотчас затем пришли донесения, что войска Вителлия разбиты при Кремоне, а сам он убит в Риме.

(2) Новому и неожиданному императору еще не доставало, так сказать, величия и как бы веса, но и это вскоре пришло. Два человека из простонародья, один слепой, другой хромой, одновременно подошли к нему, когда он правил суд, и умоляли излечить из немощи, как указал им во сне Серапис: глаза прозреют, если он на них плюнет, нога исцелится, если он удостоит коснуться ее пяткой. (3) Нимало не надеясь на успех, он не хотел даже и пробовать: наконец, уступив уговорам друзей, он на глазах у огромной толпы попытал счастья, и успех был полным. В то же время и в аркадской Тегее по указанию прорицателей откопаны были в священном месте сосуды древней работы, и на них оказалось изображение, лицом похожее на Веспасиана.

8. Таков был Веспасиан и такова была его слава, когда он вернулся в Рим и отпраздновал триумф над иудеями. После этого он восемь раз был консулом, не считая прежнего, был и цензором; и во все время своего правления ни о чем он так не заботился, как о том, чтобы вернуть дрогнувшему и поколебленному государству устойчивость, а потом и блеск.

(2) Войска дошли до совершенной распущенности и наглости: одни — возгордившись победой, другие — озлобленные бесчестьем; даже провинции, вольные города и некоторые царства враждовали между собой. Поэтому многих солдат Вителлия он уволил и наказал, но победителям тоже ничего не спускал сверх положенного, и даже законные награды выплатил им не сразу.

(3) Он не упускал ни одного случая навести порядок. Один молодой человек явился благодарить его за высокое назначение, благоухая ароматами, — он презрительно отвернулся и мрачно сказал ему: «Уж лучше бы ты вонял чесноком!» — а приказ о назначении отобрал. Моряки, что пешком переходят в Рим то из Остии, то из Путеол, просили выплачивать им что-нибудь на сапоги — а он, словно мало было отпустить их без ответа, приказал им с этих пор ходить разутыми: так они с тех пор и ходят.

(4) Ахайю, Ликию, Родос, Византий, Самос он лишил свободы; горную Киликию и Коммагену, ранее находившиеся под властью

царей, обратил в провинции; в Каппадокию, где не прекращались набеги варваров, он поставил добавочные легионы и вместо римского всадника назначил наместником консуляра.

(5) Столица была обезображена давними пожарами и развалинами. Он позволил всякому желающему занимать и застраивать пустые участки, если этого не делали владельцы. Приступив к восстановлению Капитолия, он первый своими руками начал расчищать обломки и выносить их на собственной спине. В пожаре расплавилось три тысячи медных досок — он позаботился их восстановить, раздобыв отовсюду их списки: это было древнейшее и прекраснейшее подспорье в государственных делах, среди них хранились с чуть ли не с самого основания Рима постановления сената и народа о союзах, дружбе и льготах, кому-нибудь даруемых. 9. Предпринял он и новые постройки: храм Мира близ Форума, храм божественного Клавдия на Целийском холме, начатый еще Агриппиной, но почти до основания разрушенный Нероном, и, наконец, амфитеатр посреди города, задуманный, как он узнал, еще Августом.

(2) Высшие сословия поредели от бесконечных казней и пришли в упадок от давнего пренебрежения. Чтобы их очистить и пополнить, он произвел смотр сенату и всадничеству, удалив негодных и включив в списки самых достойных из италиков и провинциалов. А чтобы было известно, что различаются два сословия не столько вольностями, сколько уважением, он, однажды разбирая ссору сенатора и всадника, объявил: «Не пристало сенаторам навлекать брань, но отвечать на брань они могут и должны».

10. Судебные дела повсюду безмерно умножились: затянулись старые из-за прекращения заседаний, прибавились новые из-за беспокойного времени. Он выбрал по жребию лиц, чтобы возвращать пострадавшим имущество, отнятое во время войны, и чтобы решать вне очереди дела, подведомственные центумвирам: с этими делами нужно было справиться поскорее, так как набралось их столько, что тяжущиеся могли не дожить до их конца.

11. Безнравственность и роскошь усиливались, никем не обуздываемые. Он предложил сенату указ, чтобы женщина, состоящая в связи с чужим рабом, сама считалась рабыней и чтобы ростовщикам запрещено было требовать долг с сыновей, еще не вышедших из-под отцовской власти, даже после смерти отцов.

12. Во всем остальном был он доступен и снисходителен с первых дней правления и до самой смерти. Свое бывшее низкое состояние он никогда не скрывал и часто даже выставлял напоказ. Когда кто-то попытался вознести начало рода Флавиев к основателям Реате и к тому спутнику Геркулеса, чью гробницу показывают на Соляной дороге, он первый это высмеял. К наружному блеску он несколько не стремился, и даже в день триумфа, измученный медленным и утомительным шествием, не удержался, чтобы не сказать: «Поделом мне, старику: как дурак, захотел триум-

фа, словно предки мои его заслужили или сам я мог о нем мечтать!» Трибунскую власть и имя отца отечества он принял лишь много спустя; а обыскивать приветствующих его по утрам перестал еще во время междоусобной войны.

13. Вольности друзей, колкости стряпчих, строптивость философов нимало его не беспокоили. Лициний Муциан, известный развратник, сознавая свои заслуги, относился к нему без достаточного почтения, но Веспасиан никогда не бранил его при всех и, только жалуясь на него общему другу, сказал под конец: «Я-то ведь все-таки мужчина!» Сальвий Либерал, защищая какого-то богача, не побоялся сказать: «Пусть у Гиппарха есть сто миллионов, а Цезарю какое дело?» — и он первый его похвалил. Ссылный киник Деметрий, повстречав его в дороге, не пожелал ни встать перед ним, ни поздороваться, и даже стал на него лаяться, но император только обозвал его псом.

14. Обиды и вражды он несколько не помнил и не мстил за них. Для дочери Вителлия, своего соперника, он нашел отличного мужа, дал ей приданое и устроил дом. Когда при Нероне ему было отказано от двора и он в страхе спрашивал, что ему делать и куда идти, один из заведующих приемами, выпроваживая его, ответил: «На все четыре стороны!» А когда потом этот человек стал просить у него прощения, он удовольствовался тем, что почти в точности повторил ему его же слова. Никогда подозрение или страх не толкали его на расправу: когда друзья советовали ему остерегаться Меттия Помпузиана, у которого, по слухам, был императорский гороскоп, он вместо этого сделал его консулом, чтобы тот в свое время вспомнил об этой милости.

15. Ни разу не оказалось, что казнен невинный — разве что в его отсутствие, без его ведома или даже против его воли. Гельвидий Приск при возвращении его из Сирии один приветствовал его Веспасианом, как частного человека, а потом во всех своих преторских эдиктах ни разу его не упомянул, но Веспасиан рассердился на него не раньше, чем тот разбил его нещадно, как плебея. Но и тут, даже сослав его, даже распорядившись его убить, он всеми силами старался спасти его: он послал отозвать убийц и спас бы его, если бы не ложное донесение, будто он уже мертв. Во всяком случае, никакая смерть его не радовала, и даже над заслуженною казнью случалось ему сетовать и плакать.

16. Единственное, в чем его упрекали справедливо, это сребролюбие. Мало того, что он взыскивал недоимки, прощенные Гальбою, наложил новые тяжелые подати, увеличил и подчас даже удвоил дань с провинций, — он открыто занимался такими делами, каких стыдился бы и частный человек. Он скупал вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой; (2) он без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным, без разбору; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, — говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намочнуть,

а мокрое выжимает. (3) Одни думают, что жаден он был от природы: за это и бранил его старый пастух, который умолял Веспасиана, только что ставшего императором, отпустить его на волю безвозмездно, но получил отказ и воскликнул: «Лисица шерстью слиняла, да нрав не сменяла!» Другие, напротив, полагают, что к поборам и вымогательству он был вынужден крайней скудостью и государственной и императорской казны: в этом он сам признался, когда в самом начале правления заявил, что ему нужно сорок миллиардов сестерциев, чтобы государство стало на ноги. И это кажется тем правдоподобнее, что и худо нажитому он давал наилучшее применение.

17. Щедр он был ко всем сословиям: сенаторам пополнил их состояния, нуждавшимся консулярам назначил по пятьсот тысяч сестерциев в год, многие города по всей земле отстроил еще лучше после землетрясений и пожаров, о талантах и искусствах обнаруживал величайшую заботу. 18. Латинским и греческим риторам он первый стал выплачивать жалованье из казны по сто тысяч в год; выдающихся поэтов и художников, как, например, восстановителя Колосса и Венеры Косской, он награждал большими подарками; механику, который обещался без больших затрат поднять на Капитолий огромные колонны, он тоже выдал за выдумку хорошую награду, но от услуг отказался, промолвив: «Уж позволь мне подкормить мой народец». 19. На зрелищах при освящении новой сцены в театре Марцелла он возобновил даже старинные представления. Трагическому актеру Апелларию он дал в награду четыреста тысяч сестерциев, кифаредам Терпну и Диодору — по двести тысяч, другим — по сотне тысяч, самое меньшее — по сорок тысяч, не говоря о множестве золотых венков. Званные пиры он также устраивал частые и роскошные, чтобы поддержать торговцев съестным. На Сатурналиях он раздавал подарки мужчинам, а в мартовские календы — женщинам.

Все же загладить позор былой своей скупости ему не удалось. (2) Александрийцы неизменно называли его *селедочником*, по прозвищу одного из своих царей, грязного скряги. И даже на его похоронах Фавор, главный мим, выступая, по обычаю, в маске и изображая слова и дела покойника, во всеуслышанье спросил чиновников, во сколько обошлось погребальное шествие? И услышав, что в десять миллионов, воскликнул: «Дайте мне десять тысяч и бросайте меня хоть в Тибр!»

20. Роста он был хорошего, сложения крепкого и плотного, с натужным выражением лица: один остроумец метко сказал об этом, когда император попросил его пошутить и над ним: «Пошучу, когда опорожнишься». Здоровьем он пользовался прекрасным, хотя ничуть о том не заботился, и только растирал сам себе в бане горло и все члены, да один день в месяц ничего не ел.

21. Образ жизни его был таков. Находясь у власти, вставал он всегда рано, еще до свету, и прочитывал письма и доклады от всех чиновников; затем впускал друзей и принимал их приветствия, а сам в это время одевался и обувался. Покончив с теку-

щими делами, он совершал прогулку и отдыхал с какой-нибудь из наложниц: после смерти Цениды у него их было много. Из спальни он шел в баню, а потом к столу: в это время, говорят, был всего добрее и мягче, и домашние старались этим пользоваться, если имели какие-нибудь просьбы.

22. За обедом, как всегда и везде, был он добродушен и часто отпускал шутки: он был большой насмешник, но слишком склонный к шутовству и пошлости, даже до непристойностей. Тем не менее некоторые его шутки очень остроумны; вот некоторые из них. Консуляр Местрий Флор уверял, что правильнее говорить не «plostra», а «plaustra»; на следующий день он его приветствовал не «Флором», а «Флавром». Одна женщина клялась, что умирает от любви к нему, и добилась его внимания: он провел с ней ночь и подарил ей четыреста тысяч сестерциев; а на вопрос управителя, по какой статье занести эти деньги, сказал: «За чрезвычайную любовь к Веспасиану». 23. Умел он вставить к месту и греческий стих: так, о каком-то человеке высокого роста и непристойного вида он сказал:

Шел, широко выступая, копьём длиннотенным колебля.

А о вольноотпущеннике Кериле, который, разбогатев и не желая оставлять богатство императорской казне, объявил себя свободнорожденным и принял имя Лахета:

О Лахет, Лахет,
Ведь ты помрешь — и снова станешь Керилом.

Но более всего подсмеивался он над своими неблагоприятными доходами, чтобы хоть насмешками унять недовольство и обратить его в шутку. (2) Один из его любимых прислужников просил управительского места для человека, которого выдавал за своего брата; Веспасиан велел ему подождать, вызвал к себе этого человека, сам взял с него деньги, выговоренные за ходатайство, и тотчас назначил на место; а когда опять вмешался служитель, сказал ему: «Ищи себе другого брата, а это теперь мой брат». В дороге однажды он заподозрил, что погонщик остановился и стал перековывать мулов только затем, чтобы дать одному просителю время и случай подойти к императору; он спросил, много ли принесла емуковка, и потребовал с выручки свою долю. (3) Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. «Нет», — ответил Тит. «А ведь это деньги с мочи», — сказал Веспасиан. Когда посланцы доложили ему, что решено поставить ему на общественный счет колоссальную статую немалой цены, он протянул ладонь и сказал: «Ставьте немедленно, вот постамент».

(4) Даже страх перед грозящей смертью не остановил его шуток: когда в числе других предзнаменований двери Мавзолея вдруг раскрылись, а в небе появилась хвостатая звезда, он сказал, что одно знаменье относится к Юнии Кальвине из рода Августа, а другое — к парфянскому царю, который носит длинные во-

лосы; когда же он почувствовал приближение смерти, то промолвил: «Увы, кажется, я становлюсь богом».

24. В девятое свое консульство он, находясь в Кампании, почувствовал легкие приступы лихорадки. Тотчас он вернулся в Рим, а потом отправился в Кутилии и в реатинские поместья, где обычно проводил лето. Здесь недомогание усилилось, а холодной водой он вдобавок застудил себе живот. Тем не менее он продолжал, как всегда, заниматься государственными делами и, лежа в постели, даже принимал послов. Когда же его прослабило чуть не до смерти, он заявил, что император должен умереть стоя; и, пытаясь подняться и выпрямиться, он скончался на руках поддерживавших его в девятый день до июльских календ, имея от роду шестьдесят девять лет, один месяц и семь дней.

25. Всем известно, как твердо он верил всегда, что родился и родил сыновей под счастливой звездой; несмотря на непрекращавшиеся заговоры, он смело заявлял сенату, что наследовать ему будут или сыновья, или никто. Говорят, он даже видел однажды во сне, будто в сенях Палатинского дворца стоят весы, на одной их чашке — Клавдий и Нерон, на другой — он с сыновьями, и ни одна чашка не перевешивает. И сон его не обманул, потому что те и другие правили одинаковое время — ровно столько же лет.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ТИТ

1. Тит, унаследовавший прозвище отца, любовь и отрада рода человеческого, наделенный особенным даром, искусством или счастьем снискать всеобщее расположение,— а для императора это было нелегко, так как и частным человеком и в правление отца не избежал он не только людских нареканий, но даже и ненависти,— Тит родился в третий день до январских календ, в год памятный гибелью Гая, в бедном домишке близ Септизония, в темной маленькой комнатке: она еще цела и ее можно видеть.

2. Воспитание он получил при дворе, вместе с Британиком, обучаясь тем же наукам и у тех же учителей. В эту пору, говорят, Нарцисс, вольноотпущенник Клавдия, привел одного физиогнома, чтобы осмотреть Британика, и тот решительно заявил, что Британик никогда не будет императором, а Тит, стоявший рядом, будет. Были они такими друзьями, что, по рассказам, даже питье, от которого умер Британик, пригубил и Тит, лежавший рядом, и после того долго мучился тяжелой болезнью. Памятуя обо всем этом, он впоследствии поставил Британику на Палатине статую из золота и посвятил ему в своем присутствии другую, конную, из слоновой кости, которую и по сей день выносят в цирке во время шествия.

3. Телесными и душевными достоинствами блистал он еще в отрочестве, а потом, с летами, все больше и больше: замечательная красота, в которой было столько же достоинства, сколько приятности; отменная сила, которой не мешали ни невысокий рост, ни слегка выдающийся живот; исключительная память и, наконец, способности едва ли не ко всем военным и мирным искусствам. (2) Конем и оружием он владел отлично; произносил речи и сочинял стихи по-латыни и по-гречески с охотой и легкостью, даже без подготовки; был знаком с музыкой настолько, что пел и играл на кифаре искусно и красиво. Многие сообщают, что даже писать скорописью умел он так проворно, что для шутки и потехи состязался со своими писцами, а любому почерку подражал так ловко, что часто восклицал: «Какой бы вышел из меня подделыватель завещаний!»

4. Войсковым трибуном он служил и в Германии и в Британии, прославив себя великой доблестью и не меньшей кротостью, как видно по статуям и надписям в его честь, в изобилии воз-

двигнутым этими провинциями. (2) После военной службы он стал выступать в суде, больше для доброй славы, чем для практики. В это же время женился он на Аррецине Тертулле, отец которой, римский всадник, был когда-то начальником преторианских когорт, а после ее смерти — на Марции Фурнилле из знатного рода, с которой он развелся после рождения дочери. (3) После должности квестора он получил начальство над легионом и покорил в Иудее две сильнейшие крепости — Тарихею и Гамалу. В одной схватке под ним была убита лошадь — тогда он пересел на другую, чей всадник погиб, сражаясь рядом с ним.

5. Когда вскоре к власти пришел Гальба, Тит был отправлен к нему с поздравлением и повсюду привлекал к себе внимание: думали, что его вызвал Гальба, чтобы усыновить. Но при вести о новом общем возмущении он вернулся с дороги. По пути он спросил оракула Венеры Пафосской, опасно ли плыть дальше, а в ответ получил обещание власти. (2) Надежда вскоре исполнилась: он был оставлен для покорения Иудеи, при последней осаде Иерусалима сам поразил двенадцатью стрелами двенадцать врагов, взял город в день рождения своей дочери и заслужил такую любовь и ликование солдат, что они с приветственными кликами провозгласили его императором, а при его отъезде не хотели его отпускать из провинции, с мольбами и даже угрозами требуя, чтобы он или остался с ними, или всех их увел с собою. (3) Это внушило подозрение, что он задумал отложиться от отца и стать царем на Востоке; и он сам укрепил это подозрение, когда во время поездки в Александрию, при освящении мемфисского быка Аписа выступил в диадеме: таков был древний обычай при этом священном обряде, но нашлись люди, которые истолковали это иначе. Поэтому он поспешил в Италию, на грузовом судне добрался до Регия и до Путеол, оттуда, не мешкая, бросился в Рим и, словно опровергая пустые о себе слухи, приветствовал не ожидавшего его отца: «Вот и я, батюшка, вот и я!»

6. С этих пор он бессленно был соучастником и даже блюстителем власти. Вместе с отцом он справлял триумф, вместе был цензором, делил с ним и трибунскую власть, и семикратное консульство; он принял на себя заботу почти о всех ведомствах, и от имени отца сам диктовал письма, издавал эдикты, зачитывал вместо квестора речи в сенате. Он даже принял начальство над преторианцами, хотя до этого оно поручалось только римским всадникам.

Однако в этой должности повел он себя не в меру сурово и круто. Против лиц, ему подозрительных, он подсылал в лагеря и театры своих людей, которые словно от имени всех требовали их наказания, и тотчас с ними расправлялся. (2) Среди них был консуляр Авл Цецина: его он сперва пригласил к обеду, а потом приказал умертвить, едва тот вышел из столовой. Правда, тут опасность была слишком близка: он уже перехватил собственноручно составленную Цециной речь к солдатам. Всеми этими мерами он обезопасил себя на будущее, но покамест возбудил та-

кую ненависть, что вряд ли кто приходил к власти с такой дурной славой и с таким всеобщим недоброжелательством.

7. Не только жестокость подозревали в нем, но и распущенность — из-за его попок до поздней ночи с самыми беспутными друзьями; и сладострастие — из-за множества его мальчиков и евнухов и из-за пресловутой его любви к царице Беренике, на которой, говорят, он даже обещал жениться; и алчность — так как известно было, что в судебных делах, разбиравшихся отцом, он торговал своим заступничеством и брал взятки. Поэтому все видели в нем второго Нерона и говорили об этом во всеуслышание.

Однако такая слава послужила ему только на пользу: она обернулась высочайшей хвалой, когда ни единого порока в нем не нашлось и, напротив, обнаружилось великие добродетели. (2) Пирры его были веселыми, но не расточительными. Другей он выбирал так, что и последующие правители в своих и государственных делах не могли обходиться без них и всегда к ним обращались. Беренику он тотчас выслал из Рима, против ее и против своего желания. Самых изысканных своих любимчиков он не только перестал жаловать, но даже не желал на них смотреть на всенародных зрелищах, хотя танцовщиками они были замечательными и вскоре прославились на сцене. (3) Ничего и ни у кого он не отнял, чужую собственность уважал как никто другой и отвергал даже обычные и дозволенные приношения. Щедростью он, однако, никому не уступал: при освящении амфитеатра и спешно выстроенных поблизости бань он показал гладиаторский бой, на диво богатый и пышный; устроил он и морское сражение на прежнем месте, а затем и там вывел гладиаторов и выпустил в один день пять тысяч разных диких зверей.

8. От природы он отличался редкостной добротой. Со времен Тиберия все цезари признавали пожалования, сделанные их предшественниками, не иначе как особыми соизволениями, — он первый подтвердил их сразу, единым эдиктом, не заставляя себя просить. Непременным правилом его было никакого просителя не отпускать, не обнадежив; и когда домашние упрекали его, что он обещает больше, чем сможет выполнить, он ответил: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: «Друзья мои, я потерял день!»

(2) К простому народу он всегда был особенно внимателен. Однажды, готовя гладиаторский бой, он объявил, что устроит его не по собственному вкусу, а по вкусу зрителей. Так оно и было: ни в какой просьбе он им не отказывал и сам побуждал их просить, что хочется. Сам себя он объявил поклонником гладиаторов-фракийцев, из-за этого пристрастия нередко перешучивался с народом и словами и знаками, однако никогда не терял величия и чувства меры. Даже купаясь в своих банях, он

иногда впускал туда народ, чтобы и тут не упустить случая угостить ему.

(3) Его правления не миновали и стихийные бедствия: извержение Везувия в Кампании, пожар Рима, бушевавший три дня и три ночи, и моровая язва, какой никогда не бывало. В таких и стольких несчастиях обнаружил он не только заботливость правителя, но и редкую отеческую любовь, то утешая народ эдиктами, то помогая ему в меру своих сил. (4) Для устроения Кампании он выбрал попечителей по жребию из числа консуляров; безнаследные имущества погибших под Везувием он пожертвовал в помощь пострадавшим городам. При пожаре столицы он воскликнул: «Все убытки — мои!» — и все убранство своих усадеб отдал на восстановление построек и храмов, а для скорейшего совершения работ поручил их нескольким распорядителям из всаднического сословия. Для изгнания заразы и борьбы с болезнью изыскал он все средства, божеские и человеческие, не оставив без пробы никаких жертвоприношений и лекарств.

(5) Одним из бедствий времени был застарелый производ доносчиков и их подстрекателей. Их он часто наказывал на форуме плетью и палками и, наконец, приказал провести по арене амфитеатра и частью продать в рабство, частью сослать на самые дикие острова. А чтобы навсегда пресечь подобные посягательства, он в числе других постановлений запретил подводить одно дело под разные законы и оспаривать права умерших дольше известного срока после их смерти.

9. Сан великого понтифика, по его словам, он принял затем, чтобы руки его были чисты, и этого он достиг: с тех пор он не был ни виновником, ни соучастником ничьей гибели, и хотя не раз представлялся ему случай мстить, он поклялся, что скорее погибнет, чем погубит. Двое патрициев были уличены в посягательстве на власть — он не наказал их, а только увещевал оставить эти попытки, так как императорская власть даруется судьбой, а все остальное он готов им дать добровольно. (2) Так как мать одного из них была далеко, он тотчас послал к ней скороходов с вестью, что сын ее вне опасности, а их самих пригласил к семейному обеду; а на следующий день на гладиаторском зрелище нарочно посадил их рядом с собой, и когда ему поднесли оружие бойцов, протянул его им для осмотра. Говорят, он даже рассмотрел их гороскоп и объявил, что обоим будет грозить беда, но не теперь и не от него: так оно и случилось. (3) Брат не переставал строить против него козни и почти открыто волновал войска, замышляя к ним бежать, — однако он не казнил его, не сослал и не перестал его жаловать, но по-прежнему, как с первых дней правленья, называл его своим соправителем и преемником, и не раз наедине молитвенно и слезно просил его хотя бы отвечать ему любовью на любовь.

10. Среди всех этих забот застигла его смерть, поразив своим ударом не столько его, сколько все человечество. По окончании представлений, на которых под конец он плакал горько и не

таясь, он отправился в свое сабинское имение. Был он мрачен, так как при жертвоприношении животное у него вырвалось, а с ясного неба грянул гром. На первой же стоянке он почувствовал горячку. Дальше его понесли в носилках; раздвинув занавески, он взглянул на небо и горько стал жаловаться, что лишается жизни невинно: ему не в чем упрекнуть себя, кроме разве одного поступка. (2) Что это был за поступок, он не сказал, и догадаться об этом нелегко. Некоторые думают, что он вспомнил любовную связь с женой своего брата; но Домиция клялась торжественной клятвой, что этого не было, а она бы не стала отрицать, если бы что-нибудь было: она хвалилась бы этим, как готова была хвастаться любым своим распутством.

11. Скончался он на той же вилле, что и отец, в сентябрьские иды, на сорок втором году жизни, спустя два года, два месяца и двадцать дней после того, как он наследовал отцу. Когда об этом стало известно, весь народ о нем плакал, как о родном, а сенат сбежался к курии, не дожидаясь эдикта, и перед закрытыми, а потом и за открытыми дверями воздал умершему такие благодарности и такие хвалы, каких не приносил ему даже при жизни и в его присутствии.

ДОМИЦИАН

1. Домициан родился в десятый день до ноябрьских календ, когда отец его был назначенным консулом и должен был в следующем месяце вступить в должность; дом, где он родился, на Гранатовой улице в шестом квартале столицы, был им потом обращен в храм рода Флавиев. Детство и раннюю молодость провел он, говорят, в нищете и пороке: в доме их не было ни одного серебряного сосуда, а бывший претор Клодий Поллион, на которого Нероном написано стихотворение «Одноглазый», хранил и изредка показывал собственноручную записку Домициана, где тот обещал ему свою ночь; некоторые вдобавок утверждали, что его любовником был и Нерва, будущий его преемник.

(2) Во время войны с Вителлием он вместе с дядей своим Сабинном и отрядом верных им войск укрывался на Капитолии; когда ворвались враги и загорелся храм, он тайно переночевал у привратника, а поутру в одежде слугителя Исиды, среди жрецов различных суеверий, с одним лишь спутником ускользнул на другой берег Тибра к матери какого-то своего товарища по учению, и там он спрятался так хорошо, что преследователи, гнавшиеся по пятам, не могли его найти. (3) Только после победы он вышел к людям и был провозглашен цезарем.

Он принял должность городского претора с консульской властью, но лишь по имени, так как все судопроизводство уступил своему ближайшему коллеге; однако всей властью своего положения он уже тогда пользовался с таким произволом, что видно было, каков он станет в будущем. Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что у многих он отбивал жен, а на Домиции Лепиде даже женился, хоть она и была уже замужем за Элием Ламией, и что в один день он роздал двадцать должностей в столице и в провинциях, так что Веспасиан даже говаривал, что удивительно, как это сын и ему не прислал преемника. 2. Затеял он даже поход в Галлию и Германию, без всякой нужды и наперекор отцовским советникам, только затем, чтобы сравняться с братом влиянием и саном.

За все это он получил выговор и совет получше помнить о своем возрасте и положении. Поэтому жил он при отце, и во время выходов его несли в носилках за качалкой отца и брата, а во время иудейского триумфа он сопровождал их на белом

коне. Поэтому же из шести его консульств только одно было очередным, да и то уступил ему и просил за него брат. (2) Он и сам изумительно притворялся человеком скромным и необыкновенным любителем поэзии, которой до того он совсем не занимался, а после того с презрением забросил: однако в это время он устраивал даже открытые чтения. Тем не менее, когда парфянский царь Вологез попросил у Веспасиана помощи против аланов с одним из его сыновей во главе, Домициан приложил все старания, чтобы послали именно его; а так как из этого ничего не вышло, он стал подарками и обещаниями побуждать к такой же просьбе других восточных царей.

(3) После смерти отца он долго колебался, не предложить ли ему войскам двойные подарки. Впоследствии он не стеснялся утверждать, что отец его оставил сонаследником власти и завещание его было подделано, а против брата не переставал строить козни явно и тайно. Во время тяжелой болезни брата, когда тот еще не испустил дух, он уже велел всем покинуть его как мертвого, а когда тот умер, он не оказал ему никаких почестей, кроме обожествления, и часто даже задевал его кощунным образом в своих речах и эдиктах.

3. В первое время своего правления он каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем. Поэтому, когда кто-то спросил, нет ли кого с Цезарем, Вибий Крисп метко ответил: «Нет даже и мухи». Жена его Домиция во второе его консульство родила ему сына, который умер на другой год его правления. Он дал жене имя Августы, но развелся с ней, когда она запятнала себя любовью к актеру Парису; однако разлуки с нею он не вытерпел и, спустя недолгое время, якобы по требованию народа, взял ее к себе.

(2) Его управление государством некоторое время было неровным: достоинства и пороки смешивались в нем поровну, пока, наконец, сами достоинства не превратились в пороки — можно думать, что вопреки его природе жадным его сделала бедность, а жестоким — страх.

4. Зрелища он устраивал постоянно, роскошные и великолепные, и не только в амфитеатре, но и в цирке. Здесь, кроме обычных состязаний колесниц четверкой и парой, он представил два сражения, пешее и конное, а в амфитеатре еще и морское. Травли и гладиаторские бои показывал он даже ночью при факелах, и участвовали в них не только мужчины но и женщины. На квесторских играх, когда-то вышедших из обычая и теперь возобновленных, он всегда присутствовал сам и позволял народу требовать еще две пары гладиаторов из его собственного училища: они выходили последними и в придворном наряде. (2) На всех гладиаторских зрелищах у ног его стоял мальчик в красном и с удивительно маленькой головкой; с ним он болтал охотно и не только в шутку: слышали, как император его спрашивал, знает ли он, почему при последнем распределении должностей наместником Египта был назначен Меттий Руф? Показывал он и мор-

ские сражения, и сам на них смотрел, невзирая на сильный ливень: в них участвовали почти настоящие флотилии, и для них был выкопан и окружен постройками новый пруд поблизости от Тибра.

(3) Он отпраздновал и столетние игры, отсчитав срок не от последнего торжества при Клавдии, а от прежнего, при Августе; на этом празднестве в день цирковых состязаний он устроил сто заездов и, чтобы это удалось, сократил каждый с семи кругов до пяти. (4) Учредил он и пятилетнее состязание в честь Юпитера Капитолийского; оно было тройное — музыкальное, конное и гимнастическое, — и наград на нем было больше, чем теперь: здесь состязались и в речах по-латыни и по-гречески, здесь, кроме кифаредов, выступали и кифаристы, в одиночку и в хорах, а в беге участвовали даже девушки. Распорядился на состязаниях он сам, в сандалиях и в пурпурной тоге на греческий лад, а на голове золотой венец с изображениями Юпитера, Юноны и Минервы; рядом сидели жрец Юпитера и жрецы Флавиев в таком же одеянии, но у них в венцах было еще изображение самого императора. Справлял он каждый год и Квинкватрии в честь Минервы в Альбанском поместье: для этого он учредил коллегия жрецов, из которой по жребию выбирались распорядители и устраивали великолепные травли, театральные представления и состязания ораторов и поэтов.

(5) Денежные раздачи для народа, по триста сестерциев каждому, он устраивал три раза. Кроме того, во время зрелищ на празднике Семи холмов он устроил щедрое угощение — сенаторам и всадникам были розданы большие корзины с кушаньями, плебеям — поменьше, и император первый начал угощаться. А на следующий день в театре он бросал народу всяческие подарки: и так как большая часть их попала на плебейские места, то для сенаторов и всадников он обещал раздать еще по пятидесяти тессер на каждую полосу мест.

5. Множество великолепных построек он восстановил после пожара, в том числе и Капитолий, сгоревший во второй раз; но на всех надписях он поставил только свое имя, без всякого упоминания о прежних строителях. Новыми его постройками были храм Юпитера-Охранителя на Капитолии и форум, который носит теперь имя Нервы, а также храм рода Флавиев, стадион, одеон и пруд для морских битв — тот самый, из камней которого был потом отстроен Большой Цирк, когда обе стены его сгорели.

6. Походы предпринимал он отчасти по собственному желанию, отчасти по необходимости: по собственному желанию — против хаттов, по необходимости — один поход против сарматов, которые уничтожили его легион с легатом, и два похода против дакийцев, которые в первый раз разбили консуляра Оппия Сабина, а во второй раз начальника преторианцев Корнелия Фуска, предводителя в войне против них. После переменных сражений он справил двойной триумф над хаттами и дакийцами, а за победу

над сарматами только поднес лавровый венок Юпитеру Капитолийскому.

(2) Междоусобная война, которую поднял против него Луций Антоний, наместник Верхней Германии, закончилась еще в его отсутствие, и удивительно счастливо: как раз во время сражения внезапно тронулся лед на Рейне и остановил подходившие к Антонию полчища варваров. Об этой победе он узнал по знаменьям раньше, чем от гонцов: в самый день сражения огромный орел слетел в Риме на его статую и охватил ее крыльями с радостным клекотом; а весть о гибели Антония распространилась так быстро, что многие уверяли, будто сами видели, как несли в Рим его голову.

7. В общественных местах он также завел много нового: отменил раздачу съестного, восстановив настоящие застольные угощения; к четырем прежним цветам цирковых возниц прибавил два новых, золотой и пурпуровый; запретил актерам выступать на сцене, но разрешил показывать свое искусство в частных домах; запретил холостить мальчиков, а на тех евнухов, которые оставались у работорговцев, понизил цены. (2) Однажды по редкому изобилию вина при недороде хлеба он заключил, что из-за усиленной заботы о виноградниках остаются заброшенными пашни, и издал эдикт, чтобы в Италии виноградные посадки более не расширялись, а в провинциях даже были сокращены по крайней мере наполовину; впрочем, на выполнении этого эдикта он не настаивал. Некоторые важнейшие должности он передал вольноотпущенникам и всадничеству. (3) Запретил он соединять два легиона в одном лагере и принимать на хранение от каждого солдата больше тысячи сестерциев: дело в том, что Луций Антоний затеял переворот как раз на стоянке двух легионов и, по-видимому, главным образом надеялся именно на обилие солдатских сбережений. А жалованье солдатам он увеличил на четверть, прибавив им по три золотых в год.

8. Суд он правил усердно и прилежно, часто даже вне очереди, на форуме, с судейского места. Пристрастные приговоры центумвиров он отменял; рекуператоров не раз призывал не поддаваться ложным притязаниям рабов на свободу; судей, уличенных в подкупе, увольнял вместе со всеми советниками. (2) Он же предложил народным трибунам привлечь к суду за вымогательство одного запятнавшего себя эдила, а судей для него попросить от сената. Столичных магистров и провинциальных наместников он держал в узде так крепко, что никогда они не были честнее и справедливее; а между тем после его смерти многие из них на наших глазах попали под суд за всевозможные преступления.

(3) Приняв на себя попечение о нравах, он положил конец своеволию в театрах, где зрители без разбора занимали всаднические места; ходившие по рукам сочинения с порочащими нападками на именитых мужчин и женщин он уничтожил, а сочи-

нителей наказал бесчестьем; одного бывшего квестора за страсть к лицедейству и пляске он исключил из сената; дурным женщинам запретил пользоваться носилками и принимать по завещаниям подарки и наследства; римского всадника он вычеркнул из списка судей за то, что он, прогнав жену за прелюбодеяние, снова вступил с ней в брак; несколько лиц из всех сословий были осуждены по Скантиниеву закону. Весталок, нарушивших обет девственности, — что даже отец его и брат оставляли без внимания, — он наказывал на разный лад, но со всей суровостью: сперва смертной казнью, потом по древнему обычаю. (4) А именно сестрам Окулатам и потом Варронилле он приказал самим выбрать себе смерть, а любовников их сослал; но Корнелию, старшую весталку, однажды уже оправданную и теперь, много спустя, вновь уличенную и осужденную, он приказал похоронить заживо, а любовников ее до смерти засечь розгами на Комиции — только одному, бывшему претору, позволил он уйти в изгнание, так как тот сам признал свою вину, когда дело было еще не решено, а допросы и пытки ничего не показали. (5) Не оставил он безнаказанными и преступлений против святынь: гробницу, которую один его вольноотпущенник построил для сына из камней, предназначенных для храма Юпитера Капитолийского, он разрушил руками воинов, а кости и останки, что были в ней, бросил в море.

9. В начале правления всякое кровопролитие было ему ненавистно: еще до возвращения отца он хотел эдиктом запретить приношение в жертву быков, так как вспомнил стих Вергилия:

Как нечестивый народ стал быков заклать себе в пищу...

Не было в нем и никаких признаков алчности или скупости, как до его прихода к власти, так и некоторое время позже: напротив, многое показывало, и не раз, его бескорыстие и даже великодушие. (2) Ко всем своим близким относился он с отменной щедростью и горячо просил их только об одном: не быть мелочными. Наследств он не принимал, если у завещателя были дети. Даже в завещании Русция Цепиона он отменил ту статью, которая предписывала наследнику ежегодно выдавать известное количество денег каждому сенатору, впервые вступающему в сенат. Всех, кто числился должниками государственного казначейства дольше пяти лет, он освободил от суда, и возобновлять эти дела дозволил не раньше чем через год, и с тем условием, чтобы обвинитель, не доказавший обвинения, отправлялся в ссылку. (3) Казначейским писцам, которые, как водилось, занимались торговлей вопреки Клодиеву закону, он объявил прощение за прошлое. Участки, оставшиеся кое-где незанятыми после раздела полей между ветеранами, он уступил в пользование прежним владельцам. Ложные доносы в пользу казны он пресек, сурово наказав клеветников, — передавали даже его слова: «Правитель, который не наказывает доносчиков, тем самым их поощряет».

10. Однако такому милосердию и бескорыстию он оставался верен недолго. При этом жестокость обнаружил он раньше, чем алчность. Ученика пантомима Париса, еще безусого и тяжело больного, он убил, потому что лицом и искусством тот напоминал учителя. Гермогена Тарсийского за некоторые намеки в его «Истории» он тоже убил, а писцов, которые ее переписывали, велел распять. Отца семейства, который сказал, что гладиатор-фракиец не уступит противнику, а уступит распорядителю игр, он приказал вытащить на арену и бросить собакам, выставив надпись: «Щитоносец — за дерзкий язык».

(2) Многих сенаторов, и среди них нескольких консуляров, он отправил на смерть: в том числе Цивиду Цереала — когда тот управлял Азией, а Сальвидиена Орфита и Ацилия Глабриона — в изгнании. Эти были казнены по обвинению в подготовке мятежа, остальные же — под самыми пустяковыми предлогами. Так, Элия Ламию он казнил за давние и безобидные шутки, хотя и двусмысленные: когда Домициан увел его жену, Ламия сказал человеку, похвалившему его голос: «Это из-за воздержания!», а когда Тит советовал ему жениться вторично, он спросил: «*Ты тоже ищешь жену?*» (3) Сальвий Кокцеян погиб за то, что отмечал день рождения императора Отона, своего дяди; Меттий Помпузиан — за то, что про него говорили, будто он имел императорский гороскоп и носил с собой чертеж всей земли на пергаменте и речи царей и вождей из Тита Ливия, а двух своих рабов назвал Магоном и Ганнибалом; Саллюстий Лукулл, легат в Британии — за то, что копия нового образца он позволил называть «Лукулловыми»; Юний Рустик — за то, что издал похвальные слова Фрасее Пету и Гельвидию Приску, назвав их мужами непорочной честности; по случаю этого обвинения из Рима и Италии были изгнаны все философы. (4) Казнил он и Гельвидия Младшего, заподозрив, что в исходе одной трагедии он в лицах Париса и Эноны изобразил развод его с женою; казнил и Флавия Сабина, своего двоюродного брата, за то, что в день консульских выборов глашатай по ошибке объявил его народу не будущим консулом, а будущим императором.

(5) После междоусобной войны свирепость его усилилась еще более. Чтобы пытать у противников имена скрывающихся сообщников, он придумал новую пытку: прижигал им срамные члены, а некоторым отрубал руки. Как известно, из видных заговорщиков помилованы были только двое, трибун сенаторского звания и центурион: стараясь доказать свою невиновность, они притворились порочными развратниками, презираемыми за это и войском и полководцем.

11. Свирепость его была не только безмерной, но к тому же изощренной и коварной. Управителя, которого он распял на кресте, накануне он пригласил к себе в опочивальню, усадил на ложе рядом с собой, отпустил успокоенным и довольным, одарив даже угощением со своего стола. Аррецина Клемента, бывшего консула, близкого своего друга и соглашателя, он казнил смертью,

но перед этим был к нему милостив не меньше, если не больше, чем обычно, и в последний его день, прогуливаясь с ним вместе и глядя на доносчика, его погубившего, сказал: «Хочешь, завтра мы послушаем этого негодного раба?» (2) А чтобы больше оскорбить людское терпение, все свои самые суровые приговоры начинал он заявлением о своем милосердии, и чем мягче было начало, тем вернее был жестокий конец. Нескольких человек, обвиненных в оскорблении величества, он представил на суд сената, объявив, что хочет на этот раз проверить, очень ли его любят сенаторы. Без труда он дождался, чтобы их осудили на казнь по обычаю предков, но затем, уstraшенный жестокостью наказания, решил унять негодование такими словами — не лишним будет привести их в точности: «Позвольте мне, отцы сенаторы, во имя вашей любви ко мне, попросить у вас милости, добиться которой, я знаю, будет нелегко: пусть дано будет осужденным самим избрать себе смерть, дабы вы могли избавить глаза от страшного зрелища, а люди поняли, что в сенате присутствовал и я».

12. Истошив казну издержками на постройки, на зрелища, на повышенное жалованье воинам, он попытался было умерить хотя бы военные расходы, сократив количество войска, но убедился, что этим только открывает себя нападением варваров, а из денежных трудностей не выходит; и тогда без раздумья он бросился обогащаться любыми средствами. И имущества живых и мертвых захватывал он повсюду, с помощью каких угодно обвинений и обвинителей: довольно было заподозрить малейшее слово или дело против императорского величества. (2) Наследства он присваивал самые дальние, если хоть один человек объявлял, будто умерший при нем говорил, что хочет сделать наследником цезаря. С особой суровостью по сравнению с другими взыскивался иудейский налог: им облагались и те, кто открыто вел иудейский образ жизни, и те, кто скрывал свое происхождение, уклоняясь от наложенной на это племя дани. Я помню, как в ранней юности при мне в многолюдном судилище прокуратор осматривал девяностолетнего старика, не обрезан ли он.

(3) Скромностью он не отличался с молодых лет, был самоуверен и груб на словах и в поступках. Когда Ценида, наложница его отца, воротясь из Истрии, хотела его поцеловать, как обычно, он подставил ей руку; а рассердившись, что зять его брата тоже одевает слуг в белое, он воскликнул:

Не хорошо многовласть!..

13. А достигнув власти, он беззастенчиво хвалился в сенате, что это он доставил власть отцу и брату, а они лишь вернули ее ему; принимая к себе жену после развода, он объявил в эдикте, что вновь возводит ее на священное ложе; а в амфитеатре в день всенародного угощения с удовольствием слушал клики: «Государю и государыне слава!» Даже на Капитолийском состязании, когда Пальфурий Сура, изгнанный им из сената, получил

венюк за красноречие и все вокруг с небывалым единодушием умоляли вернуть его в сенат, он не удостоил их ответом и только через глашатая приказал им смолкнуть. (2) С не меньшей гордыней он начал однажды правительственное письмо от имени прокураторов такими словами: «Государь наш и бог повелевает...» — и с этих пор повелось называть его и в письменных и в устных обращениях только так. Статуи в свою честь он дозволял ставить на Палатине только золотые и серебряные, и сам назначал их вес. Ворота и арки, украшенные колесницами и триумфальными отличиями, он строил по всем кварталам города в таком множестве, что на одной из них появилась греческая надпись: «Довольно!» (3) Консулом он был семнадцать раз, как никто до него, в том числе семь раз подряд, год за годом; но все эти консульства были только званием, обычно он оставался в должности только до январских ид и никогда дольше майских календ. А после двух триумфов он принял прозвище Германика и переименовал по своим прозвищам месяцы сентябрь и октябрь в Германик и Домициан, так как в одном из этих месяцев он родился, а в другом стал императором.

14. Снискав всем этим всеобщую ненависть и ужас, он погиб, наконец, от заговора ближайших друзей и вольноотпущенников, о котором знала и его жена. Год, день и даже час и род своей смерти давно уже не были для него тайной: еще в ранней молодости все это ему предсказали халдеи, и когда однажды за обедом он отказался от грибов, отец его даже посмеялся при всех, что сын забыл о своей судьбе и боится иного больше, чем меча. (2) Поэтому жил он в вечном страхе и трепете, и самые ничтожные подозрения повергали его в несказанное волнение. Даже эдикт о вырубке виноградников он, говорят, не привел в исполнение только потому, что по рукам пошли подметные письма с такими стихами:

Как ты, козел, ни грызи виноградник, вина еще хватит
Вдоволь напиться, когда в жертву тебя принесут.

(3) Тот же страх заставил его, великого охотника до всяческих почестей, отвергнуть новое измышление сената, когда постановлено было, чтобы в каждое его консульство среди ликторов и посыльных его сопровождали римские всадники во всаднических тогах и с боевыми копьями.

(4) С приближением грозящего срока он день ото дня становился все более мнительным. В портиках, где он обычно гулял, он отделал стены блестящим лунным камнем, чтобы видеть по отражению все, что делается у него за спиной. Многих заключенных он допрашивал только сам и наедине, держа своими руками их цепи. Чтобы дать понять домочадцам, что даже с добрым намереньем преступно поднимать руку на патрона, он предал смертной казни Эпафродита, своего советника по делам прошений, так как думал, что это он своею рукою помог всеми поки-

нүтому Нерону покончить с собой. 15. Наконец, он убил по самому ничтожному подозрению своего двоюродного брата Флавия Клементя чуть ли не во время его консульства, хотя человек это был ничтожный и ленивый, и хотя его маленьких сыновей он сам открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана. Именно этим он больше всего ускорил свою гибель.

(2) Уже восемь месяцев подряд в Риме столько видели молний и о стольких слышали рассказы, что он, наконец, воскликнул: «Пусть же разит кого хочет». Молнии ударили в Капитолий, в храм рода Флавиев, в Палатинский дворец и его собственную спальню, буря сорвала надпись с подножия его триумфальной статуи и отбросила к соседнему памятнику, дерево, которое было опрокинуто, выпрямилось еще до прихода Веспасиана к власти, теперь внезапно рухнуло вновь. Пренестинская Фуртуна, к которой он во все свое правление обращался каждый новый год и которая всякий раз давала ему один и тот же добрый ответ, дала теперь самый мрачный, вещавший даже о крови. (3) Минерва, которую он суеверно чтит, возвестила ему во сне, что покидает свое святилище и больше не в силах оберегать императора: Юпитер отнял у нее оружие. Но более всего потрясло его пророчество и участь астролога Асклетариона. На него донесли, что он своим искусством предугадывает и разглашает будущее, и он не отрицал; а на вопрос, как же умрет он сам, он ответил, что скоро его растерзают собаки. Домициан приказал тотчас его умертвить, но для изобличения лживости его искусства похоронить с величайшей заботливостью. Так и было сделано; но внезапно налетела буря, разметала костер, и обгорелый труп разорвали собаки; а проходивший мимо актер Латин приметил это и вместе с другими дневными новостями рассказал за обедом императору.

16. Накануне гибели ему подали грибы; он велел оставить их на завтра, добавив: «Если мне суждено их съесть»; и обернувшись к окружающим, пояснил, что на следующий день Луна обагрится кровью в знаке Водолея, и случится нечто такое, о чем будет говорить по всему миру. Наутро к нему привели германского гадателя, который на вопрос о молнии предсказал перемену власти; император выслушал его и приговорил к смерти. (2) Почесывая лоб, он царапнул по нарыву, брызнула кровь: «Если бы этим и кончилось!» — проговорил он. Потом он спросил, который час; был пятый, которого он боялся, но ему нарочно сказали, что шестой. Обрадовавшись, что опасность миновала, он поспешил было в баню, но спальник Парфений остановил его, сообщив, что какой-то человек хочет спешно сказать ему что-то важное. Тогда, отпустивши всех, он вошел в спальню и там был убит.

17. О том, как убийство было задумано и выполнено, рассказывают так. Заговорщики еще колебались, когда и как на него напасть — в бане или за обедом; наконец, им предложил со-

вет и помощь Стефан, управляющий Домициллы, который в это время был под судом за растрату. Во избежание подозрения он притворился, будто у него болит левая рука, и несколько дней подряд обматывал ее шерстью и повязками, а к назначенному часу спрятал в них кинжал. Обещав раскрыть заговор, он был допущен к императору; и пока тот в недоумении читал его записку, он нанес ему удар в пах. (2) Раненый пытался сопротивляться, но корникуларий Клодиан, вольноотпущенник Парфения Максим, декурион спальников Сатур и кто-то из гладиаторов набросились на него и добились семью ударами. При убийстве присутствовал мальчик-раб, обычно служивший спальным ларам: он рассказывал, что при первом ударе Домициан ему крикнул подать из-под подушки кинжал и позвать рабов, но под изголовьем лежали только пустые ножны, и все двери оказались на запоре; а тем временем император, сцепившись со Стефаном, долго боролся с ним на земле, стараясь то вырвать у него кинжал, то выцарапать ему глаза окровавленными пальцами.

(3) Погиб он в четырнадцатый день до октябрьских календ, на сорок пятом году жизни и пятнадцатом году власти. Тело его на дешевых носилках вынесли могильщики. Филлида, его кормилица, предала его сожжению в своей усадьбе по Латинской дороге, а останки его тайно принесла в храм рода Флавиев и смешала с останками Юлии, дочери Тита, которую тоже выкормила она.

18. Росту он был высокого, лицо скромное, с ярким румянцем, глаза большие, но слегка близорукие. Во всем его теле были красота и достоинство, особенно в молодые годы, если не считать того, что пальцы на ногах были кривые; но впоследствии лысина, выпяченный живот и тощие ноги, исхудавшие от долгой болезни, обезобразили его. (2) Он чувствовал, что скромное выражение лица ему благоприятствует, и однажды даже похвастался в сенате: «До сих пор, по крайней мере, вам не приходилось жаловаться на мой вид и нрав...» Зато лысина доставляла ему много горя, и если кого-нибудь другого в насмешку или в обиду попрекали плешью, он считал это оскорблением себе. Он издал даже книжку об уходе за волосами, посвятив ее другу, и в утешение ему и себе вставил в нее такое рассуждение:

«Видишь, каков я и сам красив и величествен видом? —

А ведь мои волосы постигла та же судьба! Но я стойко терплю, что кудрям моим суждена старость еще в молодости. Верь мне, что ничего нет пленительней красоты, но ничего нет и недолговечней ее».

19. Утомлять себя он не любил: недаром он избегал ходить по городу пешком, а в походах и поездках редко ехал на коне, и чаще в носилках. С тяжелым оружием он вовсе не имел дела, зато стрельбу из лука очень любил. Многие видели не раз, как в своем Альбанском поместье он поражал из лука по сотне

зверей разной породы, причем некоторым нарочно метил в голову так, чтобы две стрелы, вонзившись, торчали, как рога. А иногда он приказывал мальчику стать поодаль и подставить вместо цели правую ладонь, раздвинув пальцы, и стрелы его летели так метко, что пролетали между пальцами, не задев.

20. Благородными искусствами он в начале правления пренебрегал. Правда, когда при пожаре погибли библиотеки, он не жалел денег на их восстановление, собирал списки книг отовсюду и посылал в Александрию людей для переписки и сверки. Однако ни знакомства с историей или поэзией, ни простой заботы о хорошем слоге он не обнаруживал никогда: кроме записок и указов Тиберия Цезаря, не читал он ничего, а послания, речи и эдикты составлял с чужой помощью. Однако речь его не лишена была изящества, и некоторые его замечания даже запомнились. Так, он говорил: «Я хотел бы стать таким красивым, как Меций сам себе кажется!» Чью-то голову, где росли попережку волосы седые и рыжие, он назвал: снег с медом.

21. Правителям, говорил он, живется хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, куда их не убьют.

На досуге он всегда забавлялся игрою в кости, даже в будни и по утрам. Купался он среди дня, и за дневным завтраком наедался так, что за обедом ничего не брал в рот, кроме матианского яблока и вина из бутылочки. Пиршества он устраивал частые и богатые, но недолгие: кончал он их всегда засветло и не затягивал попойками. Вместо этого он потом до отхода ко сну прогуливался в одиночестве.

22. Сладострастием он отличался безмерным. Свои ежедневные соития называл он «*постельной борьбой*», словно это было упражнение; говорили, будто он сам выщипывает волосы у своих наложниц и возится с самыми непотребными проститутками. Когда Тит предлагал ему в жены свою дочь, еще девушкою, он упорно отказывался, ссылаясь на свой брак с Домицией, но когда вскоре ее выдали за другого, он первый обольстил ее, еще при жизни Тита; а потом, после кончины ее отца и мужа, он любил ее пылко и не таясь, и даже стал виновником ее смерти, заставив вытравить плод, который она от него понесла.

23. К умерщвлению его народ остался равнодушным, но войско негодовало: солдаты пытались тотчас провозгласить его божественным и готовы были мстить за него, но у них не нашлось предводителей; отомстили они немного спустя, решительно потребовав на расправу виновников убийства. Сенаторы, напротив, были в таком ликовании, что наперебой сбежались в курию, безудержно поносили убитого самыми оскорбительными и злобными возгласами, велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем.

За несколько месяцев до его гибели ворон на Капитолии выговорил: *«все будет хорошо!»* — и нашлись люди, которые истолковали это знаменье так:

«Будет уже хорошо!» — прокаркал с Тарпейской вершины
Ворон — не мог он сказать: «Вам и сейчас хорошо».

Говорят, и сам Домициан видел во сне, будто на спине у него вырос золотой горб, и не сомневался, что это обещает государству после его смерти счастье и благополучие. Так оно вскоре и оказалось, благодаря умеренности и справедливости последующих правителей.

СВЕТОНИЙ И ЕГО КНИГА

Светонию не повезло во мнении филологов и историков. Как историка его всегда заслонял Тацит, как биографа — Плутарх. Сравнение с ними было для него слишком невыгодно. Недостатки и несовершенства светониевских биографий установлены давно, и перечень их переходит неизменным из книги в книгу. Светоний не заботится о психологической последовательности: он перечисляет добродетели и пороки каждого императора по отдельности, не задумываясь, как могли они вместе жить в одной душе. Светоний не заботится о хронологической последовательности: он соединяет в одном перечне факты начала и конца правления, без логики и связи. Светоний лишен понимания истории: образы императоров он представляет в отрыве от исторического фона и, детально разбирая мелочи их частной жизни, лишь мимоходом упоминает о действительно важных исторических событиях. Светоний лишен критического чутья: он использует в своих биографиях заведомо тенденциозные источники, не думая о том, чтобы примирить их разногласия. Светоний лишен литературного вкуса: он не заботится о художественной отделке слога, он однообразен и сух. «Это не настоящий писатель» — таково решительное утверждение одного из последних исследователей, подводющее итог долгой традиции оценок Светония.

Все эти обвинения, бесспорно, не лишены оснований. И все же думается, что современные историографы несправедливы к римскому историку. Светония меряют чужой меркой, тогда как следовало бы найти его собственную. Светония сравнивают с Тацитом и Плутархом, между тем как из этих трех авторов каждый преследовал свои собственные задачи и по задачам выбирал свои средства. Чтобы объяснить все особенности светониевских биографий, нужно определить цель, которую ставил себе их автор.

Трудность этого вопроса в том, что о Светонии мы знаем очень мало. Несколько беглых намеков в сочинениях самого Светония, несколько писем Плиния Младшего, обращенных к Светонию или упоминающих о нем, одна надпись, найденная в Африке в 1950 г. и уточняющая некоторые моменты его служебной карьеры, поздние упоминания у Спартиана (IV в.) и у Иоанна Лидийца (VI в.), да список сочинений, приводимый в византийском словаре «Суда» (X в.) — вот и все разрозненные сведения, из которых

приходится составлять картину жизни и творчества Гая Светония Транквилла.

Ни год рождения, ни год смерти Светония неизвестны. В одном месте он упоминает, что был юношей (*adulescens*), когда в 88—89 г. на Востоке появился лже-Нерон (*Нер.*, 57): при всей неопределенности слова *adulescens* отсюда можно заключить, что Светоний родился в начале 70-х годов н. э. Он принадлежал к всадническому роду: его отец был легионным трибуном всаднического звания в войске Отона при Бетриаке (*От.*, 10), его дед, вероятно, занимал какую-то маленькую должность при дворе Калигулы (*Кал.*, 19). Сам Светоний вырос, по-видимому, в Риме (*Дом.*, 12) и получил обычное для своего времени образование сперва в грамматической, потом в риторической школе (*Гр.*, 4). По окончании школы Светоний попадает в кружок Плиния Младшего — один из центров культурной жизни этого времени. Консул 100 г. Плиний Младший был старше Светония лет на десять; ученик Квинтилиана, друг Тацита, изящный писатель, человек разносторонних, хотя и неглубоких культурных интересов, Плиний полюбил молодого ученого и стал неизменным его покровителем.

Карьера человека всаднического сословия начиналась обычно с военной службы, но Светонию это было не по душе: Плиний выхлопотал ему должность войскового трибуна, но Светоний попросил передать ее одному из своих родственников (П л и н и й. Письма, III, 8). Светоний остается в Риме, становится членом двух жреческих коллегий, император Траян назначает его в какую-то «отборную коллегия» (судейскую?), Плиний испрашивает для него у Траяна «право трех детей», дающее некоторые знаки уважения и льготы по службе (письма X, 94—95). Он занимается адвокатской практикой, но без усердия: увидев дурной сон, он просит Плиния отсрочить очередной процесс, и тому приходится ободрять суеверного друга (письмо I, 18). Он пишет свое первое большое сочинение — может быть, это была книга «О знаменитых людях», отчасти дошедшая до нас, — но медлит с изданием, и Плиний его торопит: «не откладывай больше... работа твоя готова и закончена, от полировки она не заблестит, а начнет стираться» (письмо V, 10). Чтобы спокойно жить и работать, он хочет купить имение близ Рима, и Плиний просит одного из своих приятелей посодействовать непрактичному Светонию (письмо I, 24). «В этом имении, если только цена его доступна, многое соблазняет моего Транквилла: и соседство Рима, и удобная дорога, и маленькая усадьба, и размеры владения, при которых оно может скорее развлекать, чем занимать. Для человека книжного, как он, с избытком довольно такого количества земли, чтобы можно было дать покой голове и отдых глазам, тихонько обойти по меже вокруг, знать все свои лозы и пересчитать деревца...»

В 117 г. война Траяна сменяет у власти ученый Адриан, любитель и ценитель наук и искусств. Для Светония неожиданно

открываются возможности выгодной придворной службы. Он поступает в императорскую канцелярию «по ученым делам» (a studiis), ему поручается надзор за публичными библиотеками (a bibliothecis), и, наконец, он получает высокий пост советника «по переписке» (ab epistulis): к нему сходятся отчеты и донесения со всех концов империи, он докладывает о них Адриану, составляет и рассылает на места императорские распоряжения. Придворная служба открыла Светонию доступ к государственным архивам, и он не преминул воспользоваться этим для своих ученых работ: в эти годы он пишет свои жизнеописания двенадцати цезарей и издает это сочинение с посвящением Септицию Клару, начальнику преторианцев при Адриане. По-видимому, Светоний был знаком с Септицием Кларом еще по кружку Плиния и теперь, после смерти Плиния, нашел в нем нового покровителя. Посвящение до нас не дошло, так как начало сочинения Светония в рукописях утрачено.

Но придворная карьера Светония была недолгой. В 122 г. по приказу императора Адриана, объезжавшего в это время западные провинции, он был уволен. Спартиан, биограф Адриана, пишет об этом так: «Септиция Клара, начальника преторианцев, Светония Транквилла, заведующего перепиской, и многих других он сменил за то, что они вопреки его приказу вели себя с женой его Сабиной вольней, чем это допускало уважение к императорскому дому» («Адриан», 11, 3). Совершенно ясно, что упоминание о Сабине, нелюбимой жене Адриана, здесь не причина, а повод; настоящая же причина связана с какой-то глухой придворной интригой и нам не известна. Светонию в это время было около 50 лет. О его дальнейшей жизни мы ничего не знаем; но, судя по количеству им написанного, прожил он еще долго и умер, быть может, около 140—150 гг. н. э.

«Суда» перечисляет заглавия целого ряда сочинений Светония, не дошедших до нас. Это: 1) «О детских играх у греков»; 2) «О зрелищах и состязаниях у римлян», 2 книги; 3) «О годе у римлян»; 4) «О книжных знаках»; 5) «О «Государстве» Цицерона» — полемика против александрийского грамматика Дидима, написавшего при Антонии книгу против Цицерона; 6) «О названиях и предметах одежды, обуви и всякого рода покровов», или, как короче цитирует Сервий, «О видах одежды»; 7) «О брани или ругательствах и о происхождении каждого»; 8) «О Риме и римских обычаях и нравах». Кроме того, из других источников известны названия нескольких сочинений, пропущенных «Судой»: 9) «О царях» в 3 книгах — о царях Европы, Азии, и Африки; это сочинение в IV в. перелагал в стихи Павлин Ноланский; 10) «Об общественных должностях» — упомянуто Присцианом; 11) «О знаменитых блудницах» — цитируется Иоанном Лидийцем; 12) «О телесных недостатках» — упомянуто Сервием; 13) «О разных предметах» — одна цитата на грамматическую тему сохранена Харисием. Может быть, эти столь разноместные трактаты были как-то циклизированы: высказывалось предположение,

что сочинения 2, 3, 6, 8 могли составлять части большой работы «Рим», а сочинение 12 и какие-нибудь другие входить в «Луг», загадочное энциклопедическое сочинение, приписанное Светонию средневековыми авторами; но это лишь гипотезы. Некоторые из этих сочинений дошли до нас в поздних отрывочных извлечениях; из них видно, что трактаты «О детских играх» и «О ругательствах» были написаны Светонием по-гречески.

Тематическое разнообразие сочинений Светония всегда озадачивало исследователей. Неожиданно оказывалось, что историк Светоний был вовсе не историком, а писателем-энциклопедистом, антикваром, которого равно занимали биографии писателей и биографии гетер, римские магистратуры и греческие ругательства, теории Цицерона и телесные недостатки. Жизнеописание двенадцати цезарей представлялись лишь случайной областью упражнения такой ученой любознательности, для которой обожрство Вителлия и походы Цезаря имели одинаковый исторический интерес. Никаких откликов на современность от такого писателя не приходилось ожидать. Биографические сведения, казалось, подкрепляли такой образ автора. «Книжный человек» (scholasticus), по выражению Плиния, миролюбивый, нерешительный и непрактичный, лишь недолго и неудачно занимавший государственную должность, да и то такую, где важнее всего были ученость и хороший стиль, а потом вновь удалившийся к своим книгам, — этот облик Светония, сложившийся в представлении ученых XIX в. и доживший до наших дней, во многом определял отношение исследователей к историческому сочинению Светония.

Вряд ли такой подход можно назвать правомерным. Странно было бы судить о сохранившемся произведении, исходя из несохранившихся. Для нас Светоний — прежде всего историк и должен изучаться в связи с проблемами, занимавшими историографию его времени.

Не случайно и Светоний и его старшие современники Тацит (в «Анналах») и Плутарх (в серии императорских биографий, из которой до нас дошли только жизнеописания Гальбы и Отона) сосредоточивали свое внимание на одной и той же эпохе — на том столетии римской истории, которое начиналось Августом, а кончалось междуцарствием 69 г. Это было столетие политических экспериментов, в ходе которых постепенно определялось политическое оформление императорской власти в Риме. Августу после долгих осторожных попыток удалось выработать систему относительного равновесия интересов принцепса и сената и поддерживать ее в течение своей долгой жизни. Но решение Августа не было единственно возможным. До Августа — Цезарь и Антоний, после Августа — Тиберий и Калигула, Клавдий и Нерон, каждый по-своему варьировали это решение или предлагали иные; и как при всяких политических экспериментах, при этом было пролито очень много крови. Только сто лет спустя, ко времени Веспасиана, стало окончательно ясно, что система Августа все-

таки оказалась самым приемлемым вариантом и самым желательным образцом. Линия преемственности протянулась от Августа — к Веспасиану и Титу, а от них — к Нерве, Траяну и Антонинам. Течение истории получило свою цель, и историкам предстояло изобразить путь к этой цели, собрав и осмыслив с новой точки зрения все сведения о первых преемниках Августа. Точка зрения была установлена, оставалось подкрепить ее фактами.

Трудность задачи, стоявшей перед историками, заключалась в характере источников, которыми они располагали. Дело в том, что порядок престолонаследия при Юлиях — Клавдиях был непредвидимо причудлив: власть переходила в лучшем случае от родственника к родственнику, но никогда от отца к сыну или от брата к брату. Это значило, что между сменявшимися правителями не было такого родственного пиегета, какой бывает в наследственных монархиях, где преемник чтит предшественника, даже если и не продолжает его политику. В Риме этих лет каждый новый император видел в своем предшественнике личного врага, слишком долго заслонявшего ему путь к власти. Поэтому историческая и публицистическая литература о каждом императоре отчетливо делилась на две части: вся прижизненная литература безудержно его превозносила, вся посмертная — столь же безудержно порочила. Образцом прижизненных восхвалений может служить краткая «Римская история» Веллея Патеркула, написанная при Тиберии и славящая Тиберия как героя и благодетеля: образцом посмертных поношений может служить приписывавшийся Сенеке «Апофеоз божественного Клавдия» («Апоколокинто́сис»), злейшая сатира, где изображается, как только что умерший и обожествленный Клавдий, хромая, взбирается на Олимп, и там возмущенные боги осыпают его оскорблениями и насмешками. Эти произведения уцелели до нас почти случайно из целого моря подобной пропагандистской литературы поздней республики и ранней империи. Разобраться в этом море разноголосицы, вывести из множества противоречащих друг другу фактов и суждений окончательную, отвечающую требованиям времени характеристику каждого из сменившихся правителей — такова была задача, стоявшая перед новым поколением историков. Тацит, Плутарх и Светоний подошли к этой задаче по-разному, каждый в соответствии со своими интересами и в меру своих способностей.

Тацит был историк, Плутарх был моралист; Тацит стремился постичь законы истории, Плутарх — законы человеческой души. Оба, хотя и с разных сторон, старались объяснить каждый поступок каждого правителя, увидеть, как в одной душе уживались высокий дух и низкие пороки, бесчеловечие и государственный ум; и действительно, созданные ими образы, при всей их тенденциозности, остались высшим достижением античного психологического портрета (по крайней мере, постольку, поскольку об императорских биографиях Плутарха можно судить по поздней-

шим его «Сравнительным биографиям»). Светоний был чужд таких философских интересов. Его цель была скромнее: он хотел не объяснить, а только *оценить* события. Если Тацит и Плутарх стремились свести дурное и хорошее в личности императоров в диалектическое единство, то Светоний, напротив, стремится разделить дурное и хорошее, разграничить их как можно четче, разложить их на разные чаши весов и посмотреть, какая чаша пересянет. «Все эти поступки... порой достойные немалой похвалы, я собрал вместе, чтобы отделить их от пороков и преступлений, о которых буду говорить дальше», — пишет он в биографии Нерона (19, 3). А в биографии Тиберия есть знаменательное место, где речь идет о мотивах, которыми руководствовался Август, выбирая наследником Тиберия: думали, что Август сделал это только «в тщеславной надежде, что при таком преемнике народ скорее пожалеет о нем»; но Светоний этому не верит: «нет, я полагаю, что он взвесил все достоинства и недостатки Тиберия и нашел, что его достоинства перевешивают» (*Тиб.*, 21, 2—3). Трудно сказать, верно ли угадал Светоний намерения умирающего Августа, но свой собственный метод работы он этими словами охарактеризовал совершенно точно.

Объяснение событий требует рассмотрения фактов в их связи и взаимодействии, в том сложном переплетении причин и следствий, в котором хорошие и дурные поступки с одинаковой необходимостью вытекают подчас из одних и тех же мотивов. Так поступают и Тацит, и Плутарх, хотя для одного эта связь событий распространяется на всю римскую историю, для другого ограничивается жизнью одного человека. Оценка событий, наоборот, требует как можно более полной изоляции факта: только тогда его можно будет сопоставить с отвлеченной меркой достоинства и сказать о нем: «хорошо» или «плохо». Так поступает Светоний. Не связность рассказа, а *дробность* рассказа необходима ему для его целей. В своем произведении он вместо последовательности событий предлагает читателю россыпь фактов. Его императоры проходят перед судом читателя, как бы сдавая экзамен на хорошего правителя; и, как на экзамене, в расчет принимаются не мотивы их действий, а только сами действия и их результаты.

Тацит хотел устрашить читателя, показав ему роковую неизбежность вырождения императорского Рима; Плутарх хотел утешить читателя, предложив ему нравственные образцы, которых следовало держаться и которых следовало избегать. Оба стремились заглянуть в душу своим героям и выявить за индивидуальными особенностями общечеловеческие свойства, одинаково присущие прошлому, настоящему и будущему. Для них история продолжает жить в современности: Тацит чувствует, что жестокости прежних императоров могут возобновиться при любом новом правителе, Плутарх знает, что добродетели и пороки древних мужей остаются и останутся примером и уроком для всех времен. Светонию это чувство неизвестно. Современность

для него уже пришла к решению всех вопросов, волновавших прошлое, истина достигнута, бывшие ошибки остались за порогом и никогда больше не повторятся: это были частности, случайные эпизоды, никаким обобщениям не подлежащие. Поэтому, оглядываясь на них, он смотрит лишь на внешнюю сторону событий, ищет в них черты как можно более индивидуальные, неповторимые, необычные, яркие; своеобразие в мелочах интереснее для него, чем сходство в целом; иначе говоря, он стремится не к поучительности, а к *занимательности*.

Такова задача и таков подход к ней у Светония: оценка вместо объяснения, россыпь фактов вместо связи событий, занимательность вместо поучительности. Эта задача и этот метод определяют все своеобразие построения светониевских биографий — и в отборе и в расположении фактов.

Отбор фактов у Светония замечателен тем, что взгляд автора все время сосредоточен на личности императора. Это не история империи, а история императоров: император один держит ответ за все свое время. Исторического фона Светоний не показывает: в лучшем случае он напоминает о нем, предполагая все значительные события известными читателю. Все, что происходит на огромных пространствах империи, проникает в рассказ Светония лишь глухими отголосками. События в провинциях для него не существуют: ни галльское восстание Флора и Сакровира в 21 г., ни германское восстание Цивилиса в 70 г. вовсе не названы в биографиях, иудейская война упомянута лишь как повод к возвышению Веспасиана, британское восстание — лишь как ложное исполнение одного из пророчеств Нерону. Говоря о расширении империи, он лишь сухо сообщает: «такие-то области обращены в провинции», или в лучшем случае определяет их пространство и положение (*Юл.*, 25, *Тиб.*, 16). Пограничные войны упоминаются им чем дальше, тем реже: о переговорах с Парфией в 35—36 гг. он еще сообщает, так как вел их отец будущего императора Вителлия, но о тяжелой войне при Нероне забывает, так как командовавший здесь Домиций Корбулон ничем не был связан с императорским домом. Его цель — рассказать не о событиях, а о том, как вел себя император при этих событиях: о завоевании Британии он говорит в придаточном предложении, а о триумфе Клавдия — в главном. О мутинской войне он упоминает лишь затем, чтобы сообщить, как Октавиан бежал с поля боя и как его подозревали в коварном убийстве соперников; решающее сражение сицилийской войны интересно для него только тем, что Октавиан перед боем спал непробудным сном. Не случайно из всех военных предприятий императоров подробнее всего описанным оказался шутовской поход Калигулы в Галлию и Германию.

Таким образом, в центре внимания автора остается город Рим и императорский двор. Светоний перечисляет императорские постройки и зрелища, законы и эдикты, показывает отношение правителя к сенату, всадничеству и народу, особенное внимание уделяет организации суда и судейской деятельности императора.

Лица, окружающие императора и во многом влиявшие на государственные дела, отступают в тень: в биографии Августа лишь мельком упомянуты Агриппа и Меценат, в биографии Тиберия только назван Сеян и даже не назван Макрон, в биографии Нерона нет места для Сенеки, в биографии Гальбы — для Нимфидия Сабина; только при безвольном Клавдии перечислены его советники-вольноотпущенники, игрушкой которых (по общему мнению) был император. Зато фигура императора, заслоняющая все остальные, выписана со всеми возможными подробностями: здесь, в изображении человека, олицетворяющего собой всю римскую державу, для Светония нет несущественных мелочей. Он заботливо собирает сведения о его здоровье, характере, привычках, интересах, образе жизни; частная жизнь императора оказывается неотъемлемым дополнением его государственной деятельности, она как бы раскрывает перед читателем задатки властителя в частном человеке и позволяет предугадывать по чертам характера черты политики. Кроме того, подробности частной жизни императора, конечно, позволяли придать повествованию ту занимательность, которой так дорожил Светоний и его читатели. О любовных приключениях Цезаря Светоний пишет подробнее, чем о завоевании Галлии, шутки Веспасиана у него тщательно собраны, а знаменитое постановление о разделении власти между сенатом и Веспасианом даже не упомянуто. Но это было общепризнанным правом биографа — так и Плутарх писал в начале жизнеописания Александра Македонского: «Ведь мы не историю пишем, а биографию, и не из самых славных деяний войны видны бывают добродетели или пороки, но часто малый какой-нибудь поступок, слово, шутка дает более возможности судить о характере человека, чем сражения с десятками тысяч убитых, чем громадные боевые операции, чем осады городов...»

Расположение фактов в биографиях Светония еще более интересно. Оценка всегда предполагает сравнение: чтобы оценить деятельность императора, нужно сопоставить ее с деятельностью других императоров и с требованиями, предъявляемыми к идеальному правителю. Группировка фактов должна допускать такое сравнение, следовательно, она должна быть не хронологической, отдельной для каждого императора, а логической, общей для всех. Именно такую логическую схему разрабатывает Светоний для своих биографий. Биография членится на разделы, разделы на рубрики, рубрики на подрубрики, подрубрики на пункты, под пунктами перечисляются факты; каждый факт находит свое место, расположение становится отчетливым и ясным, как в систематическом каталоге или как в музейной витрине; каждая рубрика повторяется из биографии в биографию, помогая следить за планом и облегчая сравнение: армия разрозненных фактов получает новую строгую организацию.

Биографическая схема Светония состоит из четырех разделов: жизнь императора до прихода к власти; государственная деятельность; частная жизнь; смерть и погребение. В первом и

последнем разделе по необходимости автор придерживается хронологической последовательности событий; но средние, основные разделы, охватывающие время правления императора, целиком построены по логической схеме с рубриками и подрубриками. В биографии Цезаря эта схема не сразу бросается в глаза: так как путь Цезаря к власти был слишком долгим, а пребывание у власти слишком коротким, то равновесие разделов здесь поневоле нарушается; однако уже здесь Светоний четко отмечает рубеж между «государственной деятельностью» и «частной жизнью» (44, 4). Зато в биографии Августа, где материала было особенно много и нужда в систематизации особенно велика, членение на разделы выдержано и подчеркнуто. Рубеж между «началом жизни» и «государственной деятельностью» отмечен авторской репликой: «Обрисовав его жизнь в общих чертах, я остановлюсь теперь на подробностях, но не в последовательности времени, а в последовательности предметов, чтобы можно было их представить нагляднее и приятнее» (9). Рубеж между «государственной деятельностью» и «частной жизнью» отмечен новой репликой: «Изложив, таким образом, каков был Август на военных и гражданских должностях и как вел он государственные дела по всем краям земли в мирное и военное время, я перейду теперь к его частной и семейной жизни и опишу, каков он был и что с ним было дома, среди близких, от юных лет и до последнего дня» (61). От «частной жизни» к описанию смерти рассказ переходит плавно и постепенно, однако Светоний почти насильственно отмечает и этот рубеж: «Смерть его, к рассказу о которой я перехожу, и посмертное его обожествление...» и т. д. (97). В последующих биографиях границы разделов не отмечены столь наглядно, но сами разделы неизменно остаются одни и те же.

«Не в последовательности времени, а в последовательности предметов» (*neque per tempora, sed per species*) — таков основной принцип светониевского повествования. Эти «предметы», определяющие членение разделов на рубрики, неизменны во всех биографиях. В разделе о государственной деятельности это — занимаемые должности, политические новшества, социальная политика, суд и законодательство, военные предприятия, постройки, раздачи, зрелища и т. д. В разделе о частной жизни это — наружность, здоровье, образ жизни (одежда, еда, сон), нрав (и безнравственность), образованность, ученые и литературные занятия, вера и суеверия и т. д. Особую группу рубрик составляют такие черты характера, как милосердие, доброта, щедрость (или, наоборот, жестокость, зависть, алчность и пр.), как отношение к родным, друзьям, клиентам и т. д.: в зависимости от того, насколько сказывались эти черты личности на государственных делах, их характеристика попадает то в раздел о государственной деятельности (Тиберий, Калигула, Нерон, Веспасиан), то в раздел о частной жизни (Цезарь, Клавдий). Начальный и конечный разделы биографии с их хронологическим планом тоже отчет-

ливо дробятся на рубрики: в рассказе о возвышении Цезаря подчеркнуто выделены ступени: квестура (6), эдильство (10), претура (14), консульство (19); в рассказе о молодости Клавдия — жизнь до Калигулы (2—6) и жизнь при Калигуле (7—9), в заключительных частях биографии обычно разделяются смерть, похороны и завещание.

С такой же методичностью рубрики членятся на подрубрики: в социальной политике императора всякий раз выделяется отношение к сенату, к всадничеству и к народу; среди зрелищ — зрелище в театре, в цирке и в амфитеатре; в ученых и литературных занятиях — занятия латинской и греческой словесностью и т. д. Рубрика о жестокости Калигулы (27—33) делится на подрубрики «жестокость за делами» (27—31) и «жестокость на отдыхе» (32—33), а первая из этих подрубрик — на «жестокость в поступках» (27—28) и «жестокость в словах» (29—31); и даже внутри этих мельчайших отрывков группировка фактов обнаруживается местами новые четкие признаки деления (26, 4; 30, 2). Каждая рубрика и подрубрика обычно начинается ключевым словом, как в словаре. Так, в описании ненависти Тиберия к родственникам (50—54) читаем: «Свою ненависть к родственникам раньше всего он обнаружил против своего брата Друза...» — и затем следует: «Ливию, мать свою...»; «Сыновея своих...»; «Агриппину, свою невестку...» и т. д. В описании мероприятий Клавдия (18—21) друг за другом следуют: «Благоустройство и снабжение города...», «Гладиаторские битвы...» и т. д. По таким как бы подзаголовком часто можно проследить план больших кусков. Издатели и переводчики хорошо знают, как трудно бывает обычно делить на абзацы плавно льющуюся связную речь античного писателя; Светоний в этом отношении представляет исключение, у него дробление на абзацы напрашивается само собой.

По этим ячейкам рубрик и подрубрик размещает Светоний собранные им факты. Сначала общее заявление, потом ряд подтверждающих его фактов — таково обычное строение подрубрики, этой простейшей единицы светониевского повествования. «К друзьям Цезарь был внимателен и добр» — в подтверждение следуют два примера. «А с врагами он легко и охотно мирился» — следуют три примера, изложенные единообразными фразами («Гаю Меммию...», «Гаю Кальву...», «Валерия Катутла...»). «И даже во мщении он сохранял мягкость...» — следуют четыре примера, так же анафорически изложенных, из них последний, замыкающий этот ряд — подробнее других (см. *Юл.*, 72—74). «Отношение Августа к рабам и вольноотпущенникам было строгим, но милостивым...» — следуют два примера милосердия и три примера строгости (см. *Авг.*, 67). «При решении судебных дел Клавдий обнаруживал то удивительную мудрость, то редкое безрассудство...» — следуют три примера мудрости и четыре примера безрассудства (см. *Клав.*, 15). «Германик в высокой мере был наделен красотой, отвагой, красноречием, ученостью, добротой и привлекательностью...» — каждое из этих шести достоинств

иллюстрируется отдельными примерами (см. *Кал.*, 3). «Цезарь показал римлянам и битву гладиаторов, и театральные представления, и скачки в цирке, и состязания атлетов, и морской бой...» — о каждом из этих пяти увеселений следуют отдельные подробности (см. *Юл.*, 39). Так до последних мелочей выдерживает Светоний логическую стройность своего изложения. Напротив, хронологическую связанность он уничтожает почти насильственно. «Только два было друга у Августа, которых он сперва возвысил, а потом казнил: Сальвидиен и Галл; возвысил он первого так-то, второго так-то, казнил первого за то-то, второго за то-то» (см. *Авг.*, 66) — Светоний нарочно перебивает историю Сальвидиена историей Галла, между тем как Плутарх непременно рассказал бы отдельно и связно сперва о Сальвидиене, потом о Галле. Примеры такого рода в биографиях Светония встречаются на каждом шагу. Не случайно он так любит рассказ об одном событии разрывать на разные рубрики: в биографии Цезаря он дважды говорит о Никоমেде (2 и 49), дважды о пиратах (4 и 74), дважды о скандале Клодия (6 и 74), в биографии Августа — о жертве при Перузии (14 и 96), в биографии Калигулы — о Байском мосте (19 и 32). Он словно боится, что читатель увлечется связным рассказом, и все время напоминает, что не рассказ здесь главное. Не рассказ, а перечень — основа светониевского изложения. Пункты таких перечней могут занимать целые фразы, как в приведенных примерах; могут образовывать вереницы сочиненных предложений внутри фразы, как в перечислении замыслов Цезаря или актов Нерона (*Юл.*, 43; *Нер.*, 16); могут сжиматься до причастных оборотов в быстром описании подробностей какой-нибудь сцены (*Юл.*, 58, 2; *Кал.*, 13 и т. п.); но читатель все время помнит, что перед ним не эпическое повествование, а сводка примеров.

Композиция определяет стиль. Ни живость рассказа, ни яркость картин для общих целей Светония не нужны: ему нужны лишь точность, ясность и краткость. Он пишет не так, как требует стилистическая традиция, а так, как требует материал. Он не смущается тем, что его фразы однообразно до монотонности начинаются ключевым словом, а кончаются глаголом и что его описания внешности императоров кажутся выпиской из полицейской описи примет. Его стиль — не художественной, а деловой речи. Истоки этого стиля следует искать в практике императорских канцелярий. Однообразное построение фраз, ключевое слово в начале, сочинение вместо подчинения, бессоюзие, плеонастические пары слов для уточнения понятий («знающий и опытный», «и истина и правда», «сообщник и участник») — все эти характерные приметы светониевского слога имеют свой прообраз в слоге законов, указов и судебных установлений. Знаменитая надпись «Деяния божественного Августа» даже по плану настолько напоминает рубрики Светония, что некоторые ученые усматривали в ней его непосредственный образец. Конечно, в обращении Светония с элементами этого делового стиля чувствуется хорошая

выучка грамматической и риторической школы. Но вряд ли это была Цицеронианская школа Квинтилиана и его последователей, как принято думать; скорее это была школа, примыкавшая к традиции Сенеки, мастера короткой фразы и броской подробности. Цицероновский слог в биографиях Светония почти незаметен: в синтаксисе он избегает периодов и предпочитает сочиненные предложения, в грамматике и лексике он не старается держаться норм «золотого века» и свободно употребляет разговорные обороты своего времени — предложные конструкции, производные слова, сослагательное наклонение вместо изъявительного, гречизмы и т. д. Справедливо было замечено, что светониевская характеристика стиля Августа (Авг., 86) вполне приложима и к собственному стилю Светония: «Больше всего он старался как можно яснее выразить свою мысль и, чтобы лучше этого достичь, ничем не смущая и не сбивая читателя или слушателя, он без колебания ставил предлоги при названиях городов и повторял союзы, без которых речь звучала бы легче, но понималась бы труднее...»

Фактичность — главное качество сочинения Светония. Как Плиний о каждой книге своей «Естественной истории», так и Светоний мог написать о каждой своей биографии: «собрано столько фактов». Понятно, что такой своеобразный материал требовал своеобразных приемов художественной обработки. Для риторических приемов, какими пользовалась традиционная историография, здесь не было места. Только раза два позволяет себе Светоний набросать широкие и эффективные картины риторическими оборотами (*Тиб.*, 61; *Кал.*, 37, 3); обычно он пользуется более тонкими средствами. Он умеет упомянуть о единичном событии как об общем правиле (смерть убийц Цезаря, *Юл.*, 89; смерть дочери Сеяна, *Тиб.* 61, 5); умеет допустить не сразу приметное преувеличение (плавание Цезаря к Британии, *Юл.*, 57; поголовная гибель узников после смерти Тиберия, *Тиб.*, 75); умеет из нескольких версий искусно выбрать сильнейшую (пожар Рима для него — заведомое преступление Нерона, а пожар Капитолия — дело рук Вителлия: *Нер.*, 38, *Вит.*, 15; Тацит и здесь и в других случаях выражается осторожнее); любопытно, что смерть Тиберия он описывает в биографиях Тиберия и Калигулы по разным версиям, хотя и с оговорками. В перечислении фактов он искусной градацией добивается нарастания нужного впечатления (подготовка Цезаря к гражданской войне, *Юл.*, 26—28; горе народа на похоронах Цезаря, *Юл.*, 84; опасности, грозившие Тиберию на Родосе, *Тиб.*, 12; репрессии Тиберия, *Тиб.*, 61—62; оплакивание Германика, *Кал.*, 5; первоначальная популярность Калигулы, *Кал.*, 14 и мн. др.). Вереницу фактов он замыкает рассчитанно выбранной концовкой (так, в биографии Калигулы впечатление от действительно эффектного перечня зрелищ сводится на нет шутовскими подробностями о лугдунском состязании поэтов, а перечень талантов Каликулы завершается уничтожающей справкой: «тем не менее он не умел плавать»: *Кал.*, 20 и 54;

ср. также концовки о том, как Калигула катался по рассыпанному золоту, и о коне-консуле, гл. 42 и 55). Еще более важную композиционную роль играют зачины и концовки целых биографий. Так, обзор буйств пяти поколений Домициев служит отличным прологом к буйствам Нерона, панегирический портрет Германика создает яркий контраст мрачному образу его сына Калигулы, а быстрый обзор «хороших» и «дурных» Клавдиев предвосхищает загадочное смещение добра и зла в душе Тиберия; так, биография Цезаря эффектно заканчивается роковой гибелью его убийц, концовка «Калигулы» искусным штрихом дорисовывает картину гнетущего ужаса тех лет, а в концовке «Нерона» упоминание о народной любви и памяти придает неожиданную сложность и глубину привычному образу последнего из династии Цезарей.

Даже однообразная система рубрик, избранная Светонием, не сковывает свободы его повествования. В зависимости от наличия и характера материала он то сжимает, то разворачивает свои рубрики, располагает их в различной последовательности, подготавливает обдуманными переходами (см., например, *Кал.*, 37—38, *Вестн.*, 9—10); нет таких двух биографий, в которых порядок рубрик был бы один и тот же. В коротких биографиях последних шести императоров, где материала у Светония было меньше, рубрикация становится менее четкой, вместо логической группировки часто появляется ассоциативная (так, например, вводится описание внешности Вителлия, гл. 17, 2), а в биографии Тита схема биографии почти целиком подменяется схемой панегирика. Но даже и там, где рубрики и перечни составляют основу жизнеописания, Светоний умеет избежать однообразия, искусно регулируя темп изложения: то он ограничивается беглым обзором больших событий, то, наоборот, вставляет детальные описания таких любопытных мелочей, как почерк или печать Августа; вводит то яркую подробность о силе взгляда Августа или о свисающей руке убитого Цезаря, то ученое отступление о слове *puerperium* или о слове *libertini*, то, наконец, неожиданный эпизод, описанный обстоятельно, картинно и с подлинной художественностью. Читатель заметит, как искусно контрастируют подробно с нагнетанием деталей описание блужданий и колебаний Цезаря перед Рубиконом и последующее стремительное изложение важнейших событий победоносной войны (*Юл.*, 31—35). А такие развернутые картины, как убийство и погребение Цезаря или гибель Нерона (с ее драматически отчетливым членением на пять актов, от первых вестей о мятеже до последних слов умирающего императора), даже недоброжелатели Светония вынуждены отнести к лучшим страницам латинской прозы. Изложение Светония складывается из мелких черточек и фактов, как мозаичная картина, которую нужно рассматривать не вблизи, а издали: при медленном филологическом чтении они рассыпаются и теряют связь, но при обычном беглом читательском восприятии все сливается в цельный и неповторимый образ, прочно остающийся в памяти. Светоний писал не для ученых, а для массы любознатель-

ных читателей, и любознательные читатели всех эпох отнеслись к его книге благосклоннее, чем профессиональные историки.

Цель всех этих художественных приемов понятна: Светоний хочет придать изложению рельефность и выразительность, чтобы события могли говорить сами за себя. Он знает, что оценка событий тем убедительней, чем она кажется объективней, и поэтому старательно воздерживается от выражения собственных мнений. Поэтому трудно сказать что-нибудь определенное о личных воззрениях Светония. Его морализм ограничивается редкими нотами возмущения при описании императорского разврата, его религиозность сводится к почитанию древних богов и к суеверному нагромождению примет и предзнаменований. Даже его историко-политическая концепция не содержит ничего нового: лицемерный злодей Тиберий, безумец Калигула, чудак Клавдий, не знающий удержу Нерон — все эти образы уже сложились в досветониевской традиции и почти такими же выступают у Тацита и у Диона. Светоний не делает открытий, он только иллюстрировал фактами общие места, уже принятые на веру как им самим, так и его читателями. Были попытки выделить в его концепции элементы сенатской или всаднической идеологии, но результаты оказывались весьма спорными. Его взгляды — не взгляды партии, а взгляды толпы, как удачно выразился когда-то один из исследователей. Поэтому результаты его оценки predetermined заранее: они официальные и общепризнанные.

Мерилом императорских достоинств и недостатков для Светония является тот образ идеального правителя, формирование и черты которого обрисованы в предыдущей статье. Из героев Светония ближе всего к этому образу подходили Август и Тит. Интересно отметить, что образ Цезаря и образ Августа, описанные подробнее всех других, в трактовке Светония явственно противопоставляются. Отношение к образу Цезаря в эпоху принцепата было двойственным: императоры чтили его как предка и как гениального полководца и человека, но предлощенное им решение политической проблемы отвергалось — здесь образцом не Цезарь, а Август. Так поступает и Светоний: Цезарь для него — великий человек, но пагубный правитель, Август — человек с недостатками, но благодетельный правитель. Противопоставление Августа Цезарю очевидно во многих рубриках их биографий (военная политика, отношения с солдатами, дарование гражданских прав, отношение к предзнаменованиям (ср. *Юл.*, 24, 3; 67; 80, 2; 59; *Авг.*, 21, 2; 25; 40, 3; 92) и особенно ярко в описании тиранических устремлений Цезаря и республиканских идеалов Августа (*Юл.*, 76—79, *Авг.*, 28 и 52—53). При этом в истории Августа отчетливо различается ранний период (до борьбы с Антонием), когда недостатки человека в нем преобладали над достоинствами правителя, и период зрелости, когда политическая мудрость уничтожает, умеряет или заслоняет его человеческие недостатки. Такую же эволюцию претерпевает и продолжатель традиций Августа Тит с его буйной юностью и мудрой зрелостью.

Напротив, Тиберий и Домициан в изображении Светония меняются за годы своего правления не к лучшему, а к худшему, и благополучное, многообещающее начало власти скоро оборачивается жестокой тиранией (*Тиб.*, 26—33—42; *Дом.*, 3, 2). Это внимание к задаткам и развитию качеств правителя в высшей степени характерно для эпохи Светония, когда каждый император, выбирая себе наследника для усыновления, должен был по поступкам подчиненного угадывать в нем будущего властителя. Наконец, образы Калигулы и Нерона, этих законченных воплощений деспотизма, даны уже почти вне развития, и их достоинства и недостатки собраны и разделены с логической градацией, но без хронологического разбора: «до сих пор шла речь о правителе, теперь придется говорить о чудовище» (*Кал.*, 22) — это самый яркий пример того «взвешивания» порознь достоинства и недостатков, на котором держатся все светониевские оценки.

Это исходное размежевание добра и зла определяет и отношение Светония к источникам. Материал прижизненных панегириков служил ему для заполнения рубрик о добродетелях, материал посмертных поношений — для рубрик о пороках императора. Противоречия между лестью и клеветой для него не было: он не пытался искать место истины между ними — скорее, наоборот, он предпочитал смягченным версиям крайние, чтобы достоинства и недостатки отчетливей противостояли друг другу. Потому-то он и прибегает с особенной охотой к такому материалу, как памфлеты Антония против Октавиана, тенденциозность которых была совершенно очевидна. Своеобразная структура сочинения Светония позволяет сделать догадку о том, каков был его метод работы с источниками. По-видимому, он, заранее выработав систему биографических рубрик, просматривал одно сочинение за другим, делая выписки для каждой рубрики и подрубрики, а потом излагал накопившийся материал в своей излюбленной форме иллюстративных перечней. Источники, пересмотренные таким образом, должны были быть очень обширны и разнородны: анналы, монографии, воспоминания, генеалогии, памфлеты, речи, письма, сенатские и городские ведомости, законы, эдикты и даже вещественные памятники, вроде того бюста Августа-младенца, который потом Светоний преподнес императору Адриану (*Авг.*, 7). К сожалению, по общему обычаю античных историков, Светоний избегает прямых указаний на источники: он называет их только тогда, когда не хсчет брать на себя ответственность за передаваемые сведения, или когда вопрос является спорным, или когда у него есть возможность блеснуть цитатой из интересного и труднодоступного источника, например — писем Августа. Тем не менее в ссылках он упоминает более тридцати авторов, из которых иные (Акторий Назон, Юлий Марат, Юлий Сатурнин, Аквиллий Нигер) не упоминаются более никем. Подавляющее большинство этих ссылок относится к писателям времени Цезаря и Августа, упоминания с позднейших авторов единичны: чувствуется, что памятники политической борьбы конца республики были

более интересным материалом для историка, чем скованная императорским режимом историография принципата. Было бы очень интересно установить степень зависимости Светония от несохранившихся сочинений сенатских историков I в. (Авфидия Басса, Сервилия Нониана, Клувия Руфа, Плиния Старшего, Фабия Рустика), к которым, в конечном счете, восходят сведения и Тацита, и Плутарха, и Диона; но все попытки в этом направлении были безрезультатны. Любопытно отметить, что Светоний нигде не пользуется Тацитом, обращаясь лишь к более старым источникам; а в одном месте он, не называя имени, спорит, по-видимому, именно с Тацитом (о стихах Нерона, *Нер.*, 52). Вообще, в своих редких суждениях об источниках Светоний обнаруживает здравую рассудительность: так, отрывок о месте рождения Калигулы (*Кал.*, 8) остается лучшим образцом античной исторической критики.

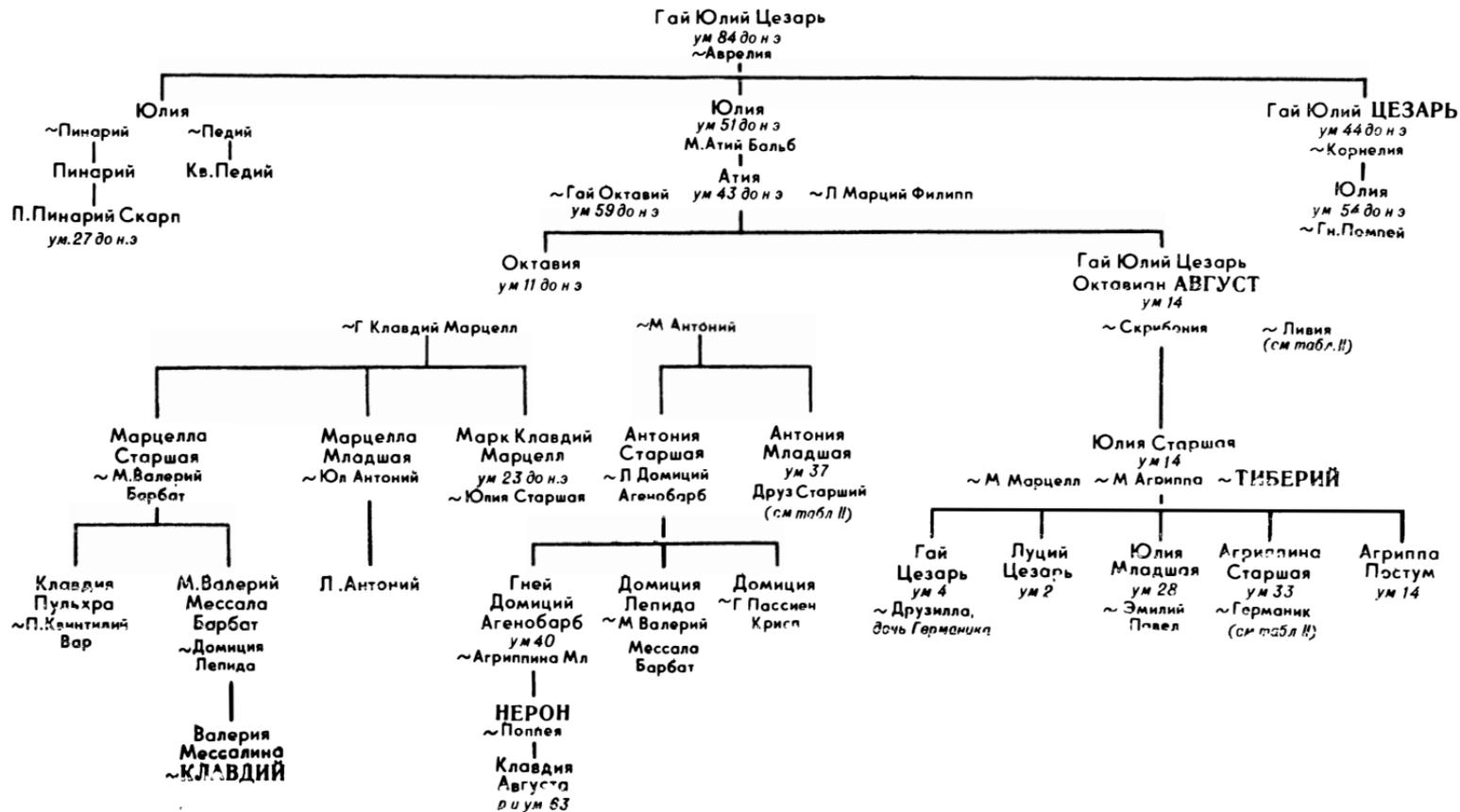
Таковы источники Светония; каковы же были его образцы? Мы слишком плохо знаем историю античного биографического жанра, чтобы ответить на этот вопрос. Шестьдесят лет назад Ф. Лео высказал интересное предположение, что в античности существовало два типа биографии, сложившихся в эпоху эллинизма: один, выработанный на жизнеописании политических деятелей, строился по хронологическому плану, как художественное повествование (как впоследствии у Плутарха), другой, выработанный на жизнеописании писателей и философов, строился по рубрикам, как предварительное собрание материалов (как у Светония в сочинении «О знаменитых людях»); новаторство Светония заключалось в том, что он впервые перенес схему второго типа на материал первого типа. Последующие исследования сильно поколебали привлекательную стройность этой гипотезы: оказалось, что и эллинистические биографии писателей не чужды были художественных приемов, и римские традиции похвальных слов и надписей могли влиять на рубрикацию Светония не меньше, чем греческие образцы, и сам Светоний обнаружил в построении своих биографий такую логическую и художественную обдуманность, что их невозможно было более считать простым «сбором материалов». Вопрос остался открытым. Для нас Светоний — первый создатель и представитель нового типа биографии, а толчком к созданию этого типа явилась потребность эпохи Траяна и Адриана в отчетливой, подтвержденной фактами оценке деятельности каждого императора предшествующих династий. И так как подобного рода пересмотр взглядов на прошлое неизбежно производился впоследствии на каждом большом историческом повороте, то светониевская схема была с готовностью принята и биографами дальнейших веков. Марий Максим во II в. написал несохранившееся продолжение светониевских биографий, шесть загадочных «писателей истории Августов» довели вереницу жизнеописаний до воцарения Диоклетиана в 284 г., и даже много спустя после крушения Римской империи Эйнхард в своей хвалебной биографии Карла Великого тщательно воспро-

изводил светониевские рубрики. Так Светоний сам оказался образцом для большой и влиятельной исторической традиции.

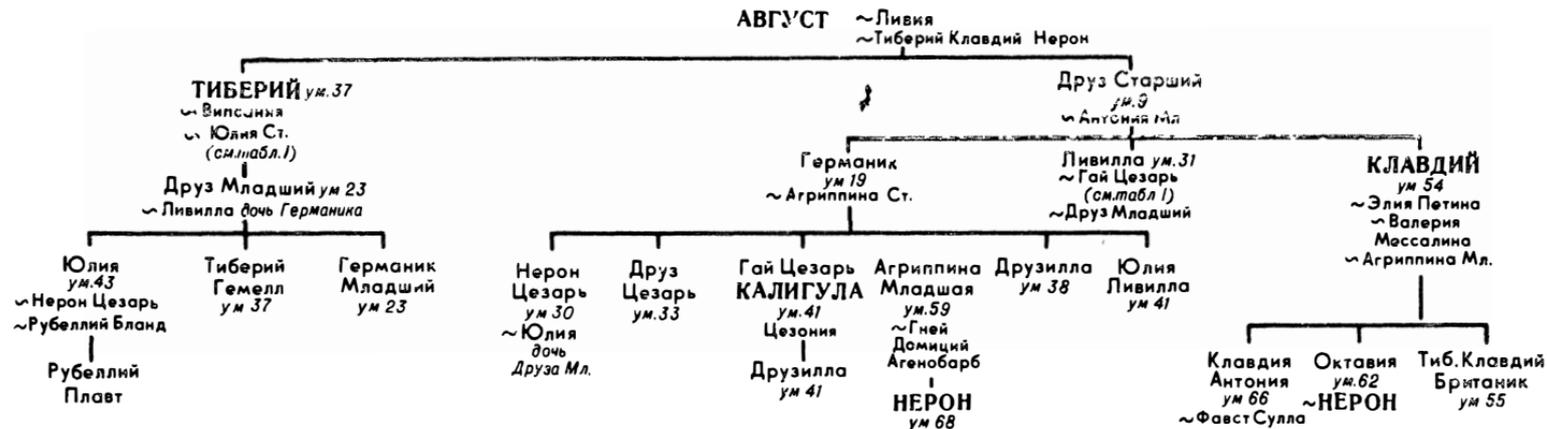
Светоний не был ни глубоким мыслителем, ни гениальным художником. Но он был достаточно чуток, чтобы уловить требования своего времени, и достаточно умен и смел, чтобы найти для своего отклика лучшую из возможных форм. Поэтому его книга в равной мере осталась ценнейшим литературным памятником как для эпохи, описываемой в ней, так и для эпохи писавшего.

М. Л. Гаспаров

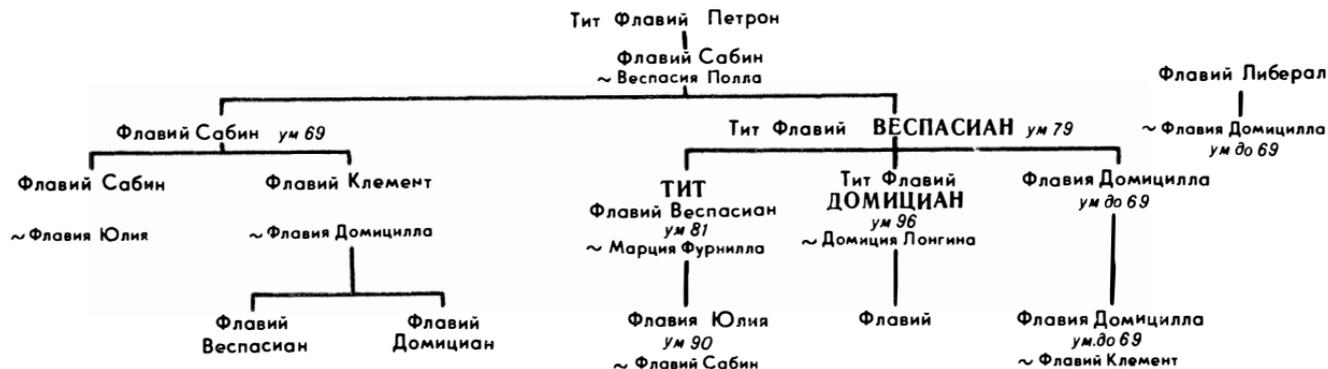
I. РОДОСЛОВНАЯ ЮЛИЕВ

II. РОДОСЛОВНАЯ КЛАВДИЕВ

III. РОДОСЛОВНАЯ ФЛАВИЕВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА¹

- 100 г. до н. э.— Родился Юлий Цезарь. Восстание Аппулея Сатурнина в Риме и его подавление (Юл., 12).
- 91—89 — Восстание италиков против Рима (союзническая война) (Авг., 23).
- 87 — Марий и Цинна у власти в Риме.
- 86 — Смерть Мария. Цезарь — жрец Юпитера (Юл., 1).
- 85 — Смерть отца Цезаря (Юл., 1).
- 83 — Брак Цезаря с Корнелией (Юл., 1).
- 82—79 — Диктатура Суллы. Проскрипции (Юл., 1).
- 80 — Цезарь на Востоке, участвует в войне с Митридатом. Взятие Митилена (Юл., 2).
- 78 — Цезарь участвует в войне с исаврами. Смерть Суллы. Восстание Лепида (Юл., 3).
- 77 — Поражение Лепида (Юл., 3). Выступление Цезаря против Долабеллы (Юл., 4).
- 75 — Поездка Цезаря на Родос (Юл., 4).
- 73—71 — Восстание Спартака (Авг., 3).
- 70 — Первое консульство Помпея и Красса, восстановление власти народных трибунов (Юл., 5).
- 68 — Цезарь — квестор (Юл., 6). Первая служба Цезаря в Испании (Юл., 7). Смерть Корнелии, жены Цезаря (Юл., 6).
- 67 — Брак Цезаря с Помпеей (Юл., 6).
- 66 — Первый заговор Катилины при поддержке Цезаря и Красса (Юл., 9).
- 65 — Цезарь — эдил; восстановление марианских памятников (Юл., 10—11).
- 63 — Консульство Цицерона. Цезарь избран великим понтификом (Юл., 13). Дело Рабирия (Юл., 12). Заговор Катилины (Юл., 14). Родился Август (Авг., 5).
- 62 — Цезарь — претор (Юл., 14). Дело Клодия, развод Цезаря с Помпеей (Юл., 6; 74).
- 61 — Возвращение с Востока и триумф Помпеи. Цезарь — пропретор в Испании (Юл., 18).
- 60 — Ссора Помпея с сскатом (Юл., 19). Претура Гая Октавия (Авг., 3).

¹ В таблицу включены важнейшие исторические и историко-литературные события, упоминаемые Светонием в биографиях императоров. В скобках указаны главы, где упоминается событие. Таблица составлена М. Л. Гаспаровым.

- 59 — Консульство Цезаря (Юл., 19). Союз Цезаря с Помпеем и Крассом — первый триумвират (Юл., 19). Брак Цезаря с Кальпурнией (Юл., 21).
- 58 — Начало галльского наместничества Цезаря (Юл., 23); война с гелльетами. Смерть Гая Октавия, отца Августа (Авг., 4).
- 57 — Война Цезаря с белгами. Родилась Ливия, будущая жена Августа.
- 56 — Выступление Домиция против Цезаря и съезд триумвиров в Луке (Юл., 24).
- 55 — Второе консульство Помпея и Красса; продление галльского наместничества Цезаря (Юл., 24). Германский и британский походы Цезаря (Юл., 25).
- 54 — Смерть Аврелии, матери Цезаря; смерть Юлии, дочери Цезаря и жены Помпея (Юл., 26). Второй британский поход Цезаря (Юл., 25).
- 53 — Гибель Красса в парфянском походе. Второй германский поход Цезаря (Юл., 25).
- 52 — Большое восстание в Галлии, битва при Герговии (Юл., 25). Убийство Клодия и смуты в Риме; Помпей — единоличный консул (Юл., 26).
- 51 — Смерть Юлии, сестры Цезаря (Авг., 8). Попытки оптиматов лишить Цезаря командования (Юл., 28).
- 50 — Новые попытки лишить Цезаря командования. Цезарь подкупает Куриона (Юл., 29).
- 49 — Цезарь переходит Рубикон (Юл., 31), овладевает Италией и разбивает помпеянцев в Испании (Юл., 34). Первое избрание Цезаря диктатором (Юл., 76).
- 48 — Цезарь в Македонии, сражения при Диррахии и Фарсале (Юл., 35—36). Совершеннолетие Октавиана (Авг., 8).
- 47 — Александрийская война и победа Цезаря над Фарнаком (Юл., 35). Наделение ветеранов землей (Юл., 38).

ПРАВЛЕНИЕ ЦЕЗАРЯ

(46—44 гг. до н. э.)

- 46 — Африканская война и победа над Сципионом и Юбой при Тапсе (Юл., 35—36). Четыре триумфа Цезаря (Юл., 37). Цезарь — диктатор на 10 лет (Юл., 76). Реформа календаря (Юл., 40). Перепись граждан (Юл., 41). Клеопатра в Риме (Юл., 52). Основание храма Венеры-Прародительницы (Юл., 61).
- 45 — Испанская война и победа над сыновьями Помпея при Мунде (Юл., 35). Октавиан сопровождает Цезаря, а затем уезжает в Аполлонию (Авг., 8). Испанский триумф Цезаря (Юл., 37). Почести и титулы (Юл., 76).
- 44 — Цезарь — пожизненный диктатор (Юл., 76). Попытки Цезаря присвоить царскую власть (Юл., 79). Убийство Цезаря (Юл., 80—82). Октавиан в Риме (Авг., 8).

ПРАВЛЕНИЕ АВГУСТА

(43 г. до н. э.— 14 г. н. э.)

- 43 — Мутинская война (Авг., 10—12). Первое консульство Октавиана (Авг., 26). Второй триумвират и проскрипции (Авг., 27).
- 42 — Филиппийская война (Авг., 13). Начало сицилийской войны (Авг., 16). Обожествление Цезаря (Юл., 58). Родился Тиберий (Тиб., 5).
- 41—40 — Перузийская война (Авг., 14—15).
- 40 — Брундизийский договор между Октавианом и Антонием. Брак Октавиана со Скрибонией, Антония — с Октавией (Авг., 62).
- 39 — Мизенское перемирие с Секстом Помпеем (Авг., 16). Рождение Юлии Старшей и развод Августа со Скрибонией (Авг., 63).
- 38 — Брак Октавиана с Ливией (Авг., 62). Родился Друз Старший (Клав., 1). Возобновление войны с Секстом Помпеем (Авг., 16).
- 37 — Тарентский договор между Октавианом и Антонием. Брак Антония с Клеопатрой. Перестройка нового флота (Авг., 16).
- 36 — Победа Октавиана над Секстом Помпеем при Милах, конец сицилийской войны, низложение Лепида (Авг., 16).
- 35—33 — Далматская война (Авг., 20).
- 33 — Смерть отца Тиберия (Тиб., 6).
- 32 — Разрыв Октавиана с Антонием — (Авг., 17).
- 31 — Актийская война (Авг., 17).
- 30 — Взятие Александрии, гибель Антония и Клеопатры, присоединение Египта (Авг., 17—18). Заговор Лепида Младшего (Авг., 19).
- 29 — Возвращение и тройной триумф Октавиана (Авг., 22). Освящение храма Божественного Юлия (Авг., 29).
- 28 — Завоевание Аквитании, победа над дакийцами (Авг., 21). Освящение храма Аполлона Палатинского (Авг., 29). Первая чистка сената (Авг., 35).
- 27 — Октавиан принимает имя Августа (Авг., 7). Раздел провинций между ним и сенатом (Авг., 47). Совершеннолетие Тиберия (Тиб., 7).
- 26 — Кантабрийская война (Авг., 20—21, Тиб., 9). Смерть Корнелия Галла (Авг., 66).
- 25 — Покорение альпийских салассов (Авг., 21). Присоединение Галатии. Усыновление Августом Марцелла и брак Марцелла с Юлией (Авг., 63).
- 23 — Заговор Мурены и Цепиона (Авг., 18, Тиб., 8). Болезнь Августа (Авг., 28, 59, 81). Август принимает проконсульскую власть и пожизненный трибунат (Авг., 27). Смерть Марцелла (Авг., 62). Тиберий — квестор (Тиб., 9).
- 22 — Продовольственный кризис. Отказ Августа от предложенной ему диктатуры (Авг., 52). Освящение храма Юпитера-Громовержца (Авг., 29).
- 21 — Август в восточных провинциях (Авг., 47). Брак Агриппы с Юлией (Авг., 63). Запрещение коллегий (Авг., 32).
- 20 — Миссия Тиберия на Востоке (Тиб., 9). Парфянский царь возвращает Августу римские знамена и уступает Армению (Авг., 21).

- 19 — Заговор Эгнация (Авг., 19). Покорение Кантабрии Агриппой (Авг., 21).
- 18 — Законы о роскоши, о браке и прелюбодеянии (Авг., 34). Вторая чистка сената (Авг., 35).
- 17 — Столетние торжества (Авг., 31). Усыновление Гая и Луция Цезарей (Авг., 64).
- 16 — Тиберий — претор (Тиб., 9). Поражение Лоллия в Германии (Авг., 23).
- 15 — Покорение Ретии и Винделикии (Авг., 21, Клав., 1, Тиб., 9). Родился Германик, сын Друза (Кал., 1).
- 13 — Первое консульство Тиберия (Тиб. 9).
- 13—9 — Завоевание Паннонии (Авг., 21).
- 12 — Смерть Лепида; Август — великий понтифик (Авг., 31). Смерть Агриппы (Авг., 63).
- 11 — Смерть Октавии (Авг., 61). Тиберий женится на Юлии (Тиб., 7). Германский поход Друза и плавание по океану (Клав., 1). Освящение театра Марцелла (Авг., 29).
- 10 — Парфянские заложники в Риме (Авг., 21, 43). Родился Клавдий (Клав., 2). Овации Друзу за германские победы (Клав., 1).
- 9 — Овация Тиберию за паннонские победы (Тиб., 9). Консульство и смерть Друза Старшего в Германии (Тиб., 7, Клав., 1).
- 8 — Первый поход Тиберия в Германию (Тиб., 9). Месяц секстилий переименован в август (Авг., 31).
- 7 — Разделение Рима на округа и кварталы (Авг., 30). Германский триумф Тиберия (Тиб., 9).
- 6 — Совершеннолетие Гая, внука Августа (Авг., 26). Тиберий получает трибунскую власть на 5 лет, но удаляется на Родос (Тиб., 9—11).
- 3 — Родился Гальба (Гал., 4).
- 2 — Последнее консульство Августа, совершеннолетие Луция, его внука (Авг., 26). Освящение форума Августа с храмом Марса Мстителя, игры (Авг., 29, 41). Август получает имя отца отечества (Авг., 58). Изгнание Юлии Старшей (Авг., 65, Тиб., 11).
- 1 г. до н. э.— Истечение трибунских полномочий Тиберия: его положение на Родосе становится ссылкой (Тиб., 11—12). Поездка Гая, внука Августа, на Восток (Тиб., 12).
- 2 г. н. э.— Тиберий возвращается в Рим (Тиб., 14). Смерть Луция, внука Августа (Авг., 65).
- 4 — Смерть Гая, внука Августа, на Востоке. Усыновление Тиберия Августом и Германика Тиберием (Авг., 65, Тиб., 15). Тиберий вновь получает трибунскую власть (Тиб., 16). Третья чистка сената (Авг., 37).
- 4—6 — Походы Тиберия в Германию (Тиб., 16).
- 6—9 — Восстание в Паннонии и Далматии; походы Тиберия против восставших (Тиб., 16).
- 6 — Учреждение военной казны (Авг., 49).
- 7 — Ссылка Агриппы Постума (Авг., 65).
- 8 — Ссылка Юлии Младшей (Авг., 65, 72).
- 9 — Поражение Вара в Германии (Авг., 23, Тиб., 17). Закон Папия — Поппея (Авг., 34, Клав., 19). Родился Веспасиан (Весп., 2).

- 10 — Освящение храма Согласия (Тиб., 20).
 10—11 — Последние походы Тиберия в Германию (Тиб., 18).
 12 — Первое консульство Германика. Родился Калигула (Кал., 8).
 Паннонский триумф Тиберия (Тиб., 20).
 13 — Тиберий — соправитель Августа (Тиб., 13); Германик уезжает к германским войскам (Кал., 8).

ПРАВЛЕНИЕ ТИБЕРИЯ

(14—37 гг. н. э.)

- 14 — Смерть и обожествление Августа (Авг., 97—100). Убийство Агриппы Постума (Тиб., 22). Волнения в войсках Иллирии и Германии (Тиб., 25). Смерть Юлии Старшей в ссылке (Тиб., 50).
 14—16 — Походы Германика за Рейн (Кал., 1).
 15 — Родился Вителлий (Вит., 3). Начало процессов об оскорблении величества (Тиб., 58).
 16 — Расправа с восстанием Клементы и заговором Либона (Тиб., 25). Изгнание астрологов из Рима (Тиб., 36).
 17 — Смерть Архелая, присоединение Каппадокии (Тиб., 37). Германский триумф Германика (Кал., 1).
 18 — Второе консульство и восточная миссия Германика (Кал., 1).
 19 — Новые законы о нравственности, запрет чужеземных культов (Тиб., 35—36). Германик посещает Египет (Тиб., 52) и умирает в Сирии (Кал., 1—2).
 20 — Процесс Пизона, предполагаемого убийцы Германика (Вит., 2). Осуждение Лепиды (Тиб., 20). Сеян получает преторское достоинство (Тиб., 48).
 21 — Преторианский лагерь под Римом (Тиб., 37). Волнение в Галлии.
 22 — Отмена права убежища в греческих храмах (Тиб., 37).
 23 — Смерть Друза Младшего (Тиб., 39). Изгнание актеров из Италии (Тиб., 37).
 25 — Осуждение и смерть Кремуция Корда (Тиб., 61).
 26 — Тиберий покидает Рим (Тиб., 39).
 27 — Обвал амфитеатра в Фиденях и пожар на Целийском холме (Тиб., 40, 48). Тиберий поселяется на Капри (Тиб., 41).
 28 — Смерть Юлии Младшей в изгнании.
 29 — Смерть Ливии, вдовы Августа; надгробная речь Гая Калигулы (Тиб., 51 Кал., 10). Изгнание вдовы Германика Агриппины Старшей и ее сына Нерона, заточение ее сына Друза (Тиб., 53—54).
 30 — Самоубийство Нерона, сына Агриппины (Тиб., 54).
 31 — Гай Калигула вызван на Капри (Кал., 10) и назначен понтификом; его брак с Юлией Клавдиллой (Кал., 12). Консульство и падение Сеяна (Тиб., 55, 65), казни его приверженцев (Тиб., 61).
 32 — Родился Отон (От., 2).
 33 — Консульство Гальбы (Гал., 6). Гай Калигула — квестор. Финансовый кризис в Риме (Тиб., 48). Смерть Агриппины Старшей (Тиб., 53), смерть ее сына Друза (Тиб., 54).

35 — Парфяне в Армении (Тиб., 41); успешные переговоры Луция Вителлия с парфянами (Вит., 2).

ПРАВЛЕНИЕ ГАЯ КАЛИГУЛЫ

(37—41 гг. н. э.)

- 37 — Смерть Тиберия (Тиб., 73). Смерть Антонии (Кал., 27). Совместное консульство Калигулы и Клавдия (Кал., 15, Клав., 7). Освящение храма Божественного Августа (Кал., 21). Болезнь Калигулы (Кал., 14). Родился Нерон (Нер., 6).
- 38 — Казнь Тиберия, внука императора (Кал., 23). Казнь Макрона и Эннии (Кал., 26). Казнь Марка Силана. Смерть и обожествление Друзиллы, поездка Калигулы в Сицилию (Кал., 24, 51). Брак Калигулы с Лоллией Павлиной (Кал., 25).
- 39 — Мост в Байях (Кал., 19). Брак Калигулы с Цезонией (Кал., 25). Калигула в Галлии, раскрытие заговора Гетулиха, неудачный германский поход (Кал., 43, 56). Брак Клавдия с Мессалиной (Клав., 26). Веспасиан — претор (Весп., 2). Родился Лукан (Лук., 1).
- 40 — Неудачный британский поход Калигулы (Кал., 46). Возвращение Калигулы в Рим. Смерть Домиция, отца Нерона (Нер., 5).
- 41 — Убийство Калигулы, попытка реставрации республики, Клавдий у власти (Кал., 58, Клав., 10).

ПРАВЛЕНИЕ КЛАВДИЯ

(41—54 гг. н. э.)

- 41 — Освящение отстроенного Помпеева театра (Клав., 21). Родился Тит (Тит, 1).
- 42 — Присоединение Мавритании. Попытка мятежа Камилла Скрибониана (Клав., 13, 35). Казнь Аппия Силана (Клав., 29, 37).
- 43 — Покушение на Клавдия (Клав., 13). Британский поход (Клав., 17, Весп., 4). Ликия обращена в провинцию (Клав., 25).
- 44 — Британский триумф Клавдия (Клав., 17).
- 45 — Проконсульство Гальбы в Африке (Гал., 7).
- 46 — Заговор Азиния Галла и Статилия Хорвина (Клав., 13).
- 47 — Клавдий — цензор (Клав., 16). Консульство двух братьев Вителлиев (Вит., 3). Празднование столетних игр (Клав., 21).
- 48 — Дарование гражданских прав галлам. Поездка Клавдия в Остию, свадьба Мессалины с Силием, казнь Мессалины (Клав., 12, 36).
- 49 — Брак Клавдия с Агриппиной (Клав., 26), помолвка Нерона с Октавией (Клав., 27). Самоубийство Луция Силана (Клав., 29).
- 50 — Усыновление Клавдием Нерона (Нер., 7). Изгнание иудеев из Рима (Клав., 25).
- 51 — Празднование совершеннолетия Нерона (Нер., 7). Голод в Риме (Клав., 18). Веспасиан — консул-суффект (Весп., 4). Рождение Домициана (Дом., 1).

- 52 — Освящение водопровода Клавдия. Инсценировка морского сражения на Фуцинском озере и спуск озера (Клав., 20—21).
 53 — Брак Нерона с Октавией (Нер., 7).
 54 — Смерть и обожествление Клавдия (Клав., 43—46).

ПРАВЛЕНИЕ НЕРОНА

(54—68 гг. н. э.)

- 55 — Ссоры Нерона с Агриппиной (Нер., 34). Отравление Британика (Нер., 33).
 57 — Деревянный амфитеатр на Марсовом поле (Нер., 12).
 58 — Поппея при дворе Нерона, ссылка Отона в Лузитанию (Нер., 35, От., 3).
 59 — Убийство Агриппины (Нер., 34). Учреждение юношеских игр и публичное выступление Нерона (Нер., 11—12).
 60 — Пятилетние игры (Неронии) в Ряме (Нер., 12).
 61 — Восстание Боудикки в Британии (Нер., 39). Наместничество Гальбы в Испании (Гал., 8), Веспасиана в Африке (Весп., 4).
 62 — Смерть Бурра (Нер., 35). Изгнание и казнь Октавии, брак Нерона с Поппеей (Нер., 35). Поражение римлян в Армении (Нер., 39).
 63 — Рождение и смерть дочери Нерона (Нер., 35).
 64 — Выступление Нерона в Неаполе и замысел поездки в Александрию (Нер., 19). Пожар Рима (Нер., 38), расправа с христианами (Нер., 16). Присоединение Понта (Нер., 18).
 65 — Раскрытие заговора Пизона, массовые казни (Нер., 36). Вторые Неронии, выступление Нерона в Риме (Нер., 12). Смерть Поппеи (Нер., 35).
 66 — Казнь Антонии, дочери Клавдия, и брак Нерона со Статилией Мессалиной (Нер., 35). Чума в Риме (Нер., 39). Казнь Фрасеи Пета (Нер., 37). Присоединение альпийского царства (Нер., 18). Тиридат принимает из рук Нерона диадему армянского царства (Нер., 13). Поездка Нерона по Греции (Нер., 23). Иудейское восстание и назначение Веспасиана в Иудею (Весп., 4).
 67 — Дарование свободы Греции. Успехи Веспасиана и Тита в Иудее (Весп., 4, Тит., 4).

МЕЖДУЦАРСТВИЕ

(68—69 гг. н. э.)

- 68 — Возвращение Нерона из греческой поездки (Нер., 25). Назначение Вителлия в Германию (Вит., 7). Восстание Виндекса и его поражение (Нер., 40). Выступление Гальбы (Гал., 9—10). Гибель Нерона (Нер., 49). Гальба в Риме (Гал., 13).
 69 — Выступление Вителлия (Гал., 16, Вит., 8). Переворот Отона (От., 6). Отъезд Тита из Иудеи в Рим и возвращение его с пути (Тит, 5). Поражение Отона при Бетриаке (От., 9). Выступление Веспасиана (Весп., 6). Веспасиан в Египте, его войска идут на

Италию (Весп., 7). Пожар Капитолия (Вит., 15, Дом., 1). Гибель Вителлия (Вит., 17).

ПРАВЛЕНИЕ ВЕСПАСИАНА

(69—79 гг. н. э.)

- 70 — Восстание Цивилиса (Дом., 2). Взятие Иерусалима Титом (Тит, 5). Муциан и Домициан правят Римом от лица Веспасиана; Домициан — претор с консульской властью; брак Домициана и Домициллы (Дом., 1—2). Прибытие Веспасиана в Рим (Весп., 8). Работы по восстановлению Капитолия (Весп., 8).
- 71 — Триумф Веспасиана и Тита (Весп., 8, Тит, 6). Тит — соправитель Веспасиана с проконсульской и трибунской властью (Тит, 6). Первое консульство Домициана (Дом., 2).
- 72 — Присоединение Коммагены (Весп., 8). Казнь Гельвидия Приска, изгнание философов из Рима (Весп., 15).
- 73—74 — Цензорство Веспасиана и Тита (Весп., 8, Тит, 6). Пересмотр списков сенаторов и всадников (Весп., 9). Реорганизация налогов (Весп., 16).
- 74 — Присоединение западной Киликии (Весп., 8).
- 75 — Освящение храма Мира (Весп., 9). Смерть Цениды, наложницы Веспасиана (Весп., 21). Береника в Риме (Тит, 7). Домициан пытается получить назначение в Парфию против аланов (Дом., 2).
- 79 — Заговор Авла Цецины и Эприя Марцелла (Весп., 25, Тит, 6). Смерть Веспасиана (Весп., 24).

ПРАВЛЕНИЕ ТИТА

(79—81 гг. н. э.)

- 79 — Извержение Везувия и смерть Плиния Старшего (Тит, 8).
- 80 — Пожар Рима и чума (Тит, 8). Освящение амфитеатра Флавиев (Колизея) (Весп., 9, Тит, 7).

ПРАВЛЕНИЕ ДОМИЦИАНА

(81—96 гг. н. э.)

- 81 — Смерть Тита. Домициан у власти (Тит, 10).
- 82 — Освящение Капитолия после пожара (Дом., 5).
- 83 — Поход против хаттов и триумф Домициана (Дом., 6). Казнь Париса, фаворита Домициллы; Домициан дает развод Домицилле и вступает в связь с Юлией (Дом., 3, 22).
- 84 — Первые репрессии против сената (Дом., 10).
- 85 — Домициан — пожизненный цензор (Дом., 8). Набег дакийцев на Мёзию (Дом., 6).
- 86 — Первый дакийский поход Домициана и поражение Фуска (Дом., 6).

- Первые капитолийские состязания (Дом., 4). Домициан принимает обращение «господин и бог» (Дом., 13).
- 88 — Второй дакийский поход Домициана (Дом., 6). Столетние игры в Риме (Дом., 4).
- 89 — Мятеж Антония Сатурнина (Дом., 6—7). Мир с дакийцами, двойной триумф Домициана (Дом., 6). Казнь Флавия Сабина и Цивики Цереала (Дом., 10). Изгнание философов из Рима (Дом., 10). Лже-Нерон на Востоке (Нер., 59).
- 90 — Смерть Юлии, дочери Тита и любовницы Домициана (Дом., 22).
- 91 — Суд над весталкой Корнелией (Дом., 8).
- 92 — Поход Домициана против сарматов и свевов (Дом., 6). Неурожай и эдикт против виноградников (Дом., 7).
- 93 — Казнь Юния Рустика и Гельвидия Младшего (Дом., 10).
- 95 — Репрессии против иудеев (Дом., 12), казнь Флавия Клемента (Дом., 15), Эпафродита (Дом., 14), изгнание Глабриона (Дом., 10). Изгнание философов из Италии (Дом., 10).
- 96 — Заговор и убийство Домициана (Дом., 17).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

М. Л. Гаспаров. Предисловие 3

Ж И З Н Ъ Д В Е Н А Д Ц А Т И Ц Е З А Р Е Й

Перевод М. Л. Гаспарова

Книга первая

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЮЛИЙ.— Молодость (1). Военная служба (2—4). Начало политической деятельности: квестура, эдилство, понтификат (5—13). Претура, заговор Катилины, испанское наместничество (14—19). Консульство (19—22). Наместничество в Галлии (23—25). Подготовка к гражданской войне (26—28). Разрыв и выступление (28—33). Гражданская война (34—36). Триумфы, награды, празднества (37—39). Государственные преобразования и замыслы (40—44). Наружность (45). Образ жизни (45—48). Характер (49—54). Красноречие и ученые занятия (55—56). Военные занятия (57—64). Отношения с войсками (65—70). Отношения с друзьями и врагами: милосердие (71—75). Властолюбие и ненависть (76—79). Заговор и убийство (80—82). Завещание (83). Похороны (84—85). Отношение к смерти (86—87). Заключение (88—89) 8

Книга вторая

БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ.— Род и предки (1—4). Детство и юность (5—8). Гражданские войны (9—10), мутинская (10—12), филиппийская (13), перузийская (14—15), сицилийская (16), актийская (17—18); позднейшие заговоры (19). Внешние войны (20—23). Военные занятия (24—25). Государственные должности (26—28). Постройки, религиозные новшества (28—31). Суд и законодательство (32—34). Социальная политика: сенат, всадники, народ (35—42). Зрелища (43—45). Италия и империя (46—50). Достоинства правителя (51—56). Добрая слава (57—60). Семья (61—65). Друзья и клиенты (66—67). Характер (68—71). Образ жизни (72—78). Наружность (79). Здоровье (80—83). Литературные занятия (84—89). Религиозность и суеверие (90—93). Предзнаменования о его судьбе (94—96). Смерть и похороны (97—100). Завещание (101) 38

Книга третья

ТИБЕРИЙ.— Род Клавдиев и род Ливиев (1—4). Рождение и детство (5—6). Молодость и начало государственной деятельности (7—9). Уединение на Родосе (10—13). Предвестия могущества (14). Усыновление Августом, войны, триумф (15—20). Смерть Августа; Тиберий — наследник (21—25). Короткое начало правления (26—32). Государственные мероприятия (33—37). Удаление на Капри (38—41). Пороки Тиберия: разврат (42—45), алчность (46—49), ненависть к родственникам (50—54) и приближенным (55—56). Жестокость и хладнокровие (57—62). Страх и общая ненависть (63—67). Наружность (68). Суеверия (69). Литературные занятия (70—71). Последняя поездка и смерть (72—74). Похороны (75). Завещание (76)

79

Книга четвертая

ГАЙ КАЛИГУЛА.— Германик, отец Калигулы (1—7). Рождение (8). Детство и юность (9—12). Приход к власти и первые действия (13—16). Должности (17). Раздачи, зрелища, постройки (18—21). Обожествление (22). Отношение к родным (23—25), к друзьям и народу (26). Жестокость (27—33). Зависть и злоба (34—35). Разврат и роскошь (36—37). Алчность и вымогательство (38—42). Германский поход (43—47). Возврат и новые замыслы (48—49). Наружность, здоровье, образ жизни (50—52). Ученые занятия (53). Спортивные увлечения (54—55). Заговор (56—57). Гибель и похороны (58—59). Заключение (60)

107

Книга пятая

БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ.— Друг, отец Клавдия (1). Рождение и детство (2—6). Жизнь при Калигуле, начало государственной деятельности (7—9). Приход к власти (10). Поведение у власти, добрая слава (11—13). Должности, суд, перепись (14—16). Военные предприятия: британский поход (17). Благоустройство Рима (18—20). Раздачи и зрелища (21). Преобразования религиозные, судебные, социальные (22—25). Жены, вольноотпущенники, их власть (26—29). Наружность, здоровье (30—31). Образ жизни (32—33). Характер (34—40). Ученые занятия (41—42). Последние действия и смерть (40—45). Предзнаменования и предчувствие смерти (46)

131

Книга шестая

- НЕРОН.**— Род и предки (1—5). Рождение и детство (6—7). Приход к власти, поведение у власти (8—10). Зрелища (11—13). Должности (14). Суд (15). Внутренние мероприятия (16—17). Внешняя политика, поездки (18—19). Театральные выступления (20—25). Пороки: наглость, похоть, распущенность, алчность (26—32). Убийства близких: отец, брат, мать, тетка, жены (33—35). Казни (36—37). Пожар Рима и другие бедствия (38—39). Восстание Виндекса (40—46). Бегство и смерть (47—49). Похороны (50). Внешность, здоровье, образ жизни (51). Литературные занятия (52). Тщеславие (53—55). Суеверие (56). Заключение (57) 151

Книга седьмая

- ГАЛЬБА.**— Конец династии Юлиев — Клавдиев (1). Род и предки Гальбы (2—3). Рождение, детство, молодость (4—5). Служба в Германии, Африке, Испании (6—9). Мятеж и поход на Рим (9—12). Правление, общее недовольство (13—17). Дурные предзнаменования (18). Смерть (19—20). Внешность и характер (21—22). Заключение (23) 175

- ОТОН.**— Род и предки (1). Молодость при Нероне (2—3). Правление Гальбы и переворот (4—7). Война с Вителлием и поражение (7—9). Самоубийство (9—11). Внешность, образ жизни, скорбь о нем (12) 184

- ВИТЕЛЛИЙ.**— Род и предки (1—2). Рождение, молодость, служба (3—6). Назначение в Германию (7). Мятеж и поход на Италию (8—10). Правление (11—12). Роскошь и жестокость (13—14). Новая гражданская война (15). Смерть (16—17). Заключение (18) 189

Книга восьмая

- БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕСПАСИАН.**— Род и предки (1). Рождение, молодость, служба (2—4). Провозглашение императором (5—7). Государственные дела: войска к провинции, столица, сословия, суд, общественная нравственность (8—11). Личное поведение: скромность и милосердие (12—15), сребролюбие и жедность (16—19). Внешность и здоровье (20). Образ жизни, шутки (21—23). Смерть (24). Заключение (25) 197

- БОЖЕСТВЕННЫЙ ТИТ.**— Рождение и юность (1—2). Внешность и дарования (3). Служба (4—5). Соправительство при Веспасиане: жестокость и распущенность (6—7). Самостоятельное

правление: сдержанность и доброта (8—9). Смерть (10—11)	207
ДОМИЦИАН. — Рождение и молодость, начало правления (1—3). Зрелища, раздачи, постройки (4—5). Войны (6). Государственная деятельность, суд, забота о нравах (7—8). Первоначальная кротость и щедрость (9). Позднейшая жестокость, алчность, честолюбие (10—13). Приближение смерти (14—15). Смерть (16—17). Внешность (18). Образ жизни (19—22). Заключение (23)	212
<i>М. Л. Гаспаров.</i> Светоний и его книга	224
Хронологическая таблица	243

Светоний Г. Т.

**С24 Жизнь двенадцати цезарей/Пер. с лат.,
предисл. и послесл. М. Гаспарова.— М.:
Худож. лит., 1990.— 255 с.
ISBN 5-280-01281-5**

«Жизнь двенадцати цезарей» (ок. 120 г. н. э.) — известнейший памятник римской литературы, оказавший заметное влияние на европейскую культуру, — принадлежит перу историка Гая Светония Транквилла. В отличие от старших его современников — Тацита, стремившегося постичь законы истории, и Плутарха, пытавшегося объяснить законы человеческой души, — Светоний бесстрастно и обстоятельно излагает важнейшие исторические события, ставит своей задачей не создание целостных образов, но передачу биографических сведений каждого из двенадцати цезарей — от описания наружности, привычек, здоровья, одежды, даже еды и сна до участия в важнейших событиях римской истории.

Точность фактического материала, лаконичность, ясность языка и занимательность принесли «Жизни двенадцати цезарей» успех в средние века и популярность в наши дни.

С 4703010100-256
028(01)-90 — **185-90**

ББК 84(0)3

Гай Светоний Транквилл
ЖИЗНЬ ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЕЙ

Редактор М. Фишбейн

Художественный редактор И. Сауков

Технический редактор Л. Ковнацкая

Корректоры Н. Яковлева, Л. Волкова

ИБ № 5956

Сдано в набор 20 12 89. Подписано в печать 27 08 90 **Формат 60×90¹/₁₆**
Бумага кн.-журн имп. Гарнитура «Т таймс» Печать офсетная. Усл печ л.
16,0. Усл. кр.-отт 16,5 Уч.-изд л 18,25 Тираж 1 000 000 (3-й завод
500 001—650 000) экз Изд. № IX-3810 Заказ 1177 Цена 4 р
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная лите-
ратура» 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473. Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16

